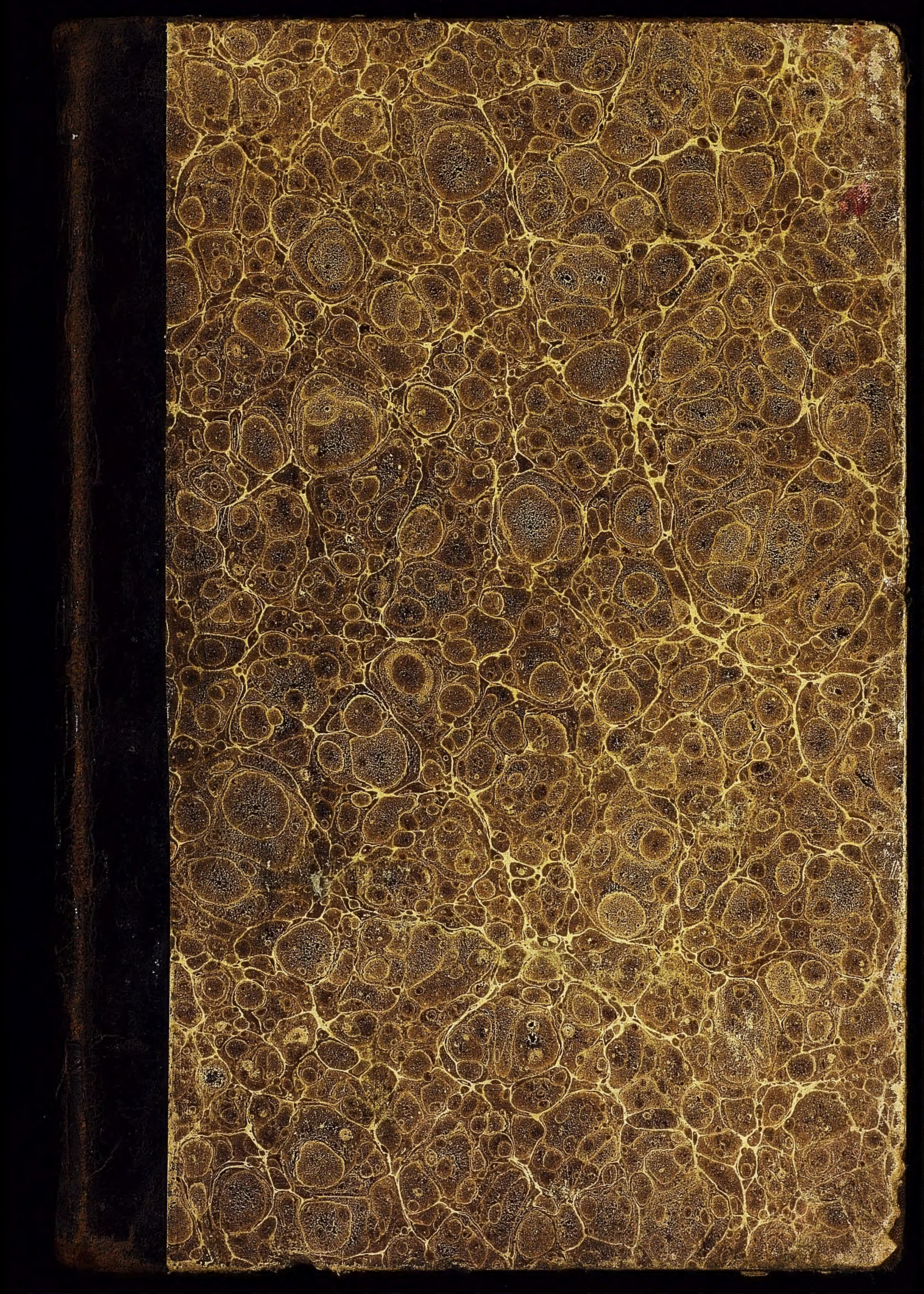
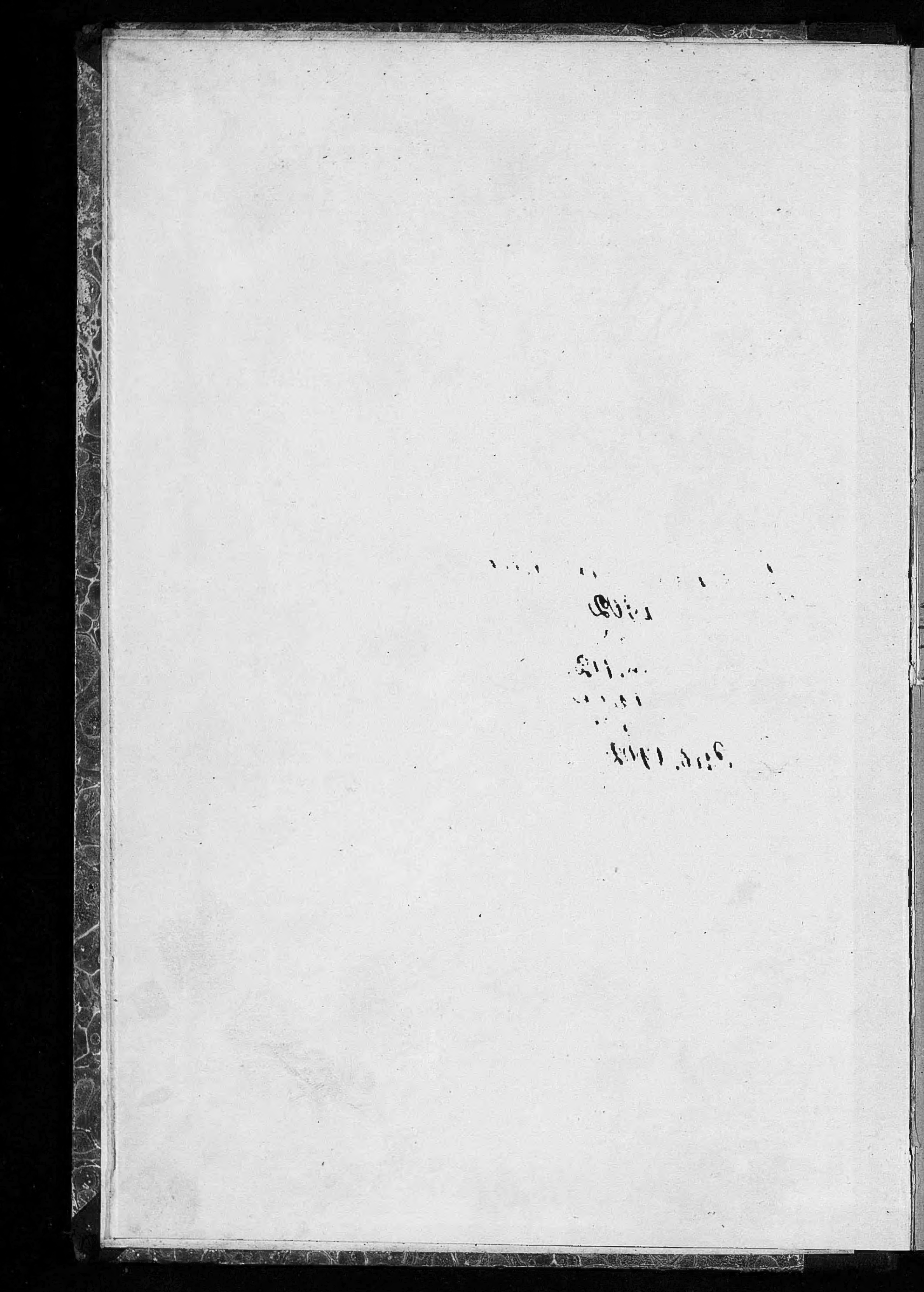

1/XII -902 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ДЕКАБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Историческіе очерки и разсказы. С. Н. Шубинскаго. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Съ 80 портретами и иллюстраціями. Спб. 1903 г.

Разсматриваемый нами сборникъ г. Шубинскаго содержитъ въ себѣ сорокъ три историческихъ очерковъ и разсказовъ, снабженныхъ прекрасными иллюстраціями и портретами.

Возьмемъ, напримѣръ, статью «Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году».—Не смотря на заключенный въ 1661 году въ Кардисѣ миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича,—между Россіей и Швеціей продолжали существовать неприязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ.

Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей,—шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга и ассесора коммерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа. Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, обращавшій на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги [1]).

Торжественная аудіенція прибывшимъ посламъ назначена была 3-го января, но, вслѣдствіе пустыхъ формальностей, которыя играли очень важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ,—аудіенція состоялась лишь 30-го марта. Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и проч.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: «большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра», «искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собою». Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ «благоуханнаго дерева алоэ», между прочимъ шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть «необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ», часы золотые, «прекрасную ночную юбку», «вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту» и «всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты».

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ подойти къ своей рукѣ. Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьѣ пословъ. Потомъ окольничій Артам. Серг. Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья, и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьѣ, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи между шведами и русскими открылись переговоры, продолжавшіеся около двухъ съ половиною мѣсяцевъ и не приведшіе ни къ какому результату.

Въ статьѣ «Вѣнценосный хирургъ» указывается на стремленіе Петра Великаго основательно изучать всякое полезное дѣло. Всѣ, безъ исключенія, отрасли знанія интересовали его; но, при этомъ, разумѣется, однѣ изъ нихъ онъ изучалъ по необходимости, другія—чтобы извлечь ту или другую выгоду и третьи, наконецъ, исключительно по влеченію своего пытливаго ума. Къ числу послѣднихъ принадлежали анатомія и хирургія. Особенную страсть питалъ Петръ къ хирургіи, занимался ею практически и охотно самъ дѣлалъ самыя разнообразныя операціи. Въ первый разъ страсть его обнаружилась въ Амстердамѣ, въ 1698 г., при посѣщеніи имъ анатомическаго кабинета знаменитаго тогда ученаго Фридриха Рюйша, достигшаго удивительнаго совершенства въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ. Въ это же пребываніе свое въ Амстердамѣ, Петръ, проходя однажды по базарной площади, замѣтилъ небольшую толпу людей и, приблизившись, увидѣлъ среди нея какого-то странствующаго фельдшера, съ особенною ловкостью выдергивавшаго желающимъ гнилые зубы, употребляя для этого самые простые инструменты. Государь долго любовался его искусствомъ и, какъ только паціенты разошлись, увелъ зубодера въ ближайшую таверну, угостилъ его и уговорилъ, чтобы тотъ выучилъ его, за извѣстную плату, своему мастерству. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, Петръ отлично усвоилъ себѣ всѣ пріемы учителя, сталъ постоянно носить въ карманѣ небольшой футляръ съ хирургическими инструментами и, какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь болитъ зубъ,—тотчасъ являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Любовь Петра къ хирургіи была такъ сильна, что всякій разъ, когда въ госпиталяхъ предстояла какая-нибудь важная операція, врачи

---

[1]) Онъ велъ дневникъ, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и до настоящаго времени. Выдержки изъ этого дневника напечатаны въ шведской газетѣ «Illustrerad Tidning». Изъ него же взяты и четыре иллюстраціи къ этой статьѣ.

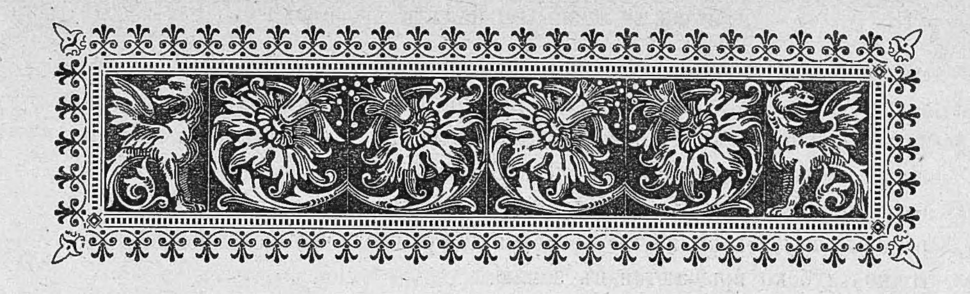
Дозв. ценз. Спб., 23 ноября 1902 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

СЕРГІЙ МАКСИМИЛІАНОВИЧЪ

КНЯЗЬ РОМАНОВСКІЙ, ГЕРЦОГЪ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXIII [1]).

Балъ, данный русскими офицерами виленскому обществу.—Переправа Наполеона черезъ Нѣманъ близъ Ковно.—Вступленіе его въ Вильно.—Встрѣчаему сдѣланная.—Восторги и лесть газеты „Литовскій Курьеръ".—Балъ, данный Наполеону жителями Вильны.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Актъ конфедераціи.—Посылка депутатовъ отъ сейма въ Вильну.—Рѣчь Выбицкаго.—Отвѣтъ Наполеона.—Депутація отъ Самогитіи.—Энтузіазмъ поляковъ.—Учрежденіе въ Вильнѣ временнаго правительства.—Воззваніе генеральной варшавской конфедераціи.—Отъѣздъ Наполеона изъ Вильны.—Занятіе непріятелемъ Могилева.—Измѣна могилевскаго архіепископа Варлаама.—Его прошлое.—Судъ надъ нимъ и разстриженіе.

Въ началѣ іюня 1812 г., генералы и флигель-адъютанты просили разрѣшенія государя устроить балъ для виленскаго общества. Императоръ Александръ далъ на расходы 300 червонцевъ и сказалъ:

— Если вы желаете устроить праздникъ, то постарайтесь, чтобы онъ былъ блестящій, потому что виленскія дамы знатоки въ этомъ дѣлѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ города, на берегу р. Виліи находился въ живописной мѣстности опустѣлый іезуитскій монастырь. Мѣсто это, извѣстное подъ именемъ Закрета, было пріобрѣтено генераломъ Беннигсеномъ, который перестроилъ монастырь въ прекрасное лѣтнее по-

[1]) См. „Русскую Старину" 1902 г., ноябрь.

мѣщеніе и развелъ около него роскошный садъ. Въ этомъ мѣстѣ и рѣшено было дать балъ; но какъ въ домѣ не было достаточно большой залы, то и придумали построить легкую галлерею для танцевъ, по плану профессора архитектуры въ Виленскомъ университетѣ Шульца. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, но плохой архитекторъ. Въ самомъ началѣ работы, ему говорили, что галлерея обрушится, что колонны не достаточно глубоко врываются въ землю.

— Я укрѣплю ихъ вмѣстѣ съ крышею,—отвѣчалъ Шульцъ.

Наканунѣ бала, назначеннаго на 12-е іюня, императора Александра предупредили, что строющаяся галлерея не надежна и непремѣнно рушится во время танцевъ. Государь призвалъ къ себѣ директора военной полиціи де-Санглена.

— Съ полчаса тому назадъ,—сказалъ онъ,—получилъ я отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что строющаяся зала (галлерея) не надежна и должна рушиться во время танцевъ. Поѣзжай и посмотри.

Лишь только Сангленъ успѣлъ прибыть въ Закретъ, какъ вся по стройка рушилась и уцѣлѣлъ только одинъ полъ [1]). Шульцъ бросился въ Вилію, въ которой тѣло его было найдено только по прошествіи пяти дней [2]).

Выслушавъ донесеніе де-Санглена, Александръ сказалъ ему:

— Такъ это правда! Поѣзжайте и прикажите полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ.

Вечеромъ, въ день бала, говоритъ графиня Шуазель-Гуфье [3])—«все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галлереи. Дамы помѣстились подъ апельсинами въ цвѣту, мужчины составили кружокъ въ срединѣ эстрады.

«Вечеръ былъ дивный; легкія облака точно предохраняли насъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца; толпа народа, нахлынувшая изъ города, разсѣялась по парку и по берегу рѣки. Живописныя группы ихъ заканчивали картину, оживленную нашими бальными туалетами и блестящими мундирами кавалеровъ. Государь пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ мундирѣ Семеновскаго полка, съ свѣтло-голубыми отворотами. Онъ остановился ненадолго полюбоваться всѣмъ собраніемъ, затѣмъ подошелъ къ дамамъ и уговаривалъ ихъ не вставать передъ нимъ».

---

[1]) Записки де-Санглена. „Русская Старина“ 1883 г. № 3, стр. 545.

[2]) Историческія замѣтки о Сѣверо-Западномъ краѣ П. Кукольника. Вѣстникъ Западной Россіи 1864—1865 № 6, стр. 150. Памятная книжка Виленской губерніи на 1861 г., ч. II, стр. 90 и 91.

[3]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1877 г., т. XX, стр. 592—595.

Во время самаго разгара бала Балашовъ сообщилъ государю, что изъ Ковны пріѣхалъ городничій Бистромъ съ извѣстіемъ о переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ приказалъ Балашову никому не говорить объ этомъ и самъ остался на балу [1]). Онъ ходилъ около накрытыхъ столовъ, весело разговаривалъ со многими офицерами и подъ конецъ бала пилъ за здоровье всѣхъ. Отвѣтомъ на этотъ тостъ было, конечно, общее «ура»!

— Прощайте,—сказалъ императоръ послѣ тоста;—теперь по домамъ: слѣдуетъ приниматься за дѣло.

Тутъ всѣ узнали о переходѣ черезъ границу непріятельской арміи.

Когда государь уже уѣхалъ, графъ Беннигсенъ провозгласилъ тостъ за благополучіе арміи.«Ура!» было отвѣтомъ. «Всѣ офицеры—говоритъ современникъ [2]),—были въ энтузіазмѣ и эту минуту никогда нельзя забыть. Никто не унывалъ: подходили другъ къ другу съ поздравленіемъ о начатіи войны».

Въ 3 часа утра 12-го іюня берегъ р. Нѣмана, близъ Ковно, былъ покрытъ непріятельскими войсками, переправлявшимися черезъ рѣку. Картина переправы была великолѣпна: наводились мосты, кавалерія переходила вплавь, сотни орудій спускались съ горъ къ рѣкѣ, и весь горизонтъ былъ покрытъ войсками. На берегу, близъ самыхъ волнъ, лежалъ Наполеонъ возлѣ коня своего ..... [3]).

Какъ различно проявилъ себя этотъ день! Въ Закретѣ, на берегу Виліи, былъ прекрасный солнечный день, а на берегу Нѣмана—сильный дождь и ужасная гроза.

— Я уничтожу,—говорилъ самонадѣянно Наполеонъ окружающимъ—пагубное вліяніе, которымъ Россія въ теченіе пятидесяти лѣтъ пользовалась въ дѣлахъ Европы [4]).

— Открывается гнѣвъ Божій съ небеси на всякое нечестіе и неправду человѣческую,—сказано въ дневномъ Апостолѣ, читавшемся въ этотъ день въ православныхъ церквахъ Россіи [5]).

---

[1]) Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ увѣряетъ, что онъ первый и при томъ до начала бала получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона и доложилъ о томъ государю. «Я этого ожидалъ,—отвѣчалъ Александръ,—но балъ все-таки будетъ». Трудно допустить, чтобы это была правда, и чтобы де-Сангленъ одинъ получилъ такъ рано извѣстіе. Вѣстникъ объ этомъ Бистромъ несомнѣнно явился вечеромъ и прямо къ Балашову, а не къ де-Санглену. Онъ привезъ извѣстіе прежде, чѣмъ оно пришло изъ авангарда арміи.

[2]) Воспоминанія М. М. Муромцева. „Рус. Архивъ“ 1890 г. № 3, стр. 366 и 367.

[3]) «Москвитянинъ» 1844 г. № 1. Смѣсь, стр. 6.

[4]) «Сынъ Отечества» 1813 г. № 24, стр. 179.

[5]) Посланіе Римлянамъ, глава I, ст. 18. „Современная лѣтопись». Воскресное прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1865 г. №17, стр. 11.

*

— Я иду въ Москву,—сказалъ Наполеонъ Прадту,—и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ. Москва сердце Имперіи; безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта.

«Россія увлекается рокомъ!—писалъ онъ въ приказѣ по войскамъ. Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. И такъ—впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ славна для Франціи столько же, сколько и первая [1]; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

«Французскій императоръ,—писалъ въ то же время скромно императоръ Александръ въ приказѣ по войскамъ,—нападеніемъ на войска наши въ Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

Такъ различны были взгляды и надежды двухъ враждующихъ сторонъ.

Приготовляясь къ вторженію въ Россію, Наполеонъ запасся фальшивыми русскими кредитными билетами и надѣлилъ свои войска маленькими книжками, въ которыхъ были напечатаны необходимые разговоры на четырехъ языкахъ: французскомъ, русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ. Современники смѣялись надъ этими книжками.

«Онъ (Наполеонъ) думалъ,—писалъ «Вѣстникъ Европы» [2],—что ведетъ своихъ солдатъ въ землю обѣтованную, гдѣ могутъ они имѣть все, чего ни потребуютъ. Онъ думалъ, что солдатъ его будетъ сытъ и доволенъ, когда научится говорить: дай меня кушать, дай меня пить; я лублу говядину, пиво, медъ, вино, вещина, курица; мужикъ! покажи меня дорогу.

[1]) Исторія не знаетъ ни первой, ни второй польской войны, и Наполеонъ выразился такъ изъ желанія польстить полякамъ и вызвать ихъ содѣйствіе.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1812 г. Сентябрь № 17, ч. 65, стр. 63.

«Онъ не предвидѣлъ, что бѣднымъ его сподвижникамъ гораздо нужнѣе было бы учиться по-русски съ такихъ и подобныхъ симъ выраженій: я несчастная жертва ненасытнаго и безумнаго властолюбія! Меня исторгли изъ родительскаго дома и повлекли къ неизбѣжной погибели! Умилосердитесь надо мною полунагимъ и голоднымъ! Не откажите мнѣ въ кускѣ хлѣба, которымъ милосердый Богъ щедро надѣлилъ Россію! Не дайте мнѣ умереть отъ голода и стужи! Такія слова, можетъ быть, подвигли бы къ бо̀льшему состраданію добрыхъ крестьянъ нашихъ».

Въ пять часовъ по полудни, 13-го іюня, Наполеонъ верхомъ въѣхалъ въ Ковно во время сильнаго дождя и грозы. Войска его тотчасъ же разсыпались по городу и предались грабежу. Они выводили изъ конюшенъ и хлѣвовъ лошадей и скотъ, врывались въ дома, забирали серебро, платье, бѣлье, часы, деньги, кухонную посуду, а чего не могли взять, то разбивали и ломали. Ограбленные жители остались безъ имущества и продовольствія; многіе въ теченіе трехъ дней ничего не ѣли и не знали, чѣмъ накормить дѣтей. Военный постой выгналъ жителей изъ ихъ собственныхъ домовъ и оставилъ имъ въ наслѣдство грязь и неопрятность—cochonnerie, какъ говорятъ сами французы [1]). Всѣ окрестности города были разорены, поля потоптаны, дома разобраны для биваковъ и топлива; устрашенные жители спасались въ лѣсахъ.

На слѣдующій день главныя силы Наполеона двинулись къ Вильнѣ, и 16-го числа онъ торжественно вступилъ въ этотъ городъ [2]).

16-е (28-е) іюня, — говорилъ «Литовскій Курьеръ» [3]),—составитъ эпоху въ исторіи нашего города. Въ этотъ день мы были осчастливлены прибытіемъ въ нашу столицу (?) императора французовъ и короля италіанскаго, великаго Наполеона, предводительствующаго непобѣдимою арміею, въ рядахъ коей мы узнали единоплеменниковъ нашихъ изъ Варшавскаго герцогства.

«Какъ только русскія войска отступили за Антоколь и Зеленый мостъ, и лишь только обыватели города успѣли поставить стражу на гауптвахтѣ, какъ передовые отряды польскихъ и французскихъ войскъ появились въ городѣ». Магистратъ съ ключами, знатнѣйшіе жители города и бо̀льшая часть народа вышли за городъ, навстрѣчу «непобѣдимой арміи», въ которой видѣли Мессію, пришедшаго возстановить древнюю Польшу. Король обѣихъ Сицилій ласково принялъ депутатовъ въ Погулянкѣ. По окончаніи первой аудіен-

---

[1]) Перечень письма изъ Ковна 6-го февраля 1813 г. „Сынъ Отечества" 1813 г. № 13, стр. 91.

[2]) Пребываніе Наполеона въ Вильнѣ описано нами еще въ 1866 году въ статьѣ: „Вильно въ 1812 году" („Отечеств. Записки" 1866 г. № 2, кн. I). Нынѣ статья эта печатается въ совершенно измѣненномъ и дополненномъ видѣ.

[3]) Отъ 4-го іюля 1812 г. № 49.

ціи, тѣ же депутаты отправились за полмили далѣе къ Понарямъ, для изъявленія своей преданности императору Наполеону. Французскій императоръ принялъ ихъ съ «свойственною ему милостію и благорасположеніемъ».

Объѣхавъ ряды своей арміи, Наполеонъ приказалъ вступать въ городъ.

«8-й полкъ польскихъ улановъ, продолжаетъ «Литовскій Курьеръ», подъ командою князя Доминика Радзивила, вступилъ первый въ столицу Ягеллоновъ. Появленіе польскихъ знаменъ возбудило въ каждомъ обывателѣ благороднѣйшія чувства и воспоминанія. Вскорѣ увидѣли мы на берегахъ Виліи тѣхъ воиновъ, которые прославили польское имя на берегахъ Дуная, Тибра, Таго и даже Нила. Въ числѣ ихъ мы видѣли князей Радзивиловъ, Сапѣговъ, Сангушковъ, графовъ Красинскихъ, Ходкевичей, генераловъ Сокольницкаго, Конопку, Хлопицкаго, Аксамитовскаго, Брониковскаго и многихъ другихъ, коихъ имена останутся навсегда драгоцѣнны для литовцевъ.

«Какъ скоро появился императоръ и король, чувства братской любви соединились съ чувствомъ удивленія, и воздухъ огласился радостными восклицаніями. Всѣ кричали: да здравствуетъ императоръ и король! Народъ толпился вездѣ, куда только обращался Наполеонъ. Всѣ желали воспользоваться его присутствіемъ, дабы сохранить въ сердцахъ образъ великаго мужа. Какъ скоро онъ отправился во дворецъ, обыватели пошли осматривать польскія и французскія войска, вступавшія въ наилучшемъ порядкѣ и состояніи. Наши молодые люди горятъ нетерпѣніемъ вооружиться вмѣстѣ съ единоплеменниками своими».

Энтузіазмъ охватилъ всѣхъ поляковъ; городъ оглашался криками и восклицаніями. Самымъ ярымъ энтузіастомъ явился издатель «Литовскаго Курьера», Марциновскій. Недавній панегиристъ императора Александра, онъ вдругъ, послѣ вступленія французскихъ войскъ, сталъ ожесточеннымъ врагомъ всего русскаго и льстецомъ Наполеона. Онъ называлъ его богомъ, пророкомъ и воскресителемъ польскаго народа. Подъ вліяніемъ мысли объ освобожденіи, граждане, съ развѣвающимися знаменами, вышли навстрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи города, значительно впрочемъ опустѣвшаго. Съ отъѣздомъ императора Александра изъ Вильны все населеніе бросилось врасcыпную. Улицы загромоздились экипажами, нагруженными разнымъ имуществомъ. Шумъ и тѣснота продолжались всю ночь; «за то на другой день,—говоритъ Шуазель-Гуфье,—по утру, стало такъ тихо, точно Вильна превратилась въ Венецію».

Наполеонъ остановился въ домѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ занимаемомъ императоромъ Александромъ. Въ день вступленія въ Вильну французскій императоръ отправился осмотрѣть городъ и его окрестно-

сти, приказалъ тушить мостъ и провіантскіе магазины, подожженные отступавшими русскими войсками, приказалъ устроить батарею на Замковой горѣ и спустился оттуда къ рѣкѣ Виліи, къ догоравшему мосту. Тамъ производилась постройка одновременно трехъ мостовъ, изъ коихъ одинъ, на плотахъ, былъ оконченъ въ присутствіи самого императора. Сойдя съ лошади, Наполеонъ сѣлъ на бревнѣ, у самаго берега, и, вызвавъ нѣсколькихъ охотниковъ изъ бывшихъ съ нимъ улановъ, приказалъ имъ переправиться вплавь черезъ рѣку и осмотрѣть предмѣстья города [1]). Въ продолженіе двухъ часовъ Наполеонъ, сидя на бревнѣ, «говорилъ со всѣми имѣвшими счастіе приблизиться къ нему». Онъ говорилъ объ администраціи края и, повидимому, интересовался этимъ. Ласковое обхожденіе, — говоритъ корреспондентъ «Литовскаго Курьера»,—всѣмъ неимовѣрно понравилось. Вечеромъ, дома всѣхъ жителей добровольно и единодушно были освѣщены, и весь городъ богато иллюминованъ».

Вильна уподоблялась тогда военному лагерю и была центромъ, черезъ который тянулись войска. Солдаты располагалось бивуакомъ посреди улицъ; всюду раздавалось бряцанье оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей, и слышалась смѣсь всевозможныхъ языковъ.

«Безпечные французы,—пишетъ графиня Шуазель-Гуфье [2]),—удивлялись общему упадку духа и думали, что съумѣютъ уничтожить всѣ встрѣченныя ими препятствія. Они требовали отъ литовцевъ: солдатъ, хлѣба и денегъ, спѣшили устраивать временное правительство и старались возбудить самолюбіе жителей язвительными словами:

— У васъ нѣтъ патріотизма, нѣтъ ни средствъ, ни энергіи,—говорили они.

Литовцы клялись, что «разорятся, но докажутъ, что они поляки».

«Но какая польза была имъ изъ всего этого? Французскій Магометъ не удостоивалъ ихъ даже надеждою за вѣру въ него и всѣ пожертвованія».

Правда, на одной публичной аудіенціи, въ виленскомъ дворцѣ Наполеонъ объявилъ, въ отрывочныхъ, не вполнѣ понятныхъ выраженіяхъ, что онъ пришелъ возстановить Польшу и что въ Варшавѣ собранъ сеймъ для избранія короля. Литовцы, лучше Наполеона, знали, что дѣлается въ Варшавѣ, и что до избранія короля слишкомъ далеко; они знали и то, что Наполеонъ весьма грубо и презрительно отзывался о ли-

---

[1]) М. Богдановичъ „Отечественная война“, ч. I, стр. 137. „Litewski Kuryer“ № 49.

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1877 г. Т. XX, стр. 597 и 598.

товской аристократіи [1]). Вообще онъ обращался со всѣми рѣзко и не деликатно.

На первомъ балѣ, данномъ въ Вильнѣ въ честь Наполеона, дамы, маршалы и всѣ высокопоставленныя лица встрѣтили его у подъѣзда. Коленкуръ подставилъ ему скамеечку, чтобы удобнѣе было выдти изъ экипажа. Не поклонившись дамамъ и даже не повернувшись въ ихъ сторону, Наполеонъ поднялся по ступенькамъ, устланнымъ шелковой матеріей, привѣтствуемый «всегда для него пріятными возгласами: да здравствуетъ императоръ!»

Войдя въ бальную залу, онъ немного поговорилъ съ дамами и направился къ устроенному для него трону: на коврѣ было поставлено кресло и положена для ногъ подушка. Отшвырнувъ ногою подушку и сѣвъ на кресло, воскреситель Польши произнесъ отрывисто, въ родѣ команды: «дамы садитесь». Когда онъ входилъ въ комнаты, гдѣ сидѣли дамы, то французскіе офицеры говорили довольно громко: Levez vous mes dames! L'Empereur est debout. Никто въ залѣ не смѣлъ сидѣть, когда онъ стоялъ. Наполеонъ оставался на балѣ не долго. Посмотрѣвъ на танцующихъ, поговоривъ съ окружавшими его придворными маршалами, онъ, не обращаясь ни къ кому, прошелъ среди дамъ и уѣхалъ при возгласахъ: «да здравствуетъ императоръ!» [2]).

На другой день послѣ вступленія въ Вильну, Наполеонъ 17-го (29-го) іюня дѣлалъ смотръ войскамъ, принималъ дворянство и духовенство, а 18-го (30-го) числа ему представленъ былъ университетъ. Французскій императоръ говорилъ преимущественно о предметахъ, исключительно касающихся представлявшагося сословія. Со студентами онъ говорилъ о наукахъ, а съ университетскимъ начальствомъ о способѣ ихъ преподаванія. Короче сказать, вниманіе и слова Наполеона были направлены къ тому, чтобы не оставить безъ вниманія ничего, что́ могло бы склонить населеніе въ его пользу.

22-го іюня онъ принималъ дамъ.

— Императоръ Александръ,—сказалъ онъ имъ,—васъ всѣхъ очаровалъ своей любезностью; остались ли вы хорошими польками?

Послѣднее для него было очень важно, потому что патріотизмъ польскихъ женщинъ онъ цѣнилъ болѣе, чѣмъ патріотизмъ мужчинъ. Наполеонъ часто говорилъ, что въ Польшѣ только женщина обладаетъ умомъ и силою воли и что на нихъ слѣдуетъ прежде всего обращать вниманіе, такъ какъ онѣ «всѣмъ вертятъ въ Польшѣ».

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Воспоминанія графини Шуазель-Гуфье. „Русская Старина" 1877 г. Т. XX, стр. 600.

Разговаривая съ однимъ французскимъ эмигрантомъ, многимъ обязаннымъ императору Александру, Наполеонъ спросилъ его:

— Видѣли ли вы здѣсь императора Александра?

— Я имѣлъ честь являться къ нему,—отвѣчалъ спрошенный.

— Точно ли онъ управляетъ самъ государствомъ?

— Онъ много работаетъ съ своими министрами и всѣ важныя дѣла просматриваетъ самъ.

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю Я желаю знать, ограничена ли его власть Сенатомъ?

Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный.

— Почему русскіе,—спросилъ Наполеонъ,—такъ быстро отступили и не хотѣли принять сраженія подъ Вильной? Я могъ потерять при этомъ тысячъ двадцать.

— Быстрое движеніе французской арміи, подъ начальствомъ славнаго предводителя вѣроятно смутило русскихъ, и они не рѣшились вступить въ сраженіе.

— Вы ошибаетесь. Мы не быстро двигались; меня заставили потерять много времени напрасно... Я съ неудовольствіемъ началъ эту войну: она будетъ стоить много крови. Меня заставилъ начать ее императоръ Александръ, не сдержавъ условій тильзитскаго мира. Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе внушеній его наставника Лагарпа. Повѣрите ли вы, что мнѣ пришлось, во время свиданія въ Эрфуртѣ, оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше преемственнаго. Надо быть Богомъ, чтобы умѣть управлять людьми! Судьба гораздо лучше помогаетъ имъ (правителямъ) при наслѣдственномъ правѣ, чѣмъ могутъ они устроить сами свои дѣла. Императоръ Александръ не любитъ этикета, онъ часто является совсѣмъ безъ свиты. Мой тесть, императоръ австрійскій, поступаетъ точно такъ же; онъ удивился, увидавъ вокругъ меня такую многочисленную свиту; но я ему объяснилъ, что для французовъ необходимо выказывать величіе, на нихъ надобно дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ. Да и положеніе мое другое.

Ему, какъ пришельцу и похитителю власти, необходимо было поддерживать ее блескомъ, силою оружія и идти все впередъ и впередъ, чтобы не лишиться сразу всего пріобрѣтеннаго. Но движеніе впередъ по неустроенному краю и съ арміею, не обезпеченною на продолжительный срокъ, было невозможно, и Наполеонъ принужденъ былъ оставаться въ Вильнѣ восемнадцать дней. Въ это время онъ собиралъ свѣдѣнія о предстоящемъ театрѣ дѣйствій и старался возбудить Литву къ возстанію противъ Россіи. Наполеонъ каждый день дѣлалъ парады, смотры и ученья своимъ войскамъ. Онъ желалъ показать ихъ блестящее состояніе жителямъ Вильны, толпами собиравшимся поглядѣть на императора

и его войска. Онъ не щадилъ даже денегъ и подарковъ для раздачи разнымъ лицамъ. «Въ оба прошедшія воскресенья,—читаемъ въ «Литовскомъ Курьерѣ»,—епископъ Коссаковскій имѣлъ счастіе быть призваннымъ во дворецъ, для отслуженія въ императорской часовнѣ обѣдни, на которой присутствовалъ императоръ, и вчера получилъ брильянтовый перстень, а священники-ассистенты—разные подарки; прислужники же—значительное денежное награжденіе».

Всѣ эти знаки вниманія, конечно, приносили своего рода плоды, пріобрѣтали сторонниковъ Наполеону, но все же не въ такой степени, въ какой онъ бы желалъ. Вообще онъ былъ недоволенъ ни литовскими, ни варшавскими поляками, что̀ и высказалъ при пріемѣ депутатовъ, присланныхъ къ нему въ Вильну отъ варшавскаго сейма. Открытіе послѣдняго, какъ мы видѣли, было задержано де-Прадтомъ. Убѣжденный въ томъ, что только онъ одинъ способенъ говорить при открытіи сейма, де-Прадтъ не позволялъ полякамъ редактировать самимъ ни ихъ манифеста, ни акта конфедераціи, ни прокламацій, которыя должны были быть отправленными въ русскія провинціи, ни даже рѣчей, всегда произносимыхъ на сеймѣ или отъ имени сейма. Все это де-Прадтъ принялъ на себя. Проектъ прокламаціи былъ составленъ человѣкомъ, имѣвшимъ гораздо болѣе таланта, чѣмъ у самого де-Прадта, но онъ не хотѣлъ дозволить публикацію этой прокламаціи безъ своихъ поправокъ. Той же участи подвергся и манифестъ, по которому сеймъ долженъ былъ приступить къ генеральной конфедераціи.

«Манифестъ сейма,—писалъ де-Прадтъ герцогу Бассано [1]),—мною найденъ столь дурнымъ, что я долженъ передѣлать его совершенно». Относительно акта конфедераціи, Прадтъ писалъ тому же герцогу: «Я начертилъ всѣ параграфы, но министръ желалъ длиннаго вступленія, потому что эта форма усвоена съ давнихъ поръ въ Польшѣ. Ваше превосходительство поймете, что я работаю одинъ среди всякаго рода лишеній, усталости и страданій». Никто не просилъ его такъ трудиться, и Наполеонъ, напротивъ, приказалъ ему не вмѣшиваться въ дѣла и вести ихъ такъ, чтобы все происходившее въ Варшавѣ казалось дѣломъ самихъ поляковъ. Французскій императоръ старался замести слѣды своихъ интригъ, а его посланникъ выставлялъ ихъ напоказъ. Наполеону не нравилось подобное вмѣшательство, и онъ скоро созналъ, что поступилъ очень неудачно въ выборѣ своего представителя. Онъ желалъ, чтобы поляки шумѣли сами и одни; ему нужна была на всякій случай лазейка, изъ которой онъ могъ бы выдти чистымъ и неприкосновеннымъ къ дѣлу. Проѣхавъ въ армію мимо Варшавы, гдѣ его ждали,

[1]) Бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 9-го (21-го) іюня 1812 г.

Наполеонъ сказалъ публично депутатамъ этого города, что пусть поляки въ Варшавѣ шумятъ и восторгаются, какъ хотятъ, что ему пріятно всякое увеличеніе шума.

При такомъ взглядѣ императоръ Франціи не могъ скрыть своего неудовольствія на де-Прадта. Онъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ написать ему, что, по его мнѣнію, рѣчи и адресы, писанные дурнымъ познанскимъ слогомъ, лучше самой краснорѣчивой болтовни де-Прадта. «Ваша рѣчь обольстила меня,—писалъ герцогъ Бассано,—но императоръ недоволенъ ею, и я долженъ согласиться, что онъ правъ. Его величество полагаетъ, что лучше былъ бы адресъ, написанный въ Познани дурнымъ слогомъ, но явно польскимъ слогомъ. Я пишу вамъ это по его приказанію и почти подъ его диктовку».

Самовластныя распоряженія де-Прадта хотя и шокировали поляковъ, но они подчинялись ему добровольно, видя въ немъ представителя того, отъ кого они надѣялись получить вознагражденіе за всѣ прежнія пожертвованія, сдѣланныя ими въ пользу Франціи.

Между тѣмъ 12-го (24-го) іюня появился въ Варшавѣ декретъ Фридриха-Августа саксонскаго, которымъ, во вниманіе къ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ «настоящей минуты, готовящей польскому народу великое предназначеніе», высшая власть въ герцогствѣ передавалась во власть министровъ. Совѣтъ послѣднихъ въ тотъ же день объявилъ созваніе генеральнаго сейма, который долженъ былъ открыться 14-го (26-го) іюня.

Въ 7-мь часовъ утра этого дня всѣ члены варшавскаго сейма, министры и государственный совѣтъ собрались въ Зáмкѣ, откуда отправились въ каѳедральную церковь св. Яна.

Тамъ, по окончаніи обѣдни и проповѣди, епископъ пропѣлъ гимнъ «Veni Creator», и затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ церкви отправились въ посольскую залу. Сеймъ открылся провозглашеніемъ единогласно старика князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго маршаломъ сейма. Посольская зала соединилась съ сенаторской, гдѣ были собраны воеводы, и князь Чарторыйскій, принявъ присягу и жезлъ—знаки его власти и должности—объявилъ, что сеймъ собранъ и совершенно готовъ начать свои занятія [1]).

— Польша существуетъ, — сказалъ маршалъ, — королевство и нація польская возстановлены.

Вслѣдъ затѣмъ князь Чарторыйскій объявилъ, что онъ получилъ прошенія многихъ поляковъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію отечества. Въ числѣ просьбъ, по его словамъ, была и просьба отъ жителей Литовскаго края. Передавая ее секретарю сейма для прочтенія, князь Чарторыйскій скрылъ отъ собравшихся, что прошеніе со-

---

[1]) Souvenirs d'un diplomate, p. 234.

ставлено въ Варшавѣ и подписано всего 32-мя жителями герцогства, владѣвшими имѣніями въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

«Величайшимъ признакомъ благоразумія,—сказано было въ этой просьбѣ,—и лучшимъ доказательствомъ ревности въ важнѣйшихъ народныхъ дѣлахъ есть умѣнье пользоваться обстоятельствами и временемъ, которыя измѣняютъ человѣческія дѣла часто помимо всякихъ ожиданій. Настоящая минута владѣетъ всѣми чувствами польскаго народа, она исполнена важныхъ событій и выставляетъ столь великое знамя, какое еще не видано было исторіей міра.—Изъ всѣхъ странъ нашего края несется къ вамъ, собранные счастливымъ случаемъ представители польскаго народа, голосъ глубокаго чувства. Оглянитесь, говоритъ онъ, въ настоящую минуту на все, что васъ окружаетъ, многоуважаемые мужи, и собственное чувство ваше укажетъ вамъ ваше великое значеніе. Мы сказали себѣ съ твердымъ убѣжденіемъ: надо возвратить отечество, надо завѣщать его внукамъ. Небо посылаетъ счастливое время для того: теперь собрался сеймъ, который можетъ служить опорой для нашихъ желаній и усилій.—Приглашаемъ васъ, именемъ нашимъ и нашего потомства, заняться великимъ дѣломъ возстановленія отечества. Не время развлекаться текущими дѣлами, облегченіемъ нынѣшнихъ нуждъ, вопросами частными!.. Честь, любовь къ отечеству, голосъ народа возлагаютъ на васъ въ настоящую минуту иныя обязанности; обратите же къ нимъ свою мысль и будьте мужественнѣе! Никто безнаказанно не можетъ отказываться отъ счастливыхъ обстоятельствъ... Теперь или никогда! Мы предоставляемъ вамъ начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Сколько вооруженныхъ рукъ и какая пылкая храбрость ждутъ только вашего слова!... Будьте смѣлѣе!.. Дѣйствуйте!.. Огромныя богатства уже издержаны на это дѣло; ничего ужъ, кромѣ мужества, мы не имѣемъ; намъ остается только добиться величайшаго счастія въ свѣтѣ,—счастія имѣть и передать нашимъ дѣтямъ отечество».

Жаркими защитниками подписавшихъ эту просьбу явились: епископъ выгерскій, воеводы: Замойскій, князь Яблоновскій и Выбицкій. Послѣдній предложилъ избрать особую коммиссію, которая обсудила бы все дѣло. Послѣ долгихъ споровъ и преній коммиссія была назначена, и ей поручено представить планъ дѣйствій сообразный съ тогдашними обстоятельствами. Коммиссія представила проектъ акта конфедераціи, который былъ немедленно одобренъ и принятъ [1]).

«Собравшись на сеймъ въ Варшаву,—сказано было въ актѣ конфедераціи,—и въ полномъ числѣ членовъ, сеймъ составляющихъ, въ на-

---

[1]) См. „Litewski Kuryer“ №№ 50, 61, 63 и „Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego“ 1812 roky № 3.

стоящихъ обстоятельствахъ, когда все, что насъ окружаетъ, изумляется происходящимъ; укрѣпясь врожденною въ сердцахъ нашихъ любовію къ отечеству, напоминающею намъ, что весь народъ ждетъ отъ насъ успѣшныхъ мѣръ, что на насъ обращены глаза всего свѣта, что потомство, судя по законамъ нашимъ, опредѣлитъ намъ, по безпристрастному приговору, благословленіе или проклятіе,—желая основательно разсмотрѣть и вникнуть во все величіе столь важнаго дѣла, довѣрили мы означенной чрезвычайной коммиссіи представить намъ положеніе вещей, а равно и способы, могущіе скорѣйшимъ образомъ обезпечить бытіе и пользы наши въ посланныхъ нынѣ отъ неба обстоятельствахъ. Оправдалось достаточно ожиданіе наше. Коммиссія ознаменовала теплыя чувства и соблюла наисвятѣйшія права народа польскаго, показавъ, куда и какою дорогою намъ надлежитъ стремиться».

Основываясь на этомъ указаніи, сеймъ рѣшилъ вступить безотлагательно въ составленіе генеральной конфедераціи. «Но дабы явнѣе и несомнительнѣе доказать непорочность и святость побужденій, цѣлей и намѣреній нашихъ, объявляемъ наиторжественнѣйше передъ Богомъ святымъ и всѣмъ польскимъ народомъ, что, нося единое имя, питая въ сердцѣ единую жажду возвратить паки въ одно цѣлое, несправедливѣйшимъ насиліемъ отторгнутыя части отечества и доставить ему древнее его бытіе и благоденствіе—устраивающаяся нынѣ генеральная конфедерація не обратитъ вниманія на тѣхъ, которые отечеству смертельныя наносили раны, не откроются въ нѣдрахъ его пытки и коммиссіи для сыска однихъ, для преслѣдованія другихъ и къ бѣдствію всѣхъ вообще».

Конфедерація обѣщала не заниматься работами законодательными или судебными, но исключительно великимъ дѣломъ возстановленія отечества и «благороднѣйшею обязанностію сохранять и увеличивать народное ополченіе, въ чистѣйшей безпорочности и суровой силѣ».

«Дѣло угнетенной невинности противъ жестокаго и явнаго насилія можетъ назваться дѣломъ самихъ небесъ, когда бытію Польши, возстановленной на правилахъ, сходственныхъ врожденнымъ наклонностямъ и народному нраву, обѣщается подпора могущественнѣйшаго въ свѣтѣ союзника, въ вѣрности коего никогда сомнѣваться и бездѣятельности предвидѣть невозможно. Почему не питать въ сердцахъ надежды, что тотъ, который только то достойнымъ себя почитаетъ, что̀ правосудно и велико, коего творческой рукѣ и началомъ своимъ мы обязаны, коего одна мысль, одно слово достаточно для утвержденія бытія нашего? Почему откажетъ онъ въ непобѣдимой своей защитѣ нашему предпріятію? Поднесемъ къ подножію его престола дань нашей преданности, довѣренности, наши мольбы и упованія. Будемъ просить и умолять, да изречетъ то творческое слово, которое усовершенствуетъ наше начальное бытіе, имъ же созданное.

«Но дабы покровительства сего тѣмъ паче оказать себя достойнымъ, присягнемъ торжественно, что чувство, которое нынѣ душу нашу воспаляетъ, никакимъ событіемъ не охладится, что то мужество, съ коимъ мы пускаемся въ благороднѣйшее ополченіе, никакая сила ослабить не возможетъ. Да не измѣнится упорство наше, въ объявленномъ нынѣ предпріятіи и союзѣ, пока не соединимъ съ нами отторгнутыхъ членовъ общаго отечества, тѣхъ братьевъ любезныхъ, коихъ сердца наши всегда съ горестію призывали, хотя раздѣляли насъ насильственною рукою поставленныя между нами преграды.

«Поляки! Вы, которыхъ мы еще не видали, а видѣть среди себя страстно желаемъ, судя о вашихъ чувствованіяхъ по тѣмъ, которыя наполняютъ наши сердца, мы вызываемъ васъ, именемъ общей матери, соединить силы съ нами на спасеніе ея. Не обратимъ глазъ нашихъ на прошедшее, развѣ для того только, чтобы преисполниться ужасомъ къ оному, а не для того, чтобы слѣдовать тому, что было при насильственномъ правленіи, но чтобы онаго избѣгать. Все прошедшее предается забвенію. Возрождающееся отечество всѣхъ сыновъ призываетъ къ сердцу своему. Для заслугъ и славы новыя открываются всѣмъ поприща. Подадимъ себѣ братски руки, и справедливое небо добродѣтельнымъ усиліямъ не откажетъ въ наградѣ. Оно воскреситъ то счастливое время, когда воинство, рыцарскіе щиты и народныя знамена украшались Бѣлымъ орломъ, то время, когда на плодоносныхъ жатвахъ Волыни, на равнинахъ Подоліи и Украйны радостный будетъ раздаваться гласъ: «Отечество здравствуетъ! Польша возстала!»

Послѣ такого предисловія, изложеннаго въ актѣ, собравшіеся постановили: 1) Сеймъ преобразовывается въ генеральную конфедерацію; 2) Конфедерація объявляетъ, что Королевство Польское возстановлено и народъ польскій въ одно цѣлое соединенъ; 3) Къ конфедераціи присоединяются всѣ сеймики и свои акты присылаютъ генеральной конфедераціи; 4) Всѣ поляки поголовно призываются и обязываются принять участіе въ конфедераціи; 5) Всѣ части Польши приглашаются вступить въ конфедерацію, по мѣрѣ того, какъ отдаленіе непріятеля дастъ имъ возможность къ тому; 6) Всѣ офицеры, солдаты, чиновники гражданскіе и военные, родомъ поляки, живущіе въ польскихъ владѣніяхъ Россіи, несправедливо удерживаемые подъ ея властью, призываются оставить службу той Имперіи; 7) Всѣ военные будутъ помѣщены въ польскихъ рядахъ, а гражданскіе чиновники могутъ быть опредѣлены на соотвѣтственную степень въ польскомъ гражданскомъ правленіи; 8) Всѣ сословія: духовное, гражданское и военное разглашаютъ каждый у себя о разумѣ и цѣли конфедераціи. Съ этою цѣлію епископы разсылаютъ пастырскіе листы, а всѣ остальные распространяютъ всѣ акты, касающіеся конфедераціи,

могущіе ободрить народный духъ; 9) Всѣ члены сейма обязаны озаботиться о такомъ же распространеніи.

Конфедерація передала свою власть генеральному совѣту, мѣстомъ пребыванія котораго была Варшава и вмѣстѣ съ тѣмъ постановила послать депутацію къ королю саксонскому, съ просьбой дозволить приступить къ польской генеральной конфедераціи. Одновременно съ этимъ рѣшено было послать депутацію и къ Наполеону «для представленія ему акта конфедераціи и съ просьбою, чтобы освятилъ своимъ мощнымъ покровительствомъ колыбель возрождающейся Польши».

«Конфедерація обязывается торжественно передъ небомъ и землею и именемъ всѣхъ поляковъ, что доведетъ до конца и всѣми зависящими отъ нея средствами усовершенствуетъ великое дѣло, ею нынѣ подъятое».

«Конфедерація объявляетъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда всѣ ея труды и всѣ усилія къ тому лишь только клонятся, чтобы возобновить отечество и возстановить всѣ его части, не можно будетъ считать добрымъ полякомъ и хорошимъ обывателемъ того, кто бы пожелалъ выискивать въ прошедшихъ временахъ поводы къ распрямъ или къ какому-либо раздѣлу; однимъ словомъ, того, кто позволилъ бы себѣ какой-либо шагъ, могущій бросить сѣмя раздора въ общемъ отечествѣ».

Въ такомъ видѣ актъ конфедераціи былъ отправленъ съ депутатами въ Вильну.

Какъ только составилась конфедерація и власть была передана генеральному совѣту, сеймъ разошелся. Этотъ скорый роспускъ его казался происшествіемъ столь чрезвычайнымъ, что всѣ полагали, что сеймъ распущенъ по приказанію Наполеона [1]). Въ дѣйствительности это произошло по проискамъ де-Прадта, вмѣшивавшагося во все. На засѣданіи сейма тщеславный прелатъ занималъ мѣсто между сенаторами и трономъ,—что было не слишкомъ блестящимъ предзнаменованіемъ будущей самобытности и самостоятельности поляковъ. Наполеонъ желалъ, чтобы сеймъ продолжалъ свои засѣданія, чтобы въ то же время собиралось какъ можно болѣе частныхъ конфедерацій—словомъ, чтобы поднялся весь польскій народъ. Но де-Прадтъ думалъ совсѣмъ иначе. Онъ разсудилъ распустить сеймъ, соединявшій въ себѣ законодательную и исполнительную власти, находя стѣснительнымъ для себя его существованіе. Прадтъ желалъ, чтобы власть оставалась въ рукахъ министровъ, а слѣдовательно въ его собственныхъ рукахъ. Французскій чрезвычайный посолъ поступилъ въ этомъ случаѣ самопроизвольно. Онъ не только не имѣлъ на то полномочія или приказанія, но даже дѣйствовалъ противно даннымъ ему инструкціямъ. Наполеонъ удивился такому

---

[1]) Souvenir d'un diplomate, p. 234.

поступку, а энтузіазмъ варшавскихъ поляковъ, увидавшихъ чужое вмѣшательство, значительно охладѣлъ, и де-Прадту пришлось увѣрять въ противномъ.

«Сеймъ разошелся сегодня—писалъ де-Прадтъ герцогу Бассанскому.—Нельзя изобразить того восторга, который охватилъ всѣхъ поляковъ относительно императора. Вчера его имя не переставало гремѣть по всему городу, и восклицанія возобновлялись при всякомъ удобномъ случаѣ. Все, чего желаетъ императоръ, все, что онъ пожелаетъ внушить, будетъ принято и исполнено безпрекословно. Я болѣе всего хлопочу о томъ, чтобы положить въ ихъ рѣчахъ, въ ихъ актахъ границы и предѣлъ въ изліяніи этихъ чувствъ. Они (поляки) слишкомъ быстры и живы для того, чтобы ихъ не останавливать»...

Въ другомъ мѣстѣ де-Прадтъ говоритъ, что поляки пойдутъ слишкомъ далеко, если ихъ не удержать. Дѣйствительно, сеймъ этотъ представлялъ зрѣлище, подобное прежнимъ польскимъ сеймамъ. По словамъ Биньона, съ объявленіемъ маршаломъ о возстановленіи Польши, глазамъ наблюдателя представилась великолѣпная и вмѣстѣ странная картина. Крики радости раздавались повсюду; поляки обнимались, поздравляли другъ друга и украшали себя національнымъ цвѣтомъ. Много было пламеннаго энтузіазма, много рѣчей, много шума и блеска, но вмѣстѣ съ тѣмъ много тайныхъ раздоровъ, интригъ, тутъ же появившихся, и соперничества.

Указывая на это, де-Прадтъ счелъ своею обязанностью дать совѣтъ герцогу Бассано и по поводу отправленія депутаціи въ Вильну.

«Надобно,—писалъ онъ [1],—передѣлать всѣ рѣчи, которыя не могутъ быть представлены публикѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ произносились. Вообще все, что происходитъ отъ э т и х ъ п о л я к о в ъ, est hors de toute règle de goût et de toute mesure.

29-го іюня (11-го іюля) герцогъ Бассано представилъ Наполеону депутатовъ польскаго конфедераціоннаго сейма. Депутацію составляли сенаторы: Выбицкій и Соболевскій, графъ Станиславъ Солтыкъ, графъ Владиславъ Тарновскій, графъ Игнатій Стадницкій, Станиславъ Александровичъ, Александръ Бнинскій и Матвѣй Водзинскій. Къ сожалѣнію для поляковъ, депутація была отправлена поздно и неудачно. Наполеонъ былъ недоволенъ актомъ конфедераціи, включившимъ воззваніе къ полякамъ, находившимся во владѣніи Австріи, съ которой онъ заключилъ союзъ и желалъ остаться нейтральнымъ. Онъ хотѣлъ отъ поляковъ только поголовнаго ополченія въ Варшавскомъ герцогствѣ и Литвѣ. Съ этою цѣлію онъ оставилъ де-Прадта въ Варшавѣ, а барона Биньона призвалъ въ Вильну; оба они должны были стремиться къ тому,

[1]) Письма Прадта герцогу Бассано отъ 1-го и 3-го іюля.

чтобы поляки какъ одинъ человѣкъ возстали противъ Россіи. Между тѣмъ въ Варшавѣ поступили такъ, какъ будто Польша была уже окончательно возстановлена въ старинныхъ предѣлахъ, а Биньонъ хотя и составилъ въ Литвѣ, какъ увидимъ ниже, нѣчто въ родѣ конфедераціи и особое временное правительство, но они не принесли дѣлу Наполеона никакой пользы.

При переходѣ черезъ Нѣманъ, онъ объявилъ въ приказѣ войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю. Французы стали смотрѣть на Литву какъ на враждебную имъ страну, грабили и разоряли ее. Литовцы не ожидали этого отъ своего избавителя и какъ въ началѣ, полные энтузіазма, шли навстрѣчу ему, такъ впослѣдствіи обиженные, разоренные и ограбленные бѣжали въ лѣса, бросая свое достояніе и спасая только женъ и дѣтей.

— Наше вступленіе въ Литву,—говорилъ впослѣдствіи самъ Наполеонъ,—совершилось подъ вліяніемъ самыхъ плачевныхъ предвѣщаній. Проливные дожди разстраивали нашу конницу, питавшуюся одною зеленью ржи и стоявшую на бивакахъ подъ настоящимъ потопомъ. Артиллерійскія лошади гибли цѣлыми упряжами. Я нашелся вынужденнымъ бросить сто орудій и 500 фуръ, за неимѣніемъ коней. Въ одномъ Виленскомъ округѣ лежало по дорогамъ до 5.000 павшихъ лошадей. Продовольствіе войскъ сопряжено было съ величайшими затрудненіями, и безпорядокъ, возникшій отъ прохода трехъ-сотъ тысячъ солдатъ, породилъ множество бѣглыхъ и отсталыхъ. Число сихъ послѣднихъ доходило въ концѣ іюня до тридцати тысячъ человѣкъ. Все это подавало поводъ къ размышленію,

Бѣглые и отсталые разбрелись по огромной площади и мародерничали. Жители принуждены были разбѣжаться; страна опустѣла. Для прекращенія безпорядковъ Наполеонъ учредилъ въ Вильнѣ коммиссію, возложивъ на нее обязанность предавать суду бродягъ и грабителей. Коммиссія эта мало помогла дѣлу. Жители Литвы, видя безурядицу въ рядахъ «великой арміи» и будучи жертвою ея насилій, не думая о конфедераціи, желали скорѣйшаго освобожденія отъ непріятеля. Только высшій классъ и нѣкоторая шляхта слѣдовали совѣтамъ барона Биньона.

Съ другой стороны, Наполеонъ, разстроенный значительными потерями до сраженія и безпорядками въ тылу арміи, пересталъ думать о варшавскихъ и литовскихъ полякахъ и боялся только раздражить Австрію въ такую минуту, когда желалъ получить отъ нея, кромѣ корпуса Шварценберга, еще другой корпусъ въ помощь таявшей «великой арміи». Для достиженія цѣли ему приходилось охладить поляковъ, и прибывшая депутація представила ему къ тому весьма удобный случай. Прежде всего онъ требовалъ отъ депутатовъ приготовленную ими рѣчь.

Она была написана архіепископомъ и не одобрена. Рѣчь, приготовленная графомъ Станиславомъ Потоцкимъ, была также признана неудовлетворительною [1]). Тогда воевода Выбицкій, бывшій первымъ депутатомъ, произнесъ рѣчь, которая, по мнѣнію Шлоссера, была составлена при участіи Биньона [2]).

«Всемилостивѣйшій государь!—говорилъ Выбицкій,—сеймъ Варшавскаго герцогства, собравшійся по приближеніи могущественной арміи вашего императорскаго величества, употребилъ всевозможное стараніе, дабы воины ваши ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что пришло время требовать вознагражденія за нанесенныя нашему народу обиды и привести въ исполненіе высокія его намѣренія. Въ такомъ удостовѣреніи сеймъ единогласно составилъ генеральную конфедерацію и, признавая незаконными всѣ самовольныя и наѣздническія (?) дѣйствія, лишившія народъ нашъ самобытности, объявилъ, что всѣ права возвращены Польшѣ.

«Ваше величество трудитесь для потомства и исторіи сего міра. Потомство же и исторія не могутъ не знать правъ нашихъ. Бывъ вольнымъ и самобытнымъ народомъ съ незапамятныхъ временъ, не побѣжденные войною, или вслѣдствіе какихъ-либо трактатовъ, потеряли мы землю и самобытность нашу. Измѣна и коварство лишили насъ оныхъ; измѣна же никогда не была законною.

«Послѣдній король нашъ увезенъ былъ въ Петербургъ и кончилъ тамъ жизнь свою въ уничиженіи. Монархи, раздѣлившіе землю нашу на части, подѣлились оными, не дознавъ (видя) отъ насъ никакихъ притязаній, ни войны, и завладѣли краемъ, который не пріобрѣли войною.

«Итакъ права наши ясны, видимы небу и міру. Можемъ провозгласить себя поляками, воздвигнуть тронъ Ягеллоновъ и Собіесскихъ, возвратить политическую самостоятельность, соединить расторгнутыя части и, наконецъ, вооружиться за отечество, сразиться за оное и доказать міру, что мы достойны прадѣдовъ нашихъ, ибо права наши нераздѣльны съ обязанностями.

«Благодаря вашему величеству, четыре милліона поляковъ уже освобождены и управляются польскими законами; но счастіе, коимъ наслаждаются, не изгладило въ нихъ обязанностей, возлагаемыхъ отечествомъ—онѣ начертаны въ сердцѣ каждаго и внушены самимъ небомъ. Братья наши, составляющіе бо̀льшую часть народонаселенія Польши, стонутъ еще въ цѣпяхъ московскихъ. Мы дерзаемъ напомнить о правахъ ихъ и указать имъ точку соединенія всего польскаго семейства.

[1]) Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812.—Par M. De-Pradt, p. 118.

[2]) Шлоссеръ, VIII, 131.

«Неужели ваше величество не одобрите поступка, внушеннаго долгомъ поляка, неужели почтете неправильнымъ то, что мы возвратились къ правамъ нашимъ? Уже рѣшено: съ этой минуты отечество наше—Польша возстановлена! Существованіе его обезпечено правомъ, но будетъ ли увѣнчано успѣхомъ? Долгъ и законъ оправдываютъ намѣренія наши, но поддержитъ ли сила наше дѣло? Неужели Всевышній не удовольствуется наказаніемъ, ниспосланнымъ за наши несогласія? Неужели захочетъ увѣковѣчить наши несчастія, и неужели поляки за то, что питали въ сердцахъ своихъ любовь къ отечеству, должны будутъ сойти во гробъ въ отчаяніи и безъ надежды? — Нѣтъ. Ты, государь, ниспосланъ Провидѣніемъ, въ тебѣ проявляется его сила, и существованіемъ нашего герцогства мы обязаны твоему могуществу.

«Мы присланы къ вашему величеству отъ конфедераціи, для представленія на высочайшее утвержденіе акта конфедераціи и испрошенія могущественнаго вашего покровительства Польскому королевству. Изреките, всемилостивѣйшій государь, что Польша существуетъ! и весь міръ почитать будетъ слова ваши осуществленною истиною. Есть насъ шестнадцать милліоновъ поляковъ, но нѣтъ ни одного между нами, который бы не пожертвовалъ кровію, жизнію и достоинствомъ за ваше величество. Всѣ жертвы покажутся намъ незначительными для возстановленія нашего отечества, по призыву котораго отъ Двины до Днѣстра, отъ Днѣпра до Одера всѣ вооружатся, всѣ посвятятъ ему свои чувства.

«Вспомнивъ Аустерлицъ, Пултускъ, Эйлау и Фридландъ, вспомнивъ присягу, учиненную въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ, должно полагать (!), что объявленная нынѣ Россіею война есть карающее ее предопредѣленіе Провидѣнія, которое, тронувшись нашими страданіями, вознамѣрилось положить имъ предѣлъ.

«И вотъ едва объявлена эта вторая польская война, какъ мы уже изъявляемъ преданность нашу вашему величеству въ столицѣ древнихъ Ягеллоновъ. Орлы твои осѣняютъ уже берега Нѣмана, московскія войска разбиты, отрѣзаны, разсѣяны и блуждаютъ безъ цѣли, напрасно силясь соединиться для сопротивленія. Возстановленіе Польши необходимо для имперіи вашего величества; можетъ быть, и слава французскаго народа того требуетъ. Ежели раздѣлъ Польши былъ признакомъ клонящейся къ упадку французской монархіи, пусть возстановленіе ея будетъ доказательствомъ, что Франція снова находится въ цвѣтущемъ состояніи. Когда Польша находилась въ затруднительномъ положеніи, она всегда, въ продолженіе трехъ почти столѣтій, обращала взоры свои къ Франціи — великодушному и сильному народу. Но исполненіе нашихъ желаній предоставлено Провидѣніемъ основателю четвертой династіи,

*

великому Наполеону, для котораго политика трехъ столѣтій была предметомъ одного мгновенія, и едва измѣримое пространство отъ юга къ сѣверу обнято однимъ его взглядомъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Представляя вашему величеству актъ конфедераціи, провозгласившей возрожденіе и существованіе Польши, возобновляемъ передъ лицомъ вашего величества торжественнѣйшій обѣтъ, что соединеніемъ всѣхъ желаній, всѣхъ усилій нашихъ и, если нужно будетъ, пролитіемъ крови до послѣдней капли, стараться будемъ привести въ исполненіе намѣреніе наше. Столь великое намѣреніе увѣнчано будетъ желаемымъ успѣхомъ, ежели ваше величество удостоите насъ могущественнаго вашего покровительства».

Эта восторженная рѣчь, полная просьбъ, лести, надеждъ, не была удостоена разрѣшительнымъ отвѣтомъ Наполеона. Въ отвѣтѣ своемъ онъ хотя и польстилъ депутатамъ, а въ лицѣ ихъ и всей польской націи, но холодность его не была ни для кого тайною: поляки не того ожидали. Они заявили Наполеону, что провозгласили уже возрожденіе Польши и просили его подтвержденія этого факта, а французскій императоръ отвѣчалъ имъ, что ему очень пріятно видѣть, что поляки шумятъ, кричатъ и вооружаются поголовно, въ надеждѣ на возстановленіе своего отечества.

«Я выслушалъ съ участіемъ — говорилъ Наполеонъ депутатамъ,— все то, что̀ вы мнѣ сказали. Еслибы я былъ полякъ, я чувствовалъ бы и дѣйствовалъ такъ, какъ вы, и такъ, какъ вы, поступилъ бы на варшавскомъ собраніи. Любовь къ отечеству, есть первѣйшая добродѣтель образованнаго человѣка.

«Въ моемъ же положеніи, я долженъ обращать вниманіе на разныя отношенія и исполнять многія обязанности. Еслибы я царствовалъ во время перваго, втораго или третьяго раздѣла Польши, то я вооружилъ бы весь народъ мой для доставленія вамъ помощи. И какъ скоро побѣды доставили мнѣ возможность возвратить столицѣ вашей и нѣкоторымъ провинціямъ древнія права ваши, я исполнилъ это съ любовію, не продолжая однако же войны, дабы пощадить кровь моихъ подданныхъ. Люблю вашу націю. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ воины ваши сражались подлѣ меня на поляхъ Италіи и Испаніи. Одобряю все, что вы сдѣлали. Уполномочиваю васъ ко всѣмъ усиліямъ, какія намѣреваетесь употребить, и сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, для поддержанія вашихъ намѣреній. Если усилія ваши будутъ единодушны— можете питать надежду, что заставите враговъ вашихъ признать права ваши. Но въ этихъ обширныхъ и столь удаленныхъ провинціяхъ только отъ единодушныхъ усилій всѣхъ жителей можете ожидать желаемаго успѣха. Я говорилъ вамъ то же самое, когда въ первый разъ явился на вашей землѣ. Теперь долженъ еще прибавить, что я гаран-

тировалъ императору австрійскому цѣлость его владѣній и не могу допустить и уполномочить васъ ни къ какимъ дѣйствіямъ или движеніямъ, клонящимся къ нарушенію спокойствія оставшихся въ его владѣніи польскихъ провинцій. Пусть Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна и Подолія одушевляются тѣмъ духомъ, который я нашелъ въ Великой Польшѣ—и Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ святое ваше дѣло. Оно вамъ вознаградитъ эту преданность къ отечеству, расположившую всѣхъ въ вашу пользу и доставившую вамъ мое уваженіе и покровительство, на которое во всякомъ случаѣ должны полагаться».

И такъ—«мужайтесь, поляки, надѣйтесь на помощь Божію и милость императора, который, впрочемъ, ничего не обѣщаетъ» — вотъ смыслъ рѣчи Наполеона.

Такой неясный и уклончивый отвѣтъ, по мнѣнію де-Прадта, все испортилъ—депутаты смутились, охладѣли. Холодность ихъ сообщилась всей Польшѣ, и съ этого времени невозможно было воспламенить поляковъ такъ, какъ хотѣлось бы Наполеону. Въ тотъ же самый день, когда представлялись депутаты изъ Варшавы, Наполеонъ принималъ депутацію и отъ Самогитскаго (Жмудскаго) княжества. Гелгуды, Биллевичи-Бяллозоры, Іеленскіе и другіе, по выраженію «Литовскаго Курьера», «благомыслящіе сыны отечества», прибыли съ покорностію къ Наполеону, какъ только узнали о занятіи «Гедыминовой столицы, дабы какъ можно скорѣе изъявить и раздѣлить счастіе съ обывателями виленскаго воеводства» [1]. Императоръ разговаривалъ съ ними о разныхъ подробностяхъ, относящихся до ихъ края. Каждое его слово принималось съ восторгомъ поляками.

Вильна въ это время представляла необыкновенное оживленіе. Кромѣ двора Наполеона въ стѣнахъ ея находились первѣйшіе и знатнѣйшіе поляки. Воодушевленная молодежь спѣшила подъ польскія знамена. Въ почетной гвардіи встрѣчаются имена Огинскихъ, Пильсудскаго, Платера, Рено, Ромера, Хлѣвинскаго, Леневича, Чарковскаго, Поморацкаго и другихъ. Въ литовской гвардіи, бывшей подъ начальствомъ Конопки, встрѣчаются имена менѣе извѣстныя: Нарбуты, Михайловскіе, Абрамовичъ, Вепржовскій и другіе. Должно надѣяться, говорили поляки, что литовская гвардія Конопки будетъ искать перваго случая отличиться такъ, какъ отличилась польская гвардія графа Красинскаго при Самессіерѣ и Бенавентѣ.

Не смотря на всю неблагопріятность отвѣта Наполеона на рѣчь Выбицкаго, варшавскіе поляки все еще надѣялись на лучшій исходъ, на лучшую будущность. Эта надежда вызвала постановленіе, по которому

---

[1]) „Litewski Kuryer“ 15-го іюля 1812 года № 52.

конфедерація, выслушавъ рапортъ депутатовъ, посланныхъ къ Наполеону, постановила: «слова, произнесенныя императоромъ на рѣчь сенатора Выбицкаго, написавъ золотыми буквами на мраморной доскѣ, помѣстить въ залѣ сената, противъ трона. День 29-го іюня (11-го іюля), въ который Наполеонъ принималъ делегатовъ конфедераціи, праздновать ежегодно, а на медали, установленной въ память этого дня, означить 29-го іюня (11-го іюля) и 16-го (28-го) іюня—день, въ который составилась конфедерація [1]).

Такими дѣйствіями поляки хотѣли ободрить себя и польстить Наполеону.—«Литовскій Курьеръ» употреблялъ всѣ силы, чтобы воодушевить поляковъ западныхъ нашихъ провинцій. Онъ пускалъ въ ходъ ложныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и неудачахъ русскихъ войскъ [2]).

---

[1]) См. Dziennik Konfederacyi Jeneralney Królestwa polskiego 1821 roku № 9.

[2]) „По причинѣ накопленія множества матеріаловъ и разныхъ занятій,—говорила газета,—мы упомянули вкратцѣ объ отступленіи наѣздниковъ (najezdnikow) нашихъ, о прибытіи побѣдителей ихъ и о генеральной конфедераціи поляковъ для возстановленія Польскаго королевства. Нынѣ, въ свободное время, извѣщаемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сихъ великихъ событій. Почти два года смотрѣли мы на приготовленія Россіи къ войнѣ. Мы видѣли, въ настоящемъ году, съ какою поспѣшностію полки изъ глубины Азіи собирались на границу Варшавскаго герцогства. Еще въ апрѣлѣ пришли толпы калмыковъ и башкировъ, вооруженныхъ луками. Въ мартѣ собрано множество народа для приготовленія мостовъ на Нѣманѣ, проложенія военныхъ дорогъ и заготовленія разныхъ военныхъ потребностей. Пришла гвардія—прибылъ весь дворъ. Безпрерывно носились слухи о нашествіи сосѣднихъ державъ, и помѣщичьи деревни обременяемы были безпрерывно требованіями подводъ, сѣна и хлѣба. Между тѣмъ для устрашенія поляковъ обнародованъ новый военный уставъ (?). И когда здѣсь, въ Вильнѣ, англійская партія 11-го (23-го) іюня, давала балъ Александру, въ ту же ночь непобѣдимая армія Наполеона переходила Нѣманъ, 12-го (24-го) числа получили русскіе извѣстіе о приближеніи ихъ побѣдителей. Немедленно выѣхалъ дворъ, а за нимъ отправились всѣ чиновники, угнетавшіе насъ въ продолженіе 20 лѣтъ. Ночью 15-го (27-го) числа начали отступать россійскія войска, расположенныя на ковенской дорогѣ, гоня передъ собой лошадей и скотъ нашихъ крестьянъ. По утру 16-го (28-го) числа, казаки зажгли мосты на рѣкѣ Виліи и огромные магазины, которые н е п р і я т е л ь с к о е п р а в и т е л ь с т в о наполнило отнятымъ у крестьянъ нашихъ достояніемъ. Поставленныя 36 пушекъ и казачьи отряды лишили жителей всякой возможности погасить пожаръ. Черезъ часъ послѣ того вторглись поляки и поспѣшили къ Антоколю, преслѣдуя бѣгущихъ казаковъ. Храбрый майоръ Сухаржевскій съ нѣсколькими десятками уланъ 6-го полка, состоящаго подъ командою Понятовскаго, взялъ въ плѣнъ нѣсколько десятковъ офицеровъ, казаковъ и пѣхотныхъ солдатъ. Въ 12 часовъ вступила побѣдоносная армія. Съ какою радостію, восторгомъ и чувствами счастія приняли обыватели своихъ избавителей, каждый патріотъ легко себѣ представить можетъ. За достовѣрное разсказываютъ, что одинъ

Литовскія дамы не отставали въ общемъ движеніи. Прекрасный полъ, имѣющій столь сильное вліяніе въ странѣ, старался обратить вниманіе польскаго юношества на военное поприще, отъ котораго зависѣла слава и честь польскаго народа [1]).

По словамъ «Литовскаго Курьера» [2]), польскія женщины выражали желаніе сами принять фактическое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. 11-го (23-го) іюля явилась въ Варшавѣ къ князю Чарторыйскому молодая, замѣчательной красоты украинка (Ukrainka), одѣтая въ уланское платье. Она принадлежала къ одной изъ извѣстныхъ фамилій и заявила, что, узнавъ о начавшихся непріятельскихъ дѣйствіяхъ, пожелала раздѣлить съ своимъ мужемъ, служившимъ уже въ польской арміи, всѣ случайности и опасности. Сообщивъ о своемъ намѣреніи подругамъ, она нашла очень много послѣдовательницъ. По ея словамъ, цифра желавшихъ составить польскій женскій легіонъ достигла до 200 женщинъ, но «на первый случай она согласилась взять съ собою только тѣхъ, коихъ намѣреніе было столь же сильно, какъ и ея собственное, и потому она соединилась только съ 15-ю женщинами, за которыхъ отвѣчаетъ, какъ за самое себя. Князь Чарторыйскій рукоплесканіемъ одобрилъ ее намѣреніе и мужество.

«Литовскій Курьеръ» поспѣшилъ извѣстить о такомъ подвигѣ польской патріотки и приглашалъ другихъ слѣдовать ея примѣру. Онъ всѣми мѣрами старался поддерживать воодушевленіе поляковъ, возбуждаемое и театральными представленіями, даваемыми на сценѣ виленскаго театра. Героическія, патріотическія и вновь написанныя піесы, въ родѣ «Возврата отечества», не замедлили явиться передъ публикою. Вильна ликовала. Поляки пользовались всякимъ предлогомъ и случаемъ, чтобы устраивать балы, театры, обѣды, иллюминаціи и празднества. Такимъ празднествомъ сопровождалось и открытіе дѣйствій вновь учрежденной «Верховной коммиссіи временнаго правительства Великаго Княжества Литовскаго».

Съ удаленіемъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и со вступленіемъ французской арміи въ Вильну, Наполеонъ объявилъ и приказалъ привести въ исполненіе постановленіе объ устройствѣ края, оставленнаго русскими. По примѣру Варшавскаго герцогства и въ Литвѣ рѣшено было собрать сеймъ, а до того времени поручить управленіе краемъ временной Верховной коммиссіи, состоявшей изъ семи чле-

---

помѣщикъ, увидя соотечественниковъ своихъ и избавителей, умеръ отъ радости. Тогда возвысились всѣ чувства самостоятельности славы и любви къ отечеству". (См. „Litewski Kuryer" отъ 18-го іюля).

[1]) См. „Litewski Kuryer" № 53.

[2]) См. „Litewski Kuryer" 31-го іюля 1812 г. № 58.

новъ [1]), въ томъ числѣ и императорскаго коммиссара барона Биньона. Власть коммиссіи распространялась на губерніи: Виленскую, Гродненскую, Минскую и Бѣлостокскую область. Подъ предсѣдательствомъ каждаго изъ членовъ учреждены комитеты: продовольствія, полиціи, финансовъ, юстиціи, внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и военный. Словомъ, Литва получила на бумагѣ полную государственную организацію.

На паперти виленскаго каѳедральнаго собора, въ 11 часовъ утра 2-го (14-го) іюля, собралось духовенство и всѣ городскіе цехи. Толпа народа окружала соборъ. Населеніе собралось въ этотъ день привѣтствовать вновь учрежденную коммиссію.

Въ 12 часовъ дня депутаты будущей конфедераціи, члены верховной коммиссіи, представители администраціи и академіи, мэръ съ членами муниципалитета, чиновники, старшины національной городской гвардіи и всѣ прочія власти отправились церемоніальнымъ шествіемъ изъ дворца въ каѳедральный соборъ, гдѣ была отслужена обѣдня и пѣто «Te Deum Laudamus» [2]). Французскія войска стояли внутри церкви; только-что сформированная литовская гвардія помѣстилась на ступенькахъ большаго алтаря; почетная гвардія окружала престолъ, предназначенный для Наполеона. Литургія совершалась при звукахъ музыки. Во время освященія даровъ гвардія взяла на караулъ. Прелатъ Длускій говорилъ проповѣдь на текстъ: «Господь послалъ своего ангела для освобожденія невинности изъ рукъ Ирода». Въ концѣ проповѣди онъ объявилъ, что поляки должны почитать такого посланника небесъ и любить свою родину; что жертвами для отечества и возвращеніемъ къ обычаямъ Казиміровъ и Сигизмундовъ должны загладить свои грѣхи. Стоявшій вокругъ церкви народъ все время кричалъ: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель поляковъ!»

Тамъ же въ церкви предсѣдатель временной коммиссіи говорилъ рѣчь и читалъ актъ генеральной конфедераціи. Извѣстный намъ актъ этотъ былъ присланъ изъ Варшавы при особомъ воззваніи. «Конфедерація,—сказано въ немъ [3]),—вѣрна обѣтамъ національнаго собранія, котораго власть исправляетъ, и святой единственной онаго цѣли—соединенія въ одно цѣлое расторгнутыхъ частей отечества. Получивъ извѣстіе объ учрежденіи въ Вильно, по волѣ его императорскаго и королевскаго величества, временной коммиссіи, коей поручено временное управленіе Литовскаго края, освобожденнаго побѣдоноснымъ его оружіемъ,

---

[1]) Членами были: графъ Іосифъ Старковскій, кн. Александръ Сапѣга, Францискъ Іельскій, Александръ Потоцкій, Иванъ Снядецкій и секретаремъ генералъ Іосифъ Коссаковскій.

[2]) „Тебе Бога хвалимъ“.

[3]) „Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego 1812 roky“ № 5.

почитаетъ первѣйшимъ долгомъ своимъ, во исполненіе возложенныхъ на нее народомъ обязанностей, препроводить немедленно въ помянутую правительственную коммиссію актъ генеральной конфедераціи, составляющій тѣсное и нерасторгаемое звено соединенія всѣхъ жителей польскаго края, предписывая ей, на основаніи 4 и 5 статей помянутаго акта, употребить всевозможныя мѣры, внушаемыя гражданскою ревностію и важностію обстоятельствъ, къ подкрѣпленію общаго союза для возстановленія отечества».

Пославъ вмѣстѣ съ актомъ и всѣ свои изданныя постановленія, совѣтъ генеральной конфедераціи предписывалъ временному литовскому правительству опубликовать ихъ во всѣхъ мѣстахъ и поощрять всѣми мѣрами къ приступленію къ конфедераціи.

«Мужи, удостоившіеся довѣрія величайшаго изъ монарховъ и народа!—говорилось въ концѣ воззванія:—общая наша столица видѣла уже освобожденныхъ отъ чужестраннаго ига сыновей, стремящихся на лоно древняго отечества. Уже брестскій, бѣлостокскій и гродненскій повѣты соединились съ нами. Дѣйствуйте ревностно, дабы одинъ духъ, одна цѣль и одинъ нерасторгаемый союзъ соединилъ всѣхъ достойныхъ сыновъ нашего отечества.

«Общій врагъ расторгнулъ древнія узы братства. Ласкаемъ себя надеждою, что общій избавитель возвратитъ и укрѣпитъ ихъ. Надо доказать ему, что врагъ властвовалъ только надъ землею, а сердца оставались всегда вѣрны покровительствуемому имъ отечеству.

«Надобно единомысліемъ, довѣріемъ, ревностію и общимъ стремленіемъ къ одной цѣли поддержать святое дѣло возрождающагося отечества. Такихъ доблестей требуетъ отечество, такія уважаетъ великій Наполеонъ, и такъ, только дѣйствуя, заслужимъ его покровительство, безъ котораго отечество возстать не можетъ.

«Конфедерація считаетъ излишнимъ внушать вамъ таковыя доблести, свойственныя нашему народу, и совершенно надѣется и полагается на нихъ».

По прочтеніи воззванія, предсѣдатель временной коммиссіи объявилъ, что она, желая ознаменовать память этого дня, вознамѣрилась дать приданое двумъ дѣвицамъ по тысячѣ злотыхъ и выдать литовку за поляка и польку за литовца, въ знакъ соединенія въ сей торжественный день обоихъ народовъ. Скоро пріискалась первая чета и немедленно была соединена бракомъ [1]).

По окончаніи церковной церемоніи, всѣ отправились къ герцогу Бассано, министру иностранныхъ дѣлъ Наполеона, чтобы вручить ему конфедераціонный актъ, для представленія его французскому императору.

---

[1]) „Litewski Kuryer“ 15-го іюля 1812 г. № 52.

На площади было приготовлено угощеніе для народа, продолжавшееся отъ 4 часовъ по полудни до 9 вечера. Водка и пиво были раздаваемы въ изобиліи, и упившійся народъ, гуляя всю ночь по улицамъ, кричалъ: «да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ ея мститель! Да здравствуетъ его непобѣдимое войско!» Вечеромъ ратуша и городъ были блистательно иллюминованы. Въ театрѣ дано безденежно представленіе любимой поляками піесы «Краковяки», и въ концѣ концовъ Вильна закончила этотъ день на балѣ у графа Паца, съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ, транспарантами, надписями и тому подобными затѣями.

Надъ воротами дома Паца, между множествомъ плошекъ виденъ былъ транспарантъ, на которомъ Наполеонъ указывалъ рукою на Геркулеса и женщину въ польской коронѣ, освобожденную отъ цѣпей, на фурій, завидующихъ ея счастію, и на орла, съ высоты поражающаго ихъ громомъ.

Вообще, во всѣхъ иллюминаціяхъ и транспарантахъ доставалось нашему двуглавому орлу, котораго литовскій всадникъ обыкновенно разсѣкалъ на части или передавалъ во власть польскаго Бѣлаго орла.

«На балѣ, — пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ [1]),—проводили время очень весело, въ надеждѣ будущаго счастія. Прибывшій неожиданно, императоръ весело присматривался къ національнымъ танцамъ, пляскамъ и милостиво разговаривалъ со многими. По удаленіи императора, остался министръ его, герцогъ Бассано. За столомъ, во время ужина, хозяинъ предложилъ тосты: за здравіе его величества, генеральной польской конфедераціи и за честь французскихъ и польскихъ войскъ. Балъ продолжался до пяти часовъ. Тѣмъ кончилось празднество возстанія народа, представляющаго обширное поле къ соединенію всѣхъ усилій для достиженія общей цѣли».

Въ ночь съ 4-го на 5-е іюля, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны «Какъ ни прискорбно для насъ,—писалъ «Литовскій Курьеръ» [2]),— отсутствіе избавителя нашего, однако же утѣшаемся тою надеждою, что удаленіе его еще болѣе удалитъ враговъ нашихъ. Еще не прошло мѣсяца съ прибытія нашего мстителя, а поляки уже освобождены отъ Нѣмана до Днѣпра отъ Двины до Припети».

Въ Вильнѣ остался герцогъ Бассано для веденія дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами и для надзора за ними. Ему поручено было главное управленіе Варшавскимъ герцогствомъ и западными нашими губерніями, формированіе въ нихъ войскъ, заготовленіе запасовъ для арміи и переписка съ отрядами, оставленными Наполео-

---

[1]) „Litewski Kuryer“ 18-го іюля 1812 г. № 53.
[2]) 22-го іюля 1812 г. № 54.

номъ на флангахъ и въ тылу. Бассано служилъ звеномъ, связывающимъ Европу съ Наполеономъ, шедшимъ въ глубь Россіи.

«Въ Вильнѣ остались и чужестранные посланники при Тюльерійскомъ дворѣ, приглашенные изъ Парижа сопутствовать Наполеону въ его походѣ» [1]). Походъ ожидался блестящій, быстрый; но ожиданія не оправдались, лишніе глаза были не кстати, и Наполеонъ предпочелъ оставить ихъ въ Вильнѣ. Самъ онъ отправился въ Свенцяны и затѣмъ въ Глубокое. Стараясь не допустить до соединенія нашихъ 1-й и 2-й армій, Наполеонъ отправилъ 50-тысячный корпусъ Даву на перерѣзъ арміи князя Багратіона по направленію къ Могилеву.

Узнавъ о приближеніи непріятеля къ этому городу, всѣ чиновники 7-го іюля, въ воскресенье, собрались къ гражданскому губернатору графу Дмитрію Александровичу Толстому съ просьбою разрѣшить имъ уѣхать изъ города.—Многіе просили лошадей и экипажи для отправленія казенныхъ дѣлъ и суммъ; но губернаторъ отказалъ и обнадежилъ собравшихся въ безопасности ихъ положенія, говоря, что въ скоромъ времени долженъ прибыть корпусъ генерала Раевскаго.—Для полученія же достовѣрныхъ свѣдѣній, графъ Толстой выслалъ полицеймейстера съ командою изъ 30 человѣкъ внутренней стражи для открытія непріятеля. Они дошли до первыхъ французскихъ пикетовъ, взяли одного плѣннаго, отъ котораго и получили достовѣрныя свѣдѣнія о приближеніи Даву.

Въ 7-мъ часу вечера жители узнали, что непріятель находится въ 13 верстахъ отъ города.—На вопросъ населенія, что дѣлать? губернаторъ отвѣчалъ, что, не имѣя никакихъ приказаній, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ.

На другой день, въ 4 часа утра, за Виленскою заставою показались непріятельскіе разъѣзды и были храбро встрѣчены внутреннею стражей. Бой былъ не равный, стража принуждена была отступить, и Даву вошелъ въ городъ черезъ Шкловскія ворота. Губернаторъ гр. Толстой оставался въ городѣ до послѣдней минуты и уѣхалъ, не успѣвъ выслать своего малолѣтняго сына, который во время занятія Могилева непріятелемъ оставался у одного священника подъ чужимъ именемъ.—Съ отъѣздомъ губернатора начались безпорядки въ городѣ.—Могилевскій маршалъ Маковецкій и быховскій—Кригеръ приняли на себя устройство торжественной встрѣчи. Они силою выгоняли жителей изъ домовъ и приказывали имъ кричать: «виватъ Наполеонъ!».. Городской голова, послѣ нѣсколькихъ пощечинъ, полученныхъ имъ отъ Кригера,

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. „Описаніе Отечественной войны“, т. I, стр. 250.

купилъ наскоро крошечный хлѣбъ въ еврейской пекарнѣ и поднесъ его Даву отъ имени города.

Онъ прежде всего потребовалъ доставки продовольствія и, обратившись къ губернскому прокурору Вакару, спросилъ его, сколько онъ можетъ поставить хлѣба и мяса.

— Моя должность,—отвѣчалъ спрошенный,—по части правосудія, а не по поставкѣ провіанта и фуража.

Даву остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ.

— Здѣсь нѣтъ никакого порядка,—сказалъ онъ и приказалъ, чтобы всѣ жители пекли хлѣбъ, конечно, изъ своихъ запасовъ.

Принимая оставшихся въ городѣ чиновниковъ и дворянъ, маршалъ Франціи выразилъ имъ свое удивленіе, что не находитъ въ губерніи того энтузіазма и польскаго духа, который онъ видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Поэтому онъ предостерегаетъ сторонниковъ Россіи отъ вредной дѣятельности [1]).

Учрежденная для управленія губерніею временная коммиссія, составленная изъ поляковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Пакоша, 13-го іюля отправила слѣдующее отношеніе къ могилевскому архіепископу Варлааму, оставшемуся въ городѣ: «Сія коммиссія, составленная по повелѣнію маршала великой арміи войскъ французскихъ и соединенныхъ, принца Экмюльскаго и многихъ орденовъ кавалера, повѣщаетъ симъ вашему высокопреосвященству, что завтрашняго дня въ 9 часовъ, т. е. 26-го іюля по новому календарю, въ здѣшней, греко-восточной соборной церкви обязанностію будетъ всего могилевскаго духовенства, дворянства и прочихъ состояній греческаго исповѣданія учинить присягу на вѣрность французскому императору и италійскому королю, великому Наполеону, и совершить вамъ самимъ лично, яко первенствующему архипастырю губерніи Могилевской, божественную литургію, поминая отнынѣ въ оной, какъ равно и благодарственномъ ко Всевышнему молебствіи, вмѣсто императора Александра — французскаго императора и италійскаго короля, великаго Наполеона,—каковой долгъ дабы безотлагательно исполненъ былъ съ приличнымъ торжествомъ; равно и во всѣхъ приходахъ епархіи вашей послать отъ себя повелѣнія и о послѣдующемъ сію коммиссію увѣдомить» [2]).

Человѣкъ твердаго характера и стойкихъ убѣжденій, архіепископъ Варлаамъ, на 63 году жизни, измѣнилъ долгу присяги [3]). Архіепископъ

---

[1]) Рапортъ могилевскаго прокурора Вакара министру юстиціи Дмитріеву 9-го декабря 1812 г. Арх. минист. юстиціи, опись 1812 г. д. № 2885.

[2]) Арх. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1812 года № 4493.

[3]) Онъ родился въ селѣ Красиловкѣ Черниговской губерніи и происходилъ изъ малороссійскихъ поселянъ. До постриженія въ монашество онъ на-

Варлаамъ,—говоритъ И. Носовичъ [1]),—сколько самъ былъ дѣятеленъ и неутомимъ, столько же строгъ и взыскателенъ ко всѣмъ подчиненнымъ, уклонявшимся отъ путей правды. Онъ любилъ правоту, не любилъ лукавства и лести, особенно въ духовныхъ лицахъ. Онъ былъ строгій монахъ, никогда не употреблявшій мясной пищи и никакихъ напитковъ. Я зналъ это потому, что съ сентября 1808 по 1812 годъ имѣлъ квартиру у архіерейскаго повара.

«Въ великій постъ онъ даже и рыбы не употреблялъ, а ежедневною его пищею была гречневая каша съ постнымъ конопляным масломъ и какой-либо супъ съ боровиками. Однажды во время Петрова или Спасова поста, онъ поставленъ былъ въ необходимость быть на обѣдѣ у губернатора, гдѣ особенно для него приготовлены были постныя блюда. Блюдо со свѣжею рыбою ему показалось отлично сготовленнымъ, почему на завтрашній день онъ послалъ своего повара къ поварамъ губернатора учиться приготовлять свѣжую рыбу. Поваръ, получивъ урокъ и возвратившись къ преосвященному, сказалъ: «я это средство знаю, но вы владыка не согласитесь ѣсть; она готовится на бульонѣ». Преосвященный Варлаамъ захаркалъ и заплевалъ, говоря: «Ахъ! они, окаянные, оскоромили меня въ постъ».

Варлаамъ былъ преданъ святительскому своему долгу, не общителенъ съ гражданскими властями губерніи и потому многимъ изъ нихъ былъ не по сердцу и прежде всего губернатору графу Дмитрію Але-

---

ходился въ Переяславской семинаріи учителемъ, префектомъ и ректоромъ. Въ 1776 году Варлаамъ былъ постриженъ въ монахи и въ 1780 году назначенъ игуменомъ Мошногорскаго монастыря Минской епархіи, а оттуда переведенъ въ Переяславскій Михайловскій. По упраздненіи Переяславской епархіи и учрежденіи вмѣсто ея Новгородско-Сѣверской, Варлаамъ переведенъ въ 1785 году, въ ректорскую тамошней семинаріи должность и начальствовалъ въ Макотинскомъ монастырѣ, присутствуя и въ консисторіяхъ обѣихъ тѣхъ епархій. Варлаамъ былъ извѣстенъ тогда своею ученостью и богословскими познаніями. Въ 1787 г. онъ былъ отправленъ въ Литву, для управленія Виленскимъ Святодуховымъ и другими приписанными къ нему монастырями; но по происшедшему въ Польшѣ возмущенію, будучи въ опасности, удалился оттуда и по опредѣленію Синода возведенъ въ 1791 году въ архимандриты съ опредѣленіемъ настоятелемъ во второклассный Новгородскій Вяжицкій монастырь. Въ маѣ 1794 года, Варлаамъ былъ отправленъ къ минскому архіепископу, для пособія ему въ обращеніи тамошнихъ уніатовъ въ православіе и былъ опредѣленъ въ Дьятловицкій монастырь. 12-го апрѣля 1795 года, по именному высочайшему указу, Варлаамъ посвященъ въ епископа житомірскаго и 16-го октября 1799 года назначенъ епископомъ Волынской епархіи. Въ 1805 году 20-го декабря онъ былъ переведенъ въ Могилевъ и 23-го марта 1808 года пожалованъ въ званіе архіепископа. (Всеподдан. докладъ Синода 28-го мая 1813 г. См. также „Волынскія епархіальныя Вѣдомости“ 1879 г. № 8, стр. 324 и „Историчес. Вѣстн.“ 1881 г. № 7 стр. 525—528).

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ (рукоп.).

ксандровичу Толстому. Съ перваго своего вступленія на Могилевскую паству, Варлаамъ приблизилъ къ себѣ молодаго священника Іоанна Стратановича, прикинувшагося скромникомъ. Онъ сдѣлалъ его ключаремъ Іосифскаго каѳедральнаго собора, членомъ консисторіи и протоіереемъ. Впослѣдствіи доходившія жалобы на несправедливые поступки Стратановича съ клиромъ, взятки и нетрезвое поведеніе заставили Варлаама лишить его своего довѣрія [1]). Архіепископъ назначилъ строгое слѣдствіе какъ разъ передъ вступленіемъ непріятеля въ Могилевъ.

«Я,—пишетъ И. Носовичъ,—окончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Могилевской семинаріи въ концѣ іюня 1812 года и, ожидая случая ѣхать домой, пробылъ въ городѣ до 8-го іюля и тогда же слышалъ, что преосвященный Варлаамъ собирался выѣхать въ маленькое архіерейскаго дома имѣніе или фольварокъ, въ Мстиславскомъ уѣздѣ, но губернаторъ Толстой воспретилъ этотъ выѣздъ и даже приставилъ стражу.—Всѣ жители знали это и принимали участіе въ Варлаамѣ, какъ въ своемъ пастырѣ, очень сожалѣли о такомъ препятствіи удалиться и даже губернатора считали измѣнникомъ

«Изъ Могилева я вышелъ пѣшкомъ 8-го іюля въ 10 часовъ утра, въ видѣ прогуливавшагося, ибо на лошадяхъ по приказанію губернатора никого не пропускали къ выѣзду, особенно черезъ мостъ на Днѣпрѣ. По справедливости судя, графъ Толстой, какъ православный начальникъ губерніи, долженъ былъ, во время приближенія непріятеля, подать владыкѣ-старику средство удалиться изъ Могилева, но здѣсь были какіе-то виды у губернатора задержать Варлаама [2])».

Оставшись самъ въ городѣ, архіепископъ не смотря на просьбы духовенства позволить удалиться изъ Могилева, приказалъ ему оставаться въ городѣ.

— Я остаюсь и вамъ всѣмъ оставаться,—сказалъ онъ ключарю Стратановичу...

Послѣдній, потребованный въ 12 часовъ по полудни 13-го іюля, получилъ приказаніе отъ Варлаама нарядить на слѣдующій день священниковъ для служенія съ ними въ соборѣ и принесенія присяги.

---

[1]) Стратановичъ впослѣдствіи во многомъ оговаривалъ Варлаама.

[2]) По словамъ графа М. В. Толстаго, архіепископъ Варлаамъ не выѣхалъ изъ Могилева потому, что старался собрать свои капиталы, находившіеся въ рукахъ евреевъ („Русскій Архивъ" 1881 г. Кн. I (2), 266); другіе говорили, что онъ не уѣхалъ потому, что онъ не желалъ разстаться съ своею обширною и рѣдкою библіотекою и, наконецъ, третьи—что Варлаамъ льстилъ себя надеждою, что, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Польскому королевству, онъ будетъ главнымъ архипастыремъ православной церкви въ Польшѣ. Гдѣ правда, сказать трудно. Попытки къ разъясненію поступковъ Варлаама сдѣланы А. Ѳ. Хойнацкимъ.—См. „Историческій Вѣстникъ", 1881 г. № 7, стр. 531—536.

«Ни самъ Наполеонъ,—пишетъ Носовичъ,—ни маршалъ Даву, не имѣли ни малѣйшей надобности требовать отъ архіепископа Варлаама со всѣмъ его духовенствомъ, ни отъ католическаго даже духовенства присяги. Но это была продѣлка поляковъ. Они сдѣлали это для того, чтобы православные священники, поколебленные присягою, не внушали, подобно католическимъ ксендзамъ во время войны и безначалія, своимъ прихожанамъ возстать противъ помѣщиковъ латинскаго исповѣданія и истребить ихъ до конца».

Какъ бы то ни было, но Варлаамъ, посовѣтовавшись съ консисторскими членами и генералъ-маіоромъ Хоментовскимъ, рѣшился присягнуть, чтобы, какъ показывалъ впослѣдствіи, спасти паству отъ преслѣдованія, а храмы Господни отъ посрамленія и разоренія [1]). Секретарь могилевской консисторіи Демьяновичъ уговаривалъ Варлаама не дѣлать этого, указывая, что Францiя еще не завладѣла окончательно Бѣлоруссіей; что, если Бѣлоруссія опять будетъ подъ державою россійской,—говорилъ Демьяновичъ,—насъ тогда будутъ судить.

— Ты думаешь,—отвѣчалъ Варлаамъ,—что Россія будетъ благополучна?.... Пусть будетъ благополучна; я одинъ тогда буду несчастенъ.

Во время присяги церковь была похожа на «военную ставку»: въ два ряда стояли вооруженныя войска отъ самаго алтаря до выходныхъ дверей, а барабанный бой, кстати и некстати, заглушалъ всѣхъ. По окончаніи службы, духовенство и всѣ собравшіеся подписали слѣдующую присягу, которая предварительно была громко прочтена:

«Я ниже поименованный клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству его величества французскаго императора и италійскаго короля Наполеона имѣю быть вѣрнымъ и всѣ повелѣнія его исполнять и, дабы исполняемы были, стараться буду».

Присяжные листы подписывались кто и какъ желалъ. Губернскій прокуроръ Вакаръ написалъ: «въ томъ, что не буду вреднымъ, подписуюсь [2]).

Послѣ присяги служили обѣдню и молебенъ, при чемъ поминали: «великодержавнаго государя императора французовъ и короля Италіи, великаго Наполеона, и супругу его императрицу и королеву Марію-Луизу».

Въ тотъ же день, 14-го іюля, по приказанію преосвященнаго, отъ консисторіи посланы были во всѣ мѣста, занятыя непріятелемъ, предписанія произвести присягу французскому императору и объ исполненіи

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода 30-го марта 1813 года.

[2]) Рапортъ могилевскаго прокурора Вакара министру юстиціи Дмитріеву 9-го декабря 1812 г. (Арх. минис. юстиціи опись 1812 г. дѣло № 2885). За эту подписку Вакаръ по постановленію Комитета министровъ 31-го декабря 1812 г. былъ уволенъ отъ службы.

донести. На отнощеніи временной коммиссіи Варлаамъ написалъ: «Для достодолжнаго по сему исполненія, учинить со всею поспѣшностью всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ подробныя предписанія, а въ коммиссію отвѣтное изготовить».

«Вслѣдствіе чего,—писала консисторія [1]),—по отправленіи въ здѣшнемъ каѳедральномъ соборѣ его высокопреосвященствомъ божественной литургіи и за учиненіемъ всѣмъ духовенствомъ и прочимъ народомъ присяги и по отпѣніи, наконецъ, благодарственнаго молебствія для достодолжнаго по оному и въ прочихъ подчиненныхъ мѣстахъ, гдѣ есть уже на сіе отъ свѣтскаго правительства по своей части предписаніе, симъ вамъ съ копіею отношенія и присяжнаго листа предписывается съ тѣмъ, чтобы таковой присяжный листъ за подписомъ доставленъ былъ свѣтскому чиновнику, при присягѣ быть имѣющему, и объ исполненіи того рапортовано было консисторіи».

Въ тѣ мѣста, откуда долго не получалось увѣдомленій о присягѣ [2]), консисторія предписывала по два и по три раза о скорѣйшемъ исполненіи. Вслѣдъ за тѣмъ по требованію временнаго правительства было предписано, чтобы въ городѣ отъ захожденія до совершеннаго восхожденія солнца въ церквахъ въ колокола не звонили, да и днемъ къ обѣднѣ и вечернѣ звонили бы тихо и непродолжительно; чтобы крестьяне повиновались помѣщикамъ, не исполняли повелѣній русскаго правительства, но во всемъ вспомоществовали французской арміи.

При поставленіи во священники и діаконы, поставляемые присягали не императору Александру, а Наполеону. За этимъ Варлаамъ особенно слѣдилъ. Когда до него дошелъ слухъ, будто бы могилевской городской Воскресенской церкви священникъ Андрей Добровольскій, 22-го іюля, по совершеніи литургіи и молебствія, поминалъ государя и весь царствующій домъ, то архіепископъ приказалъ произвести о томъ строжайшее дознаніе. Добровольскій далъ подписку и даже привелъ свидѣтелей, двухъ мѣщанъ, что этого не дѣлалъ, но, согласно повелѣнію начальства, поминалъ Наполеона.

Въ день именинъ Наполеона и рожденія его супруги были совершаемы въ Могилевскомъ соборѣ и другихъ церквахъ города торжественныя богослуженія, при чемъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы приказаніе архіепископа было исполнено, во всѣ церкви были посланы его «надзиратели». Въ соборѣ въ оба эти дня священникъ Піючевскій говорилъ проповѣди, сочиненныя самимъ Варлаамомъ. Въ проповѣди между прочимъ говорилось о вседѣйствующемъ промыслѣ Божіемъ съ обраще-

---

[1]) Баркалабовскаго монастыря игуменьѣ Суссаннѣ съ сестрами 14-го іюля. Арх. Синода, дѣло оберъ-прокурора Синода 1812 г. № 4493.

[2]) Увѣдомленія были получены отъ благочинныхъ и духовныхъ заказовъ по городамъ: Могилеву, Мстиславлю, Чаусамъ, Быхову и Черикову.

ніемъ къ императору французовъ такихъ словъ: «На комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ на не великомъ Наполеонѣ? Предпріятія его чрезвычайны, подвиги велики, дѣла пресловуты; событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную» [1]).

Принужденные предписаніями двѣ-трети могилевскаго духовенства присягнули на вѣрность врагу отечества, а городское духовенство все безъ исключенія. Но слѣдуетъ замѣтить, что, давъ присягу, сельское духовенство не исполняло ее.

«Тяжко грѣшитъ Орестъ [2]),—пишетъ Носовичъ,—говоря—яко бы въ сельскихъ церквахъ наблюдаемо было при богослуженіяхъ воспоминаніе Наполеона. Я доподлинно знаю, что все православное духовенство, отъ уѣздныхъ городовъ до приходскихъ сельскихъ церквей, Варлаамову присягу считали за вынужденную насиліемъ и вездѣ при богослуженіи воспоминаемо было имя Святѣйшаго Синода и государя Александра и, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ бывши много разъ при богослуженіяхъ, нигдѣ не слышалъ я воспоминанія Наполеона. Скажу при этомъ, что во всей Могилевской губерніи господствовало мнѣніе, что Наполеонъ есть Антихристъ».

Съ удаленіемъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи поступки Варлаама скоро обнаружились. «По дошедшимъ свѣдѣніямъ,—писалъ императоръ Александръ въ указѣ Синоду [3]),—находя нужнымъ удалить отъ управленія епархіею витебскаго и могилевскаго архіепископа Варлаама, повелѣваю: произвесть на мѣстѣ, черезъ синодальнаго члена архіепископа рязанскаго, вѣрнѣйшее изслѣдованіе о поступкахъ Варлаама во время нашествія врага и съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода представить мнѣ».

Получивъ слѣдственное дѣло, Синодъ, имѣя въ виду, что архіепископъ Варлаамъ почти добровольно принялъ присягу; что при этомъ не было употреблено ни принужденія, ни насилія, кромѣ одного письменнаго отношенія временной коммиссіи; что своею присягою онъ вовлекъ въ преступленіе подчиненныхъ своихъ; что онъ исполнялъ всѣ требованія непріятеля съ крайнею поспѣшностію и подвергалъ священника, не исполнившаго его предписанія, строжайшему сужденію,—имѣя все это въ виду, Синодъ положилъ: архіепископа Варлаама, «яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ», лишивъ архіепископства и священства, оставить только въ монашескомъ чинѣ и назначить ему мѣ-

---

[1]) Дѣло о поступкахъ могилевскаго архіепископа Варлаама въ 1812 г.—Сборникъ Археологическаго института 1879 г., кн. II.

[2]) Въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ „Археологическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западнаго края“ въ статьѣ „Исторія Могилева“.

[3]) Отъ 5-го декабря 1812 г. Арх. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1812 г. № 4493.

стомъ жительства Черниговской епархіи въ первоклассномъ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ на содержаніи, «какое благоугодно будетъ вашему величеству повелѣть производить» [1]).

1-го мая 1813 года въ Вюршенѣ императоръ Александръ утвердилъ докладъ, и Св. Синодъ, 19-го мая, постановилъ предоставить церемонію разстриженія Варлаама черниговскому архіепископу Михаилу (впослѣдствіи митрополиту с.-петербургскому) и съ этою цѣлію просить оберъ-прокурора князя А. Н. Голицына дать предписаніе могилевскому гражданскому губернатору, чтобы архіепископъ Варлаамъ препровожденъ былъ изъ Могилева въ Черниговъ подъ надзоромъ гражданскаго чиновника. «На случай могущей встрѣтиться въ пути надобности, командировать съ нимъ духовника, но отнюдь не изъ присягавшихъ врагу». Преосвященному черниговскому предписано: когда Варлаамъ будетъ къ нему доставленъ, «назначить день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и градское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, посреди церкви объявить прочтеніемъ черезъ консисторскаго секретаря высочайше конфирмованный докладъ и, снявъ съ него, черезъ ключаря съ протодіакономъ, все архіерейское облаченіе и возложа приличныя монаху одѣянія, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но и іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ ни письменно, ни словесно не именовался и не писался и благословеніе рукою никому не преподавалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія». По исполненіи этого обряда Синодъ приказалъ отправить Варлаама въ Спасскій монастырь, гдѣ имѣть за нимъ строжайшее наблюденіе, чтобы онъ, «какъ себѣ не могъ причинить какого вреда, такъ и ни съ кѣмъ изъ стороннихъ не имѣлъ никакого сношенія и переписки»; содержаніе же ему производить наравнѣ съ прочими монашествующими [2]).

29-го іюня 1813 года Варлаамъ былъ лишенъ архіепископскаго сана и далъ подписку исполнять все отъ него требуемое постановленіемъ Синода. Варлаамъ прожилъ въ монастырѣ десять лѣтъ и скончался въ 1823 году [3])...

Но мы опередили событія и должны возвратиться нѣсколько назадъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Синода 30-го марта 1813 г.—Арх. Синода. Именные высочайшіе указы.—При этомъ было сказано, что монаху положено жалованья 24 руб. въ годъ, кромѣ порціи, количество которой зависитъ отъ состоянія монастырскихъ доходовъ.

[2]) Опредѣленіе Синода 28-го мая 1813 года.

[3]) Подробности о дальнѣйшей жизни Варлаама см. „Историческій Вѣст." 1881 г. № 7, стр. 538—543.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни.

IV [1]).

30-е августа.—Начало боя на третьемъ гребнѣ.—Скобелевъ.—Князь Черкасскій.—Полковникъ Бурц.—Генералъ Добровольскій и мой послѣдній разговоръ съ нимъ.—Пріѣздъ полковника Соболева и Е. И. Утина.—Взятіе Скобелевымъ 3-го гребня.

Успокоившись по окончаніи чтенія диспозиціи, князь Имеретинскій продиктовалъ мнѣ записку къ генералу Скобелеву слѣдующаго содержанія: «Препровождая вашему превосходительству копію съ диспозиціи по западному отряду арміи, присовокупляю: 1) всѣ отданныя мною вамъ приказанія для дѣйствій 30-го августа отмѣняются, такъ какъ вы мнѣ болѣе не подчинены. 2) согласно диспозиціи, я обязуюсь поддерживать вашу атаку и прикрывать лѣвый флангъ вашей колонны, а потому, ежели вы не признаете удобнымъ присоединить къ командуемой мною дивизіи одинъ изъ полковъ оной, находящійся на занимаемой вами позиціи, а равно и батареи 2-й артиллерійской бригады, то я предоставляю вамъ оставить ихъ при ввѣренномъ вамъ отрядѣ; я же, въ такомъ случаѣ, оставлю при себѣ 11-й и 12-й стрѣлковый батальоны. 3) Я расположенъ съ частями ввѣренной мнѣ дивизіи у с. Брестовацa, гдѣ и буду ожидать

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1902 г.

вашихъ увѣдомленій относительно содѣйствія успѣху вашей атаки и охраненія вашего лѣваго фланга». Князь диктовалъ эту записку, шагая по комнатѣ; диктовалъ онъ всегда такъ хорошо, что, написавши подъ его диктовку, можно было прямо посылать бумагу; помарокъ и исправленій не требовалось. Скобелевъ предпочелъ имѣть у себя всю стрѣлковую бригаду и увѣдомилъ, что возвратитъ Эстляндскій полкъ. Тѣмъ не менѣе части этого полка остались сразу у Скобелева, прикрывая его лѣвый флангъ отъ Кришина. Такимъ образомъ, впереди у Скобелева были: 3-я стрѣлковая бригада, Владимірскій и Суздальскій полки 16-й пѣхотной дивизіи, Ревельскій полкъ 2-й пѣхотной дивизіи и четыре батареи; у князя Имеретинскаго остались Либавскій и Калужскій полки. Эстляндскій полкъ былъ на второмъ гребнѣ, прикрывая лѣвый флангъ наступленія Скобелева. Относительно полковъ 2-й пѣхотной дивизіи надо замѣтить, что это были не полки, а части полковъ, сильно пострадавшихъ подъ Ловчей и на Зеленыхъ горахъ.

Дождь лилъ всю ночь; на разсвѣтѣ сильнѣйшій туманъ окутывалъ мѣстность. Все было мокро; землю такъ распустило, что нога вязла или, въ лучшемъ случаѣ, на твердыхъ мѣстахъ и тамъ, гдѣ земля была покрыта обильно падавшими листьями, скользила. Даже на близкое разстояніе предметы были плохо видны.

Съ разсвѣтомъ у насъ, какъ и вездѣ, открыли огонь. Такъ какъ Скобелеву предстояло начать дѣло взятіемъ третьяго гребня, что̀ было какъ бы введеніемъ въ самый штурмъ Плевны (понимая подъ этимъ штурмъ редутовъ), то движеніе впередъ и бой на лѣвомъ флангѣ начались съ утра [1]). Князь Имеретинскій, зная это, послалъ меня впередъ къ генералу Скобелеву посмотрѣть, что тамъ дѣлается и спросить у него, не надо ли выслать ему сейчасъ же подкрѣпленій и какихъ именно: артиллеріи или уже и пѣхоты.

Въ началѣ десятаго часа утра поѣхалъ я на второй гребень. Проѣзжая по шоссе, я увидалъ справа отъ него, спустившись внизъ, ротные котлы, окруженные массою солдатъ съ синими околышами на фуражкахъ и нѣсколькими офицерами: ѣли кашу, по большей части руками. Какой-то маіоръ Суздальскаго полка, почтенныхъ лѣтъ, въ пальто,

---

[1]) Впослѣдствіи Скобелева обвиняли въ томъ, что онъ началъ штурмъ раньше; злые языки, разсказывая это, подчеркивали въ томъ смыслѣ, что якобы онъ все это сдѣлалъ нарочно для того, чтобы, такъ сказать, предвосхитить славу успѣха. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Если бы Скобелевъ ждалъ до 3-хъ часовъ и тогда бы только пошелъ на третій гребень, то, надо думать, что въ этотъ день онъ совсѣмъ не добрался бы до редутовъ. Впрочемъ изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, въ какомъ положеніи онъ находился и на второмъ гребнѣ утромъ 30-го августа. П. П.

кадѣтое въ рукава и съ разстегнутымъ клапаномъ назади, усердно уплеталъ кашу, держа комокъ ея въ ладоняхъ обѣихъ рукъ: каша была съ саломъ и не разваливалась, но такая горячая, что маіоръ дулъ то на кашу, то на ладони, перекидывая комокъ изъ одной руки въ другую. Ничего не ѣвши послѣ того шампанскаго, которое было выпито наканунѣ въ Брестовацѣ, я свернулъ къ котламъ и этотъ маіоръ преусердно наложилъ мнѣ каши, оказавшейся превкусной, въ подставленныя мною ладони. Кто-то пріѣхалъ, заторопили пѣхоту впередъ; она пошла, поѣхалъ и я.

Выѣхавъ на гребень и свернувъ съ шоссе влѣво, увидѣлъ я Скобелева. Онъ былъ пѣшкомъ, свѣжъ и чистъ; полукругомъ передъ нимъ стояла плотная группа офицеровъ разныхъ частей, разныхъ чиновъ, которымъ онъ отдавалъ послѣднія словесныя приказанія. Я слѣзъ съ лошади и не желая, да и не имѣя права прерывать его, сталъ немножко спереди, разсчитывая, что Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь то туда, то сюда, меня увидитъ. Такъ и случилось: замѣтивъ меня, онъ кивнулъ головой и продолжалъ свое дѣло. Все это происходило между деревьями, среди кустовъ и виноградниковъ; съ деревьевъ капало, а Кришинъ преусердно угощалъ косыми выстрѣлами, преимущественно картечными гранатами, пули которыхъ такъ и подрѣзывали, или, лучше сказать, подсѣкали кусты и вѣтви, а иногда расщепляли болѣе крупныя деревья

Разсматривая лицъ, окружавшихъ Скобелева, къ удивленію моему увидѣлъ я позади Михаила Дмитріевича князя Черкасскаго, верхомъ, въ вицъ-мундирномъ сюртукѣ и съ Владиміромъ на шеѣ. Я хотѣлъ было сейчасъ подойти къ нему поздороваться и узнать, почему онъ сюда попалъ, но не рѣшился этого сдѣлать, чтобы не упустить Скобелева. Въ 10 часовъ утра передовыя войска тронулись, и немедленно началась жестокая ружейная пальба; она разразилась какъ-то вдругъ, сразу, а не постепенно и исподоволь, какъ это бывало по большей части; тутъ точно обѣ стороны ждали чего-то въ молчаніи и потомъ, какъ бы по сигналу, одновременно всѣ открыли пальбу. Надо замѣтить, что туманъ, укрывавшій отъ насъ турокъ и скрывавшій вначалѣ наше наступленіе, къ этому времени сталъ подниматься, и весьма возможно, что передовыя части наши и непріятельскія, неожиданно увидѣвъ близость свою—сразу открыли огонь. Скобелевъ обернулся ко мнѣ, и когда я подошелъ къ нему, сказалъ: «ты видишь, что у меня дѣлается; ты понимаешь, что я такъ оставаться не могу: мнѣ надо впередъ или назадъ, а стоять нельзя. Передай князю то, что видѣлъ, и скажи, что я въ 10 часовъ началъ атаку третьяго гребня». Я доложилъ ему приказаніе князя спросить о подкрѣпленіяхъ, но онъ отвѣтилъ, что покуда довольно, но чтобы все было наготовѣ, такъ какъ онъ самъ не знаетъ, какъ повернется дѣло. Кончивъ съ Скобелевымъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ

князю Черкасскому, который, увидѣвъ меня, закричалъ: «bonjour» [1]; на это привѣтствіе я, тоже по-французски, спросилъ: «que faites Vous-ici, prince?»—«Je suis venu pourvoir ce que c'est que le feu...» — «Et bien?» «Et bien, j'ai vu et je m'en vais» [2].

Мнѣ тутъ нечего было больше дѣлать, я сѣлъ на лошадь и потихоньку поѣхалъ къ шоссе, слегка подбадривая ногайкой лошадь, которая, какъ будто ее сзади подстегивали, все время подскакивала передомъ, поджимая задъ, отъ падавшихъ по сосѣдству и въ догонку пуль, ломавшихъ и подкашивавшихъ сучья и кусты, съ характернымъ присвистомъ.

Къ 11-ти часамъ туманъ почти совсѣмъ поднялся, оставалась ужасная сырость. Ѣдучи бороздой, отъ большой ходьбы превратившейся въ тропинку, я видѣлъ издали на шоссе небольшую группу верховыхъ и пѣшихъ, а впереди всѣхъ какого-то всадника въ буркѣ. Вдругъ передъ этой группой упала граната, по направленію ея паденія очевидно пущенная изъ Скобелевскихъ редутовъ, и разорвалась; когда дымъ разсѣялся, то передоваго всадника въ буркѣ уже не было, а метавшуюся лошадь удерживали подъ уздцы артиллеристы. Выѣхавъ на шоссе, я увидѣлъ пѣшимъ человѣка въ буркѣ, только-что сидѣвшаго верхомъ. Это былъ командиръ 2-й артиллерійской бригады, добрѣйшій полковникъ Бури, очень ко мнѣ расположенный. «Какъ, это вы были верхомъ; не въ васъ ли угодила эта граната?» спросилъ я.—«Да, да, въ меня... контузія... въ голову»... отвѣтилъ прерывающимся голосомъ и покачиваясь почтенный старикъ; «ничего не слышу, шумъ въ головѣ такой, что ужасъ; все прыгаетъ и пляшетъ въ глазахъ». Онъ отправился на перевязочный пунктъ, и я его больше не видѣлъ. Слышалъ, что его довезли до госпиталя во Фратешти (въ Румыніи); прибавляли, что у него черепъ оказался лопнувшимъ, что голова распухла, но я не могъ узнать, правда ли это.

Мнѣ очень хотѣлось курить, и я началъ свертывать папироску. Готовыя папиросы давно уже вышли и я возилъ табакъ въ резиновомъ мѣшечкѣ, пристегивая его къ пуговицѣ сюртука; мѣшечекъ болтался и табакъ очень крошился, такъ что у меня былъ другой мѣшечекъ запасный, побольше, который мой Захаръ (Заурбекъ Дулаевъ) [3] возилъ за мной, засунувъ подъ черкеску. Я началъ крутить папироску, какъ услышалъ влѣво отъ меня голосъ: «чего вы тутъ сидите; — слѣзайте». Поднявъ голову, я увидѣлъ на шоссе Добровольскаго. Шоссе было тутъ

---

[1]) „Здравствуйте“.

[2]) „Что вы здѣсь дѣлаете, князь?“—„Я пріѣхалъ посмотрѣть, что значитъ огонь“...—„И что же?“—„Я видѣлъ—и уѣзжаю“.

[3]) Изъ прошлаго. Часть 1.—На войнѣ, стр. 348.

углублено; правая его сторона (т. е. восточная) была нѣсколько выше, круче, образовывала уступъ и густо заросла кустарникомъ. Около этого уступа стоялъ Добровольскій, въ длинномъ до пятъ, кожанномъ пальто. Когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ его необычайной блѣдностью; это была уже не блѣдность, а какой-то сѣрый, землянистый цвѣтъ лица. «Чего вы сидите; слѣзайте», повторилъ онъ и подошелъ ко мнѣ. Я спросилъ его, въ чемъ дѣло, зачѣмъ слѣзать. Добровольскій, точно сердясь, отвѣчалъ мнѣ: «да развѣ не видиде, что дѣлается, какая пальба; видѣли, что было съ Бури;—всѣ тутъ останемся»... Я послушался и слѣзъ.

Поговоривши немножко съ Добровольскимъ, который былъ очень нервенъ, я попрощался съ нимъ и уѣхалъ.—Не думалъ я, что это былъ мой послѣдній разговоръ съ нимъ.

Пріѣхавъ къ князю и доложивъ ему все, что слѣдовало, я при немъ и остался. Не выходила у меня изъ головы эта смертельная блѣдность Добровольскаго.

Съ утра Скобелевъ занялъ третій гребень, который можно назвать по конфигураціи мѣстности—предательскимъ; казалось, дошли до гребня, а оказывалось, что впереди еще какъ будто укрытѣе. Вслѣдствіе этого передовыя наши войска незамѣтно перевалили за гребень и тамъ остановились, окапываясь на сколько было возможно при недостаточномъ количествѣ шанцеваго инструмента. Въ 1 часъ дня, турки, видя нашу остановку, перешли въ очень энергичное наступленіе. Пришлось ввести въ дѣло резервы. Владимірскій полкъ и два стрѣлковыхъ баталіона были уже въ первой линіи, и изъ общаго резерва этой линіи былъ взятъ и придвинутъ къ третьему гребню Суздальскій полкъ, а Ревельскій и другіе два стрѣлковыхъ баталіона поставлены за вторымъ гребнемъ. Князь послалъ на этотъ гребень еще одну батарею для усиленія, уже дѣйствовавшихъ на немъ съ утра, трехъ батарей. Турки, тоже продвинувшіеся съ своей стороны на скаты третьяго гребня, назадъ не отходили и даже продвигались впередъ настолько, что отъ ружейнаго огня страдали не только резервы первой линіи, но и резервы, расположенные за вторымъ гребнемъ и даже перевязочный пунктъ, за первымъ гребнемъ. Скобелевъ, видя полную невозможность оставаться на мѣстѣ подъ такимъ разстрѣломъ, рѣшилъ окончательно очистить отъ турокъ Зеленыя горы и возложилъ это на Суздальскій полкъ, къ которому примкнули уже бывшіе въ 1-й линіи владимірцы и стрѣлки. Примѣрно въ 2 часа по полудни Зеленыя горы были окончательно очищены, и турки отошли къ своимъ укрѣпленіямъ.

Приближался часъ общаго штурма, но, какъ видно изъ сдѣланнаго выше краткаго очерка дѣйствій отряда генерала Скобелева на Зеленыхъ горахъ, общность штурма была уже нарушена и вся диспози-

ція рухнула [1]). По диспозиціи, съ часа до $2^1/_2$ не только не должно было быть какого-нибудь боя въ прямомъ смыслѣ этого слова, но не должно было быть даже канонады; должна была царствовать мертвая, угрожающая тишина. Въ дѣйствительности же, на Зеленыхъ горахъ уже съ утра была не пальба, а настоящій бой, не прерывавшійся до 2-хъ часовъ дня; турки уже перешли одинъ разъ въ наступленіе. Во 2-мъ часу, долженствовавшемъ пройти въ грозномъ молчаніи—на Зеленыхъ горахъ происходила не только жестокая перестрѣлка, но именно около 2-хъ часовъ турки были отброшены съ горъ въ редуты, соединенными усиліями всей первой линіи Скобелева и резерва (Суздальскій полкъ), послѣ ожесточеннаго кровопролитнаго боя.

Къ 3-мъ часамъ по полудни былъ двинутъ на третій гребень Ревельскій полкъ для присоединенія къ Владимірскому, Суздальскому и стрѣлкамъ, а на второй гребень была послана княземъ Имеретинскимъ, лично все время на этомъ гребнѣ находившимся, еще одна батарея и Либавскій полкъ. Такимъ образомъ къ 3-мъ часамъ пополудни 30-го августа у князя Имеретинскаго оставалось въ качествѣ резерва колонны генерала Скобелева, для штурма редутовъ—два батальона Эстляндскаго полка и два слабыхъ батальона Калужскаго полка [2]).

V.

Численность войскъ отрядовъ генерала Скобелева и князя Имеретинскаго къ 3 часамъ по полудни 30-го августа.—Мѣстность передъ редутами.—Штурмъ редутовъ.—Взятіе редута № 1-го.—Переходъ турокъ въ наступленіе.—Смерть генерала Доброзольскаго.—Вылазка изъ редута № 1-го противъ редута № 2-го.—Взятіе этого редута.—Сборъ подкрѣпленій.—Ночь.

Ровно въ 3 часа началъ Скобелевъ свой знаменитый штурмъ, но къ этому времени въ соединенныхъ отрядахъ его и князя Имеретинскаго свѣжихъ войскъ было только 11 батальоновъ изъ 22-хъ, причемъ въ числѣ остальныхъ 11, потерпѣвшихъ и разстроенныхъ, было

---

[1]) Единовременность штурма была нарушена и въ центрѣ атаками угличанъ и ярославцевъ, преждевременность которыхъ объяснялась переходомъ турокъ въ наступленіе противъ этого пункта. Произошло это до 2-хъ часовъ дня.

[2]) Одинъ батальонъ эстлянцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ генерала Скобелева со стороны Кришина и одинъ батальонъ Калужскаго полка занималъ д. Брестовацъ, приспособленную къ оборонѣ. П. П.

8 пострадавшихъ въ этотъ самый день, въ непрерывномъ бою съ 10 часовъ утра [1]).

Чтобы понять, что предстояло преодолѣть отряду Скобелева, я позволю себѣ сдѣлать выписку изъ сочиненія генерала Куропаткина [2]). «Густой туманъ еще наполнялъ отдѣлявшую насъ отъ турокъ лощину, но очертанія редутовъ уже были довольно хорошо видны, а непрерывный огонь турокъ обозначалъ линіями дыма положеніе турецкихъ окоповъ. Пороховой дымъ гнало въ лицо намъ. Чтобы достигнуть редутовъ, нашимъ войскамъ предстояло спускаться около 500 саженъ по пологому, покрытому виноградниками сѣверному скату третьяго гребня въ Зеленогорскую лощину. По дну ея, въ обрывистыхъ берегахъ, недоступныхъ для артиллеріи безъ разработки ихъ, протекалъ ручей, черезъ который велъ только одинъ мостикъ. Перебравшись черезъ ручей, надлежало подниматься 200 саженъ по скату значительной крутизны, раздѣланному весьма тщательно въ обширную эспланаду передъ двумя сильной профили редутами, вѣнчавшими гребень высоты, съ котораго велъ къ ручью помянутый выше скатъ. Эти редуты связывались между собою траншеею въ 250 саженъ длины.

«Примѣрно въ 60 саженяхъ отъ линіи редутовъ и траншей шла линія ложементовъ. Редуты назывались: Абдулъ-бей-табія (Каванлыкъ), къ западу, переименованный нами въ Скобелевскій № 1-го или лѣвый и Реджи-бей-табія (Иса-ага), названный Скобелевскимъ № 2-го или правымъ.

«Отъ лѣваго редута шелъ траншейный ходъ сообщенія на сѣверъ, длиною свыше 250 саженъ, который выводилъ на раздѣланную дорогу изъ главнаго лагеря, что къ востоку отъ Плевны, къ редуту Баглыкъ-Сырты и къ группѣ Кришинскихъ редутовъ. Изъ послѣднихъ редутъ Юнусъ-бей-табія лежалъ въ $2^1/_2$ верстахъ на юго-западъ отъ Скобелевскаго № 1-го редута, имѣлъ сѣть траншей передъ собою и въ общей позиціи турокъ представлялъ наиболѣе сильное укрѣпленіе».

Ко всему этому надо прибавить турокъ съ ихъ неисчерпаемымъ количествомъ огня, и станетъ яснымъ, что изъ себя представляла Плевна съ южной стороны, въ 3 часа дня 30-го августа.

Подъ музыку и барабаны шла впередъ первая линія Скобелева: слѣва владимірцы, правѣе ихъ суздальцы и еще правѣе стрѣлки. Быстро спустились они въ оврагъ, но тутъ и пріостановились. Какъ это часто бываетъ, отдѣльныя лица и группы людей выскакивали впередъ, но масса залегла и не двигалась. Въ подобныхъ случаяхъ почти нѣтъ воз-

---

[1]) Владимірцы, суздальцы, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны.

[2]) Нынѣ военный министръ. Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 459.

можности поднять эту массу безъ какой-нибудь особой двигательной силы, и вотъ, съ этою цѣлью, былъ посланъ Ревельскій полкъ, отличившійся подъ Ловчей и ведомый старикомъ командиромъ, полковникомъ Писанко. Ревельцы, свѣжіе, еще въ этотъ день не бывшіе въ дѣлѣ, первыми появились на противуположномъ скатѣ, а къ нимъ присоединились остальные. Очевидно, воздѣйствовало стадное начало: ослабѣвшіе примкнули къ болѣе крѣпкимъ. Но и эти храбрецы не дошли до редутовъ: было не въ моготу; они остановились на половинѣ голаго ската, ничѣмъ не прикрытые, шагахъ въ 400 отъ непріятеля. Въ общемъ резервѣ оставалось всего 5 свѣжихъ батальоновъ; 12 ротъ Либавскаго полка, передвинутыхъ княземъ Имеретинскимъ къ третьему гребню взамѣнъ Ревельскаго полка и два стрѣлковыхъ батальона (11-й и 12-й), тоже передвинутыхъ къ третьему гребню генераломъ Добровольскимъ [1]). М. Д. Скобелевъ рѣшилъ двинуть впередъ и эти слабыя поддержки. По весьма картинному описанію помянутаго уже автора, эти 5 батальоновъ—«скрылись въ зловѣщей долинѣ, которая также быстро поглотила ихъ, какъ уже поглотила 11 батальоновъ, ранѣе посланныхъ». Либавцы и стрѣлки «достигли до изнемогавшихъ въ борьбѣ съ губительнымъ огнемъ нашихъ передовыхъ частей, слились съ ними и начали продвигаться впередъ сперва довольно быстро, затѣмъ все медленнѣе» [2]). Къ довершенію мрачности этого—«все медленнѣе», къ довершенію ужаса этого страданія—свѣжія силы турокъ, вышедшихъ изъ Плевны, съ черкесами и баши-бузуками, перешли въ наступленіе на нашъ правый флангъ.

«Извѣстно, какъ поражаетъ всякая неожиданность, тѣмъ болѣе страшная. Извѣстно также, какъ вліяетъ на войска ударъ во флангъ, обходъ... а если принять во вниманіе психическое состояніе, напряженность нервовъ и слѣдовательно до высшей степени доведенную впечатлительность находившихся на этомъ страшномъ скатѣ войскъ нашихъ, то станетъ понятнымъ, что—«успѣхъ боя окончательно заколебался!» [3])—Но тутъ совершилось нѣчто изъ ряду вонъ необычайное, потрясающее, героическое.

«Описывая то, что совершилось, я не могу поступить иначе, какъ повторить то, что говоритъ самъ бывшій начальникъ штаба отряда ге-

---

[1]) Еще до штурма редутовъ, въ 2 часа, одновременно съ атакой суздальцевъ на третьемъ гребнѣ, князь передвинулъ на второй гребень Либавскій полкъ, а Добровольскій передвинулъ туда же 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Это было сдѣлано по личному почину обоихъ старшихъ генераловъ отряда, напрягавшихъ всѣ силы, чтобы помочь младшему къ достиженію поставленной ему цѣли общаго успѣха. П. П.

[2]) Тамъ же, стр. 461.

[3]) Тамъ же, стр. 461.

нерала Скобелева [1]). «Тогда генералъ Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы военнаго счастія единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ—самого себя. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, спустившись съ третьяго гребня, на половинѣ ската до ручья, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значкомъ. Скрывая волненіе, генералъ Скобелевъ старался безстрастно - спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Градъ пуль уносилъ все новыя и новыя жертвы изъ конвоя, но ни на секунду не разсѣивалъ его вниманія. Всякая мысль лично о себѣ была далека въ эту минуту. Одна крупная забота объ успѣхѣ порученнаго ему боя всецѣло поглощала все. Если генералъ Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, какъ то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что онъ смотрѣлъ на себя какъ на резервъ, которымъ заранѣе рѣшилъ пожертвовать безъ оглядки, какъ только наступитъ, по его мнѣнію, рѣшительная минута. Минута эта настала; генералъ Скобелевъ пожертвовалъ собою и только чудомъ вышелъ живымъ изъ боя, въ который беззавѣтно окунулся. Давъ шпоры коню, генералъ Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, спустился, или вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противоположный скатъ, къ редуту № 1-го.—Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты, настолько Скобелевъ уже былъ популяренъ между войсками. Отступавшіе возвращались, лежавшіе вставали и шли за нимъ, на смерть. Его громкое «впередъ ребята!» придавало новыя силы. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1-го, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншею между ними.

«Видъ отступавшихъ отъ ложементовъ турокъ одушевилъ еще болѣе нашихъ. «Ура!», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линіи. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшіяся, охрипшія отъ крика наши войска за Скобелевымъ все лѣзли и лѣзли впередъ. Двигались нестройными, но дружными кучками различныхъ частей и одиночными людьми. Огонь турокъ очень ослабѣлъ, или дѣйствіе его, за захватившею всѣхъ рѣшимостью дойти до турокъ и все возраставшею увѣренностью въ успѣхъ, стало менѣе замѣтнымъ. Казалось, въ рядахъ турокъ замѣчалось колебаніе. Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній—и наши передовые ворвались съ остервенѣніемъ въ траншею и затѣмъ, въ 4 часа 25 м. по полудни, въ редутъ № 1-го.

«Генералъ Скобелевъ, добравшись до редута, скатился съ лошадью въ ровъ, высвободился изъ-подъ нея и изъ числа первыхъ ворвался въ редутъ. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная

[1]) Генералъ Куропаткинъ. Тамъ же, стр. 461, 462 и 463.

схватка. Упорнѣйшіе турки были перебиты, остальные отступили....» «....Схватка еще не всюду была кончена, какъ офицеры и солдаты, шедшіе на редутъ за Скобелевымъ какъ за знаменемъ, окружили его и умоляли идти назадъ, умоляли поберечь себя. Тяжело раненный маіоръ Либавскаго полка тащилъ его за ногу изъ сѣдла; лошадь, на которую Скобелевъ сѣлъ, была повернута и выведена изъ редута».

Но дѣло было далеко еще не кончено; оставался редутъ № 2-го и часть траншеи между редутами, а между тѣмъ можно себѣ вообразить, что представляли изъ себя наши войска, ворвавшіяся за Скобелевымъ въ редутъ и постепенно къ нему подтягивавшіяся; не говоря о томъ, что вслѣдствіе самаго боя, такого продолжительнаго, такого отчаяннаго, на мѣстности крайне пересѣченной и тѣсной, все перемѣшалось и спуталось, были еще психологическія причины—до высшей степени доведенное возбужденіе солдатъ, препятствовавшее водворенію какого-нибудь подобія порядка и, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Ловчи и Плевны»—ударь на насъ турки *сейчасъ* [1])—была бы неминуемая гибель: свѣжихъ войскъ больше не было, все израсходовали; прикрыться нечѣмъ—отступить нельзя. Къ счастью турки пропустили минуту для нихъ благопріятную; они дали намъ немного, какихъ-нибудь 20—25 минутъ, но этого было уже довольно.—Турки перешли въ наступленіе въ 5 часовъ свѣжими войсками, но остановились и даже побѣжали назадъ, отраженные огнемъ и *геройскимъ видомъ* защитниковъ, на этотъ разъ уже нашего редута. Скоро послѣ отбитія этой атаки турки перешли въ наступленіе изъ группы Кришинскихъ редутовъ на лѣвый флангъ Скобелева, но были отбиты огнемъ; много помогли этому успѣху донцы и конная артиллерія генерала Леонтьева, приказавшаго имъ наступать къ Кришину.

Нѣсколько позже и со стороны редута № 2-го начались попытки турокъ противъ редута № 1-го, что вызвало вылазку нашихъ изъ редута, которую повелъ начальникъ штаба генерала Скобелева, тогда еще капитанъ—Куропаткинъ. Бой былъ остервенѣлый и самому начальнику вылазки, только случаемъ уцѣлѣвшему, пришлось драться въ рукопашную [2]). Турки были отбиты, но къ несчастію солдаты зарвались, бросились къ самому редуту № 2-го и въ свою очередь были опрокинуты съ страшной потерей; по свидѣтельству генерала Куропаткина, изъ 120—150 человѣкъ участниковъ вылазки вернулось въ редутъ № 1-го невредимыми человѣкъ 30-ть.

Въ шестомъ часу Скобелевъ получилъ еще кое-что въ подкрѣпленіе. Князь Имеретинскій остался на второмъ гребнѣ, усердно продолжая за-

---

[1]) Курсивъ нашъ. П. П.

[2]) Ловча и Плевна. Ч. II, стр. 469.

ботиться объ организаціи поддержекъ; ему удалось собрать семь ротъ различныхъ частей, включая туда и отступавшихъ, для чего было устроено наблюденіе за отходившими и перехватываніе здоровыхъ [1]). Къ этимъ семи ротамъ, начальство надъ которыми принялъ Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, съ этого времени до конца боя 31-го августа не выходившій изъ огня и оставшійся въ живыхъ, присоединились еще $2^1/_2$ роты владимірцевъ съ героемъ маіоромъ Горталовымъ, не знавшимъ, что онъ переживаетъ канунъ своей смерти. Сборныя команды, слившись съ частью защитниковъ редута № 1-го, около 6-ти часовъ вечера взяли редутъ № 2-го.

Къ этому времени совсѣмъ стемнѣло, пальба стихла, хотя и не прекращалась совсѣмъ. Наступила ночь, полная тревоги; отрядъ Скобелева окапывался, готовясь къ слѣдующему, второму ужасному дню.

Не помню хорошенько, въ которомъ часу, вѣроятно въ антрактѣ между занятіемъ третьяго гребня и штурмомъ редута № 1-го, я увидѣлъ пріѣхавшихъ на Зеленыя горы полковника генеральнаго штаба Л. Н. Соболева, бывшаго правителемъ канцеляріи князя Черкасскаго; съ нимъ были: капитанъ Кюхельбекеръ и адвокатъ, мой хорошій знакомый по Петербургу, Е. И. Утинъ, пріѣхавшій на войну въ качествѣ корреспондента, кажется, «Вѣстника Европы». Измученный голодомъ и жаждой, я присѣлъ на краю шоссейной канавы и сперва утолилъ голодъ чудеснымъ сыромъ, любезно пожертвованнымъ намъ полковникомъ Соболевымъ, и глотнулъ коньяку, тоже отличнаго, изъ его фляжки; то, что̀ было у насъ, сдѣлалось почти несъѣдобнымъ и невыпиваемымъ: нашъ коньякъ былъ такой, что рѣзалъ горло какъ ножемъ.

Перекусивъ, хотѣлъ было напиться воды и пошелъ за ней къ фонтану, памятному мнѣ еще съ 18-го іюля, но воды не нашелъ: фонтанъ или изсякъ или былъ попорченъ—не знаю; не доставъ воды, я присѣлъ тутъ же у фонтана и утолялъ жажду чудеснымъ виноградомъ, совсѣмъ синимъ. Погруженный въ разныя мысли и занятый ѣдою, я услышалъ невдалекѣ отъ меня стоны; осмотрѣлся и увидѣлъ, какъ разъ противъ меня, на краю противоположной шоссейной канавы, незамѣченнаго мною раньше, красавца-юношу, вольноопредѣляющагося какого-то пѣхотнаго полка. Большаго роста, съ густыми, вьющимися, каштановыми волосами, очевидно очень стройный, лежалъ онъ, вытянувшись на боку, глядѣлъ при-

---

[1]) Одинъ батальонъ эстляндцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ на второмъ гребнѣ, одинъ батальонъ калужцевъ занималъ д. Брестовацъ, такъ что у князя Имеретинскаго осталось: два батальона Эстляндскаго полка, которые вечеромъ были направлены въ редуты, и два весьма слабыхъ батальона Калужскаго полка; сборныя части были составлены изъ людей Либавскаго, Суздальскаго и Ревельскаго полковъ.

стально на меня и часто, не то что говорилъ скороговоркой, а скорѣе стоналъ, непрерывно повторяя: «воды, воды»... Нѣсколько правѣе его, маленькій, черный, серьезный докторъ копошился у другаго раненаго. Надо замѣтить, что по мѣрѣ движенія Скобелева впередъ и удлинненія линіи его наступленія, а также громаднаго накопленія раненыхъ, передовые перевязочные пункты оказались уже слишкомъ удаленными и начали выдѣлять изъ себя еще впередъ летучіе перевязочные пункты слабаго, конечно, состава, съ докторомъ и фельдшеромъ. Эти летучіе перевязочные пункты, назначавшіеся для первой помощи особенно нуждавшимся въ ней, подвигались далеко впередъ и попадали въ сферу ружейнаго огня. Зная, что воды нѣтъ, я подошелъ къ доктору и спросилъ шепотомъ, можно ли дать раненому юношѣ вмѣсто воды винограду. «Можно», махнувъ рукой и, какъ мнѣ показалось, небрежно отвѣтилъ докторъ, что̀ и вызвало съ моей стороны вопросъ: «а что̀?»—«Все равно сейчасъ умретъ: осколокъ въ кишкахъ». Я поднесъ винограду ко рту умирающаго, онъ жадно схватилъ губами нѣсколько ягодъ, но его сейчасъ же начало рвать... ужасно рвать. Я отошелъ и пошелъ внизъ по шоссе къ Плевнѣ, отошелъ не потому, что не могъ больше видѣть наступавшей на моихъ глазахъ смерти, а потому, что мнѣ вдругъ стало чего-то совѣстно; мнѣ пришла въ голову мысль, можетъ быть и очень глупая, результатъ общаго нашего ненормальнаго состоянія, что я ему мѣшаю; мнѣ казалось, что когда его начало рвать отъ моего винограда, то взглядъ его, на меня устремленный, преисполнился укоризной, точно онъ хотѣлъ меня попрекнуть, что я сдѣлалъ не то, что слѣдовало, или даже, что въ немъ была досада: вотъ ты тутъ здоровый, ѣшь виноградъ—и ничего, а я мучаюсь... Всего этого можетъ быть и не было; все это, можетъ быть, плодъ моей фантазіи. Но, какъ бы то ни было, такъ мнѣ казалось это тогда, такъ мнѣ кажется и теперь, и если бы я умѣлъ рисовать, то я нарисовалъ бы этого лежащаго и умирающаго юношу не иначе, какъ съ укоромъ во взглядѣ.

Отойдя отъ перевязочнаго пункта, я почти сейчасъ же встрѣтилъ шествіе: несли кого-то, раненаго, очень большаго и тяжелаго; несло много людей—все стрѣлки. Сзади и съ боковъ шли знакомые мнѣ офицеры. Спросилъ: «кого несете?»—«Генерала Добровольскаго»...—«Убитъ?»—«Еще живъ; только, кажется, кончается».

Сбылось предчувствіе бѣднаго Добровольскаго!

Генералъ Куропаткинъ, описывая наступленіе турокъ со стороны Кришина на лѣвый флангъ только-что взятаго Скобелевымъ редута № 1-го, говоритъ слѣдующее: «начальство надъ всѣми частями, находившимися въ этомъ редутѣ, принялъ прибывшій къ редуту начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Отправившись на лѣвый флангъ, онъ, открытый туркамъ во весь свой крупный ростъ, спо-

койно и умѣло руководилъ дѣйствіями нашихъ частей противъ наступавшихъ со стороны редута Баглы-Сарты [1]) турокъ, пока смертельная рана не лишила наши войска этого, выдававшагося своими боевыми качествами генерала». И далѣе: «Ранѣе раны генералъ Добровольскій имѣлъ счастіе видѣть, что наступленіе турокъ остановилось, не дойдя до насъ 150 шаговъ. Затѣмъ турки повернули назадъ» [2]).

Въ приложеніи 3-мъ, помѣщенномъ въ той же книгѣ, есть описаніе дѣйствій 2-го стрѣлковаго батальона, въ которомъ командующій батальономъ пишетъ: «Въ это время вошелъ въ укрѣпленіе (редутъ № 1-го) генералъ Добровольскій и, одобривъ мои распоряженія, отправился со мною осмотрѣть ложементы, и найдя ихъ достаточно готовыми, приказалъ мнѣ вести туда людей, но лишь только я намѣревался исполнить это приказаніе, какъ былъ раненъ въ шею, а генералъ Добровольскій упалъ, раненый въ грудь. Приказавъ отнести генерала на перевязочный пунктъ, самъ я отошелъ къ брустверу, чтобы перевести духъ. Добравшись до Ловченскаго шоссе, я догналъ носилки съ генераломъ Добровольскимъ, который жаловался, что сильно истекаетъ кровью, и просилъ, если онъ умретъ, сообщить женѣ, что его духовное завѣщаніе въ штабѣ дѣйствующей арміи» [3]).

Добровольскаго отнесли назадъ и положили во временной гробъ, въ его чудную коляску.

Подъ вечеръ, до наступленія приближавшихся уже сумерекъ, князь Имеретинскій поѣхалъ къ Скобелеву. Весь третій гребень усѣянъ былъ трупами; были и прежніе, старые, отъ 27-го августа, трупы калужцевъ, совсѣмъ раздѣтые, сильно вздутые, съ синими пятнами и очень многіе съ поднятыми правыми руками и полусложенными для крестнаго знаменія, застывшими пальцами. Стрѣляли спереди, стрѣляли слѣва, стрѣляли и справа изъ-за Тученицкаго оврага, гдѣ атака нашего центра давно прекратилась, и турки, освободясь, получили возможность обратить огонь противъ Скобелева. Внизу я разстался съ княземъ и проѣхалъ еще впередъ съ неразлучнымъ моимъ Захаромъ (Заурбекъ) Дулаевымъ, все время ворчавшимъ про огонь справа: «да это наши стрѣляютъ»... (и дѣйствительно приходило въ голову, не Крыловъ ли это стрѣляетъ въ турокъ, а попадаетъ въ своихъ). Здѣсь я увидѣлъ скачущаго намъ навстрѣчу, на быстромъ, но небольшомъ конѣ, Алексѣя Николаевича Куропаткина. «Куда, что?» спрашиваю я. «Да надо собрать людей, не поможете ли?» Понятно, что помогу; и я этимъ занялся.

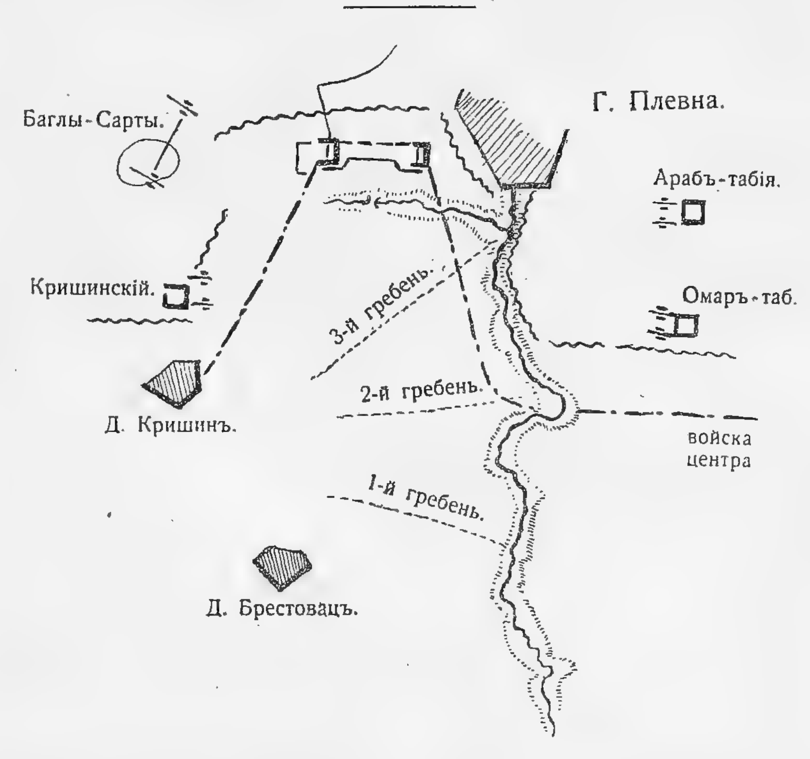
[1]) Изъ группы Кришинскихъ редутовъ.
[2]) Ловча и Плевна, стр. 466.
[3]) Ловча и Плевна, стр. 564.

Собирая отсталыхъ, разсыпанныхъ на всемъ сѣверномъ склонѣ третьяго гребня и внизу его у Зеленогорскаго оврага, я наталкивался на чрезвычайно интересныя картинки. Надо себѣ представить: довольно крутой скалъ, мѣстами кусты, мѣстами большія, отдѣльныя деревья, а иногда и группы деревьевъ; наступающія сумерки, не то дымъ—не то туманъ, но еще видно, только все сѣро. И вотъ у дерева собралась кучка: кто стоитъ, прислонившись къ дереву, кто сидитъ, а кто и лежитъ. По временамъ вспыхиваетъ папироска. Подъѣхавъ совсѣмъ близко, различаю уже воротники: есть красные, синіе, бѣлые... При появленіи начальства все лежачее и сидячее встаетъ, но встаетъ не особенно быстро; нѣтъ этого мирнаго вскакиванія. Прислонившіеся къ дереву выпрямляются. «Что вы тутъ, братцы?»—«Заморились, ваше высокоблагородіе».—«Да ужъ, я думаю, отдохнули?» Слышится довольно дружное: «точно такъ». Затѣмъ нѣсколько словъ съ моей стороны, что нельзя же такъ ничего не дѣлать, когда тамъ, впереди—свои... и, наконецъ, вопросъ: «а кто изъ васъ тутъ старшій?» Оглядываются, переглядываются и отвѣчаютъ: «да мы разные, разныхъ полковъ»... Но за время этого разговора я успѣлъ разглядѣть одного унтеръ-офицера, имѣвшаго молодцоватый и даже веселый видъ: «вотъ ты и будь за старшаго»... Слышится совсѣмъ уже энергичный отвѣтъ: «слушаю, ваше высокоблагородіе». И вотъ эта кучка сама строится и идетъ бодро впередъ.

Другая сцена: несутъ раненаго; несутъ четыре, шесть, а кругомъ хлопочутъ 20. Опять повторяется то же и опять идетъ команда въ бой.

Чудное, безподобное созданіе нашъ солдатъ, и все, что я сказалъ выше объ отсталыхъ и кучкахъ—не упрекъ. Человѣкъ въ бою звѣрѣетъ, но, выйдя изъ пекла, звѣрь исчезаетъ, человѣкъ возвращается къ своему настоящему образу, нервы начинаютъ дѣйствовать, и является то, что французы называютъ la détente des nerfs. Надо еще прибавить, что эти люди не ѣли, не спали, утомились физически, истомились нравственно и все же, по первому призыву—пошли. Можно, пожалуй, возразить, что и у начальниковъ нервы; я думаю, что нервы нервамъ рознь. Начальникъ и внѣ пекла озабоченъ: распоряжается, приказываетъ, однимъ словомъ, занятъ, а затѣмъ у начальника, кромѣ всѣхъ общихъ и солдату свойствъ: долгъ, товарищество, самолюбіе... есть еще: болѣе широкая отвѣтственность, честолюбіе, надежда отличиться, выдѣлиться—слава; начальникъ у всѣхъ на глазахъ, а тутъ? Что можетъ быть тутъ, изъ этихъ послѣднихъ помянутыхъ мною свойствъ, когда и смерть-то предстоитъ безвѣстная, когда и священникъ, отпѣвая сложенныя въ общую братскую могилу тѣла, возглашаетъ: «имена ихъ же, Господи, Ты вѣси».

На стр. 477 уже не разъ упомянутаго мною труда «Ловча и Плевна», часть II, сказано: «наступившая темнота не прекратила боя, а только ослабила его напряженіе. Ружейная стрѣльба продолжалась со всѣхъ сторонъ, временами утихая, временами усиливаясь, и вся наша позиція, начиная отъ занятой линіи редутовъ до перваго гребня Зеленыхъ горъ, была въ сферѣ ружейнаго огня съ трехъ сторонъ, такъ какъ мы на лѣвомъ флангѣ, за отбитіемъ атаки въ центрѣ, вдались въ расположеніе турокъ клиномъ шириною свыше двухъ съ половиною верстъ и высотою отъ д. Брестоваца до линіи Скобелевскихъ редутовъ $4^1/_2$ версты».

Схематическій чертежъ расположенія турокъ противъ войскъ лѣваго фланга Западнаго отряда арміи къ 4 часамъ пополудни 31-го августа.

—·—·—·—·— Направленіе позиціи русскихъ.

〰〰〰〰 „ „ турокъ.

Чертежъ взятъ изъ соч. генерала Куропаткина, Ловча и Плевна. Ч. 2-я.

Въ палаткѣ князя Имеретинскаго, расположенной у шоссе на высотѣ втораго гребня, горѣлъ огонь. Въ распоряженіи князя оставались слабые батальоны Калужскаго полка, изъ коихъ одинъ занималъ д. Брестовацъ, а остальные два батальона были расположены на очень большомъ пространствѣ втораго и перваго гребней, охраняя тылъ и

лѣвый флангъ общаго расположенія всего отряда, не безопасный со стороны Кришина. Послѣдній батальонъ эстляндцевъ былъ отосланъ къ Скобелеву часовъ около десяти вечера, и тогда же посланы ему были, по его просьбѣ, двѣ сотни Владикавказскаго казачьяго полка и два взвода донцовъ.

Князь встрѣтилъ меня словами: «гдѣ ты пропадалъ?» Я разсказалъ о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ, а затѣмъ мы приступили къ обсужденію общаго положенія и тутъ возникъ вопросъ о томъ, что надо изобрѣсти средство дать отряду Скобелева провести ночь настолько спокойно, чтобы онъ могъ если не отдохнуть, то устроиться и приготовиться къ слѣдующему дню, который будетъ очевидно страшнымъ: общее молчаніе къ востоку отъ Тученицкаго оврага [1]) на нашемъ правомъ флангѣ и центрѣ указывало, что тамъ дѣло кончено, а слѣдовательно турки будутъ въ состояніи огромною массою обрушиться на Скобелева. Останавливаясь на томъ, что 31-го августа за Тученицкимъ оврагомъ боя не будетъ, естественно было допустить, что Скобелеву пришлютъ подкрѣпленій изъ освободившихся войскъ, но тогда они должны прійти теперь же, а этого что-то не видно, да и извѣстій объ этомъ нѣтъ. Въ то же время намъ было извѣстно существовавшее въ западномъ отрядѣ арміи опасеніе перехода турокъ въ наступленіе, что̀ и вызвало большой расходъ войскъ въ прикрытіе батарей; а если это такъ, то нечего и ждать подкрѣпленій. Тогда явился вопросъ о томъ, что было бы хорошо обезопасить Скобелева хотя бы отъ Кришина, который, такъ сказать, висѣлъ надъ нимъ и все время давалъ себя чувствовать. Князь съ этимъ мнѣніемъ въ принципѣ согласился. Я просилъ дать въ мое распоряженіе два батальона калужцевъ, одинъ изъ Брестоваца, который при наступленіи къ Кришину становился временно ненужнымъ и другой съ лѣваго фланга втораго гребня. Я предполагалъ, что два, хотя и слабыхъ, батальона составятъ одинъ порядочный, а присоединивъ къ нимъ спѣшенныя части кавалеріи генерала Леонтьева, кое-что и составится. Но князь рѣшительно отказалъ дать мнѣ, справедливо говоря, что въ такомъ случаѣ у него, на все про все, останется въ тылу Скобелева одинъ только батальонъ (Калужскій) и при томъ слабый, а охранять надо два гребня (второй и третій) и тылъ (первый гребень). Соглашаясь дать мнѣ одинъ только батальонъ, князь послалъ предварительно справиться, что изъ себя представляетъ этотъ батальонъ. Привезли отвѣтъ, что насчитываютъ всего 270 человѣкъ, почти безъ офицеровъ; по словамъ докладчика, люди были утомлены и вообще не представляли изъ себя надежной силы. Тогда князь отозвался, что было бы «безуміемъ», при подобныхъ условіяхъ, предпринимать активныя дѣйствія,

[1]) Кромѣ пальбы, направленной на наши редуты и на Зеленыя горы.

да еще ночью, противъ Кришина и прибавилъ, что будетъ еще хуже: Кришиномъ не овладѣемъ, придется отходить, турки за нами спустятся и Скобелеву мы еще пожалуй повредимъ.

Этимъ рѣшеніемъ вопросъ о помощи съ нашей стороны Скобелеву былъ исчерпанъ.

Ночью огонь турокъ не прекращался, а только иногда стихалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ турки неоднократно переходили въ наступленіе на редуты, но безуспѣшно.

Всю ночь посылались донесенія въ штабъ западнаго отряда; посылалъ Скобелевъ, посылалъ и князь. Скобелевскія донесенія шли черезъ насъ, а потому мы знали ихъ содержаніе. — Ночью пріѣхалъ адъютантъ великаго князя полковникъ Орловъ (Аѳиногенъ Алексѣевичъ). Онъ былъ у Скобелева, былъ и у князя въ оба пути. Единственная просьба отъ всѣхъ насъ была просьба о подкрѣпленіи. Также ночью былъ посланъ Скобелевымъ ординарецъ его, офицеръ 3-й стрѣлковой бригады, Маркъ. Ему было приказано явиться къ Зотову и въ крайности добраться и до князя Карла Румынскаго. Но поѣздки эти были безплодны. Орловъ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу утра 31-го августа, когда атаки турокъ уже начались; онъ привезъ слѣдующую записку генерала Зотова Скобелеву: «По приказанію великаго князя главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но по возможности отнюдь не ранѣе вечера [1]), медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницей генерала Леонтьева. Сообщите это приказаніе князю Имеретинскому. Держите все это въ великомъ секретѣ, а въ томъ, что вы съумѣете и поймете сдѣлать должное, сомнѣнія нѣтъ. *Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ* [2]), а потому рѣшено медленное отступленіе. 31-го августа $8\,^1/_2$ часовъ утра. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ».

Еще ранѣе князь получилъ тоже отъ генерала Зотова слѣдующее письменное приказаніе, писанное, согласно проставленнаго числа—наканунѣ: «По приказанію главнокомандующаго предписываю вамъ и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занятыхъ позиціяхъ *впредь до особаго приказанія. Подкрѣпленій не ждите, у меня ихъ нѣтъ* [3]). Ожидаю точныхъ свѣдѣній о потеряхъ». 30-го августа. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

Въ этихъ двухъ запискахъ обращаетъ на себя вниманіе то, что начинаютъ уже упоминать имя главнокомандующаго, примѣшивать, вѣроятно,

---

[1]) Т. е. 31-го августа.
[2]) Курсивъ нашъ. П. П.
[3]) Курсивъ нашъ. П. П.

для большаго авторитета, имя великаго князя, а между тѣмъ извѣстно, что князю Карлу и генералу Зотову предоставлена была полная свобода дѣйствій для штурма Плевны и даны соотвѣтственныя полномочія. Великій князь диспозиціи для штурма не отдавалъ, во время боя 30-го августа не распоряжался и исправлять испорченнаго другими не могъ. Затѣмъ поражаетъ это удивительное, непостижимое прицѣпленіе къ Гривицкому редуту, не имѣвшему никакого значенія, совсѣмъ намъ ненужному. Наконецъ, поражаетъ своею оригинальностью фраза: «держаться... впредь до особаго приказанія»; опять забытъ непріятель! Какъ извѣстно, 31-го августа, турки, навалившись на Скобелева всею своею силою, принудили насъ, иначе говоря «приказали» — отступить. Что же касается до извѣщенія, что «продолжать наступленіе не съ чѣмъ»... и что «подкрѣпленій у меня нѣтъ»... то объ этомъ послѣ.

Вернулся и Маркъ; заѣхалъ предварительно къ намъ и говорилъ, что боится ѣхать къ Скобелеву съ пустыми руками; онъ и просилъ у меня совѣта, какъ ему поступить. Ему приходилось доложить слѣдующее. Маркъ добрался до князя Карла, который его выслушалъ очень участливо и на просьбу о подкрѣпленіи отвѣтилъ: «oui, certainement; mais il faut que Vous intercediez auprès du général Zotof». (Да конечно; но просите объ этомъ генерала Зотова). Поѣхалъ Маркъ къ генералу Зотову и получилъ отвѣтъ, аналогичный съ вышеприведенными записками. Бѣдный Маркъ былъ въ большомъ горѣ и долго не рѣшался ѣхать къ грозному Скобелеву.

VI.

31-го августа.—Атаки турокъ.—Переходъ турокъ въ наступленіе съ праваго берега Тученицкаго оврага.—Неудовлетворительность отвоза раненыхъ съ позицій на перевязочные пункты.—Введеніе въ дѣло двухъ послѣднихъ калужскихъ батальоновъ.—Послѣдняя атака турокъ.—Отступленіе Скобелева.

31-го августа, въ 6 часовъ утра, огонь турокъ замѣтно усилился и скоро превратился просто въ бойню, въ стрѣльбу въ цѣль по малому пространству: стрѣляли спереди, съ боковъ и даже сзади. Различные артиллерійскіе снаряды и ружейныя пули падали въ редуты и въ пространство между ними и Зелеными горами, какъ въ котелъ. Первая атака турокъ началась въ 7-мъ часу утра со стороны группы Кришинскихъ редутовъ противъ лѣваго фланга редута № 1-го, но была отбита. Въ 8 часовъ атака эта возобновилась съ бо́льшею противъ прежняго настойчивостью, и одновременно съ нею турки произвели наступленіе противъ нашего праваго фланга, на редутъ № 2-го.

Обѣ эти атаки также были отбиты.

Приблизительно въ это время Скобелевъ получилъ, пересланную княземъ, вышеприведенную записку съ приказаніемъ держаться «до особаго приказанія».

Не получая подкрѣпленій, о которыхъ всѣ умоляли, Скобелевъ все-таки не терялъ надежды, что войска нашего центра, свободныя, сильныя, близкія къ намъ, окажутъ воздѣйствіе хотя бы съ того берега Тученицкаго оврага.

Огонь турокъ еще усилился, они выдвинули новыя батареи и били со всѣхъ сторонъ; скоро оказалось уже невозможнымъ бѣгать изъ редутовъ за водой къ Зеленогорскому ручью: турки какъ будто охотились и били даже одиночныхъ людей.

Въ половинѣ девятаго турки въ третій разъ пошли въ атаку съ фронта и опять съ лѣваго нашего фланга. Истомленные непрерывнымъ суточнымъ боемъ, защитники редута № 1-го начинали понемногу оставлять его и, только лично вмѣшавшись въ дѣло, Скобелевъ повернулъ ихъ и отвелъ обратно въ редутъ. Вернулись и защитники редута № 2-го, также отступавшіе, завидя отступленіе сосѣдей.

Третья атака турокъ была отбита; настоятельно требовались подкрѣпленія, но ихъ не присылали, а у насъ неоткуда было ихъ взять.

По отбитіи этихъ трехъ атакъ, направленныхъ турками непосредственно на редуты, новая опасность явилась совсѣмъ съ другой стороны, съ той стороны, откуда Скобелевъ ждалъ скорѣе помощи, а не атаки; турки, расположенные за Тученицкимъ оврагомъ, приблизительно на высотѣ втораго гребня Зеленыхъ горъ, покровительствуемые сильнымъ огнемъ, начали переходить оврагъ въ пространство между вторымъ и третьимъ гребнемъ, направляя свою атаку въ тылъ уже не редутовъ, а въ тылъ нашего расположенія на третьемъ гребнѣ. Тылъ праваго фланга Скобелева охранялся нѣсколькими ротами эстляндцевъ и сборными командами стрѣлковъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Эрна. По свидѣтельству генерала Куропаткина, «этотъ чрезвычайно энергичный, храбрый и спокойный штабъ-офицеръ, не смотря на трудность порученной ему задачи, быстро и толково сдѣлалъ всѣ распоряженія. Генералъ Скобелевъ могъ быть спокойнымъ за свой правый флангъ съ такимъ помощникомъ, какъ подполковникъ Эрнъ. Громадная фигура этого штабъ-офицера смѣло гуляла подъ пулями и какъ труба голосъ его слышался далеко» [1]. Эрнъ впослѣдствіи отступилъ съ послѣдними войсками послѣ взятія турками редута № 2-го. Опять на мѣсто боя явился Скобелевъ съ своимъ начальникомъ штаба [2]) и подкрѣпилъ

[1]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 497 и 503.

[2]) Подъ которымъ тутъ была убита лошадь. П. П.

находившіяся тамъ команды тѣмъ, что было у него подъ рукой: онъ спѣшилъ сотню осетинъ. Турки, перебравшіеся уже на западный берегъ оврага, временно пріостановились, но, усилившись, снова подавались впередъ. Въ эту критическую минуту быстро пришли съ тылу двѣ роты либавцевъ и, воодушевленныя Скобелевымъ, опрокинули турокъ.

Приблизительно въ это время, т. е. около $10^1/_2$—11 часовъ утра, получена Скобелевымъ записка, привезенная Орловымъ, которою предписывалось, въ случаѣ невозможности держаться, отступать,—«но по возможности отнюдь не ранѣе вечера».

Князь Имеретинскій не оставлялъ своего поста на второмъ гребнѣ, находясь все время въ сферѣ не только гранатнаго, но и ружейнаго огня [1]). У него уже ничего не было. При немъ оставались только: начальникъ штаба отряда—я, начальникъ штаба 2-ой пѣхотной дивизіи—полковникъ Шестаковъ, офицеры-ординарцы и нѣсколько донскихъ казаковъ конвоя, подъ командой войсковаго старшины Митрофана Ильича Грекова [2]). Поставленный силою вещей въ бездѣятельность по отношенію къ веденію боя, князь, по природѣ весьма дѣятельный, сначала посвятилъ себя всецѣло, какъ видно изъ сказаннаго выше, организаціи подкрѣпленій для Скобелева, а потомъ, когда уже нечего было организовать—отдался весь упорядоченію перевозки раненыхъ съ позицій на перевязочные пункты. Санитарная часть въ отрядѣ стояла, не смотря на произведенный расходъ разнаго имущества подъ Ловчей, довольно хорошо, но она была все же разсчитана на убыль обыкновенную, а тутъ была убыль чрезвычайная. Лазаретныхъ линеекъ конечно не хватало, давно уже были въ ходу не только артельныя повозки, но и всякія другія, которыя попадались подъ руку, а все-таки ихъ было далеко не достаточно. Это явствуетъ изъ слѣдующаго: въ соединенныхъ отрядахъ князя Имеретинскаго и Скобелева было утромъ 30-го августа 14.000 человѣкъ приблизительно; выбыло въ $1^1/_2$ дня болѣе 6.300 человѣкъ, т. е. болѣе 45%;—убыль, не предусмотрѣнная ни санитарными, ни эвакуаціонными соображеніями [3]). Каково же было огорченіе князя, когда онъ, поглощенный заботами объ уборкѣ раненыхъ, въ началѣ 12-го часа дня получилъ отъ Скобелева записку, въ которой тотъ горько жало-

---

[1]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Скобелева начальнику западнаго отряда арміи, отъ 3-го сентября.

[2]) Число ординарцевъ князя значительно уменьшилось: казакъ Тихановъ и Ревельскаго полка Петропавловскій ранены 26-го іюля, Калужскаго полка Григорьевъ, по приказанію князя, приводилъ въ оборонительное состояніе д. Брестовацъ; полки же такъ порѣдѣли офицерами, что князь не хотѣлъ больше брать изъ полковъ.

[3]) Князь Черкасскій снабдилъ отрядъ значительнымъ числомъ болгарскихъ подводъ, принесшихъ большую пользу.

вался на неполученіе перевязочныхъ средствъ для раненыхъ. Сильно взволнованный, князь далъ мнѣ прочитать записку и приказалъ лично самому мнѣ немедленно собрать всѣ повозки, которыя можно достать, и послать этотъ транспортъ къ Скобелеву съ вполнѣ надежнымъ офицеромъ. Дѣло скоро разъяснилось. Транспорты повозокъ, постоянно посылаемые впередъ, возвращались, наполненные ранеными, которыхъ надо было доставить на главный перевязочный пунктъ въ Боготскій логъ, гдѣ находились подвижные лазареты 2-ой и 16-ой пѣхотныхъ дивизій, недостаточные для всего отряда. Не смотря на регулярную посылку транспортовъ, уже съ утра 31-го августа начали пріѣзжать отъ Скобелева посланные, съ требованіемъ повозокъ; всѣ они обращались ко мнѣ. Первымъ пріѣхалъ какой-то артиллерійскій фейерверкеръ и, получивъ повозки, самъ повелъ ихъ. Затѣмъ пріѣхалъ извѣстный всему отряду, одинъ изъ лучшихъ ординарцевъ Скобелева, Владикавказскаго казачьяго полка офицеръ Харановъ и сказалъ мнѣ, что Михаилъ Дмитріевичъ очень сердится, не получая повозокъ. Я просилъ Харанова, не возьмется ли онъ лично вести транспортъ, но такъ какъ для этого надо было нѣсколько обождать, то Харановъ сказалъ, что ему некогда, надо торопиться къ Скобелеву, у котораго и ординарцевъ осталось уже мало. Вслѣдъ за Харановымъ пріѣхалъ тоже всѣмъ извѣстный ординарецъ Скобелева, красавецъ и храбрецъ Абадзіевъ, который обратился ко мнѣ, говоря: «Михаилъ Димитріевичъ ужасно... сердится». Абадзіевъ, также какъ и Харановъ, не могъ ждать транспорта. Я не помню хорошенько, но чуть ли не Абадзіевъ привезъ князю ту записку, о которой я сказалъ выше. Я собралъ 11 повозокъ и, вручивъ ихъ офицеру съ конвоемъ, самъ поѣхалъ наблюсти за ихъ движеніемъ; тутъ я нашелъ разгадку того, почему Скобелевъ не получаетъ повозокъ, въ большомъ изобиліи посылаемыхъ нами, съ вѣрными людьми. Только-что транспортъ вступилъ въ поросшую деревьями и большими кустами часть ската третьяго гребня къ Зеленогорскому ручью [1]), какъ мои повозки были буквально атакованы и взяты приступомъ ранеными. Они шли гурьбой, кто только съ засунутой за бортъ мундира раненой рукой, кто ковыляя, но все же довольно скоро подвигаясь, опираясь на ружье, кто съ повязанной головой. Были и такіе, которые еле плелись; нѣкоторые ползли, другихъ несли здоровые; были и лежавшіе въ кустахъ со стономъ. Все это галдѣло, кричало и всѣ сплошь жаловались, что—«подмоги нѣтъ». Мой транспортъ былъ остановленъ этой толпой, и повозки быстро заполнились, при чемъ, понятно, заполнились болѣе силь-

---

[1]) По шоссе транспорту идти было нельзя: всѣ лошади были бы перебиты до прибытія къ мѣсту назначенія; въ лѣсистомъ же скатѣ, хотя и обстрѣливаемомъ, но все же движеніе было болѣе укрыто. П. П.

ными, т. е. менѣе ранеными. Пришлось силой выгружать и очищать повозки.

Около 1 часа дня взамѣнъ двухъ орудій, подбитыхъ, ввезены были въ редутъ № 1-го три орудія, а изъ трехъ ящиковъ удалось втащить туда только одинъ. Ящикъ этотъ турки взорвали, при чемъ раненъ, а потомъ убитъ командиръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Тебякинъ, контужены и обожжены: командиръ 11-го стрѣлковаго батальона полковникъ Курсель и начальникъ штаба Скобелева капитанъ Куропаткинъ, а ящикъ перекинуло черезъ траверсъ [1]). Взрывъ вызвалъ крики радости у турокъ, и они сейчасъ же бросились на редутъ, но были отбиты Горталовымъ.

Всегда разсудительный и вдумчивый князь Имеретинскій, понимая, что, при отсутствіи силы, Скобелевъ, увлеченный боемъ, упорствуетъ въ защитѣ редутовъ только потому, что въ немъ еще не угасла искра надежды на выручку, въ которую князь давно уже извѣрился, чувствуя, что конецъ приближается, что скоро наступитъ часъ, когда придется заботиться не объ отстаиваніи редутовъ, а о спасеніи ихъ защитниковъ,—князь рѣшился оголить тылъ и велѣлъ собрать съ Зеленыхъ горъ все, что на нихъ было: два слабыхъ батальона Калужскаго полка, сборную команду стрѣлковъ и послалъ все это Скобелеву, оставшись, какъ я уже сказалъ выше, совершенно безъ войскъ, а вслѣдъ за симъ, часа въ 2 по полудни, послалъ ему же только-что полученную и адресованную князю записку генерала Зотова: «скажите Скобелеву, чтобы укрѣпился на занятой позиціи, держался до невозможности; разсчитывать на подкрѣпленія сегодня нельзя».

Въ два часа началась четвертая атака турокъ; ведена она была съ фронта, особенно сильно съ лѣваго нашего фланга и съ праваго.

И эта атака была отбита.

Скобелевъ обошелъ защитниковъ редутовъ и траншей, но «вѣра въ возможность отбить новую атаку турокъ исчезла изъ сердца начальника отряда, какъ исчезла изъ сердца его подчиненныхъ» [2]).

Приблизительно въ это время на второй гребень прибылъ Шуйскій полкъ въ составѣ 1.300 человѣкъ, и Скобелевъ рѣшилъ поставить его на третьемъ гребнѣ для прикрытія своего отступленія.

---

[1]) Впослѣдствіи Алексѣй Николаевичъ разсказывалъ, что онъ передъ взрывомъ записывалъ со словъ маіора Горталова фамиліи отличившихся офицеровъ въ свою записную книжку, и только-что Горталовъ отошелъ, какъ послѣдовалъ взрывъ. Очнувшись, Алексѣй Николаевичъ увидѣлъ вокругъ себя безобразную массу—„кисель", людей и лошадей; книжку куда-то унесло.

П. П.

[2]) Курсивъ автора. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 516.

Въ половинѣ пятаго началась пятая атака турокъ и получена записка генерала Зотова о посылкѣ Шуйскаго полка и объ отступленіи къ Тученицѣ, если нельзя держаться.

Массы турокъ налегли, маіоръ Горталовъ былъ убитъ, редутъ № 1-го оставленъ; турки направились съ трехъ сторонъ на редутъ № 2-го, гдѣ еще держался уцѣлѣвшій подполковникъ Мосцевой, который отступилъ только послѣ повторенія Скобелевымъ приказанія объ отступленіи.

По свидѣтельству генерала Куропаткина, турки шли съ такой яростью, что можно было думать, что они пьяны [1]).

Скобелевъ отступалъ, прикрываясь Шуйскимъ полкомъ [2]); турки преслѣдовали и даже продвинулись къ второму гребню, что вынудило Скобелева перейти въ контръ-атаку, короткую, двинувъ впередъ шуйцевъ, эстляндцевъ, донскихъ и терскихъ казаковъ. Турки остановились и отошли.

Наступилъ конецъ.

При отступленіи на второй гребень Скобелевъ получилъ еще записку, посланную въ 4 часа дня, въ которой выражалось желаніе, чтобы онъ продержался на мѣстахъ «хотя бы только сутки».

Эта записка была послѣднею.

Палатку Скобелева поставили у шоссе, тыломъ къ нему. Въ палатку эту, передъ вечеромъ (солнце еще не садилось), собралось много лицъ. Былъ тутъ князь Имеретинскій, очень молчаливый и сосредоточенный, появились корреспонденты: извѣстный англійскій военный корреспондентъ Арчибальдъ Форбсъ, много говорившій, энергично жестикулируя, скромный и серьезный Макъ-Гаханъ и Немировичъ-Данченко. Скобелевъ былъ бодръ, но быстро переходилъ отъ горячаго разговора къ задумчивости.

Слышно было, какъ позади палатки мѣрнымъ шагомъ и въ большомъ порядкѣ проходили отступавшія войска [3]).

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 517.

[2]) При отступленіи нашемъ на второй гребень пріѣхалъ австрійскій военный агентъ капитанъ Боля (Bolà). Онъ дивился порядку отступавшихъ войскъ и, будучи славяниномъ, все повторялъ: молодцы, молодцы!

[3]) Въ статьѣ напечатанной въ № 11, „Русской Старины", на страницѣ 287, стр. 8-я снизу напечатано: „никто на эти горы изъ западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ",—слѣдуетъ читать: „никто на эти горы изъ штаба западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ".

Письмо И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому.

31-го мая 1820, Москва.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичь, за любезное ваше письмо [1]) и обѣщаніе снабжать меня впредь любопытными произведеніями полуденныхъ умовъ. Съ сею же почтою отправляю къ Тургеневу [2]) небольшую сумму денегъ для перевода къ вашему сіятельству на книжныя издержки. Васъ же покорнѣйше прошу не оставить меня увѣдомленіемъ объ исходѣ суммы, дабы я успѣлъ во-время переслать къ вамъ еще на подобное же употребленіе.

Не думайте, любезнѣйшій поэтъ, чтобы я читалъ ваше безъ вниманія. Послѣдніе стихи читаны мною даже не одинъ разъ, и я старался разсматривать ихъ строже прочихъ, потому что въ нихъ ласкаемо и мое честолюбіе [3]), и что мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть ихъ въ печати и въ полномъ совершенствѣ. Но моя ли вина, что вы такъ скудны въ неисправностяхъ, если только можно поставить въ число оныхъ замѣченное мною. Поправка ваша очень хороша, однакожъ я желалъ бы лучше вмѣсто стыда видѣть укоръ. Кажется, это было бы приличнѣе и значительнѣе. Вотъ вамъ и еще доказательство моей искренности.

Съ нетерпѣніемъ желаю видѣть въ печати и поучительную вашу бесѣду съ геніемъ брегадировъ и пугалищемъ пожилыхъ стихотворчиковъ и иныхъ пансіонеровъ [4]). Зная ваше участіе въ Пушкинѣ [5]), объявляю вамъ, что у него спереди выпалъ послѣдній зубъ и прибавилась басня (Прохожій и рѣка, изъ Флоріана). По естественной любви къ послѣдышкамъ, онъ напечаталъ ее и здѣсь, и въ Петербургѣ. Впрочемъ, все тотъ же.

Я скоро жду Дашкова [6]) изъ Александріи и милаго Сѣверина [7]) изъ Тріеста. Когда увижуся и съ вами? Въ пріятной надеждѣ свидѣтельтвуетъ душевное почтеніе и съ искреннею любовью обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Умерли Д. И. Киселевъ [8]); Мальцова въ Римѣ и сгорѣла, но еще жива, въ спиртовой ваннѣ М. И. Высоцкая.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

---

[1]) Отъ 24-го апрѣля 1820 г., напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., столб. 1700—1704.

[2]) Александру Ивановичу. Это письмо къ нему Дмитріева, отъ 31-го же мая, см. въ Сочиненіяхъ И. И. Дмитріева, изд. подъ редакціею А. А. Флоридова, Спб. 1895, т. II, стр. 263.

[3]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ посланіи князя Вяземскаго къ Дмитріеву.

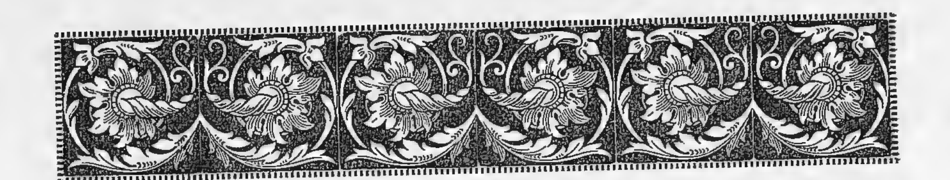
[4]) Рѣчь о посланіи кн. Вяземскаго къ М. Т. Каченовскому.

[5]) Василіи Львовичѣ.

[6]) Дмитрія Васильевича.

[7]) Дмитрія Петровича.

[8]) Отецъ графа П. Д. Киселева, Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, бывшій главноприсутствующимъ въ Мастерской оружейной палатѣ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1].

IX.

Первая дѣятельность М. Н. Муравьева. — Присылка ему иконы митрополитомъ Филаретомъ. — Смертные приговоры захваченнымъ предводителямъ шаекъ инсургентовъ.— Сѣраковскій и его прошлое.—Польская газета „Слово".—Казнь Сѣраковскаго.—Крестьянская реформа.—Смѣна губернатора Галлера и назначеніе губернаторомъ С. Ѳ. Панютина. — Пріемъ М. Н. Муравьевымъ коммиссіи по крестьянскому дѣлу.—Результаты семи-мѣсячной дѣятельности Муравьева.—Адресъ русскаго общества въ Вильнѣ съ просьбою о постройкѣ храма во имя Архангела Михаила.—Послѣдствія этой просьбы.

На другой день пріѣзда своего въ Вильну, т. е. 15-го мая, вновь назначенный главный начальникъ края сдѣлалъ общій пріемъ, на который одни только члены повѣрочныхъ коммиссій не попали, благодаря непонятному распоряженію виленскаго губернатора Галлера. Впрочемъ, это обстоятельство послужило къ лучшему, такъ какъ нѣсколько дней спустя для нихъ назначенъ былъ особый пріемъ; представлялъ насъ ст. сов. Л. С. Маковъ.—Передъ общимъ пріемомъ графъ М. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ В. И. Назимовымъ поѣхали посѣтить знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, а на обратномъ пути побывали въ Николаевскомъ православномъ соборѣ. Описывать этотъ пріемъ по разсказамъ я не стану. Скажу только одно, что представлявшіеся въ этотъ день русскіе вынесли оттуда самое отрадное впечатлѣніе; тамъ впервые услышанъ былъ незнакомый дотолѣ голосъ твердой правительственной власти, призывавшей всѣ сословія нести ей свое посильное

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1902 г.

пособіе въ трудной борьбѣ съ крамолою и обѣщавшей строгое преслѣдованіе мятежниковъ. Голосъ этотъ не выводилъ высокихъ нотъ, но каждое произнесенное слово мѣтко попадало въ цѣль и запечатлѣвалось въ памяти слушавшихъ... Затѣмъ главный начальникъ края какъ бы исчезъ; знали только, что въ верхнемъ помѣщеніи дворца, да въ генералъ-губернаторской канцеляріи шла усиленная работа, о которой въ прежнее счастливое время и понятія никто не имѣлъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ и съ лицами, которымъ было поручено управленіе, а самое главное вырабатывалъ подъ личнымъ своимъ руководствомъ инструкцію для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерній, опубликованную 24-го мая. Затѣмъ совершившееся смѣщеніе окружнаго жандармскаго генерала Гильдебранта и высылка въ Вятку римско-католическаго епископа Красинскаго послужили предвѣстіемъ, что правительственная власть перешла отъ политики снисхожденія къ мѣрамъ давно заслуженнаго возмездія крамолѣ. Изъ всѣхъ шести губернаторовъ остался на мѣстѣ только могилевскій А. П. Беклемишевъ. Въ благословеніе тяжелыхъ трудовъ, подъятыхъ на защиту дорогаго отечества, М. Н. Муравьевъ получилъ слѣдующее письмо отъ 15-го мая 1863 г. митрополита московскаго Филарета, при которомъ препровождена была икона Архангела Михаила:

«Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ воззвало на защиту и умиротвореніе отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя; не колеблясь приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству. Вѣрные сыны царя и отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою. Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ, да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира. Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго архистратига, да идетъ предъ вами съ мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ вмѣстѣ съ симъ въ благословеніе икону святаго Архистратига Михаила».

Вотъ и отвѣтное на него письмо:

«Глубоко коснулось сердца моего милостивое посланіе ваше и архипастырское благословеніе иконою Св. Архангела Михаила. Пути Всевышняго неисповѣдимы! Я неожиданно призванъ волею государя отъ жизни мирной на поприще брани для подавленія крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворить край, карать клятво-

преступниковъ мѣрами казни и крови. Человѣческій взоръ не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущее этого дѣла.

«Исполняя долгъ вѣрноподданнической присяги, въ полномъ упованіи на Бога, я покоенъ духомъ и иду по пути мнѣ свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего въ успѣхѣ сомнѣваться не смѣю.

«Повергая себя и порученное мнѣ дѣло умиротворенія Литвы архипастырскому благословенію и святой молитвѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ» и проч.

Невольно останавливается мысль надъ этими двумя историческими документами и, приподнимая завѣсу, скрывающую отъ насъ столь недавнее еще прошлое, старается проникнуть тайну разницы во взглядахъ Москвы и Петербурга, какъ на совершившееся грустное событіе, такъ и на виновника умиротворенія Литовской Руси. Въ то самое время, когда незабвенный царь-освободитель избираетъ на трудный подвигъ М. Н. Муравьева — вся Россія, съ Москвою во главѣ, стараясь поддерживать его болѣзненныя силы, радостно привѣтствуетъ этотъ счастливый выборъ и шлетъ царскому избраннику адресы, письма, иконы,—сѣверная столица, въ которой проживали Огрызко, Сѣраковскій и имъ подобные, гдѣ жадно читались французскія письма графа Старжинскаго и слушались льстивые и ложные разсказы поборниковъ польской справы, поднимаетъ не только противу него коалицію нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей власти, для которыхъ мнѣніе Европы гораздо важнѣе мнѣнія Россіи, но даже задерживаетъ отправку совершенно частнаго письма, посланнаго къ нему его друзьями вмѣстѣ съ иконою Св. Архистратига Михаила ко дню его именинъ 8-го ноября. И въ какое время это дѣлается? когда Европа, изумленная успѣхами усмиренія мятежа, вынуждена была признать себя претерпѣвшею полное дипломатическое пораженіе... По истинѣ есть надъ чѣмъ серьезно призадуматься. Но пойдемъ еще далѣе. Въ то время, когда духовное свѣтило Россіи, призывая Господа силъ на помощь къ умиротворенію края, называетъ этотъ подвигъ «дѣломъ правды и дѣломъ мира», когда отвѣтное письмо графа Муравьева выражаетъ ясно христіанское настроеніе твердой души его, сознавшей вполнѣ павшую на него тяжелую обязанность «карать клятвопреступниковъ мѣрами казни и крови», петербургскіе борзописцы, въ противоположность серьезной московской прессѣ, одинъ за другимъ стараются чернить дорогую для каждаго честнаго русскаго его память, провозглашая его людоѣдомъ, послѣднимъ могиканомъ нашихъ тяжелыхъ дней и т. п., и даже самый призывъ его царемъ-мученикомъ къ служебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ дерзаютъ называть поворотомъ «назадъ», сочиняютъ небылицы... Но...

Избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ...
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло, увы, и пошлостямъ роднымъ.

Находясь безотлучно, въ теченіе года и восьми мѣсяцевъ, при М. Н. Муравьевѣ и управляя особою его канцеляріею, въ которой сосредоточены были всѣ дѣла по умиротворенію края и упроченію въ немъ поруганнаго православія и загнанной русской народности, я считаю священнѣйшею своею обязанностію представить на судъ благомыслящей публики всѣ имѣющіеся у меня подъ руками факты, которые, смѣю надѣяться, прольютъ новый свѣтъ на нашего замѣчательнаго государственнаго дѣятеля съ истинно-русскою душою и познакомятъ Россію съ совершавшимися въ краѣ грустными событіями въ ихъ неприкосновенной исторической вѣрности. Такъ какъ изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ всего совершавшагося будетъ весьма затруднительно, то да позволено будетъ мнѣ познакомить съ нимъ читателя отдѣльными главами. Сознаюсь чистосердечно, что, не зная вовсе М. Н. Муравьева при пріѣздѣ его въ Вильну, я самъ считалъ его страшнымъ человѣкомъ, не знавшимъ ни милости, ни состраданія, не терпѣвшимъ ни отъ кого и никакого возраженія; но, когда судьба поставила меня, совершенно неожиданно, въ весьма близкія къ нему служебныя отношенія, завѣса спала съ моихъ глазъ, и тяжелое чувство боязни замѣнилось глубокимъ уваженіемъ и преданностію къ нему не только при его жизни, но и по нынѣ, которыя да поможетъ мнѣ Господь сохранить и до конца моихъ дней.

22-го мая, въ исходѣ седьмаго часа утра, я былъ внезапно пробужденъ барабаннымъ боемъ, раздавшимся на улицѣ неподалеку отъ моей квартиры, за Острыми воротами, и снова замолкшимъ въ то самое время, когда я шелъ къ человѣку, чтобы послать его разузнать причину тревоги; человѣка я нашелъ въ передней, онъ только-что пришелъ съ улицы. На вопросъ мой о томъ, что такое случилось? человѣкъ пояснилъ мнѣ, что читали объявленіе по городу о предстоявшей въ 9 часовъ казни викарнаго ксендза Желудскаго костела, Лидскаго уѣзда, Станислава Ишоры, слѣдствіе о которомъ было уже окончено еще при генералъ-губернаторѣ В. И. Назимовѣ. Военный судъ призналъ его виновнымъ въ чтеніи народу въ костелѣ возмутительнаго манифеста и въ подговорѣ крестьянъ къ возстанію. Услышавши подобную роковую вѣсть, я рѣшительно не понималъ, что такое сталось со мною... Мнѣ было невыносимо жаль этого молодаго человѣка, которому было лѣтъ около двадцати пяти отъ роду. Наскоро одѣвшись, я рѣшился идти на это трагическое зрѣлище; нервная система моя была сильно потрясена и въ прежнее время, когда по улицамъ Вильны совершались на каждомъ

шагу политическія безобразія, а тутъ какъ на зло, мимо оконъ моей квартиры проводили толпами плѣнныхъ повстанцевъ, везли раненыхъ и хоронили нашихъ убитыхъ солдатъ; доктора совѣтовали мнѣ испытать какое-либо сильное потрясеніе... клинъ клиномъ выбиваютъ. А что же могло быть ужаснѣе зрѣлища предстоявшей казни. Вышедши изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ идти на предмѣстье Лукишки, гдѣ должно было совершиться разстрѣляніе, съ первыхъ же шаговъ я попотерялъ рѣшимость и направился въ совершенно противоположную сторону, въ цитадель, чтобы съ бывшей телеграфной башни посмотрѣть издали на происходившее; но избранное мною мѣсто наблюденія оказалось вполнѣ неудобнымъ по своей отдаленности, а я не взялъ съ собою бинокля. Зашедши оттуда къ коменданту и напившись у него чаю, я отправился домой еще болѣе взволнованный, чѣмъ прежде. Встрѣтившійся со мною на дорогѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, очевидецъ разстрѣлянія, разсказалъ мнѣ, что приговоренный къ казни ксендзъ шелъ совершенно равнодушно, подъ оглушительный грохотъ барабановъ; вѣроятно, несчастный полагалъ, что его, какъ не лишеннаго, по отказу епископа, духовнаго сана, помилуютъ. Въ такомъ же настроеніи сопровождали его и толпы народа, въ особенности женщины шли туда очень охотно, перекидываясь шутками между собою.

Но, вотъ раздался залпъ, и не ожидавшія такой развязки любопытныя барыни съ криками ужаса бросились по домамъ. Такимъ образомъ въ этотъ день мятежники должны были убѣдиться, что правительство не намѣрено болѣе шутить съ ними и обратилось къ строгимъ мѣрамъ.

24-го мая разстрѣляны были, по приговору полеваго суда, на Лукишкахъ: ксендзъ Земацкій и дворянинъ Лясковскій.

Рано утромъ 28-го мая объявлена была по городу казнь Болеслава Колышки, начальника шайки въ отрядѣ Сѣраковскаго, про звѣрства котораго ходили по городу разные толки. День былъ великолѣпный, солнечный; на небѣ ни облачка. Яркая весенняя зелень травы и деревьевъ, веселое щебетаніе птичекъ какъ-то не гармонировали съ тогдашнимъ настроеніемъ городской жизни. Въ восьмомъ часу утра вышелъ я изъ дому; путь мой шелъ по Нѣмецкой улицѣ, но я нарочно направился въ обходъ по Большой и Замковой улицамъ, думая ходьбою успокоить свое сильное внутреннее волненіе. Но, вотъ наконецъ миновалъ я и манежъ и вступилъ уже на улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ базарной площади на Лукишкахъ. Повидимому ничто не обнаруживало еще, что тамъ черезъ нѣсколько минутъ живое разумное существо должно будетъ лишиться жизни, этого великаго дара Творца вселенной... Не видно было никакихъ приготовленій; сначала я было подумалъ, что не назначена ли казнь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но народъ спѣшилъ толпами по тому же направленію... Нако-

нецъ, когда я подошелъ къ послѣднему домику съ лѣвой стороны улицы и взглянулъ влѣво на базарную площадь, передо мною вдругъ, какъ-бы изъ подъ земли, выросла страшная висѣлица.

Тутъ узналъ, что приходилось ждать болѣе двухъ часовъ; казнь вмѣсто 9 назначена была въ 11 часовъ, для большей публичности, такъ какъ по городу ходили толки между поляками, что казнь совершается рано изъ боязни стеченія народа... Зной въ этотъ день былъ палящій; въ одиннадцатомъ часу показалась грозовая туча и сталъ накрапывать дождь; пришлось укрыться отъ него въ близъ стоявшее зданіе городскихъ вѣсовъ. Между тѣмъ гроза все болѣе и болѣе усиливалась; дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и ливень продолжался во все время, пока печальное шествіе не стало подходить къ роковымъ Лукишкамъ. Въ эту минуту дождь пересталъ, и снова проглянуло изъ-за тучъ яркое, веселое солнце, но не радостную картину пришлось ему освѣтить тогда. Преступникъ одѣтъ былъ въ черную чамарку со шнурками, въ родѣ венгерки, съ которой струилась вода; на головѣ его надѣта была на бекрень конфедератка. На видъ онъ былъ молодой мужчина, средняго роста, широкоплечій, съ необыкновенно толстой и короткой шеей. Шелъ онъ бодро, въ сопровожденіи ксендза, подъ барабанный бой, и, во время чтенія приговора стоялъ спокойно, хотя внутреннее волненіе пробивалось наружу въ частомъ переступаніи съ ноги на ногу... Наступила, наконецъ, страшная минута. Окружавшія висѣлицу войска взяли на-плечо, раздался оглушительный барабанный бой, напутствовавшій въ другую жизнь осужденнаго, ксендзъ отошелъ въ сторону, казнь совершилась.

Послѣ этой казни въ Вильнѣ какъ-бы все попритихло; паника напала на польское городское населеніе. Куда дѣвалась вся прежняя дерзость? Дворянство робко заговорило про адресъ. Но по уѣздамъ мятежники продолжали безчинствовать, и вотъ 10-го іюня снова былъ разстрѣлянъ въ Вильнѣ уроженецъ царства Польскаго, Юліанъ Лесневскій, братъ виленской оперной пѣвицы, прибывшій пропагандировать мятежъ изъ Варшавы. Затѣмъ, 15-го числа іюня, оповѣщена была по Вильнѣ казнь Сигизмунда Сѣраковскаго, бывшаго капитана нашего генеральнаго штаба, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Доленги. День былъ сѣрый, но безъ дождя. Я рѣшился пойти посмотрѣть, съумѣетъ ли по крайней мѣрѣ литовско-ковенскій воевода умереть, какъ слѣдуетъ. Не лишнимъ будетъ сообщить нѣкоторыя подробности объ этомъ человѣкѣ, игравшемъ весьма видную роль въ мятежѣ и могущемъ служить назидательнымъ примѣромъ того, какъ поляки умѣютъ обдѣлывать свои дѣла въ Петербургѣ. Еще въ 1848 и 1849 годахъ, 22 лѣтъ отъ роду, участвуя въ тамошнихъ польскихъ политическихъ кружкахъ, Сѣраковскій заявилъ себя ярымъ врагомъ Россіи, попался и былъ разжалованъ въ

рядовые Оренбургскаго линейнаго батальона, гдѣ и пробылъ до 1857 года. Возвратясь въ Петербургъ, Сѣраковскій поступилъ въ генеральный штабъ и дослужился до капитанскаго чина. Въ 1859 — 1860 годахъ подъ его вліяніемъ стали организовываться въ сѣверной столицѣ военный и гражданскій революціонные польскіе кружки, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ концѣ мая мѣсяца 1860 года, по представленію генералъ-квартирмейстера, Сѣраковскій былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, за границу, для изученія военно-уголовнаго законодательства важнѣйшихъ европейскихъ государствъ и статистики европейскихъ армій. Пробывъ въ этой командировкѣ болѣе года, въ то самое время, когда въ Парижѣ подготовлялся эмиграціею мятежъ, Сѣраковскій въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 года, при разгарѣ политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ и въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, снова былъ командированъ, по крѣпостямъ западной Россіи, для собранія свѣдѣній о состояніи находящихся тамъ арестантскихъ ротъ. Тогда вырабатывался проектъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ войскахъ. Такимъ образомъ, будучи однимъ изъ главныхъ коноводовъ задуманнаго возстанія, этотъ человѣкъ успѣлъ добиться командировки на казенный счетъ за границу и составлялъ тамъ планы съ эмигрантами о возстановленіи Польши отъ моря до моря. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ проѣхалъ по Россіи и осмотрѣлъ русскія крѣпости, готовясь передать ихъ нашимъ врагамъ.

Неутомимая дѣятельность Сѣраковскаго по подготовленію мятежа этимъ не ограничилась. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на редакцію газеты «Слово», издававшейся въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ, которая была впослѣдствіи запрещена. Когда вспыхнуло вооруженное возстаніе, петербургскій революціонный комитетъ поручилъ Сѣраковскому отправиться въ западный край въ сопровожденіи офицеровъ-поляковъ, для командованія мятежническими шайками въ званіи литовскаго и ковенскаго воеводы, подъ псевдонимомъ Доленги. Не попадись Сѣраковскій случайно подъ пулю русскаго солдата, онъ, имѣя заграничный отпускъ въ карманѣ, съ приготовленною заранѣе и написанною собственноручно статьею противъ мятежа, въ которой порицалось безумство поляковъ, пожалуй, съумѣлъ бы оправдаться вполнѣ въ виду милостей начальства, но судьба порѣшила иначе и привела его на Лукишки. Несмотря на короткое время своего главнокомандованія, онъ успѣлъ повѣсить пятисотскаго въ м. Суббочъ и сжечь бумаги волостнаго правленія въ м. Скопишкахъ, Ковенской губерніи. На слѣдствіи онъ показалъ, что шествіе ихъ était une protestation sanglante... До чего человѣкъ этотъ умѣлъ маскироваться, можно видѣть изъ того, что, будучи въ Вильнѣ, незадолго до ухода въ лѣсъ, онъ присутствовалъ у генералъ-губернатора Назимова на военномъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ,

какъ бы помочь нагрянувшей на несчастный край бѣдѣ, и на предложенный ему вопросъ отвѣтилъ: «Нужно вырвать съ корнемъ польщизну изъ края...» Раненый пулею въ грудь навылетъ и привезенный подъ конвоемъ въ Вильну, Сѣраковскій былъ помѣщенъ въ воинскомъ отдѣленіи госпиталя св. Якова, близъ Закрета, гдѣ нынѣ юнкерское училище. Когда онъ сталъ поправляться, къ нему ѣздила туда нѣсколько разъ слѣдственная коммиссія для допросовъ. Военный судъ надъ нимъ былъ отложенъ до 10-го іюня. Когда предсѣдатель объявилъ ему о преданіи его полевому суду, Сѣраковскій заявилъ, что онъ чувствуетъ себя еще слабымъ и не въ состояніи отвѣтить на вопросы, желая показать правду, боится ошибиться и проситъ отсрочки... Докторъ Стакманъ, спрошенный коммиссіей о состояніи здоровья Сѣраковскаго, засвидѣтельствовалъ, что, по его мнѣнію, подсудимый можетъ давать отвѣты сознательно. Уклончивость Сѣраковскаго очевидно имѣла цѣлью продлить время. 12-го іюня, въ среду, члены коммиссіи въ послѣдній разъ посѣтили Сѣраковскаго для допроса и убѣждали его откровенно высказать всѣ обстоятельства участія своего въ мятежѣ; но и въ этотъ разъ онъ уклонился отъ объясненій, сводя свои показанія на оказанное ему вниманіе въ бытность его за границей Наполеономъ III, Гарибальди и другими высокопоставленными лицами въ Европѣ, и въ заключеніе объявилъ, что онъ не попалъ бы шайку, если бы не былъ убѣжденъ, что возстаніе будетъ единодушное. Два часа билась съ нимъ коммиссія, и только при выходѣ ея Сѣраковскій объявилъ: «судъ надо мною долженъ быть гласный». Повидимому, онъ вполнѣ надѣялся на заступничество своихъ петербургскихъ покровителей и вѣрилъ во вмѣшательство Европы. Въ то время пріѣхалъ въ Вильну корреспондентъ какой-то англійской газеты и на общемъ представленіи просилъ позволенія у главнаго начальника края осмотрѣть политическія тюрьмы и прочитать слѣдствіе о Сѣраковскомъ, чтобы затѣмъ печатнымъ словомъ опровергнуть разные неблагопріятные по этому поводу для Россіи толки. Графъ Муравьевъ приказалъ состоявшему при немъ молодому чиновнику Мосолову передать корреспонденту, что не дѣло Европы вмѣшиваться въ разсмотрѣніе слѣдствія о Сѣраковскомъ, — на это въ Россіи установленъ судъ, и если онъ признаетъ его виноватымъ, то Сѣраковскій, не смотря на чье бы то ни было заступничество, будетъ повѣшенъ. Осмотрѣть же политическія тюрьмы, пищу и содержаніе политическихъ арестантовъ было разрѣшено корреспонденту, подъ единственнымъ условіемъ, не разговаривать по секрету съ заключенными. Виленскій комендантъ А. С. Вяткинъ, въ завѣдываніи котораго находились военно-плѣнные политическіе преступники, посѣтивши военное отдѣленіе госпиталя, гдѣ содержался Сѣраковскій, въ самый день его казни, разсказывалъ, что тотъ, не подозрѣвая своей судьбы, велъ съ нимъ бесѣду, какъ устроить

будущность царства Польскаго и западныхъ губерній, чтобы устранить повтореніе подобныхъ тогдашней катастрофъ.

— Что же вы ему отвѣтили?—полюбопытствовалъ я.

— Что ни ему, ни мнѣ не придется управлять этими областями, а потому лучше предоставить эту заботу тѣмъ лицамъ, на обязанность которыхъ она будетъ возложена государемъ.

Но обратимся къ дальнѣйшимъ событіямъ...

Съ ранняго утра 15-го іюня базарная Лукишская площадь въ Вильнѣ была переполнена народомъ; я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ должны были читать приговоръ военно-полеваго суда. Въ началѣ одиннадцатаго часа, по направленію отъ госпиталя стали спускаться съ горы, окруженные конвоемъ, дрожки, на которыхъ помѣщались три лица—госпитальный служитель на козлахъ, ксендзъ и Сѣраковскій. Лицо измѣнника было блѣдно-желтаго цвѣта; мутные глаза блуждали изъ стороны въ сторону, а рыжевато-бѣлокурые волосы совершенно растрепались отъ вѣтра. Преступникъ олицетворялъ собою полнѣйшій ужасъ. Онъ полустоялъ на дрожкахъ, опираясь одною рукою на ксендза, а другою на служителя, и дико озирался на всѣ стороны... Когда шествіе остановилось, барабанный бой смолкъ, преступника спустили на землю, войска взяли на караулъ... Мертвая тишина воцарилась на площади. Началось чтеніе приговора, продолжавшееся довольно долго. Когда оберъ-аудиторомъ произнесены были слова: «казнить смертію черезъ повѣшеніе», Сѣраковскій закричалъ: «протестую передъ лицомъ Европы». Раздавшійся вслѣдъ затѣмъ барабанный бой заглушилъ его дальнѣйшія слова, и передъ публикой произошла слѣдующая сцена: обезумѣвшій со страху осужденный завязалъ отчаянную борьбу съ подошедшимъ къ нему палачемъ и нѣсколько разъ оттолкнулъ его отъ себя; нужно было удивляться, откуда взялась у него такая сила. Подбѣжавшій помощникъ палача схватилъ его сзади; не смотря на оказанное и тутъ сопротивленіе, помогъ надѣть саванъ на преступника и связать ему назадъ руки. Когда надѣтъ былъ колпакъ на голову Сѣраковскому, онъ ослабѣлъ такъ, что палачи полунесли его къ той цѣли, къ которой онъ столько лѣтъ и такъ настойчиво стремился. Подъ виселицею, когда палачъ вмѣстѣ съ помощникомъ приподняли Сѣраковскаго на скамейку, чтобы накинуть на шею петлю, онъ былъ совершенно безъ чувствъ; руки у него повисли, голова склонилась на грудь.

Надѣвши петлю, палачъ толкнулъ Сѣраковскаго со скамьи, и бездыханный трупъ безжизненною массою повисъ въ воздухѣ...

— Ахъ, онъ несчастный!—раздался вдругъ около меня голосъ какой-то салопницы, разбойники эти...

— Молись лучше объ упокоеніи души его,—замѣтилъ кто-то изъ

*

толпы,—да пожалѣй лучше тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ погубилъ, а то твоя ругань, пожалуй, и тебя скоро до добра не доведетъ.

Надо было видѣть, какъ послѣ этого нравоученія салопница задала тягу.

Казнь литовско-ковенскаго воеводы еще болѣе усилила панику поляковъ, и они окончательно упали духомъ. Вскорѣ возобновились замолкшіе было слухи о всеподданнѣйшемъ адресѣ дворянъ, и съ каждымъ днемъ толки эти все болѣе и болѣе усиливались въ Вильнѣ. Въ это время я занимался подготовительными работами по крестьянскому вопросу. По званію предсѣдателя повѣрочной коммиссіи Ошмянскаго уѣзда, я часто бывалъ у виленскаго губернатора Галлера, моего прежняго сослуживца при генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, гдѣ и познакомился съ статскимъ совѣтникомъ Маковымъ, которому поручено было веденіе крестьянской реформы; я бывалъ часто у него на квартирѣ въ гостиницѣ Познанскаго и помогалъ составлять, порученную ему М. Н. Муравьевымъ, раскладку 10% сбора съ помѣщиковъ. 23-го іюня Галлеръ неожиданно былъ смѣненъ главнымъ начальникомъ края, и на его мѣсто былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ. Обстоятельство это довольно интересно, чтобы пройти его молчаніемъ. Нужно замѣтить, что И. В. Галлеръ былъ человѣкъ крайне самолюбивый. При генералъ-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ онъ занималъ мѣсто его адъютанта и ушелъ отъ него, когда тотъ отказалъ ему въ мѣстѣ дежурнаго штабъ-офицера, которое осталось вакантнымъ послѣ А. Н. Апухтина. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ виду крайне стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ, онъ снова упросилъ бывшаго своего начальника принять его на прежнюю должность. Въ началѣ пріѣзда В. И. Назимова въ Вильну, онъ сильно оскорбился тѣмъ, что тотъ, дѣлая визиты, не былъ у его жены; съ скрежетомъ зубовнымъ и чуть не съ пѣною у рта разсказалъ онъ мнѣ про эту дерзость новаго начальника, повстрѣчавшись со мною на улицѣ, около Николаевской церкви. Не прошло затѣмъ и двухъ лѣтъ, какъ, по внезапной кончинѣ Э. А. де-Роберти, И. В. Галлеръ былъ сдѣланъ правителемъ генералъ - губернаторской канцеляріи, оставаясь и при полученной имъ при В. И. Назимовѣ должности дежурнаго штабъ-офицера, которую до сихъ поръ исправлялъ за него оберъ-аудиторъ Емельяновъ. В. И. Назимовъ не чаялъ въ немъ души; дѣло, наконецъ, дошло до того, что генералъ-губернаторская канцелярія, за подписью правителя, отъ имени генералъ - губернатора вела переписку съ губернаторами, давала важныя порученія чиновникамъ особыхъ порученій, назначала слѣдствія и т. п. Наконецъ, 6-го марта 1862 года получена была Галлеромъ изъ Петербурга отъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора В. И. Назимова телеграмма, которою онъ поздравлялъ его съ производствомъ, по манифесту 18-го февраля 1762 года, въ

генералъ-маіоры съ назначеніемъ губернаторомъ въ Гродну, на мѣсто бывшаго тамъ А. Н. Дренякина; 17-го апрѣля 1863 года Галлеръ былъ переведенъ губернаторомъ въ Вильну на мѣсто М. Н. Похвиснева, который былъ назначенъ деректоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Наканунѣ приключившейся съ нимъ катастрофы я зашелъ къ нему послѣ обѣда и засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи.

— Что это съ вами случилось, Иванъ Владиміровичъ? на васъ лица нѣтъ,—спросилъ я его.

— Да вотъ посмотрите... Вздумалъ, видишь, требовать къ себѣ губернатора по нѣсколько разъ въ день и давать ему разныя порученія... Преступленіе даже прокатиться по городу, чтобы освѣжиться... Ну да не на такого попалъ...

«Видно, настала не прежняя пора», подумалось мнѣ невольно.

— Кстати, что вы зашли, И. А.; напишите, пожалуйста, не въ службу, а въ дружбу, предписаніе квартирной коммиссіи набѣло отъ имени генералъ-губернатора; вотъ вамъ замѣтка, въ чемъ дѣло; почеркъ у васъ отличный, а дѣло спѣшное; признаться сказать, я и позабылъ про него; самъ же я въ это время пойду переодѣнусь.

Минутъ черезъ десять требуемая бумага была мною исполнена. Когда возвратившійся въ кабинетъ губернаторъ прочелъ ее, то, съ видомъ дружеской насмѣшки, сдѣлалъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе:

— Эхъ! вы, университетскіе... чему васъ учили? И бумаги-то простой исполнить не умѣете. Ну, теперь я самъ сдѣлаю это; извините, что безпокоилъ васъ.

Затѣмъ, присѣвши къ письменному столу, онъ самъ написалъ напыщеннымъ слогомъ бумагу набѣло. Надобно сознаться, почеркъ у него былъ отличный. Когда онъ управлялъ генералъ-губернаторскою канцеляріей, то любилъ составлять отзывы въ министерство самъ лично и тогда запирался у себя на дому въ кабинетѣ дня на два, на три, пока не побѣждалъ всѣ трудности. Въ бумагахъ этихъ было много блеску, мало толку. Уѣзжая къ главному начальнику края и обѣщая скоро возвратиться оттуда, онъ попросилъ меня подождать у его жены, у которой были тогда гости. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ домой и объявилъ мнѣ, что мое исполненіе, а не его было подписано графомъ М. Н. Муравьевымъ.

— Это какимъ образомъ могло случиться?—спросилъ я его.

— Очень просто,—отвѣтилъ мнѣ Галлеръ;—когда я прочелъ ему бумагу, онъ остался ею недоволенъ и, взявши изъ рукъ моихъ предписаніе, хотѣлъ самъ его поправить, а въ немъ лежало ваше исполненіе, прочитавши которое, онъ тотчасъ же и подписалъ, сказавъ при этомъ любезность на счетъ составителя бумаги, т. е. на вашъ счетъ.

— А что, Иванъ Владиміровичъ, видно, и университетскіе умѣютъ писать дѣльно,—отвѣтилъ я ему, смѣясь.

Зайдя къ нему на другой день, часу въ шестомъ, послѣ описанной сцены я нашелъ его окончательно растерявшимся и совершенно упавшимъ духомъ. Сидѣлъ онъ въ большомъ залѣ губернаторскаго дома, съ опущенною на грудь головою...

— Что съ вами?—спросилъ я его. Не послать ли за докторомъ?

— А вотъ, прочтите,—отвѣчалъ онъ мнѣ, передавая бумагу.

Открываю и вижу—предложеніе главнаго начальника края на имя Галлера такого содержанія:

«На основаніи высочайше предоставленной мнѣ власти, увольняя ваше превосходительство отъ обязанностей по управленію виленскою губерніею, я назначилъ управляющимъ этою губерніею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Панютина, о чемъ вмѣстѣ съ симъ дано мною надлежащее предложеніе виленскому губенскому правленію. Поставляя о семъ въ извѣстность ваше превосходительство, прошу васъ немедленно передать управленіе губерніею дѣйствительному статскому совѣтнику Панютину. Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ».

Коротко и ясно. На другой день было объявлено Галлеру, что ему сохраняется содержаніе съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Эта вѣсть крайне его обрадовала, и онъ очень скоро уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ присоединился къ партіи противниковъ М. Н. Муравьева.

Вновь назначенный виленскій губернаторъ, человѣкъ вполнѣ русскій, была совершенная противоположность смѣщенному; тихій, спокойный, трудолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и энергичный исполнитель распоряженій, онъ тотчасъ же перенесъ рабочій свой кабинетъ въ канцелярію, гдѣ и просиживалъ за занятіями съ ранняго утра и до глубокой ночи.

Въ первое время онъ не понравился - было намъ, служащимъ по крестьянскому дѣлу, и вотъ по какому поводу. Вступивши въ должность, губернаторъ пригласилъ насъ въ свою канцелярію, чтобы познакомиться съ нами. Мы всѣ собрались туда къ семи часамъ, какъ было имъ самимъ назначено. Оказалось на повѣрку, что губернаторъ только-что куда-то уѣхалъ. Ждемъ часъ, два... Начинаемъ возмущаться, что такъ неделикатно поступаютъ съ нами, чиновниками министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ! Думали было разойтись, да разыгравшаяся съ бывшимъ губернаторомъ исторія поудержала нашу прыть. Наконецъ С. Ѳ. Панютинъ возвратился изъ дворца и попросилъ у насъ извиненія, что противъ своей воли задержалъ насъ такъ долго.

— Время теперь такое горячее. Его высокопревосходительство потребовалъ меня къ 7 часамъ къ себѣ и продержалъ до настоящей минуты.

Побесѣдовавши затѣмъ съ нами съ часъ времени, при прощаніи онъ намъ объявилъ, что на другой день въ 11 часовъ утра назначенъ главнымъ начальникомъ края пріемъ повѣрочныхъ коммиссій и попросилъ насъ быть пунктуальными. Никогда не забуду я этого пріема. Какъ билось въ груди мое сердце въ ту минуту, когда часовая стрѣлка приблизилась къ 11... Въ ожиданіи выхода мы всѣ стояли въ линію, въ красной гостиной комнатѣ съ балкономъ, выходившимъ на дворцовую гауптвахту; я попалъ четвертымъ отъ начала; представлялъ насъ Л. С. Маковъ; мы всѣ были въ мундирныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Съ боемъ 11 часовъ дверь изъ кабинета отворилась, и главный начальникъ края, въ сопровожденіи губернатора, вошелъ въ пріемную. Когда дошла очередь до меня, то М. Н. Муравьевъ, услыхавши мою фамилію, спросилъ меня:

— Здѣсь былъ Никотинъ чиновникомъ особыхъ порученій?

— Тотъ самый, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я ему.

— Я много наслышался про васъ хорошаго. Мнѣ очень пріятно васъ видѣть.

Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о прежней моей служебной дѣятельности и давно ли я нахожусь въ краѣ, онъ, удаляясь отъ меня, прибавилъ съ улыбкою: «до свиданья». Что хотѣлъ сказать онъ этимъ словомъ, думалъ я во всю дорогу, возвращаясь домой.

Въ день представленія у служившихъ по крестьянскому дѣлу состоялся экспромтомъ въ 5 часовъ обѣдъ въ «Европейской гостиницѣ», на который былъ приглашенъ и С. Ѳ. Панютинъ; всѣхъ присутствовавшихъ было человѣкъ до 60. Часа два, не болѣе, продолжалась наша застольная бесѣда, вращавшаяся въ сферѣ тогдашнихъ событій вообще и въ частности по крестьянскому вопросу и кончившаяся слѣдующимъ тостомъ-экспромтомъ:

Заздравный кубокъ поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здравицу миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему—ура!

Мѣсяца два спустя послѣ представленія членовъ повѣрочныхъ коммиссій Михаилу Николаевичу, старшій совѣтникъ Л. С. Маковъ внезапно уѣхалъ въ Петербургъ и болѣе не возвращался въ Вильну. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ это время начали осложняться отношенія между главнымъ начальникомъ края и министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Л. С. Маковъ, котораго мы всѣ полюбили душою, понималъ очень хорошо всю неловкость своего положенія и, не желая ставить на карту свою карьеру, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, чтобы тамъ и остаться, но получилъ отказъ наотрѣзъ. Вскорѣ послѣ

этого пришла телеграмма отъ министра, который просилъ Михаила Николаевича отпустить Л. С. Макова въ Петербургъ на нѣсколько дней, по случаю болѣзни сына или дочери, сказать не умѣю. Само собою разумѣется, что отпускъ ему былъ данъ, но самый краткосрочный, и вотъ, вскорѣ по пріѣздѣ его въ столицу, получено было извѣщеніе отъ министра, что Л. С. Маковъ въ Вильну не вернется. Завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ было поручено тогда надворному совѣтнику Левшину, далеко не имѣвшему тѣхъ способностей, которыми одаренъ былъ его предмѣстникъ.

Чтобы представить бѣглый очеркъ того, что было сдѣлано графомъ М. Н. Муравьевымъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ 1863 года во ввѣренномъ управленію его краѣ, не лишнимъ считаю сообщить здѣсь мою корреспонденцію отъ 10-го января 1864 года въ «Московскія Вѣдомости».

«Позвольте мнѣ, виленскому старожилу, подѣлиться съ вами тѣми впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ рука моя чертитъ настоящія строки. 1863-й годъ канулъ въ вѣчность. По русскому обычаю не станемъ поминать его лихомъ, хоть онъ намъ всѣмъ порядочно насолилъ. Впрочемъ, въ немъ были и добрыя стороны. Этотъ годъ многозначителенъ не только для Вильны, но и для всѣхъ западныхъ губерній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма поучителенъ для каждаго русскаго, который горячо любитъ свое дорогое отечество. Да, грустно подумать и тяжело сознаться, какъ мы еще недавно увлекались въ отношеніи мятежныхъ нашихъ собратій и, подъ вліяніемъ благородныхъ стремленій, допускали возможность истиннаго сочувствія къ нашей родной сторонѣ заклятыхъ и вѣроломныхъ враговъ ея, посягнувшихъ въ своихъ безумныхъ замыслахъ отторгнуть почти половину Россіи для возсоединенія царства, отличавшагося, даже и въ блестящее время своего существованія, лишь неурядицею и безпорядками. Грустно повторять все это; но кровавыя событія, потрясшія наши западныя губерніи, должны, наконецъ, открыть намъ всѣмъ глаза и укрѣпить въ насъ еще болѣе любовь къ нашему отечеству. Польскій катехизисъ долженъ навсегда остаться у насъ въ памяти; это принесетъ намъ огромную пользу.

«Но я отвлекся отъ моего предмета. Поговоримъ лучше о Вильнѣ, съ которой судьба связала меня уже много лѣтъ. Да, прожить здѣсь столько лѣтъ—не поле перейти. Смотря въ настоящее время на этотъ городъ, столь богатый своими воспоминаніями, и сравнивая его съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рѣшительно не хочешь вѣрить такой огромной перемѣнѣ, такому совершенному перерожденію. Я говорю о тѣхъ административныхъ реформахъ послѣднихъ семи мѣсяцевъ, которыя поставили Вильну на степень благоустроеннаго города и положили твердое основаніе къ упроченію въ цѣломъ здѣшнемъ краѣ русской національности.

«Разсмотримъ же эти реформы въ ихъ послѣдовательности и укажемъ сначала на тѣ причины, которыя ихъ вызвали. Въ то время, когда варшавскія событія послѣднихъ лѣтъ такъ сильно откликнулись въ здѣшнемъ городѣ, надобно было видѣть тѣ безумства, ту наглость, которыя высказывались въ Вильнѣ на каждомъ шагу. На полицію рѣшительно не обращали никакого вниманія, дерзость агитаторовъ доходила до того, что полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя даже около будокъ, срывались среди бѣлаго дня; чамарки гордо расхаживали по городу; женщины, облеченныя въ театральный трауръ, сновали туда и сюда; по костеламъ собирались денежные сборы, подъ видомъ благотворительности, а шли на усиленіе мятежнаго возстанія; какія-то личности, не бритыя и нечёсаныя, попадались чуть не на каждомъ шагу по улицамъ, и никто ихъ не спрашивалъ: откуда и зачѣмъ онѣ пріѣхали? Гимназисты и студенты, съѣхавшіеся изъ всѣхъ университетовъ Россіи, толпами сновали по тротуарамъ и весьма часто безчинствовали.

«Наконецъ, мѣра долготерпѣнія переполнилась! Вновь прибывшій въ Вильну главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края, изданіемъ своей инструкціи 24-го мая, положилъ краеугольный камень всеобщему умиротворенію высочайше ввѣреннаго ему края. Жители Вильны въ первый разъ увидѣли тогда, что̀ можетъ сдѣлать и что̀ такое значитъ дѣятельная полиція, и поняли, чуть ли не въ первый разъ, какъ должно исполнять приказанія и распоряженія правительства. Видъ города вдругъ перемѣнился. Денежные сборы по костеламъ, производившіеся дамами высшаго сословія, послѣ пожертвованія собранныхъ денегъ на пособіе нашимъ раненымъ и торжественной благодарности виленскаго полицеймейстера, полковника М. А. Саранчова, объявленной тремъ патріоткамъ-сборщицамъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», прекратились сами собой. Демонстраціонный трауръ, послѣ нѣсколькихъ штрафовъ, обращенныхъ на пособіе семействамъ лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа, былъ оставленъ и даже самыми отчаянными патріотками. Было при этомъ случаѣ разыграно много комическихъ сценъ... но, увы! увидѣвъ, что опредѣленный для ослушницъ штрафъ—не одни только слова, патріотки присмирѣли и надѣли самыя цвѣтныя ленты, а впослѣдствіи облеклись и въ цвѣтныя одежды. Тотъ же самый неумолимый штрафъ прекратилъ и сборища по городу и заставилъ каждаго изъ жителей въ ночное время, при выходѣ на улицу, имѣть зажженный фонарь, который давалъ возможность бдительному оку полиціи слѣдить за ночнымъ прохожимъ. Въ настоящее время, не шмыгнешь въ какія-нибудь проходныя ворота; во всѣхъ домахъ, имѣющихъ проходные дворы, они перегорожены; всѣ торговыя и публичныя заведенія обязаны имѣть только по одному выходу на улицу и по одному внутрь

двора. Всѣ прочія лазейки, такъ любимыя членами подземнаго жонда, заперты и запечатаны полиціей, на глухихъ же мѣстахъ и отдаленныхъ переулкахъ устроено 14 ночныхъ будокъ для городовыхъ. Полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя по городу, для всеобщаго свѣдѣнія, читаются съ жадностію въ настоящее время всѣми, хотя напечатаны на русскомъ языкѣ, и остаются на своихъ мѣстахъ до того времени, пока это приказано. Для наблюденія за порядкомъ и тишиной въ ночное время, кромѣ постоянныхъ патрулей, при городовыхъ съ фонарями, дежурный частный приставъ объѣзжаетъ цѣлый городъ, а четверо дежурныхъ его помощниковъ наблюдаютъ за четырьмя частями города. Для облегченія надзора сдѣлано распоряженіе, чтобы у входовъ въ харчевни, трактиры, гостиницы, заѣзжіе дома, аптеки и т. п., горѣли цѣлую ночь фонари. Въ каждомъ домѣ особыя домовыя книги для записыванія всѣхъ жильцовъ и, для большей наглядности, при входѣ, у каждаго дома, вывѣшены доски, съ показаніемъ фамилій всѣхъ живущихъ. Самые дома обозначены четными и нечетными номерами, смотря по тому, на правой или на лѣвой сторонѣ улицы они построены. Составленіе домовыхъ книгъ принесло огромную пользу къ водворенію порядка: безъизвѣстныя дотолѣ личности выплыли наружу; когда стали составляться подобныя книги въ уѣздѣ, нѣсколько членовъ подземнаго жонда искали, по-прежнему, спасенія въ городѣ и, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли паспорты подъ другими названіями, всѣ они попались въ руки правосудія. Каждый городовой имѣлъ при себѣ сигнальный свистокъ и нумерной знакъ на груди, по образцу тѣхъ, которые носятъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; на сигнальный свистокъ городоваго ночные дежурные дворники отвѣчаютъ трещотками, чтобы дать тѣмъ знать, что и они бодрствуютъ. Для того же, чтобы ознакомить помощниковъ частныхъ приставовъ, городовыхъ и дворниковъ съ новыми ихъ обязанностями относительно надзора и содержанія города въ чистотѣ и порядкѣ, напечатаны и розданы каждому изъ вышеозначенныхъ лицъ особыя книжечки, въ видѣ инструкціи. Незнаніемъ въ этомъ случаѣ отговориться нельзя; предусмотрительныя распоряженія начальства отстранили всѣ возможныя и невозможныя отговорки и препятствія.

«Ни одинъ городъ въ цѣлой Россіи не отличался, можетъ быть, такимъ огромнымъ числомъ нищенствующихъ, какъ Вильна; можно даже сказать, что нищенство образовало тутъ, какъ бы родъ какого-то особаго промысла. Праздношатающіяся тунеядки брали на прокатъ чужихъ дѣтей. Что же оказалось? Многія изъ этихъ нищихъ были усердными агентами агитаторовъ и входили въ составъ такъ называемаго *цѣпнаго общества*, организованнаго изъ женщинъ. Ведутъ ли арестанта по улицѣ—извѣстно, кто онъ такой и гдѣ содержится; нужно

ли знать, куда направилась полиція, передать какое-либо свѣдѣніе отъ подземнаго жонда—все это передавалось смиренно стоящими, повидимому, испрашивателями подаянія. Это тоже не ускользнуло отъ зоркаго глаза главнаго начальника края. Приказано было сдѣлать самый тщательный разборъ нищенствующей братіи. Вслѣдствіе этого распоряженія множество нищихъ водворено было подъ надзоръ и на попеченіе обществъ; увѣчные же и калѣки помѣщены на содержаніе въ богадѣльни. Теперь праздношатательство по городу прекращается.

«Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго открывается ясно, что крамола потерпѣла окончательное пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Оставалось навсегда упрочить въ здѣшнемъ городѣ тотъ порядокъ, который водворенъ теперь, благодаря неутомимымъ трудамъ и неусыпной дѣятельности М. Н. Муравьева. Вполнѣ сознавая ту историко-политическую истину, что Западный край есть древнее достояніе Россіи, что въ простомъ народѣ сохранилась любовь къ нашему общему отечеству и преданность къ нашему монарху-освободителю, главный начальникъ края твердою своею волею и горячею преданностію къ святому дѣлу—воскресилъ здѣсь русскую національность, которая страдала подъ вліяніемъ пановъ и пронырливыхъ монаховъ Запада и на которую почти не было обращено никакого вниманія. Они дѣлали, что хотѣли, и имѣли въ рукахъ своихъ всѣ средства. Благолѣпіе римско-католическихъ костеловъ въ сравненіи съ нищенскимъ состояніемъ убогихъ и полуразрушенныхъ православныхъ храмовъ Божіихъ вліяло сильно на простой народъ; болѣе обезпеченное въ средствахъ къ своему существованію, духовенство западной церкви обратило служеніе алтарю въ пропаганду католицизма и польщизны, и всѣми средствами старалось поколебать въ простомъ народѣ вѣру его предковъ, сдѣлать изъ бѣлоруссовъ—поляковъ. Каждый почти ксендзъ заводилъ у себя, секретно отъ правительства, школу; училъ тамъ дѣтей, часто даже русскихъ, польскому языку и польскимъ молитвамъ. Мировые посредники, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, вмѣсто того, чтобы проводить великую идею освобожденія крестьянъ, взявшись за руки съ ксендзами, проповѣдывали идею польской національности между простымъ народомъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ отставныхъ чиновниковъ, кандидатовъ университетовъ, отставные военные пошли на должности сельскихъ писарей и старались всѣми средствами возбудить крестьянъ противъ русскаго правительства; въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ—печати, книги, самое дѣлопроизводство были на польскомъ языкѣ. Вилейскій окружной начальникъ Квинто объявилъ православному священнику, ходатайствовавшему о починкѣ ветхаго храма, что правительство обращаетъ теперь вниманіе на костелы, а не на ваши церкви; по инвентарю же 1857 года люстраторъ Каминскій и землемѣръ Белекерскій назвали при-

писную къ Сморгонской православной церкви Сукневицкую церковь—капищемъ, а землю подъ церковью—капщизною. При подобной обстановкѣ надобно еще удивляться могуществу русскаго духа въ здѣшнихъ губерніяхъ, что онъ не замеръ вполнѣ. До настоящаго времени польскій элементъ былъ преобладающій. Рѣчь польская слышалась вездѣ, даже въ самыхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя исключительно наполнены были поляками, такъ что на сто чиновниковъ изъ поляковъ приходилось не болѣе четырехъ русскихъ. Въ театрѣ игрались преимущественно польскія пьесы; всѣ вывѣски надъ магазинами, лавками, аптеками и т. п. были написаны по-польски, развѣ кое-гдѣ, какъ бы въ насмѣшку, виднѣлись едва замѣтныя русскія надписи и то въ родѣ слѣдующихъ: продажа кисли квасу, магазинъ кортовъ (трико), виленскій албумъ. И эти вывѣски, какъ бы стыдясь своего безобразія, смиренно скрывались подъ величавыми польскими объявленіями.

«Не смотря на то, что Сенатскимъ указомъ 30-го марта 1825 г., на основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія Комитета министровъ, воспрещено было употребленіе другихъ вѣсовъ и мѣръ, кромѣ тѣхъ, которые установлены для цѣлаго государства, продажа шла по-прежнему на локти, кварты, гарнцы (польскіе). Короче, куда ни взгляни, отвсюду вѣяло Польшей, отвсюду она выглядывала. Подобная обстановка сильно нравилась агитаторамъ, на нее-то они и разсчитывали и, льстя всѣмъ и каждому, старались усыпить нашу бдительность, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу.

«Въ настоящее время товары продаются не иначе, какъ на русскій вѣсъ и мѣру, вывѣски появились на русскомъ языкѣ исключительно; счеты въ магазинахъ, лавкахъ, аптекахъ, гостиницахъ подаются покупателямъ написанные по-русски; прислуга изъ иностранцевъ въ отеляхъ уже понимаетъ русскій языкъ хотя настолько, чтобы исполнять самыя обыкновенныя требованія посѣтителей. Для обученія еврейскихъ мальчиковъ русской грамотѣ открыты въ Вильнѣ особыя народныя школы, въ которыя въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія правилъ записано было 650 мальчиковъ. Наконецъ, что всего важнѣе, сдѣлано распоряженіе, чтобы при римско-католическихъ монастыряхъ и костелахъ ни подъ какимъ предлогомъ не заводились народныя училища и чтобы безъ вѣдома и разрѣшенія училищнаго начальства никто не обучалъ дѣтей простолюдиновъ. Для распространенія же грамотности въ цѣломъ Западномъ краѣ заводятся русскія народныя школы, подъ руководствомъ православныхъ священниковъ и русскихъ благонадежныхъ учителей. Выписано множество русскихъ книгъ, доступныхъ пониманію крестьянъ, и сотни тысячъ священныхъ и русскихъ историческихъ раскрашенныхъ картинъ, кото-

рыя, по распоряженію М. Н. Муравьева, пускаются въ продажу по дешевой цѣнѣ и, безъ сомнѣнія, принесутъ огромную нравственную пользу для простаго населенія здѣшняго края. Въ самомъ городѣ Вильнѣ съ 1-го января открылся въ первый разъ русскій книжный магазинъ книгопродавца Сенковскаго и въ первый день продано было изъ этой лавки на 200 рублей. Отъ всей души желаемъ успѣха столь необходимому и полезному предпріятію. Русское общество до настоящей минуты чувствовало здѣсь крайній недостатокъ въ русскихъ книгахъ. Впрочемъ, мало ли въ чемъ нуждалось здѣшнее русское общество. Для него даже не было приличныхъ и теплыхъ храмовъ Божіихъ! Часъ обновленія пробилъ! Недалеко уже то вожделѣнное время, когда на чистой лазури, главы храмовъ святыхъ, бѣлокаменныхъ, золотыми крестами засвѣтятся; когда благовѣстъ колоколовъ русскихъ разольется по литовско-русской землѣ, какъ бывало встарь, и, слившись во-едино съ гуломъ колоколовъ Царства Русскаго, возвѣститъ народу православному миръ, тишину и благоденствіе. По ходатайству М. Н. Муравьева, государь императоръ разрѣшить соизволилъ отпустить 80.000 р. на передѣлку иконостаса въ православномъ каѳедральномъ соборѣ во имя св. Николая; 30.000 р. сер. предназначено на постройку великолѣпной часовни въ память павшихъ храбрыхъ русскихъ воиновъ, которые, честною своею кровію запечатлѣвъ любовь свою къ царю и отечеству, усмирили мятежъ, поднятый завистниками славы Россіи! Фундаментъ означенной часовни, по проекту профессора А. И. Резанова, заложенъ 22-го октября на Георгіевской площади. Наконецъ, главнымъ начальникомъ края обращено вниманіе и на приведеніе въ благолѣпное состояніе православныхъ храмовъ по всѣмъ сѣверо-западнымъ губерніямъ. Въ уѣздномъ городѣ Вилейкѣ учреждена коммиссія для построенія православной церкви на счетъ 11.000 р. с., пожертвованныхъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. П. Рѣдкинымъ; въ Лидѣ и Трокахъ построены и освящены каменныя церкви; на построеніе же православнаго храма въ Кобринѣ, сверхъ добровольной складчины, отпущено главнымъ начальникомъ края 4.000 р. с. Вообще, всюду видна благочестивая дѣятельность къ устроенію православной святыни! Въ пособіе нашего духовенства, терпѣвшаго крайній недостатокъ, отпущено 200.000 р. с. Упомянутая сумма, назначенная для пособій православному приходскому духовенству всѣхъ западныхъ губерній, распредѣлена между ними соотвѣтственными частями, и по таковому распредѣленію, которое имѣетъ оставаться въ своей силѣ и на будущее время, впредь до могущей встрѣтиться надобности въ измѣненіи по указанію опыта, назначено: для Виленской губерніи 15.000 р. с., для Гродненской 25.000 р. и для Ковенской 2.000 р. с.

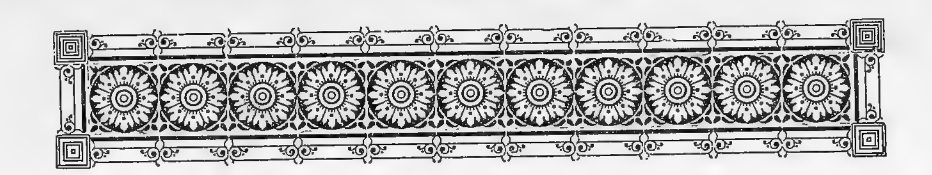
«Русскіе чиновники ежедневно пріѣзжаютъ сюда со всѣхъ концовъ

Россіи и поступаютъ здѣсь на службу; родная русская рѣчь стала слышаться всюду. Въ настоящее время мѣста мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ исправниковъ, судебныхъ слѣдователей, судей и т. д. замѣщены, или замѣщаются исключительно русскими, такъ что въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ получили уже назначеніе до 1.200 человѣкъ.

«Въ заключеніе остается сказать, что въ Вильнѣ сталъ выходить городской полицейскій листокъ, и открытъ былъ адресный столъ, который доставилъ еще болѣе удобства для контролированія передвиженія городскаго населенія. Не было ли обязано русское общество въ Вильнѣ почтить энергическую дѣятельность и неустанные труды М. Н. Муравьева, подъятые имъ для умиротворенія взволнованнаго злоумышленниками края? Удивляться ли, что 8-го ноября, въ день его именинъ, оно обратилось къ виленскому губернатору С. Ѳ. Панютину, съ слѣдующимъ письмомъ: «Вся земля русская преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ М. Н. Муравьева. Въ православной русской землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопреосвященствомъ, православную церковь во имя Архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмиреніи мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день, мы, русскіе, свидѣтели умиротворенія Западнаго края, покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви».

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ внутреннихъ дѣлъ представленія виленскаго губернатора по настоящему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить открыть подписку на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны желаніями М. Н. Муравьева, т. е. вмѣсто сооруженія новаго храма, предположено передѣлать одну изъ древнѣйшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ во имя Св. Николая, съ устройствомъ при входѣ часовни, въ которой будетъ поставленъ образъ Михаила Архангела; храмъ будетъ теплый. Едва только сдѣлалось извѣстнымъ всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе на открытіе подписки, какъ въ нѣсколько дней собрано было болѣе 10.000 р. с. и 10.000 кирпича пожертвовано однимъ евреемъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя; онъ краснорѣчивѣе всѣхъ витіеватыхъ описаній и льстивыхъ похвалъ!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

О силѣ правительства.

(Записка М. М. Сперанскаго [1]).

Часто разсуждаютъ о силѣ правительства; всѣ утверждаютъ, что сила сія необходима, всѣ желаютъ видѣть ее въ дѣйствіи; но не всѣ, и можетъ быть рѣдкіе, знаютъ, въ чемъ именно состоитъ сія сила, и какими средствами она пріобрѣтается.

Люди, воспитанные въ дворскихъ уваженіяхъ, думаютъ, что сила сія состоитъ въ великолѣпіи двора, въ пышности государскихъ титуловъ, въ таинственномъ словѣ самодержавія. Они приписываютъ магическому дѣйствію воображенія то, чего изъяснить естественными причинами не умѣютъ.

Другіе силу правительства полагаютъ въ строгости взысканій и въ щедрости наградъ. Страхомъ и удовольствіемъ, говорятъ они, управляется родъ человѣческій. Скорая казнь и обильныя награды: вотъ все таинство сильнаго управленія.

Любовію, твердятъ другіе, привлекайте сердца. Взирайте часто и на самые проступки съ снисхожденіемъ, и вы будете сильны.

Разумъ, увѣряютъ иные, есть начало силы. Надобно, чтобъ правительство всегда дѣйствовало убѣжденіемъ, и тогда велѣнія его съ точностію будутъ исполняемы.

Всѣ сіи причины, коимъ приписываютъ силу правительства, суть или ложны, или по крайней мѣрѣ въ дѣйствіи своемъ весьма ограничены.

---

[1]) Въ Императорской Публичной библіотекѣ среди бумагъ графа М. М. Сперанскаго, хранится перебѣленная записка „О силѣ правительства“, на которой имѣется собственноручная отмѣтка чернилами, рукою графа Сперанскаго: „читано его Императорскому Величеству декабря 3-го дня 1811 года“. Мы помѣщаемъ эту любопытную записку дословно. П. М.

Чтобъ опредѣлить истинныя причины, отъ коихъ происходитъ сила правительства, должно прежде опредѣлить, въ чемъ состоитъ сія сила.

Сила правительства состоитъ въ точномъ подчиненіи всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ одному движущему верховному началу власти, и въ самомъ дѣятельномъ и единообразномъ исполненіи всѣхъ ея опредѣленій.

Должно различать силу правительства отъ силы государства. Хотя силы сіи одна безъ другой стоять не могутъ, но въ данной эпохѣ можетъ быть, что государство будетъ сильно, а правительство слабо.

Сила государства есть масса всѣхъ его силъ моральныхъ и физическихъ.

Сила правительства есть соединеніе и направленіе сихъ самыхъ силъ государственныхъ къ извѣстной и опредѣленной цѣли.

Сколько бы государство въ самомъ себѣ ни было сильно, но въ настоящемъ положеніи Европы, безъ силы правительства, оно двигаться и долго сохранить себя не можетъ.

Истинныя причины, производящія силу правительства, суть слѣдующія:

I. Законы.

Первый источникъ силы правительства суть законы.

Если законы такъ устроены, что они оставляютъ правительству довольно власти, чтобъ дѣйствовать всегда во благо, а въ случаяхъ нужды принимать даже скорыя и сильныя мѣры: то правительство будетъ имѣть въ законахъ истинную силу.

Но власть должно различать отъ самовластія. Власть даетъ силу правительству, а самовластіе ее разрушаетъ, ибо самовластіе даже и тогда, когда оно поступаетъ справедливо, имѣетъ видъ притѣсненія и, слѣдовательно, дѣйствуетъ безъ довѣрія и всегда принужденно.

Изъ сего слѣдуетъ, что правильное законодательство даетъ болѣе истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластіе.

Въ Англіи законъ даетъ правительству власть, и потому оно можетъ быть тамъ сильно; въ Турціи законъ даетъ правительству самовластіе, и потому оно тамъ всегда должно быть слабо.

Извѣстно, что въ Россіи власть правительства въ законѣ не ограничена; а потому истинная сила правительства въ семъ отношеніи всегда у насъ была весьма слаба и пребудетъ таковою, доколѣ законъ не установитъ ея въ истинныхъ ея отношеніяхъ.

II. Образъ правленія.

Образъ правленія даетъ правительству истинную силу: 1) правильнымъ дѣлъ раздѣленіемъ, 2) единствомъ управленія, 3) выборомъ исполнителей.

Правильное раздѣленіе дѣлъ умножаетъ силу правительства потому, что приводитъ всѣ предметы въ ясность, облегчаетъ надзоръ и исполненіе.

Единство управленія умножаетъ силу правительства потому, что всѣ части подчиняетъ одному началу, одинакимъ соображеніямъ и объемлетъ однимъ надзоромъ.

Нѣтъ нужды доказывать, что выборъ исполнителей есть одна изъ главныхъ причинъ, производящихъ силу правительства.

Прилагая сіи понятія къ Россіи, легко можно удостовѣриться, что и въ семъ отношеніи сила правительства у насъ всегда была слаба. Мало есть государствъ, гдѣ бы управленіе, собственно такъ называемое (администрація), менѣе было устроено.

III. Воспитаніе.

Не довольно, чтобъ правительство имѣло въ данной какой-либо эпохѣ добрыхъ исполнителей; надлежитъ, чтобъ оно удостовѣрило себѣ навсегда непрерывное ихъ продолженіе.

Сего иначе достигнуть невозможно, какъ общественнымъ воспитаніемъ. Правительство должно совершенно обладать сею частію, дабы подчинить, такъ сказать, себѣ и ввести въ виды свои цѣлое рожденіе.

Всѣмъ извѣстно, что въ Россіи нѣтъ почти общественнаго воспитанія, ибо нѣтъ ни цѣлости въ планѣ, ни единообразія въ исполненіи. Великія издержки, сдѣланныя на сію часть правительствомъ, есть совершенная потеря и времени и денегъ.

IV. Войско.

Воинская сила есть верхъ и утвержденіе всѣхъ другихъ силъ государственныхъ. И сіе не только въ отношеніи къ внѣшней безопасности, но и въ отношеніи къ внутренней силѣ правительства. Безъ воинской силы ни законы, ни управленіе дѣйствовать не могутъ.

Хотя экономическое устройство нашихъ войскъ и разныя учрежденія имѣютъ нѣкоторые недостатки, но съ основательностію можно утверждать, что сей родъ силы правительство наше имѣетъ въ весьма нарочитой степени совершенства.

V. Финансы.

Всѣ соглашаются, что обиліе государственныхъ доходовъ составляетъ силу правительства.

Но въ приложеніи сей истины къ дѣлу, тѣ же самые люди, кои на словахъ столь преданы престолу, столь привязаны къ монарху, столь жарко защищаютъ права и преимущества самодержавной его власти, на дѣлѣ перемѣняютъ и рѣчь свою и разсужденія; при первомъ вопросѣ о умноженіи государственныхъ доходовъ, вдругъ нападаетъ на нихъ безмѣрная нѣжность и чувствительность къ нуждамъ народнымъ, страхъ отягощенія, опасность потерять любовь и преданность народа, и множество другихъ подобныхъ сему призраковъ, коими лесть и невѣжество часто оглушаютъ вниманіе государей.

Здѣсь-то, въ сихъ опасныхъ совѣщаніяхъ полагается первое начало ослабленія силы правительства. Здѣсь зарождаются сіи бѣдственныя ассигнаціонныя и имъ подобныя системы, коими, подъ видомъ легкаго и удобнаго исправленія финансовъ, истощаются его доходы, и подтачивается власть его въ самомъ ея корнѣ.

Совѣты сіи, во всѣхъ временахъ вредные, въ настоящемъ положеніи всѣхъ Европейскихъ державъ, суть совершенно пагубны; и если бы у насъ не происходили они отъ явнаго неразумѣнія, то можно бы было назвать ихъ государственнымъ преступленіемъ.

Во всѣхъ временахъ первое правило правительства есть быть справедливымъ; но въ наше время первая нужда есть быть сильнымъ и богатымъ.

Есть въ свойствѣ нашего народа ожидать и всѣмъ жертвовать въ крайности; но предвидѣть сію крайность заранѣе, исчислить ея приближеніе и принять сильныя и благовременныя противъ нея мѣры, нѣтъ у насъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

Исторія нашихъ финансовъ и самый образъ ихъ исправленія доказываютъ сіе неоспоримо.

Въ 1787-мъ году доходы наши составляли до 100 м. серебромъ.

Въ 1809-мъ году, черезъ двадцать два года, въ теченіе коихъ присоединено къ Россіи семь губерній и болѣе 10 м. народа, доходы составляли около 60 м. серебромъ, 125 м. ассигнаціями.

Когда приступили къ ихъ исправленію, сколько споровъ, сколько пререканій о томъ, чтобъ въ наполненіе истинныхъ государственныхъ нуждъ удѣлить отъ доходовъ помѣщичьихъ пять милліоновъ рублей.

Но чего требуетъ правительство, возвышая свои доходы?

Требуетъ, чтобъ возвращено ему было то, что̀ ложными совѣтами было отъ него отторгнуто и въ частныя руки захвачено; требуетъ, чтобъ

даны были ему способы защищать и покровительствовать ту же самую частную собственность, которая сама не можетъ защищать себя.

Заключеніе. Истинная сила правительства состоитъ: 1) въ законѣ, 2) въ образѣ управленія, 3) въ воспитаніи, 4) въ военной силѣ, 5) въ финансахъ.

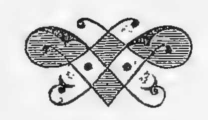
Изъ сихъ пяти элементовъ три первые у насъ почти не существуютъ.

Симъ изъясняется, почему въ Россіи все предписывается, и ничто почти не исполняется.

Изъ двухъ послѣднихъ воинская сила одна почти составляетъ всю силу правительства.

Финансы начинаютъ поправляться и могутъ быть приведены въ твердое положеніе, если малодушныя совѣщанія, всегда легкія, удобныя, не превозмогутъ надъ предположеніями здравыми, хотя и трудными.

Сообщ. **П. М. Майковъ.**

*

Предложеніе Синоду Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, о поддержаніи лучшей нравственности среди духовенства.

6-го марта 1825 г. № 40.

Его сіятельство, генералъ-отъ-артиллеріи, графъ А. А. Аракчеевъ въ отношеніи своемъ отъ 3-го сего марта за № 367, сообщилъ мнѣ, что государь императоръ изволилъ усмотрѣть изъ дневнаго рапорта московскаго военнаго генералъ-губернатора, отъ 2-го февраля сего года, о происшествіяхъ по Пятницкой части, что пріѣхавшій въ Москву, Подольскаго уѣзда, села Серпягина, діаконъ Петровъ, 35 лѣтъ, для свиданія съ дядею своимъ священникомъ церкви Іоанна Предтечи, Савиновымъ, 1-го февраля бывши съ нимъ вмѣстѣ у родственниковъ своихъ въ гостяхъ и пришедши оттуда въ нетрезвомъ видѣ, легъ спать и скоропостижно умеръ, по заключенію частнаго штабъ-лѣкаря отъ апоплексическаго удара, происшедшаго отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ.

Но какъ его императорское величество нѣсколько разъ лично изволилъ объяснять мнѣ о желаніи его, чтобы духовныя лица были воздерживаемы отъ пьянства, то вслѣдствіе сего и по поводу означеннаго случая съ дьякономъ Петровымъ повелѣть мнѣ соизволилъ, дабы я сіе происшествіе предложилъ на разсужденіе Святѣйшаго Синода къ постановленію надлежащихъ правилъ на подобные не приличные священническому сану случаи, для всеобщаго о семъ предписанія отъ Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ, которые сверхъ тѣхъ правилъ, имѣющихъ быть изданными Святѣйшимъ Синодомъ, обязаны внушать всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ духовнымъ лицамъ воздерживаться отъ нетрезвой жизни и примѣромъ хорошей нравственности утверждать добрыя правила въ людяхъ свѣтскихъ, ихъ паству составляющихъ; объявя при томъ, что гражданскимъ начальствамъ предписано уже, если таковое происшествіе окажется послѣдовавшимъ отъ угощенія кѣмъ-либо, дотого, что подобный духовный былъ приведенъ въ нетрезвое положеніе, то при производствѣ о семъ дѣлѣ присовокуплять свѣдѣніе и объ оныхъ хозяевахъ.

Письма императрицы Маріи Θеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1].

Num. 8.

Ce 20 Mai 1815.

On m'annonce entre les une et deux heures après midi un feldjäger des grands-ducs, et vite et vite je le fais entrer, il me remet les lettres, je le questionne et lui demande: Comment avez vous joint les g(rands)-ducs?—Mais, me répondit-il, je les ai accompagnés par leur ordre.—Qui vous a envoyé près d'eux?—M-r de Wesmitinof. Je suis Waluef.—Et moi à m'écrier: Comment, monsieur, vous êtes M-r Waluef; je vous fais mille excuses, on vous avait annoncé comme un feldjäger, et votre costume m'a empêché de vous reconnaître d'abord, tout en me disant: Mais je connais cette figure. Il est tellement hâlé et bruni, qu'il était facile de se méprendre. Je l'ai prié à dîner, mais il n'a pas voulu, n'ayant pas son habit avec lui. Je l'ai beaucoup remercié de ses soins et lui ai fait un beau cadeau, en lui disant que vous me disiez grand bien de lui, mes bons amis, et que je m'empresserai de le dire à M-r de Wesmitinof. Après avoir coulé à fond le sujet de M-r Waluef, parce qu'il vous intéresse, mes chers enfants, je viens à vos lettres qui m'intéressent fortement et vivement et vous embrasse mille fois pour vous en remercier, en vous donnant et renouvelant journellement les bénédictions que vous me demandez; chers, chers enfants, elles reposent toutes sur vos têtes; je demande au Tout-Puissant qu'elles vous portent bonheur. Mon coeur s'est serré en vous sachant au

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1902 г.

moment de passer la frontière; le vôtre l'aura été tout de même, j'en suis sûre; car c'est une cruelle chose que de quitter son pays natal; que Dieu vous y ramène au plus tôt, mes bons amis, voilà le refrain de tous mes voeux. Vous croyez à la guerre, cher Nicoche, et Michel espère un prompt retour; je me range de cette opinion et me flatte encore quelquefois que Nap(oléon) sera culbuté et que le sang ne coulera pas; cependant tous nos braves se préparent au départ, et on n'entend parler que de cela; c'est triste. Bonsoir, mes bons enfants, le reste à demain.

Ce 21 Mai, Vendredi.

Vous penserez à Cato, mes chers enfants, et ferez des voeux pour son bonheur; j'ai reçu hier de ses nouvelles. J'ai à vous dire d'hier qu'il nous est arrivé le comte Tolstoi, le prince Galitzin et Nélédinski. Jusqu'à ce moment je n'ai vu aucun de nos militaires depuis que je suis ici, que le bon Wassiltschikof qui est revenu de son régiment; il se prépare à la marche. Nos soirées se passent à jouer au macao. Ma belle-soeur est arrivée de même hier soir et est enchantée de son séjour на болотѣ: elle se trouve logée comme une reine; elle et Marie occupent vos chambres, les deux fils ceux de papa Lamsdorf et du cavalier de service. Vous ne saurez vous dire ce que mon cœur éprouve en voyant votre maison occupée par d'autres que vous; qui me l'eût dit à l'époque de l'année passée! Je vous écris ces lignes avant la messe: je vous rendrai compte des arrivés tantôt. M-r de Lévaschof est très occupé, si bien, qu'il ne vient pas dîner habituellement, ni souper chez nous, il se trouve ou à l'un ou à l'autre. Adieu, mes chers enfants.

Ce 22 Mai.

Mes bons amis, il m'a été impossible de vous écrire encore dans la soirée d'hier; je vais donc vous dire ce matin que j'ai eu hier le comte Miloradovitch, Chrapovitzki, Potemkin, Dépréradovitch, Arsénief, Lobanof; voilà ceux qui vous intéressent le plus. J'ai fait vos compliments à tous, et tous m'ont parlé de vous; je vous l'ai marqué tantôt par ma ettrel par la poste, mais je vous répète encore, car cela vous fera plaisir. Nous avons eu musique au dîner; la dernière fois un peu meilleure, on a joné l'ouverture Joconde et la marche favorite de Michel. Chers enfants, tout fait penser à vous. La marche des troupes est fixée: les régiments des chevaliers-gardes, garde à cheval, l'artillerie à cheval, les ulans, es dragons, les chasseurs, l'équipage de la garde, les régiments d'Ismailovsk, Sémenovski et Préobrajenski passent Gatschina et y font un jour de repos; les régiments de Keksholm, d'Araktschéef, les cosaques du corps, les sapeurs, les chasseurs de Finlande, le régiment de Pawlowsk, les

grenadiers du corps, de Lithuanie et l'artillerie à pied passent Krasnoé Sélo. La marche commence le 28 Mai et finit le 15.

Krapovitzki est indécis encore s'il prendra sa femme ou non: je l'a engagé à la prendre, car elle serait trop malheureuse de s'en séparer. La femme de Dépréradovitch est un peu mieux. J'espère que les troupes seront bien chez moi, je soigne leur estomac. En femmes nous avons eu la comtesse Pouschkine; les princesses Lopukin mère et fille, la petite a embelli d'une manière frappante: elle a gagné de l'embonpoint et des couleurs; la princesse Serge Soltikof, qui fait toujours ma passion; la petite princesse Dolgorouki, qui a gagné de même de l'embonpoint et des couleurs, et la princesse Béloselski. Nous avons joué au boston le soir, dans la salle à manger parce qu'il faisait un froid détestable; pour aujourd'hui il neigea force avec deux degrès de chaud. Jamais je n'ai vu de temps plus détestable; il n'invite pas à la gaieté et ne distrait pas des événements qui absorbent toutes mes pensées. L'emp(ereur) m'écrit partir le 12 Mai de Vienne pour Heilbron; ainsi, mes chers enfants, vous arriverez à temps. Pour aujourd'hui, cher Nicoche, je vous crois à Berlin; jugez si je pense à vous, à Alexandrine. Je me dis que vous avez pensé à moi; que les belles épaulettes auront été mises, que papa Lamsdorf aura soigné la coiffure, que la barbe aura été faite, enfin que mon Nicoche paraîtra dans son joli uniforme de régiment et que ses joues seront animées de belles couleurs; voilà ce que je me dis et ce que j'espère vous me direz, cher Nicolas! Pour Michel, il observera, car son heure n'est pas venue encore. Adieu, mes chers enfants. Mon coeur, mes pensées, mon âme, mes bénédictions sont avec vous. Tout le monde vous dit mille choses, et maman vous embrasse tendrement. Mes amitiés au cher papa, mes compliments à vos messieurs. Adieu, cher patriarche, adieu, cher diacre, je me recommande à vos prières.

Marie.

20-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Часу во второмъ по полудни, мнѣ доложили о пріѣздѣ фельдъегеря отъ великихъ князей, я велѣла ему войти поскорѣй, поскорѣй, и онъ передалъ мнѣ письма. Я разспрашивала его и задала вопросъ: Гдѣ нагнали вы великихъ князей?—Я все время сопровождалъ ихъ, отвѣчалъ онъ, по ихъ приказанію.—Кто послалъ васъ къ нимъ?—Г. Вязмитиновъ, я Валуевъ.—Я вскрикнула: какъ, милостивый государь, вы Валуевъ; прошу васъ извинить меня, мнѣ доложили, что вы фельдъегерь, и по вашему костюму я васъ сразу не узнала, хотя подумала: это лицо мнѣ знакомо.

Онъ такъ загорѣлъ и потемнѣлъ, что легко было ошибиться. Я пригласила его къ обѣду, но онъ отказался, такъ какъ у него не было съ собою платья. Я очень благодарила его за заботы о васъ и сдѣлала ему прекрасный подарокъ, сказавъ ему, что вы мнѣ очень хвалили его, дорогіе друзья мои, и что я передамъ это при первой возможности Вязмитинову. Разсказавъ вамъ подробно о Валуевѣ, такъ какъ онъ интересуетъ васъ, перехожу, дорогія дѣти, къ вашимъ письмамъ, которыя чрезвычайно занимаютъ меня; тысячу разъ цѣлую и благодарю васъ за нихъ; я каждый день посылаю вамъ свое благословеніе, о коемъ вы меня просите, милыя, дорогія дѣти; оно всегда надъ вами, и я молю Всевышняго, чтобы оно принесло вамъ счастіе. Мое сердце сжалось отъ грусти, при мысли, что вы переѣхали границу; я увѣрена, что вы испытали то же чувство, ибо тяжело разстаться съ родиной. Молю Господа, чтобы Онъ привелъ васъ скорѣе обратно, дорогіе друзья мои.— Это припѣвъ всѣхъ моихъ желаній. Вы полагаете, что будетъ война, дорогой Никошъ, а Михаилъ надѣется на скорое возвращеніе; я присоединяюсь къ его мнѣнію и льщу себя иной разъ надеждою, что Наполеонъ будетъ свергнутъ и что кровь не будетъ пролита. Между тѣмъ всѣ наши храбрецы готовятся къ походу, объ этомъ только и говорятъ; это грустно. Покойной ночи, милыя дѣти, остальное завтра.

21-го мая, пятница.

Подумайте о Като, дорогія дѣти, и пожелайте ей счастья: я имѣла вчера отъ нея извѣстія. Я должна сказать вамъ, что вчера пріѣхали къ намъ гр. Толстой, кн. Голицынъ и Нелединскій. Съ моего пріѣзда сюда я не видѣла до сихъ поръ ни одного изъ нашихъ военныхъ, кромѣ добраго Васильчикова, который вернулся изъ своего полка; онъ готовится къ походу. По вечерамъ мы играемъ въ макао. Моя невѣстка также пріѣхала вчера вечеромъ и въ восторгѣ отъ своего пребыванія «на болотѣ». Она помѣщена, какъ королева: она и Марп занимаютъ ваши комнаты, ея сыновья—комнаты папаши Ламсдорфа и дежурнаго кавалера. Вы не можете себѣ представить, что я чувствую при видѣ, что вашъ домъ занятъ посторонними лицами: кто бы могъ это сказать въ прошломъ году, въ это время! Пишу вамъ эти строки до обѣдни. О пріѣзжихъ сообщу вамъ потомъ. Левашовъ очень занятъ, до того, что онъ не обѣдаетъ и не ужинаетъ съ нами ежедневно; онъ занятъ то тѣмъ, то другимъ. Прощайте, дорогія дѣти.

22-го мая.

Дорогіе друзья мои, мнѣ никакъ не удалось написать вамъ еще вчера вечеромъ, поэтому скажу вамъ сегодня утромъ, что у меня были вчера гр. Милорадовичъ, Храповицкій, Потемкинъ, Депрерадовичъ,

Арсеньевъ, Лобановъ, вотъ лица, кои наиболѣе интересуютъ васъ. Я передала всѣмъ отъ васъ поклоны, и всѣ говорили со мною о васъ. Я уже писала вамъ это по почтѣ, но повторяю еще разъ, такъ какъ это должно быть вамъ пріятно. За обѣдомъ у насъ играла музыка; послѣдній разъ она была нѣсколько лучше: играли увертюру изъ «Джоконды» и любимый маршъ Михаила. Все напоминаетъ о васъ, дорогія дѣти. День выступленія войскъ уже назначенъ. Полки Кавалергардскій, Конногвардейскій, конная артиллерія, уланы, драгуны, егеря, гвардейскій экипажъ, полки Измайловскій, Семеновскій и Преображенскій пойдутъ черезъ Гатчино и будутъ имѣть тамъ дневку. Полки: Кексгольмскій, Аракчеевскій, лейбъ-казаки, саперы, Финляндскій, Егерскій, Павловскій, лейбъ-гренадеры, Литовскій и пѣшая артиллерія пройдутъ чрезъ Красное Село. Выступленіе начнется 28-го мая и окончится 15-го числа.

Храповицкій еще колеблется, взять ли жену или нѣтъ. Я совѣтую ему взять ее, такъ какъ она чувствовала бы себя слишкомъ несчастною въ разлукѣ съ нимъ. Женѣ Депрерадовича немного лучше. Надѣюсь, что войскамъ будетъ хорошо у меня, я забочусь объ ихъ пищѣ. Изъ дамъ у насъ находятся графиня Пушкина; княгиня Лопухина съ дочерью, которая поразительно похорошѣла: она пополнѣла и порозовѣла; жена кн. Сергѣя Салтыкова, которая по-прежнему страшно мнѣ нравится; маленькая княгиня Долгорукая, которая также пополнѣла и порозовѣла, и княгиня Бѣлосельская. Вечеромъ мы играли въ бостонъ, въ столовой, такъ какъ было ужасно холодно; сегодня шелъ сильный снѣгъ при двухъ градусахъ тепла. Я не запомню такой отвратительной погоды, она не располагаетъ къ веселью и не отвлекаетъ моихъ мыслей отъ текущихъ событій, коими онѣ поглощены всецѣло. Императоръ пишетъ мнѣ, что онъ уѣзжаетъ 12-го мая изъ Вѣны въ Гейльбронъ; слѣдовательно, дорогія дѣти мои, вы пріѣдете своевременно. Я думаю, что сегодня вы находитесь въ Берлинѣ, дорогой Никошъ; можете себѣ представить, что я думаю о васъ, объ Александринѣ; я полагаю, что и вы думали обо мнѣ; что вы надѣли красивыя эполеты, что папаша Ламсдорфъ позаботился о вашей прическѣ, что вы были хорошо выбриты, словомъ, что мой Никошъ явится въ своемъ красивомъ полковомъ мундирѣ и что румянецъ будетъ играть на его щекахъ; вотъ что я думаю и надѣюсь слышать объ этомъ отъ васъ, дорогой Николай! Что касается Михаила, то онъ будетъ наблюдать, такъ какъ его часъ еще не насталъ. Прощайте, дорогія дѣти; мое сердце, мои мысли, мои благословенія сопутствуютъ вамъ. Всѣ усердно вамъ кланяются, а ваша мать нѣжно цѣлуетъ васъ. Мой привѣтъ дорогому папашѣ, поклонъ вашимъ кавалерамъ. Прощайте, дорогой патріархъ, прощайте, дорогой діаконъ, прошу не забывать меня въ вашихъ молитвахъ. Марія.

Num. 9.

Ce Dimanche, 23 Mai 1815.

Mes chers enfants, je me suis levée à huit heures et j'ai trouvé les berceaux, les arbres, le gazon, enfin toute la terre couverte de plus de 2 werschok de neige en profondeur; et cette neige est restée presqu'au soir ne se fondant que lentement, aussi mon indignation est complète, me voici 8 jours ici sans avoir pu me promener, l'air est celui du mois de Novembre. Cependant il m'est arrivé du monde de la ville, Madame Rajevski et sa fille, charmante personne; votre bon comte Miloradovitch; la comtesse Orlof est des nôtres depuis hier au soir: je lui ai fait vos compliments, elle est sensible à votre souvenir; le prince Lobanof, père de Mascha, qui a reçu la brigade d'Alexandre Benckendorf qui va à l'armée; un gentilhomme de chambre ou chambellan Krouse transformé en colonel; le prince Ypsilanti sans main et M-r Swistunof qui va inspecter des gouvernements par ordre. Le temps est si mauvais, que j'ai dîné en bas, la soirée s'est passée de même; nous avons joué au macao, et votre bon Miloradovitch a été des plus aimables. Je crois vous avoir dit que votre bon vieux Kurakin est des nôtres. Voilà, mes bons amis, le récit du matériel de la journée. Quant à l'histoire des pensées, des souvenirs, des suppositions, des réflexions, des voeux, elle serait plus longue, mais ne pourrait faire le sujet d'une lettre. Je me dis, mes amis, que vous êtes arrivés à Berlin, je suppose que vous ne le quitterez que demain; il me tardera bien de recevoir de vos nouvelles et de lire dans le coeur de Nicoche. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Ce Lundi, 24 Mai.

Il n'a fait que neiger toute la matinée et l'air est détestable. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres, je suis fâchée de ne pouvoir lui montrer Pawlowsk dans son beau. Je désirerais surtout lui faire voir le Pavillon des roses qui sera plus joli qu'il n'a été l'année passée. Nous n'avons que le comte Miloradovitch en étrangers aujord'hui: je l'ai prié de venir prendre le thé chez moi à 7 heures, où nous nous rassemblons tous; cette attention lui fera plaisir. Vous serez partis de Berlin à ce que je supppose. Je me dis douloureusement qu'il me faudra du temps jusqu'à ce que je reçoive de vos nouvelles, et cependant sans vos nouvelles point de bonheur pour maman. J'ai été ce matin avec Anne chez ma belle-soeur: cette course nous a donné bien des souvenirs. Où placiez vous vos tables d'études, mes chers enfans, dans l'après-dîner dans vos cabinets? Bonsoir, mes amis; si notre rassemblement pour le thé vous offre quelques moments

de gaieté, je vous en ferai part. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur.

Ce Mardi, 25 Mai.

Enfin nous voyons le soleil aujourd'hui, mes chers enfants, après qu'il a gelé cette nuit, mais l'air est agréable, et je viens d'avoir monté à cheval pour la première fois: je n'en ai pas perdu l'habitude, ce qui me fait plaisir, mais, mes enfants, combien vous m'avez manqué. On me dit que j'aurai des visites militaires pour le dîner, il y aura donc une grande distribution de compliments de votre part. J'entends parler vaguement d'un exercice du régiment d'hussards, avant qu'il ne quitte Czarsko Sélo. La nouvelle se répand que les hostilités ont commencé du côté de Blücher, les uns parlent d'une affaire perdue: je suis incrédule et veux l'être jusqu'à ce que j'apprenne la nouvelle de source. La poste m'arrive aujourd'hui: peut-être recevrai-je des lettres de mes bons amis; Dieu le veuille, car ce sont mes moments de bonheur. Adieu, mes chers enfants; tout ce qui m'entoure me charge de les rappeler à votre souvenir. J'embrasse papa Lamsdorf et fais mes compliments aux vôtres. Ne m'oubliez pas, chers et bons enfants, et dites vous que vous êtes toujours et toujours présents à mes pensées. Adieu, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

23-го мая, воскресенье.

(Переводъ).—Дорогія дѣти мои, я встала въ восемь часовъ и увидала, что бесѣдки, деревья, дернъ, словомъ, вся земля покрыта на 2 вершка снѣгомъ; онъ пролежалъ чуть не до вечера, медленно тая. Это привело меня въ полное негодованіе; вотъ уже недѣля, какъ я тутъ, и до сихъ поръ не могла гулять; воздухъ совершенно ноябрьскій. Однако, ко мнѣ пріѣхали гости изъ города: г-жа Раевская съ дочерью, прелестной особою; вашъ добрый Милорадовичъ; графиня Орлова также пріѣхала вчера вечеромъ: я передала ей вашъ поклонъ, она благодаритъ васъ за память; кн. Лобановъ, отецъ Маши, получившій бригаду Александра Бенкендорфа, который ѣдетъ къ арміи; камеръ-юнкеръ или камергеръ Крузе, превратившійся въ полковника; безрукій кн. Ипсиланти и Свистуновъ, который ѣдетъ по высочайшему повелѣнію ревизовать губерніи. Погода такъ дурна, что я обѣдала внизу, гдѣ мы провели и вечеръ, играя въ макао; вашъ добрый Милорадовичъ былъ въ высшей степени любезенъ. Я писала, кажется, вамъ, что вашъ добрый старикъ

Куракинъ также пріѣхалъ къ намъ. Вотъ вамъ, дорогіе друзья мои, отчетъ о томъ, какъ мы провели день. Что же касается думъ, воспоминаній, предположеній, размышленій, пожеланій, то описаніе ихъ было бы длиннѣе, и его трудно сдѣлать въ письмѣ. Я думаю, друзья мои, что вы пріѣхали въ Берлинъ, и полагаю, что вы выѣдете оттуда не ранѣе, какъ завтра. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій и хотѣла бы заглянуть въ сердце Никоша. Прощайте, дорогіе друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и тысячу разъ благословляю.

24-го мая, понедѣльникъ.

Весь день шелъ снѣгъ; воздухъ отвратительный. Добрый Милорадовичъ еще у насъ, и мнѣ досадно, что я не могу показать ему Павловскъ во всей его красѣ. Особенно хотѣлось бы показать ему Розовый павильонъ, который будетъ еще красивѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ постороннихъ у насъ сегодня одинъ только гр. Милорадовичъ. Я просила его придти пить чай ко мнѣ въ 7 часовъ, когда мы бываемъ всѣ въ сборѣ; это вниманіе будетъ ему пріятно. Я полагаю, что вы уже уѣхали изъ Берлина, и думаю съ грустью, что я не скоро получу отъ васъ извѣстія, а между тѣмъ безъ нихъ для вашей матери нѣтъ счастія. Я была сегодня утромъ съ Анной у моей невѣстки. Эта поѣздка была полна для насъ воспоминаній. Гдѣ ставили вы ваши учебные столы, дорогія дѣти мои, въ вашихъ кабинетахъ въ послѣобѣденное время? Прощайте, друзья мои; если описаніе нашего общества за вечернимъ чаемъ можетъ доставить вамъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, то я пришлю его вамъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца.

25-го мая, вторникъ.

Наконецъ, сегодня выглянуло солнышко, дорогія дѣти мои, а ночью былъ морозъ, но воздухъ пріятный, и я только-что впервые каталась верхомъ. Оказывается, я еще не разучилась этому, что меня радуетъ; но, какъ мнѣ недоставало васъ, дорогія дѣти. Мнѣ сказали, что къ обѣду ко мнѣ пріѣдетъ кое-кто изъ военныхъ; слѣдовательно, мнѣ придется передать много поклоновъ отъ васъ. Я слышала мелькомъ о томъ, что передъ выступленіемъ Гусарскаго полка изъ Царскаго Села ему будетъ произведенъ смотръ. Говорятъ, будто непріязненныя дѣйствія возобновлены Блюхеромъ, одни говорятъ о выигранномъ, другіе о проигранномъ сраженіи. Я не вѣрю ничему и не повѣрю до тѣхъ поръ, пока не получу извѣстія изъ вѣрнаго источника. Сегодня будетъ почта: быть можетъ, я получу письма отъ моихъ добрыхъ друзей. Дай Богъ, такъ какъ это для меня минуты счастія. Прощайте, дорогія дѣти, всѣ окружающіе просятъ меня напомнить вамъ о нихъ. Обнимаю папашу Ламсдорфа и кланяюсь вашимъ. Не забывайте меня, дорогія и милыя дѣти,

и будьте увѣрены, что я всегда, всегда помню и думаю о васъ; прощайте, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и отъ всего сердца благословляю васъ. Марія.

Num. 10.

Ce 25 Mai 1815.

Chers, bien aimés enfants, au moment même que je me lève de table je reçois vos lettres de Tilsit et de Königsberg: que Dieu vous le rende et vous bénisse, comme je le fais, de vous rappeler de moi avec cette exactitude et de me donner de vos nouvelles; croyez-moi, mon cœur en est bien vivement touché, et que vous remplissez mes yeux de larmes bien douces, parce que c'est ma tendresse pour vous qui les fait couler. Je suis charmée que vous rencontrerez le bon roi à Königsberg; cela vous facilitera le séjour de Berlin, qui vous en deviendra d'autant plus agréable sous tous les rapports. Je vous crois aujourd'hui entre Berlin et Weimar, ou peut-être encore à Berlin, car je suis sûre que vous avez cédé aux voeux du roi, s'il vous a témoigné le désir de vous voir plus longtemps. Je vous ai écrit ce matin par courrier et vous dirai donc seulement que M-r de Sipägin a dîné chez moi; il m'a chargé de mille choses pour vous et paraît vous aimer bien sincèrement; il est très occupé. Il m'a dit qu'aucun des chasseurs ne veut rester en arrière, pas même celui qui après avoir servi 29 ans avait trouvé du repos au nombre des 12, il a demandé à marcher, et qu'il viendrait chez moi au retour. Je lui ai dit de l'assurer qu'alors il recevrait le double. Je prends 12 braves aussi à Gatschina, ainsi j'en aurai 24: ce sera ma gallerie d'antiques, bien préférable aux véritables! Cher Nicoche, vous me dites de penser à vous: grand Dieu, toujours et toujours vous êtes devant mes yeux. Adieu, mes amis, mes bons enfants, que Dieu vous bénisse, vous conserve et vous ramène dans mes bras. Mille compliments et amitiés à papa Lamsdorf et à tous vos messieurs.

Marie.

Le comte Miloradovitch est arrivé chez nous.

25-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Дорогія, возлюбленныя дѣти, я получила ваши письма изъ Тильзита и Кёнигсберга въ ту самую минуту, какъ я встала изъ-за стола. Да вознаградитъ и благословитъ васъ за это Господь, какъ я васъ благословляю за то, что вы вспоминаете обо мнѣ съ такою аккуратностью и

сообщаете мнѣ о себѣ вѣсти. Повѣрьте, я этимъ искренно тронута, и мои глаза увлажняются сладкими слезами, такъ какъ я проливаю ихъ изъ любви къ вамъ. Я очень довольна тѣмъ, что вы встрѣтитесь съ добрымъ королемъ въ Кёнигсбергѣ; это облегчитъ вамъ пребываніе въ Берлинѣ, оно будетъ для васъ вслѣдствіе этого пріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Я полагаю, что вы находитесь сегодня между Берлиномъ и Веймаромъ или, быть можетъ, вы еще въ Берлинѣ, такъ какъ я увѣрена, что вы исполнили просьбу короля, если онъ выразилъ вамъ желаніе, чтобы вы остались у него подольше. Я писала вамъ сегодня утромъ съ курьеромъ; поэтому скажу вамъ только, что у меня обѣдалъ Сипягинъ и просилъ меня передать вамъ его привѣтъ. Онъ, кажется, искренно расположенъ къ вамъ; онъ очень занятъ и сказалъ мнѣ, что никто изъ егерей не хочетъ остаться дома, не исключая и того, который, прослуживъ 29 лѣтъ, пользуется отдыхомъ въ числѣ 12. Онъ выразилъ желаніе идти въ походъ съ тѣмъ, что онъ вернется потомъ ко мнѣ. Я просила сказать ему, что онъ получитъ тогда двойное жалованье. Я беру еще 12 молодцовъ въ Гатчино. Такимъ образомъ у меня ихъ будетъ 24, это будетъ моя галлерея древностей, несравненно болѣе интересная, чѣмъ собраніе настоящихъ древностей. Дорогой Никошъ, вы пишете, чтобы я не забывала васъ: Боже мой, вы всегда, всегда передъ моими глазами. Прощайте, друзья мои, мои дорогія дѣти, да благословитъ васъ Господь, да сохранитъ Онъ васъ и да возвратитъ васъ въ мои объятія. Тысячу поклоновъ и привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и всѣмъ вашимъ кавалерамъ. Марія.

Къ намъ пріѣхалъ гр. Милорадовичъ.

Num. 11.

Ce 26 Mai 1815. Mercredi.

Je tiens vos deux bien aimables lettres, mes chers enfants, du 18 et 19 Mai de Tilsit et de Königsberg; je les ai reçues hier au soir et j'en suis heureuse. Ce bonheur tourne en bénédiction pour vous et mon cœur vous bénit de venir, ainsi de dire, au secours de ma peine. Vous voyagez, mes enfants, avec la rapidité de l'éclair; je remercie le Ciel de ce que la santé du bon papa Lamsdorf n'en souffre pas. Vous trouverez le roi à Berlin, mes bons enfants, mais je souffre à la pensée que vous ne verrez pas Marie, car elle me dit n'être que le 6 Juin à Weimar; peut-être que vous sachant arrivés elle changera ses projets et arrivera plus tôt. Il me semble que vous voir privés de la satisfaction d'embrasser Marie, c'est à m'en priver moi-même, car je m'identifie en tout à vous, chers et bien aimés enfants. Ma journée a eu un peu plus de variété aujourd'hui que de coutume,

parce qu'il faisait beau temps; ainsi j'ai promené à pied le matin, j'ai été au Pavillon des roses, autour du lac, j'ai passé et repassé devant votre maison; se soir nous y avons pris le thé, et avons fait une jolie promenade à pied. Le comte Miloradovitch est encore des nôtres. Lévaschof a reparu ce soir, il avait été malade tous ces jours souffrant de la poitrine. Au retour de la promenade nous avons joué a un nouveau jeu, à une espèce de loto, composé au lieu de chiffres des noms de différents animaux: cela nous a fait rire quelques moments. J'ai bien pensé à Nicks et Méque qui ferait la volte. J'ai vu Adlerberg aujourd'hui. Glinka est parti cet après-dîner pour Smolensk. Voilà mes nouvelles, mes bons amis. Sur ce bonsoir; que Dieu vous conserve, a съ нами Богъ.

Ce Jeudi, 27 Mai.

Je charge de ces lignes le g(énéral) Wassiltschikof qui va joindre l'armée. Sa mine est très mauvaise, il a été très mal d'une fièvre bilaire, il vient d'avoir dit adieu à sa femme qui s'attend à accoucher: que je la plains cette pauvre malheureuse; le pauvre mari avait l'air tout décomposé. J'ai vu de même le g(énéral) Koblukof, qui a pris congé; tous ces congés sont détestables. Le prince Dmitri Galitzin est des nôtres et le comte Tolstoi, Pierre, auquel j'ai trouvé bonne mine: c'est un brave et digne homme que j'estime beaucoup. J'ai dit au g(énéral) Wassiltschikof de tout observer et de vous tout dire ce qu'il a vu et entendu à Pawlowsk, c'est à dire qu'on lui a parlé de vous deux, de l'amitié et de la tendresse, qu'on porte à ces chers êtres que j'affectionne si tendrement. Adieu, mes chers enfants; je vous embrasse de tout mon cœur et vous écrirai, s'il plaît à Dieu, demain par le courrier. Portez vous bien, conduisez vous toujours de même, c'est à dire toujours bien, et les bénédictions divines et les miennes reposeront sur vos têtes. Mille tendres amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Le temps est superbe, nous irons prendre le thé à la ferme. Chargez vous des lettres de Wassiltschikof lorsqu'il vous en donnera.

26-го мая 1815 г., среда.

(Переводъ).—Я получила ваши два милыя письма, дорогія дѣти, отъ 18-го и 19-го мая, изъ Тильзита и Кёнигсберга. Я получила ихъ вчера вечеромъ и очень счастлива. Я радуюсь и благословляю васъ, и отъ всего сердца благодарю васъ за то, что вы, такъ сказать, помогаете мнѣ перено-

сить горе. Вы путешествуете, дѣти мои, съ быстротою молніи; благодарю Бога, что здоровье папаши Ламсдорфа отъ этого не страдаетъ. Вы увидите короля въ Берлинѣ, дорогія дѣти, но я страдаю при мысли, что вы не увидите Маріи, такъ какъ она мнѣ пишетъ, что она будетъ въ Веймарѣ только 6-го іюня; быть можетъ, узнавъ, что вы пріѣхали, она измѣнитъ свои планы и пріѣдетъ раньше. Мнѣ кажется, что если вы будете лишены удовольствія обнять Марію, то и я вмѣстѣ съ тѣмъ буду лишена его, такъ какъ я во всемъ сливаюсь съ вами, дорогія и милыя дѣти. День прошелъ для меня сегодня нѣсколько разнообразнѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ погода была хороша, и я совершила по утру прогулку пѣшкомъ, была въ Розовомъ павильонѣ, обошла озеро, прошла нѣсколько разъ взадъ и впередъ мимо вашего дома; вечеромъ мы пили тамъ чай и сдѣлали хорошенькую прогулку пѣшкомъ. Гр. Милорадовичъ все еще у насъ. Левашовъ снова появился сегодня вечеромъ, у него болитъ грудь, и онъ чувствовалъ себя худо всѣ эти дни. Вернувшись съ прогулки, мы играли въ новую игру, нѣчто въ родѣ лото, которое состоитъ вмѣсто цифръ изъ названій различныхъ животныхъ. Это заняло насъ на нѣкоторое время и заставило смѣяться: я конечно думала о Никсѣ и Мекѣ, который сдѣлалъ бы вольтъ. Я видѣла сегодня Адлерберга. Глинка уѣхалъ сегодня, послѣ обѣда, въ Смоленскъ. Вотъ наши новости, добрые друзья мои. Затѣмъ прощайте; да хранитъ васъ Господь, а съ нами Богъ.

28-го мая, четвергъ.

Я поручаю эти строки генералу Васильчикову, который ѣдетъ въ армію. Онъ имѣетъ очень нездоровый видъ; онъ былъ очень боленъ желчной лихорадкой и только-что простился съ женою, которая скоро должна родить; какъ я жалѣю ее, бѣдную, несчастную: бѣдный мужъ былъ совсѣмъ разстроенъ. Я видѣла также ген. Каблукова, который простился со мною; всѣ эти прощанья пренепріятны. У насъ кн. Дмитрій Голицынъ и гр. Петръ Толстой, который, по-моему, очень здоровъ на видъ; я сказала ген. Васильчикову, чтобы онъ все подмѣчалъ и разсказалъ бы вамъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Павловскѣ, т. е. все то, что съ нимъ говорили о васъ обоихъ, о любви и расположеніи къ тѣмъ дорогимъ существамъ, коихъ я такъ нѣжно люблю. Прощайте, дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца. Я буду писать вамъ, если Господь благословитъ, завтра, съ курьеромъ. Будьте здоровы, ведите себя по-прежнему, т. е. всегда хорошо, и благословеніе мое и Господне будетъ надъ вами. Тысячи привѣтствій папашѣ Ламсдорфу, мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Не забывайте меня. Марія.

Погода великолѣпная, мы собираемся пить чай на фермѣ. Перешлите письма отъ Васильчикова, если онъ дастъ ихъ вамъ.

Num. 12.

Ce Vendredi, 28 Mai 1815.

Ma lettre n'est que d'un jour, mes bons amis, ayant remise celle d'hier et d'avant-hier au g(énéral) Dmitri Wassiltschikof: après l'avoir terminée je l'ai fait entrer dans mon cabinet pour lui montrer comment j'ai placé vos portraits pour qu'il vous en rende compte: je les ai constamment sous mes yeux. Notre soirée d'hier s'est passée à aller à la ferme où nous avons pris le thé; revenus de là nous avons joué au macao. J'ai oublié de vous nommer hier, comme étant des nôtres, Narischkine et sa bonne petite femme, leur maison est si abîmée qu'il faut attendre le beau temps fixe pour s'y établir. Nous avons lu hier au soir le manifeste de l'empereur qui vient de paraître sur la réunion du g(rand)-d(uché) de Varsovie à la couronne et sur la guerre; je vous en enverrai l'imprimé dès ce que je l'aurai. Au reste je n'ai rien d'intéressant à vous marquer aujourd'hui, mes bons amis, si non le départ du régiment de Kexholm qui ouvre la marche. Le g(énéral) Arsénief et sa femme sont venus me dire adieu aujord'hui, le régiment part Dimanche. Tous ces congés font peine: après tant de périls, tant de fatigues, tant de gloire, il aurait été à désirer que chacun jouisse du repos. Notre temps est superbe. J'ai été chez vous ce matin; votre maison est propre comme une caisse à poupées, cela fait plaisir à voir. J'ai reçu des lettres de Constantin qui regrette extrêmement que vous n'ayez pas passé par Varsovie; à propos: nous avons lu d'après vos volontés expresses les dernières lettres qu'il vous a écrites comme au patriarche Nicanor et au diacre Melchisédék, mais il ne paraîssait nullement de bonne humeur; il paraît que l'exercice des gardes à cheval sur la place de Mars ne l'avait pas contenté. Adieu, mes chers et bons amis; tout ce qui m'entoure vous assure de son souvenir. J'embrasse papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous vos messieurs. Que Dieu vous accorde bonne santé et contentement. Rappelez-vous, chers enfants, de mes conseils, suivez les et donnez moi toujours le bonheur de vous voir chéris, aimés et appréciés. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Пятница, 26-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Письмо мое, добрые друзья мои, будетъ касаться событій одного дня, такъ какъ я вручила вчерашнее и третьгоднешнее письмо ген. Васильчикову. Дописавъ его, я пригласила Васильчикова къ себѣ въ каби-

нетъ чтобы показать ему, какъ я поставила ваши портреты, дабы онъ передалъ это вамъ; они постоянно у меня на глазахъ. Вчера вечеромъ мы были на фермѣ, гдѣ пили чай; вернувшись оттуда, мы играли въ макао. Я забыла вамъ сказать вчера, что у насъ гоститъ Нарышкинъ и его милая маленькая жена. Ихъ домъ пришелъ въ такую ветхость, что въ немъ можно будетъ поселиться только тогда, когда настанетъ окончательно хорошая погода. Мы читали вчера вечеромъ только-что появившійся манифестъ императора о присоединеніи великаго герцогства Варшавскаго къ имперіи и о войнѣ. Я пришлю вамъ печатный его текстъ, какъ только получу его. Впрочемъ, я не имѣю сообщить вамъ сегодня ничего интереснаго, добрые друзья мои, кромѣ того, что Кексгольмскій полкъ, выступающій первымъ, уже уходитъ. Сегодня со мною прощались ген. Арсеньевъ и его жена; полкъ уходитъ въ воскресенье; всѣ эти прощанья грустны: послѣ столькихъ опасностей, такого утомленія и славы, можно было бы пожелать, чтобы всякій пользовался покоемъ. Погода стоитъ у насъ великолѣпная; я была у васъ сегодня утромъ; вашъ домъ чистъ, какъ игрушечка, такъ что пріятно взглянуть на него. Я получила письма отъ Константина; онъ чрезвычайно сожалѣетъ, что вы не проѣхали чрезъ Варшаву. Кстати, мы прочли согласно вашему настоятельному желанію послѣднія письма, которыя онъ писалъ вамъ, какъ патріарху Никанору и діакону Мельхиседеку, но, повидимому, онъ былъ не въ духѣ и остался недоволенъ ученіемъ, произведеннымъ конной гвардіей на Марсовомъ полѣ. Прощайте, дорогіе и добрые друзья мои; всѣ окружающіе постоянно вспоминаютъ о васъ. Обнимаю папашу Ламсдорфа и кланяюсь всѣмъ вашимъ кавалерамъ. Да пошлетъ вамъ Господь здоровья и чтобы вы были довольны. Не забывайте, любезныя дѣти, моихъ совѣтовъ, слѣдуйте имъ и доставьте мнѣ счастіе видѣть, что васъ любятъ и цѣнятъ. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 13.

Pawlowsk, ce 28 Mai 1815.

Ces lignes vous seront remises, mes bons et chers amis, par le fils de mon Villamof, que je recommande à vos soins. Protégez le en toute occasion, et soyez lui utiles où vous pourrez l'être, donnez moi de ses nouvelles et soignez ses lettres à ses parents, en me les envoyant; il fera le trajet avec le fils de feu Serge Lanskoi, pour lequel je vous prie aussi d'avoir des bontés: ce sont deux bien jeunes gens qui vont courir le monde, mais j'espère que le fils de Villamof aura hérité de la raison du père et qu'il se conduira bien. Je vous ai écrit ce matin par courrier, mes

bons amis, ainsi je n'ai qu'à vous dire que le g(énéral) Arséniefet sa femme ont dîné chez moi, et ont pris congé; le régiment de Kexholm est parti, à ce que m'a dit Miloradovitch, avec gaieté et contentement; que Dieu le bénisse. La journée est superbe et bien chaude, c'est un temps d'été, aussi la verdure a visiblement gagnée du double depuis ce matin. Adieu, mes bons, chers enfants. Le comte Miloradovitch et la comtesse Orlof vous font dire bien de belles choses. Je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments à vos messieurs. J'embrasse papa Lamsdorf.

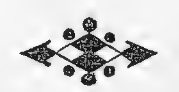
Павловскъ, 28-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Эти строки будутъ переданы вамъ, мои добрые и дорогіе друзья, сыномъ моего Вилламова, котораго я поручаю вашимъ попеченіямъ. Окажите ему во всѣхъ случаяхъ ваше покровительство, будьте ему полезны, гдѣ только можете, пишите мнѣ о немъ и позаботьтесь объ его письмахъ къ родителямъ, пересылая ихъ чрезъ меня; онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ сыномъ покойнаго Сергѣя Ланскаго, о которомъ я также прошу васъ позаботиться. Оба они еще слишкомъ молоды, чтобы быть внѣ родительскаго дома, но я надѣюсь, что сынъ Вилламова наслѣдовалъ умъ отца и будетъ вести себя хорошо. Я писала вамъ сегодня утромъ съ курьеромъ, добрые друзья мои, поэтому могу вамъ сообщить только, что ген. Арсеньевъ и его жена обѣдали у меня и простились со мною; Кексгольмскій полкъ выступилъ, по словамъ Милорадовича, бодро и весело: да благословитъ его Богъ. Сегодня прекрасный, жаркій день; погода совершенно лѣтняя, поэтому зелени за сегодняшнее утро прибавилось вдвое. Прощайте, добрыя, дорогія дѣти мои. Гр. Милорадовичъ и графиня Орлова просили меня передать ихъ привѣтъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Марія.

Поклонъ вашимъ кавалерамъ; обнимаю папашу Ламсдорфа.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

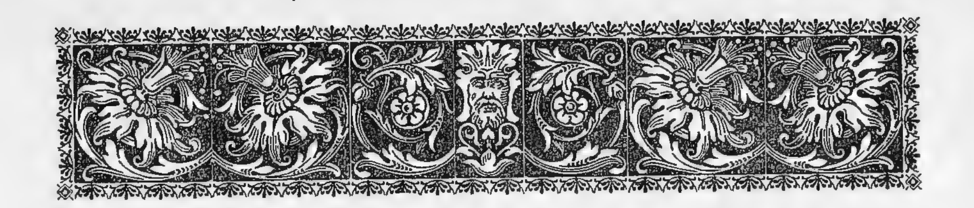
Поддержаніе дисциплины въ войскахъ.

Высочайшій рескриптъ ген. лейтен. Бауру.

18-го декабря 1801 г. С.-Петерб.

Увѣдомленъ будучи, что въ нѣкоторыхъ полкахъ дисциплина весьма ослабѣваетъ и вообще по службѣ дѣлается упущеніе, предписываю вамъ взять дѣятельныя мѣры къ отвращенію таковаго въ службѣ нетерпимаго зла по ввѣреннымъ вамъ инспекціямъ и при томъ подтверждаю, чтобы въ теченіе сей зимы шефы полковъ занимались ученьемъ въ экзерциціи нижнихъ чиновъ, начинали по одиночкѣ и сведенными частьми, дабы довести полкъ къ будущей веснѣ до надлежащаго совершенства, какъ въ устройствѣ, такъ и по внутренности.—Для инспектированія оныхъ будутъ посланы отъ меня нарочные и если ими найдены будутъ какія либо упущенія, то начальники за оное подвержены будутъ строгому взысканію. Но я увѣренъ, что попеченіемъ вашимъ и прилежаніемъ господъ шефовъ полки ввѣренныхъ вамъ инспекцій доведены будутъ до желаемаго совершенства, имѣя къ тому всѣ способы.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

Сергій Максиміліановичъ

КНЯЗЬ РОМАНОВСКІЙ, ГЕРЦОГЪ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ.

(Къ 25-ти-лѣтію его кончины. Воспоминанія врача Рущукскаго отряда).

Въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца, 1877 года, штабъ Рущукскаго отряда перешелъ съ прежняго мѣста своего послѣдняго бивуачнаго расположенія у селенія Дольній Монастырь, по Бѣла-Рущукскому шоссе,—въ большое селеніе Брестовица.

Чины, составлявшіе упомянутый штабъ, размѣстились въ домахъ болгарскихъ крестьянъ. Въ одномъ изъ такихъ же домовъ помѣстился и августѣйшій начальникъ отряда, наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь Александръ Александровичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ III).

Наступала осень. Цѣлый рядъ дождливыхъ и холодныхъ дней съ еще болѣе холодными ночами,—пока мы не устроились, то-есть, не достали и не вставили въ окна рамъ со стеклами, и не создали изъ матеріала, который можно было утилизировать, печей, — дѣлали жизнь нашу въ болгарскихъ домахъ не многимъ лучше бивуачнаго положенія. Если что поддерживало наши силы, такъ это здоровая пища, которою мы были обезпечены, благодаря великодушному гостепріимству августѣйшаго начальника, пригласившаго разъ навсегда чиновъ штаба завтракать и обѣдать у него. Былъ найденъ просторный, довольно чистый сарай, въ которомъ и устроилась общая столовая.

Войска Рущукскаго отряда располагались, гдѣ было возможно, во всевозможныхъ строеніяхъ, а гдѣ это не удавалось, то во вновь вырытыхъ и устроенныхъ, относительно хорошо, землянкахъ. Приходилось также по условіямъ военнаго времени и мѣстнымъ причинамъ мириться и съ жизнью на позиціяхъ, бивуачнымъ порядкомъ.

По ходу военныхъ дѣйствій становилось очевиднымъ, что придется зимовать, и если не всю, то бóльшую часть зимы провести въ сѣверной Болгаріи. Всему тонъ давала Плевна, а въ это время только началось ея систематическое обложеніе.

Въ Рущукскомъ отрядѣ наступило затишье послѣ жестокихъ, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ, битвъ 24-го августа, при Кацелево-Аблава, и 9-го сентября при Чаиркіоѣ, битвъ, въ которыхъ турецкій главнокомандующій, Мехметъ-Али, каждый разъ сосредоточивалъ и вводилъ въ дѣло всѣ свои силы (60—80 тысячъ), дабы прорвать Рущукскій отрядъ и пробиться къ Тырнову въ тылъ войскамъ, отстаивавшимъ шипкинскія позиціи. Какъ потомъ выяснилось, Мехметъ-Али за свои неудачи совершенно для него неожиданно былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ новый главнокомандующій Сулейманъ-паша, только-что прославившійся своими энергическими атаками шипкинскихъ высотъ.

При такомъ положеніи дѣла съ обѣихъ сторонъ чего-то ждали, и начальникъ Рущукскаго отряда рѣшилъ 12-го октября произвести одновременную рекогносцировку, по всей линіи расположенія отряда.

По званію завѣдывающаго медицинскою частью Рущукскаго отряда я получилъ 12-го октября приказаніе главный перевязочный пунктъ устроить у деревни Кошево; у этой же деревни предполагалъ быть и начальникъ отряда, наслѣдникъ цесаревичъ, со своимъ штабомъ. Деревня Кошево—мѣсто центральное, а возвышенный курганъ на берегу рѣки Кара-Лома, на которомъ находился его императорское высочество, былъ очень удобенъ для наблюденія за общимъ ходомъ рекогносцировки.

При средней рекогносцировочной колоннѣ долженъ былъ находиться герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. При правой колоннѣ отъ войскъ находился его императорское высочество, великій князь Сергій Александровичъ.

Раннимъ утромъ, 12-го октября, я выѣхалъ изъ Брестовицы и присоединился къ слѣдовавшему, согласно распоряженію, дивизіонному подвижному лазарету 33-й пѣхотной дивизіи въ Кошево. Этотъ лазаретъ и долженъ былъ представлять собою главный перевязочный пунктъ. Къ этому лазарету, на основаніи предварительнаго моего сношенія съ уполномоченнымъ княземъ А. Г. Щербатовымъ (нынѣ извѣстный общественный дѣятель въ Москвѣ по сельскому хозяйству), примкнулъ и отрядъ Краснаго Креста.

Погода была прекрасная; было даже тепло. Двигаясь по шоссе, санитарный обозъ, состоявшій изъ линеекъ дивизіоннаго лазарета, изъ легкихъ повозокъ Краснаго Креста и изъ повозокъ со всѣмъ имуществомъ, необходимымъ какъ при подачѣ хирургическаго пособія, такъ и для питанія въ первое время раненыхъ, благополучно къ часамъ 7-ми

утра достигъ пункта Ханъ-Гюль-Чесме, откуда торная дорога шла къ рѣкѣ Кара-Лому, на мостъ, къ селенію Іованъ-Чифтликъ, къ тому пункту, который долженъ былъ быть занятъ средней колонной. Въ Іованѣ-Чифтликѣ были турки, а сзади этого селенія большой турецкій лагерь, опиравшійся на селеніе Кадыкіой.

Между Ханъ-Гюль-Чесме и мостомъ на Карѣ-Ломѣ (въ самомъ селеніи Іованъ-Чифтликъ)—версты четыре. Когда мы повернули съ шоссе, послышались первые пушечные, а вслѣдъ затѣмъ и ружейные выстрѣлы. Дорога сначала спускалась, а потомъ—вновь поднималась на возвышенное, открытое плато, съ котораго отчетливо видны зданія Кадыкіоя. По этому плато вилась дорожка въ Кошево. Но прежде чѣмъ свернуть на нее весь обозъ, я, будучи верхомъ, выѣхалъ впередъ обозрѣть путь. Отлично помню, что на возвышенномъ плато я увидѣлъ небольшую группу всадниковъ, медленно направлявшихся къ рѣкѣ. Въ группѣ я узналъ герцога Сергія Максимиліановича, поручика Венедиктова и, сколько помнится, подполковника генеральнаго штаба Зандера. За офицерами слѣдовалъ конвой изъ нѣсколькихъ человѣкъ въ формѣ кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Осмотръ пути далъ слѣдующія данныя. Дорога въ Кошево очевидно была подъ выстрѣлами и вообще на плато, о которомъ идетъ рѣчь, обращали на себя вниманіе появлявшіеся время отъ времени пыльные фонтанчики несомнѣнно отъ падавшихъ пуль. По тому же плато начали тянуться къ намъ и раненые и ихъ носильщики. Дивизіонный лазаретъ, остановившись въ углубленіи передъ возвышенностью и пользуясь присутствіемъ не вдалекѣ фонтана съ хорошею водою, началъ дѣйствовать, какъ перевязочный пунктъ. Тѣмъ не менѣе, я не могъ успокоиться и рѣшилъ часть дивизіоннаго лазарета все-таки направить въ Кошево. Для этого пришлось вновь осматривать въ разныхъ направленіяхъ ближайшую мѣстность. Въ одинъ изъ моментовъ, когда, проѣхавъ линію нашихъ орудій, я очутился не болѣе пятидесяти саженъ сзади группы всадниковъ, о которыхъ говорилось выше,—въ это именно время я увидѣлъ скачущихъ изъ этой группы двухъ конвойныхъ. Одинъ изъ нихъ подскакалъ ко мнѣ со словами: «скорѣе, скорѣе, герцогъ раненъ»; другой понесся назадъ, крича во все горло: «доктора, доктора». Чрезъ нѣсколько секундъ я былъ уже у группы бывшихъ верховыхъ и засталъ слѣдующее: на землѣ лежалъ герцогъ Сергій Максимиліановичъ. На головѣ была фуражка, околышъ которой былъ пробитъ съ лѣвой стороны кокарды. По блѣдному лицу струилась со лба кровь. Правая рука была откинута. Изъ подъ засучившагося рукава виденъ былъ золотой медальонъ, одѣтый на руку въ видѣ браслета. Тутъ же лежалъ на землѣ большой бинокль. Сердце уже не дѣйствовало. Пульса не было. Приподнятая фуражка открыла зіяющую рану входа пули. Вскорѣ при-

были носилки, а затѣмъ подошли: главный хирургъ-отряда, докторъ Симвулидъ и корпусный врачъ 12-го армейскаго корпуса Левоневскій. Сергій Максимиліановичъ былъ положенъ на носилки, и вся группа присутствовавшихъ лицъ тронулась съ тѣломъ покойнаго по направленію къ перевязочному пункту. На пути подъѣхала не помню чья коляска, и тѣло было положено къ экипажъ, въ которомъ отправлено съ состоявшими при покойномъ лицами въ Брестовицу, гдѣ и положено въ мѣстной болгарской церкви. Я полагаю, что моментъ смерти покойнаго герцога слѣдуетъ опредѣлить 8 часовъ 15 минутъ утра.

По возвращеніи въ Брестовицу, я получилъ личное приказаніе наслѣдника цесаревича принять всевозможныя мѣры къ сохраненію тѣла покойнаго герцога, такъ какъ таковое должно быть отправлено въ Петербургъ.

Немедленно, ночью же вытребованы были мною изъ состоявшаго при отрядѣ въ 15 верстахъ аптечнаго отдѣленія полевой аптеки всѣ нужныя средства, и на другой день, 13-го октября, приступлено было къ осмотру тѣла, составленію протокола и мѣропріятіямъ, имѣвшимъ цѣлью сохраненіе тѣла отъ скораго разложенія.

При осмотрѣ раненія оказалось: ружейная пуля изъ нарѣзнаго ружья системы Пибоди пробила лобную кость надъ лѣвою бровью, ближе къ срединѣ лба, прошла въ черепную полость, направляясь спереди назадъ, разрушила по пути мозгъ и остановилась сплющившись въ тѣлѣ затылочной кости, откуда и была мною извлечена. Въ осмотрѣ тѣла и работахъ по бальзамированію принялъ участіе состоявшій въ то время при отрядномъ штабѣ, д-ръ И. В. Гриммъ.

Прошло нѣсколько дней, пока доставленъ былъ изъ Румыніи металлическій гробъ. Въ него положено было тѣло почившаго и только 17-го октября отправлено на артиллерійскомъ лафетѣ, въ сопровожденіи смѣнявшихся войскъ къ Дунаю, на Батинъ, а затѣмъ на Петрошаны. До послѣдняго селенія проводилъ павшаго на полѣ брани самъ августѣйшій начальникъ Рущукскаго отряда. Изъ Румыніи до Петербурга по желѣзной дорогѣ сопровождали гробъ особо назначенные чины, имѣя во главѣ одного изъ адъютантовъ наслѣдника цесаревича, князя Барятинскаго, нынѣ генералъ-адъютанта.

Кончина герцога Сергія Максиміліановича произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Покойный имѣлъ всего 28 лѣтъ отъ роду; красавецъ собою, онъ привлекалъ всѣхъ и каждаго своею доступностью, привѣтливостью и сердечностью. Между чинами отряднаго штаба онъ пользовался всеобщею любовью.

Д-ръ **Ф. Піотровскій.**

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXII [1]).

Начало устройства Грушевской дороги.—Поѣздка В. А. Панаева за границу.—Встрѣча съ банкиромъ Ротшильдомъ.—Пребываніе въ Туренѣ.—Заказъ брюссельскому заводчику Эврарду всѣхъ предметовъ для Грушевской дороги.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Порученіе, данное В. А. Панаеву генераломъ Чевкинымъ по повѣркѣ кондицій на ремонтъ Николаевской дороги.—Характеристика Хомутова и его переписка съ В. А. Панаевымъ.

Установивъ работы по Грушевской дорогѣ, мнѣ предстояла необходимость ѣхать за границу для заказовъ всѣхъ для нея принадлежностей, въ томъ числѣ и паровозовъ. Въ то время, Грушевскій антрацитъ, этотъ наилучшій матеріалъ для топлива, не употреблялся ни на паровозахъ, ни на пароходахъ вслѣдствіе того, что отъ него быстро сгорали колосники. Видя необходимость, прежде назначенія системы паровозовъ, сдѣлать за границей надлежащіе опыты, я выслалъ изъ Новочеркаска моремъ 2 куб. саж. антрацита въ Парижъ; одновременно отправилъ туда инженеръ-механика Орта. Предвидя, что мнѣ придется пробыть довольно долгое время въ отлучкѣ, я сообщилъ о томъ Henrys. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что живетъ теперь въ Туренѣ, во Франціи, гдѣ купилъ себѣ небольшое Chateau, и умолялъ меня провести у него осень, въ наипрекраснѣйшемъ уголкѣ Франціи.

Въ то же время, я получилъ письмо отъ Чевкина, которымъ онъ вызывалъ меня въ Петербургъ.

---

[1]) См. „Русс. Стар." сентябрь 1902 г.

Въ первыхъ числахъ августа, я выѣхалъ изъ Новочеркаска съ женой и дѣтьми, по Дону и Волгѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я явился къ Чевкину доложить о ходѣ работъ, и что я долженъ ѣхать за границу для заказовъ нужныхъ для желѣзной дороги принадлежностей.

— Я васъ нѣсколько задержу здѣсь,—сказалъ онъ.—Посмотрите, пожалуйста, проектъ кондицій, заготовленныхъ для торговъ на ремонтъ подвижнаго состава, такъ какъ контрактъ Уайненса скоро кончается; найдете ли кондиціи сообразными?

И онъ подалъ мнѣ проектъ кондиціи, одобренной уже управленіемъ дороги для торговъ, заключающій безконечное количество параграфовъ. Это дѣло заняло у меня двѣ недѣли для составленія замѣчаній на разные параграфы кондицій и записки по поводу отдачи подряда на ремонтъ подвижнаго состава.

— Я передамъ ваши замѣчанія въ коммиссію,—сказалъ Чевкинъ,— и теперь можете ѣхать за границу.

Такъ какъ я ѣхалъ за границу для заказовъ, при чемъ мнѣ приходилось выдавать заводчикамъ задатки, то я взялъ изъ банка кредитивъ на 500.000 фр., который былъ выданъ на имя банкира Ротшильда.

По поводу этого кредитива не могу воздержаться и не разсказать одинъ фактъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Парижъ, мнѣ нужно было получить одну тысячу фр. на личные мои расходы. Я отправился въ контору Ротшильда. Подаю чиновнику бюро кредитивъ и прошу выдать тысячу фр. Чиновникъ сталъ разсматривать кредитивъ и справа и слѣва. Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Я не могу выдать вамъ денегъ, не показавъ кредитивъ барону.

И чиновникъ отправился въ кабинетъ къ Ротшильду, гдѣ оставался минутъ десять. Выйдя оттуда, онъ сказалъ, что баронъ проситъ меня подождать одну минуту. Черезъ минуту вышелъ Ротшильдъ и попросилъ войти въ его кабинетъ.

— У васъ кредитивъ на 500.000 фр.?—спросилъ Ротшильдъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Вы правительственный инженеръ, строющій желѣзную дорогу?

— Да.

— Съ какимъ намѣреніемъ вы пріѣхали въ Парижъ?

— Я пріѣхалъ заказывать разные предметы для желѣзной дороги, и надо мнѣ подъискать подходящій заводъ, который взялся бы за это дѣло.

— А великъ ли вашъ заказъ?

— Весь заказъ можетъ простираться болѣе, чѣмъ на два милліона франковъ.

— Я возьмусь его исполнить, сдѣлайте заказъ мнѣ!

— Мнѣ нужны мосты, паровозы, вагоны, водоснабженіе и разные другіе предметы, которые были бы исполнены по проектамъ, мною составленнымъ.

— Ваши проекты совсѣмъ ненужны, мои инженеры все разработаютъ, и вамъ не нужно будетъ разъискивать по Европѣ подходящаго завода. Оставайтесь въ Парижѣ, веселитесь въ немъ, молодой человѣкъ, и все будетъ готово къ назначенному вами сроку.

— Я вамъ очень благодаренъ,—сказалъ я,—и обдумаю этотъ вопросъ.

— Вамъ, какъ видно, оказано большое довѣріе. Вы, вѣроятно, знаете вашего министра?

— Да, я его хорошо знаю!

— Когда вернетесь въ Петербургъ, передайте ему, что я дамъ деньги на всѣ полезныя предпріятія, которыя онъ имѣетъ въ виду.

Надо сказать, что Ротшильдъ, не смотря на то, что былъ, можно сказать, могучимъ всемірнымъ банкиромъ, не вошелъ въ Главное Общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что въ это время Наполеонъ III не симпатизировалъ политическимъ взглядамъ Ротшильда и созидалъ ему конкурента въ лицѣ банкира Перейра; и потому Ротшильду хотѣлось захватить рынокъ Россіи, хотя бы внѣ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ.

Во время разговора со мною, Ротшильдъ ежеминутно вкладывалъ въ ротъ кишку съ наконечникомъ, чтобы передавать что-то, а другую кишку, съ слуховымъ наконечникомъ, къ уху.

— Извините меня,—сказалъ онъ,—что прерываю разговоръ; въ этотъ часъ идетъ биржа, и надо отдавать приказанія и слушать отвѣты. Гдѣ вы остановились?

— Въ Hôtel du Louvre,—сказалъ я.

— Такъ завтра въ 11 часовъ я къ вамъ пріѣду, мы поѣдемъ съ вами, чтобы познакомить васъ съ моими инженерами.

Дѣйствительно, Ротшильдъ въ 11 ч. пріѣхалъ ко мнѣ, и мы отправились на станцію Chemin du Nord.

Тогда эта станція, хотя была и обширная, но строенія были деревянныя.

Войдя на станцію, надо было подняться во второй этажъ по узкой, худо освѣщенной лѣстницѣ. На лѣстницѣ встрѣтился какой-то человѣкъ въ форменной фуражкѣ. Ротшильдъ остановилъ его и особенно громко возгласилъ:

— Est-ce que vous ne me reconnaisez pas? [1]) и, жестомъ указывая на свою грудь, торжественно произнесъ: «Presidant de Conseil».

---

[1]) Развѣ вы не узнаете меня?

Человѣкъ этотъ смахнулъ моментально фуражку и низко склонилъ голову, а Ротшильдъ сталъ важно подниматься на лѣстницу.

Войдя въ пріемную комнату, Ротшильдъ сказалъ сторожу:

— Скажите Petier, что я пріѣхалъ съ русскимъ инженеромъ, и попросите его сюда.

Вернувшись, сторожъ сказалъ, что M-r Petier занятъ въ засѣданіи.

— Попросите M-r Petier выйти сюда на нѣсколько минутъ изъ засѣданія.

Вернувшись назадъ, сторожъ сказалъ:

— M-r Petier извиняется, что онъ не можетъ придти теперь, и проситъ русскаго инженера обождать нѣсколько.

Ротшильдъ взволновался, побагровѣлъ и сейчасъ вышелъ, сказавъ мнѣ:

— Завтра пріѣдетъ къ вамъ M-r Petier.

Я нарочно упоминаю объ этомъ эпизодѣ, какъ характеризующемъ отношенія между могущественнѣйшимъ банкиромъ Ротшильдомъ и зависящимъ отъ него инженеромъ Petier. Послѣдній пользовался громаднымъ авторитетомъ въ инженерномъ мірѣ и завѣдывалъ всѣми желѣзными дорогами, эксплоатируемыми Ротшильдомъ; зналъ себѣ цѣну и потому не постѣснился дать, при случаѣ, маленькій урокъ Ротшильду.

Минутъ черезъ пять-шесть, Petier вышелъ.

— А! старый знакомый,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—радъ васъ видѣть, чѣмъ могу служить?

Я разсказалъ Petier, какъ и зачѣмъ я очутился вмѣстѣ съ Ротшильдомъ, и что я пріѣхалъ сюда дѣлать заказы по собственнымъ проектамъ. Petier сталъ меня разспрашивать о дѣйствіяхъ Главнаго Общества по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и далъ мнѣ указанія по моему дѣлу. Я поблагодарилъ его, и мы разстались. Petier я больше не видалъ; но у Ротшильда пришлось быть второй разъ, когда, мѣсяца черезъ три, я долженъ былъ выдать чекъ заводчику на 200.000 фр. задатка.

— Такъ вы поупрямились и сдѣлали заказъ помимо меня?—сказалъ Ротшильдъ.

— Вы не могли исполнить того, что мнѣ нужно было,—отвѣтилъ я.

— Не забудьте передать вашему министру мою готовность быть ему полезнымъ.

Я поклонился и ушелъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я увѣдомилъ Henrys о моемъ туда пріѣздѣ. Тотчасъ же я получилъ телеграмму съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать къ нему въ Château, въ окрестность Турена. Къ его приглашенію, сдѣланному въ письмѣ въ Новочеркаскъ, я, конечно, не отнесся серьезно и разсчитывалъ съ семьей поѣхать дня на три. Château Henrys'a

было не большое, но въ три этажа; въ первомъ этажѣ помѣщалась столовая, пріемная, билліардная и кухня со службами; во второмъ этажѣ была половина жены и его, а третій былъ монтированъ для пріѣзжихъ, убранъ какъ номера гостиницы. Эти комнаты и были предназначены намъ.

По прошествіи трехъ дней, мы собрались уѣзжать.

Henrys и жена его стали, не отставая отъ насъ, уговаривать остаться на нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно, мы стояли на своемъ отъѣздѣ. Тогда Henrys пригласилъ меня прогуляться въ садъ.

— Вы поступаете неблагоразумно, увозя семейство въ Парижъ, — сказалъ онъ.—Вѣдь вы должны будете разъѣзжать по всѣмъ концамъ Европы, а ваша семья должна сидѣть въ душномъ городѣ, въ гостиницѣ и погибать отъ жары. Согласитесь, что въ виду того, что мы предлагаемъ вамъ, вы поступаете жестоко въ отношеніи вашей жены и дѣтей. Между тѣмъ вы доставите мнѣ и женѣ истинное удовольствіе.

Я конечно понималъ его доводы, но, само собою разумѣется, стѣснялся гостепріимнымъ и задушевнымъ ихъ предложеніемъ и отвѣчалъ, что все-таки надо ѣхать.

— Я понимаю, что вы не хотите одолжаться содержаніемъ вашей семьи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но можно побѣдить вашу щекотливость. Вы знаете, что я аккуратно веду счетъ моихъ расходовъ и подвожу итоги каждый мѣсяцъ. Я вамъ покажу эти итоги и съ этой минуты буду также записывать всѣ мои расходы. Въ концѣ мѣсяца, я подведу итогъ, и вы заплатите мнѣ разницу.

При этихъ условіяхъ все мирилось, и я искренно обнялъ Henrys. Такимъ образомъ моя семья осталась у Henrus до тѣхъ поръ, пока я не окончилъ своего дѣла.

Успокоившись на счетъ семьи, я пустился въ путешествія, объѣхалъ западную часть Германіи, Австрію до Решта, центральную и южную Францію и Англію, гдѣ заболѣлъ дезинтеріею.

Я въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ Парижъ. Утромъ я былъ уже тамъ и послалъ за гомеопатическимъ докторомъ Тестомъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ и пользовавшимъ мою жену и дѣтей. Тестъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться къ семьѣ, что я и сдѣлалъ. Дня черезъ четыре, я опять принялся за дѣло, заѣхалъ въ Парижъ за Ортомъ, который прежде все время разъѣзжалъ со мною, и мы поѣхали въ Брюссель.

Надо замѣтить здѣсь, что при моихъ безпрерывныхъ поѣздкахъ, я, обыкновенно, отправлялся на скорыхъ поѣздахъ, отходящихъ позднимъ вечеромъ; растягивался на диванѣ, для чего бралъ часто два мѣста, и спалъ непробуднымъ сномъ до утра. Утромъ я былъ бодръ, свѣжъ и отправлялся на заводъ, предварительно мною намѣченный, осматривалъ его, толковалъ съ заводчиками и механиками и къ вечеру опять въ путь, чтобы на другой день очутиться за 400—500 километровъ. Между

тѣмъ Ортъ не могъ спать въ вагонахъ, о чемъ я узналъ только въ послѣднее время, когда я въ теченіе двухъ мѣсяцевъ провелъ болѣе 40 ночей въ ѣздѣ.

Въ Брюсселѣ я остановился въ Hôtel de Saxe, хозяина котораго я зналъ во время моего пребыванія въ Брюсселѣ. Пріѣхавъ къ вечеру, я просилъ подать чай. Въ то время, какъ ожидался чай, Ортъ вышелъ въ другую комнату, сказавъ, что онъ немножко отдохнетъ до чая. Когда я приготовилъ чай, Ортъ на мой зовъ не откликался. Я сталъ его будить и толкать, но было тщетно. Вскорѣ у Орта явился сильнѣйшій жаръ, и онъ впалъ въ совершенную безсознательность. Ночью былъ сильный бредъ, я безпрестанно ходилъ къ нему, и къ утру онъ былъ въ такомъ же безсознательномъ состояніи. Я послалъ къ отличному доктору, Gregoir, котораго я зналъ прежде, но его не застали.

Между тѣмъ хозяинъ гостиницы, узнавъ, что у него находится больной —(въ это время въ Брюсселѣ свирѣпствовалъ горячешный тифъ), — послалъ за городскимъ полицейскимъ докторомъ. Этотъ докторъ призналъ болѣзнь Орта за жестокій тифъ, и хозяинъ гостиницы потребовалъ вывезти больнаго въ госпиталь въ теченіе одного часа.

Прежде нежели исполнить это, я бросился опять къ доктору Gregoir и разсказалъ ему о моемъ затруднительномъ положеніи. Я засталъ его въ слезахъ:

— У меня вчера умерла дочка въ тифѣ и еще не похоронена. Но, въ виду вашего затрудненія, я сейчасъ пріѣду.

Gregoir, осмотрѣвъ больнаго, который оставался все безъ сознанія, призналъ болѣзнь тоже за жестокій тифъ.

— Что же мнѣ дѣлать? — спрашивалъ я, — хозяинъ требуетъ вывезти больнаго въ госпиталь. У него въ Парижѣ жена съ пятью дѣтьми, малъ мала меньше и въ томъ числѣ грудной. Я недавно пригласилъ его въ Россію на службу. Какъ же я вернусь въ Парижъ и объявлю ей, что я оставилъ сильно больнаго ея мужа здѣсь въ госпиталѣ?

— Хотя больной въ безсознательномъ состояніи, но я совѣтую вамъ вмѣсто отправки его въ госпиталь сейчасъ ѣхать въ Парижъ, взять отдѣльное купе, а я вамъ пришлю сейчасъ сидѣлку. Въ этой болѣзни перемѣна мѣста играетъ большую роль. Быть можетъ, больной и выживетъ до Парижа, и тогда онъ можетъ умереть среди своей семьи.

Я сейчасъ же поѣхалъ на желѣзную дорогу, взялъ купе и, вернувшись, нашелъ уже сидѣлку, готовую ѣхать съ больнымъ.

По дорогѣ, я заходилъ на каждой остановкѣ освѣдомиться о состояніи больнаго; онъ былъ все-таки безъ сознанія. Наконецъ, на полдорогѣ до Парижа, сидѣлка сказала, что больной очнулся, хотѣлъ встать, но не могъ.

Въ Парижѣ больнаго вынесли изъ вагона и положили въ фіакръ.

Мнѣ предстояла еще тяжелая минута—объявить женѣ о положеніи ея мужа. Я пошелъ въ квартиру и объявилъ ей, что привезъ нѣсколько больнаго ея мужа, и что его сейчасъ введутъ сюда.

— Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ уже нѣсколько дней,— отвѣчала она,—и я уговаривала его отложить поѣздку, но онъ не послушалъ меня.

M-me Orth была женщина необразованная, но практичная, съ присутствіемъ духа. Когда привели подъ руки ея мужа, она сейчасъ же послала за полицейскимъ докторомъ. Черезъ полчаса явился докторъ и въ ту же минуту пустилъ кровь, что̀ въ горячешномъ тифѣ считается преступленіемъ. Въ половинѣ ночи, я заѣхалъ узнать о положеніи больнаго. M-me Orth сказала мнѣ, что докторъ приходилъ и пустилъ еще кровь изъ второй руки, и сказалъ, что можетъ быть найдетъ нужнымъ пустить еще кровь утромъ.

На утро я узналъ, что кровь была пущена въ третій разъ; я считалъ Orth'а погибшимъ и ни во что не вмѣшивался, такъ какъ распоряжалась всѣмъ жена.

Что же вышло? Orth пролежалъ три недѣли и настолько оправился, что сталъ выходить.

Тогда я поѣхалъ въ Бельгію одинъ. Въ Бельгіи извѣстный заводъ Coquerîl не взялъ на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа. Такимъ образомъ, я не наткнулся на подходящій заводъ ни въ Австріи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Бельгіи Приходилось разбить заказъ на нѣсколько отраслей и отдать его въ разныя руки.

Неожиданно явился ко мнѣ въ Парижѣ брюссельскій заводчикъ Ewrard. Онъ узналъ, что я искалъ такого завода, который взялъ бы на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа, простирающагося до 2-хъ милліоновъ франковъ, — что̀ позволило бы взять поставку со сборкой на мѣстѣ, которая представляла для меня гарантію. — Кромѣ того, я требовалъ исполненія заказа по моимъ собственнымъ проектамъ.

— Покажите мнѣ ваши проекты,—сказалъ Эврардъ.

Когда я показалъ проекты, онъ разсмотрѣлъ ихъ, задумался, сталъ что-то размышлять и въ концѣ концовъ сказалъ:

— Я берусь исполнить весь вашъ заказъ, съ доставкой и сборкой на мѣстѣ и по вашимъ проектамъ.

Слова эти меня поразили.

— Какъ же вы беретесь за весь заказъ, когда у васъ существуетъ лишь заводъ для постройки вагоновъ?

— Я только-что купилъ старый заброшенный заводъ и намѣренъ монтировать его на широкую ногу. Все зависитъ отъ размѣра задатка, который вы мнѣ выдадите.

Въ слѣдующее его посѣщеніе я могъ убѣдиться, что Эврардъ научно

и практически подготовленъ къ механическому дѣлу, и сталъ считать его предложеніе серьезнымъ, котораго я искалъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Въ особенности его предложеніе было соблазнительно по цѣнѣ, которую онъ объявилъ впередъ—по 10 фр. за пудъ желѣза съ доставкой и сборкой на мѣстѣ, т. е. по 2 р. 50 к., тогда какъ заводы, ставившіе мосты Главному Обществу у насъ въ Россіи, брали отъ 4 до 4 р. 50 к. за пудъ.

Не менѣе того я объявилъ Эврарду, что пріѣду въ Брюссель и на его купленный вновь заводъ, какъ только поправится мой механикъ.

Когда мы пріѣхали на заброшенный заводъ, мы нашли однѣ стѣны, въ которыхъ производились кое-какія приготовленія для монтированія завода. Въ Брюсселѣ я обратился къ моему знакомому инженеру Belpaire и сообщилъ ему о предложеніи Эврарда.

Belpaire сказалъ мнѣ, что Эврардъ человѣкъ знающій, практичный, добросовѣстный въ исполненіи заказовъ, разсчетливый и весьма энергичный, и что потому на него можно положиться.

Я объявилъ тогда Эврарду, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ для заключенія контракта.

Писавши контрактъ, Эврардъ потребовалъ выдачи ему 200.000 фр. въ задатокъ, которые ему нужны, чтобы монтировать заводъ, устроить новые валы для прокатки желѣза особой формы для мостовъ и проч.

Дѣло было рискованное, но я рѣшился на это, имѣя въ виду оставить Орта въ Брюсселѣ для наблюденія за ходомъ работъ завода и для производства испытаній надъ всѣми частями желѣза и стали впредь до окончанія заказа.

Въ сущности, я торжествовалъ, заключивъ контрактъ, который былъ исполненъ Эврардомъ великолѣпно и въ срокъ. На пяти огромныхъ пароходахъ Ортъ привезъ весь заказъ изъ Антверпена въ Таганрогъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я доложилъ Чевкину о моемъ удачномъ заказѣ въ Бельгіи, чему онъ очень былъ радъ и сказалъ мнѣ:

— Вы помните, что передъ отъѣздомъ вашимъ за границу, я вамъ давалъ проектъ кондиціи на просмотрѣніе, и вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній. Теперь уже изготовленъ окончательно проектъ контракта для торговъ, подписанный всѣми членами коммиссіи. Пересмотрите этотъ контрактъ и сообщите мнѣ, приняла ли коммиссія въ соображеніе ваши тогдашнія замѣчанія?

Я взялъ проектъ, конечно, на домъ и увидалъ, что всѣ мои замѣчаніи обойдены, и взамѣнъ ихъ введены новые параграфы, болѣе стѣснительные для казны. Но главнѣйшее было то, что для желающихъ торговаться требовалось получить это право внесеніемъ пяти милліоновъ фр. передъ торгами. Я подалъ и написалъ опять замѣчанія на

разныe параграфы проекта контракта, составившія огромную тетрадь и записку, которую принесъ Чевкину.

Чевкинъ возмутился и сказалъ:

— Что мнѣ въ вашихъ замѣчаніяхъ, напишите точную редакцію параграфовъ, которые надо измѣнить. Я не могу теперь съ вами заняться, придите въ пятницу, я буду тогда свободнѣе.

Черезъ пять дней, въ пятницу, я опять пришелъ къ Чевкину.

— Что вы меня торопите, я не просматривалъ еще вашихъ параграфовъ. Придите послѣ.

Мнѣ нужно было въ Новочеркаскъ къ моему прямому и слишкомъ отвѣтственному дѣлу. Хомутовъ волновался и тревожился моей долгой отлучкой, братъ непрерывно писалъ мнѣ о необходимости моего пріѣзда. Былъ уже конецъ февраля, и работы должны были скоро открыться. При этихъ обстоятельствахъ, я пошелъ къ Мельникову, который очень интересовался скорѣйшимъ окончаніемъ Грушевской дороги.

Мельниковъ, увидавъ меня, сказалъ:

— Какъ я радъ, что вы вернулись.—Константинъ Владиміровичъ (Чевкинъ) остановилъ всѣ дѣла до вашего пріѣзда—и онъ усмѣхнулся.— Вотъ, напримѣръ, коммиссія давно разсмотрѣла проектъ контракта; всѣ члены подписали его, и онъ давно долженъ былъ поступить на торги; но Чевкинъ оставилъ его у себя, сказавъ: я подожду пріѣзда Панаева.

— Я былъ уже у Чевкина,—отвѣчалъ я,—и онъ далъ мнѣ проектъ контракта на разсмотрѣніе. Я подалъ ему записку и длинный рядъ моихъ замѣчаній. Онъ не удовольствовался этимъ и приказалъ составить полную редакцію тѣхъ параграфовъ, на которыхъ сдѣланы мною замѣчанія. Я составилъ эту редакцію и послѣ того два раза былъ у него и просилъ позволенія уѣхать. Онъ оба раза сказалъ, зачѣмъ я тороплюсь, и приказалъ «остаться еще».

— Константинъ Владиміровичъ, очевидно, ждетъ отъ васъ составленія полнаго контракта, и до тѣхъ поръ, пока этого не исполните, онъ не отпуститъ васъ. Совѣтую вамъ приняться за это дѣло немедленно.

Я вернулся домой и въ тотъ же день принялся за составленіе полнаго контракта. Черезъ двѣ недѣли я окончилъ контрактъ, принесъ Чевкину и сказалъ ему, что я счелъ болѣе удобнымъ написать новый контрактъ, и принесъ его.

Чевкинъ, увидавъ новый контрактъ, обрадовался и сказалъ:

— Очень благодарю васъ,—приходите ко мнѣ завтра вечеромъ.

На другой день я пришелъ, и Чевкинъ штудировалъ контрактъ до часа ночи, но, не окончивъ разсмотрѣніе, приказалъ придти на слѣдующій вечеръ.

Въ томъ параграфѣ, гдѣ говорилось о представленіи залога, я оставилъ чистое мѣсто и сталъ уговаривать Чевкина назначить не болѣе

100.000. Но онъ не рѣшился перейти съ 1.200.000 назначавшагося залога коммиссіей и назначилъ залогъ въ 500.000 руб. Въ этомъ видѣ и былъ сданъ ремонтъ заводчику Кайлю, спустившему цѣну на 50 % противъ контракта Уайненса.

Послѣ утвержденія Чевкинымъ составленнаго мною контракта, я могъ уже поѣхать въ Новочеркаскъ.

Работы по постройкѣ дороги шли успѣшно. Но я не заказалъ за границей рельсовъ, имѣя въ виду пріобрѣтенные вѣдомствомъ путей сообщенія отъ постройки Ѳеодосійской дороги.

Между тѣмъ, членъ нашего комитета, князь Дондуковъ, заявилъ комитету, что къ нему явился богатый казакъ Устиновъ, торговавшій хлѣбомъ, съ предложеніемъ поставить дубовыя шпалы по 75 коп. за штуку, которыя онъ можетъ пріобрѣсти въ Воронежской губерніи и привезти ихъ по Дону; но проситъ выдать 25.000 передовыхъ денегъ.

Цѣна 75 коп. за дубовую шпалу представляла соблазнъ въ совершенно безлѣсномъ краѣ, но, въ виду выдачи передовыхъ денегъ человѣку, хотя и состоятельному, но совершенно чуждому подобныхъ операцій, я не принялъ рѣшенія этого дѣла на свою отвѣтственность, а предоставилъ это комитету.

Комитетъ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ заключить контрактъ съ Устиновымъ. Устиновъ пригналъ по Дону двѣ баржи со шпалами, которыя оказались абсолютно негодными, и нельзя было принять ни одной шпалы. Надо было признать его несостоятельнымъ; но онъ покрылъ выданныя ему передовыя деньги поставкой провіанта.

Время однако было упущено, и я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы купить шпалы, а равно и рельсы у вѣдомства путей сообщенія. Въ Петербургѣ я обратился къ Чевкину, который и приказалъ продать намъ шпалы и рельсы, по цѣнамъ, въ которыхъ они были приняты отъ Общества на Ѳеодосійскомъ складѣ. Цѣна была высокая, тѣмъ болѣе, что предметы эти приходилось перевозить моремъ, съ разными перегрузками изъ Ѳеодосіи въ Аксайскую станицу. Не менѣе того, я успокоился, что дѣло постройки не остановится. Но перевозка изъ Ѳеодосіи на Таганрогскій рейдъ доставила громадныя хлопоты и необходимость послать въ Керчь на $2^1/_2$ мѣсяца моего помощника, инженера Григорія Кусакова.

Ранней весной прибылъ на пяти пароходахъ весь заграничный заказъ на Таганрогскій рейдъ. Ортъ сопровождалъ этотъ транспортъ. Эврардъ прислалъ достаточное количество хорошихъ мастеровъ, для монтировки и всего заказаннаго съ практическимъ инженеромъ François и помощникомъ ему Lambertz.

Надо сказать, что Lambertz былъ горный инженеръ, прекрасно

знающій механическую часть. Я просилъ Эврарда прислать именно его помощникомъ. Это былъ сынъ той сидѣлки, которая помогла мнѣ въ перипетіяхъ во время болѣзни Орта. Я имѣлъ въ виду разъяснить вопросъ о неизмѣримомъ количествѣ залегающихъ около Керчи желѣзныхъ рудъ, такъ какъ по многимъ опытамъ, производившимся у насъ, эта руда, вслѣдствіе содержанія въ большомъ количествѣ фосфора, признана негодною для выдѣлки желѣза, получаемаго изъ керченскаго чугуна.

По этому случаю я отправилъ Lambertz'а въ Керчь. Осмотрѣвъ руду и всю мѣстность, Lambertz представилъ мнѣ записку, въ которой онъ заявлялъ, что всѣ руды въ Бельгіи подобнаго свойства, что не мѣшаетъ Бельгіи выкатывать въ огромномъ количествѣ годные рельсы. Когда впослѣдствіи основались заводы въ Донецкомъ бассейнѣ, заводы, выдѣлывающіе рельсы на мѣстной рудѣ, меня удивляло, что предприниматели не обратили вниманія на керченскую руду, которая залегаетъ горизонтальнымъ пластомъ на самой незначительной глубинѣ и обнаруживается въ берегу моря, слѣдовательно, легко можетъ промываться морскими волнами.

Осенью я отправился въ Петербургъ, чтобы доложить военному министру, что Грушевская дорога окончена и движеніе по ней открыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились и мои отношенія къ обществу Волго-Донской желѣзной дороги. Общество назначило мнѣ содержаніе по 1.000 р. въ мѣсяцъ и 20% изъ прибылей, изъ коихъ 10% въ пользу мою, а 10% въ пользу служащихъ по моему усмотрѣнію.

Около того же времени, я неожиданно получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ извѣстнаго Кокорева, который извѣщалъ меня, что общее собраніе акціонеровъ Волго-Донскаго общества избрало меня въ директоры-распорядители, и что онъ взнесъ за меня 25 акцій, требовавшихся для директора-распорядителя. Кокоревъ былъ основателемъ Волго-Донской желѣзной дороги, употребившимъ на нее свой капиталъ. Я встрѣчалъ его нѣсколько разъ у Мельникова.

Вслѣдъ за этимъ и правленіе прислало мнѣ оффиціальное извѣщеніе о моемъ избраніи.

Между тѣмъ, я и не думалъ искать занятій въ Волго-Донскомъ обществѣ; но въ виду джентльменскаго поступка Кокорева, доказывающаго его особое довѣріе ко мнѣ, я отвѣчалъ, что, принимая во вниманіе плачевный ходъ дѣлъ Общества и затруднительныя обстоятельства, я приму эту обязанность временно, до разъясненія вопроса по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ.

Такъ какъ я находился въ вѣдѣніи главноуправляющаго путями сообщенія и, въ то же время, военнаго министра, то я долженъ былъ донести послѣднему о результатѣ моей поѣздки за границу. При моемъ
*

разговорѣ съ нимъ, я изложилъ ему о необходимости озаботиться предстоящей эксплоатаціей Грушевской дороги, для чего считалъ необходимымъ устройство на рудникѣ центральнаго водоотлива. Выслушавъ меня, онъ приказалъ изложить письменно мои соображенія и внести ихъ въ комитетъ на обсужденіе и представить ему съ своимъ заключеніемъ. Вслѣдствіе этого, я внесъ въ комитетъ мою записку, возбудившую полемику между мной и тогдашнимъ начальникомъ штаба княземъ Дондуковымъ. Послѣднему показалось нѣсколько обиднымъ для его самолюбія, что эту иниціативу взялъ на себя я, а не онъ. Поэтому онъ при всемъ сознаніи важности вопроса, повелъ дѣло такъ, чтобы, до поры до времени, отклонить мое предложеніе. На его записку я подалъ другую, и дѣло пошло въ длинный ящикъ.

Между тѣмъ Хомутовъ уѣхалъ уже совсѣмъ въ Петербургъ, и некому было отстаивать мою идею,

Мало-по-малу я сближался съ атаманомъ, этимъ благороднѣйшимъ, умнѣйшимъ, добрѣйшимъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ тоже видимо расположился ко мнѣ, такъ что, не смотря на громаднѣйшій мой трудъ, ибо во мнѣ сосредоточивались всѣ отрасли управленія, я не ощущалъ тягости, и все катилось какъ по маслу, и всѣ были довольны при подобныхъ условіяхъ. Недовольны были только члены войсковаго правленія, потому что дѣло постройки шло совершенно помимо ихъ вліянія, и при Хомутовѣ, который понималъ ихъ насквозь, они не дерзали высказывать своихъ жалобъ.

Хомутовъ любилъ часто объѣзжать работы. Бывало послѣ обѣда подъѣдетъ ко мнѣ верхомъ и пригласитъ прокатиться съ нимъ. Я тоже садился верхомъ, и мы отправлялись въ путь. У него была записная книжечка, гдѣ онъ отмѣчалъ разныя просьбы простыхъ казаковъ и казачекъ. Онъ пользовался этимъ случаемъ и заѣзжалъ въ хутора, гдѣ и производилъ судъ, по разнымъ семейнымъ жалобамъ и просьбамъ, приводя всегда къ мировой. Однажды, при объѣздѣ, Хомутова обступили черкасскіе лѣсопромышленники съ просьбою оставить ихъ лѣсную биржу на мѣстѣ. Биржа помѣщалась на крутыхъ склонахъ горы, и никакой площади для нея не было. Желѣзная дорога проходила между горой и рѣкой, имѣющей не болѣе двухъ футовъ глубины и саженъ 15 ширины. Я предположилъ устроить тамъ же большую площадь на другой сторонѣ рѣки, куда весной приходятъ плоты, и былъ убѣжденъ, что лѣсопромышленники возрадуются такому удобству. Какъ ни старались убѣдить ихъ Хомутовъ и я въ огромномъ преимуществѣ мѣста для новой биржи, которая передвинется только на нѣсколько саженъ за рѣку, все оставалось тщетно. Лѣсопромышленники стояли на своей просьбѣ не трогать ихъ съ мѣста, гдѣ торговали дѣды и отцы.

Я сказалъ Хомутову, что если биржу оставлять на старомъ мѣстѣ,

то потребуется откапывать гору и строить подъѣздные мосты, что̀ будетъ лишнимъ ненужнымъ расходомъ для желѣзной дороги.

— Послушайте,—сказалъ Хомутовъ,—я знаю, что вы обѣщались передъ правительствомъ не выходить изъ ассигнованной суммы; но я знаю тоже, что у васъ есть остатки изъ этой суммы; пожалуйста, я васъ прошу уступить просьбамъ этихъ торговцевъ.

Хотя этотъ расходъ, по приблизительному соображенію, могъ обойтись тысячъ въ 40, но я согласился на просьбу Хомутова. И вотъ пришлось въ шести мѣстахъ раскопать сдѣланную уже насыпь и приняться за устройство шести подъѣздныхъ мостовъ на каменныхъ устояхъ съ желѣзными балками.

Однажды, Хомутовъ подалъ мнѣ большую брошюру на русскомъ языкѣ, изданную въ Лейпцигѣ неизвѣстнымъ авторомъ и ему присланную.

— Не хотите ли познакомиться съ этой брошюрой?—сказалъ онъ.

— Я получилъ точно такую,—отвѣтилъ я.

Брошюра касалась описанія порядковъ на Дону. Она была написана противъ Хомутова, гдѣ онъ выставлялся взяточникомъ и казнокрадомъ, о чемъ-де хорошо извѣстно въ Петербургѣ, и что поэтому и прислали изъ Петербурга инженера съ такими правами, при которыхъ Хомутовъ не могъ бы наживаться. При этомъ была для меня лестная характеристика.

Я былъ очень огорченъ этой брошюрой потому, что Хомутовъ могъ заподозрить меня въ ея составленіи. Но Хомутовъ тотчасъ же разсѣялъ возможность такого предположенія.

— Я узнаю, безъ сомнѣнія, автора. Это одинъ молодой офицеръ, нѣсколько образованный, котораго я сначала замѣтилъ и предполагалъ его дѣловымъ; но онъ вскорѣ обнаружился, какъ пустой борзописецъ, и я ему ходу не далъ, за что̀ онъ считаетъ себя обиженнымъ.

И, дѣйствительно, какъ обнаружилось впослѣдствіи, Хомутовъ не ошибся, съ тою разницею, что онъ написалъ эту брошюру, вѣроятно инспирированный лицами, занимающими болѣе крупное положеніе.

Во время работъ, Хомутъ сталъ убѣждать меня употребить часть капитала, ассигнованнаго на желѣзную дорогу, на устройство механическаго заведенія для нуждъ края, гдѣ стали уже появляться локомобили и другія сельско-хозяйственныя машины. По смѣтѣ, которая была уже утверждена, я предположилъ лишь устройство небольшой механической мастерской, которая отвѣчала бы вполнѣ потребности для желѣзной дороги. Я вполнѣ сознавалъ нужду края и не могъ возражать на доводы Хомутова, но я упирался на утвержденный бюджетъ для желѣзной дороги, и что большое механическое заведеніе потребуетъ значительнаго капитала, около 90.000 р.

— Да у васъ, какъ я вижу, будутъ остатки, надо воспользоваться случаемъ и оказать благо для края.

На убѣжденія Хомутова я отвѣчалъ, что когда поѣду въ Петербургъ, то лично обращусь къ главноуправляющему Чевкину и узнаю его взглядъ на этотъ сверхсмѣтный значительный расходъ.

Когда я объяснилъ Чевкину о нуждахъ края въ механическомъ заведеніи, о неотступномъ желаніи атамана Хомутова и о томъ, что я не выйду изъ общей цифры смѣты, Чевкинъ сказалъ:

— Край нуждается, атаманъ желаетъ, деньги войсковыя и изъ смѣты вы не выйдете. Надо пожертвовать сбереженіями, которыя вы ожидаете. Передайте Михаилу Григорьевичу, что я этому дѣлу сочувствую, и потому стройте механическое заведеніе.

По возвращеніи моемъ въ Новочеркаскъ, я передалъ о моемъ посѣщеніи Чевкина Хомутову, и онъ былъ въ особенномъ восторгѣ.

Изъ нѣсколькихъ эпизодовъ моихъ сношеній съ Хомутовымъ, по поводу постройки желѣзной дороги, можно уже отчасти судить объ этой наидостойнѣйшей личности.

За время своего 23-хъ лѣтняго пребыванія на Дону, сначала въ должности начальника штаба, а потомъ—атамана, Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ скопилъ значительный войсковой капиталъ. Это одна важная заслуга для края, но другая, еще болѣе важная, это направленіе, данное имъ накопленному имъ капиталу. Не онъ ли далъ существенный, дѣйствительный и практичный толчекъ грушевскому каменноугольному промыслу? Изъ области платоническихъ разсужденій, многіе и многіе годы тянувшихся среди разныхъ ученыхъ, о богатствѣ антрацитовыхъ залежей на Дону и о способахъ ихъ эксплоатаціи, Хомутовъ приступилъ прямо къ дѣлу, давъ ему серьезную организацію, сообразно денежнымъ средствамъ края. Разумно брошенное имъ зерно быстро разростается теперь въ дерево, и плоды его обогатятъ не только Донской край, но и значительную часть Россіи.

Хомутовъ устроилъ Аксайскую дамбу по 10-ти верстному въ ширину разливу Дона, съ разводнымъ на плашкоутахъ мостомъ на рѣкѣ. Это сооруженіе сдѣлало возможнымъ безостановочное сообщеніе съ задонскимъ краемъ и съ Кавказомъ, и принесло истинное благо не для однихъ путешественниковъ съ Кавказа и на Кавказъ, но для жителей огромнаго раіона и для обширной торговли города Ростова. Такого прекраснаго сообщенія, какое было устроено черезъ Донъ, не существовало даже ни на одномъ пунктѣ Волги, начиная отъ Ярославля и кончая Астраханью. При этомъ, нельзя не указать на устройство почтоваго сообщенія вообще и почтовыхъ станцій въ особенности. Станціи были устроены настолько уютно, что настрадавшимся отъ грязи, копоти, мороза или мятели, давали возможность дѣйствительно отдохнуть или

отогрѣть закоченѣлые члены свои или своихъ дѣтей. Въ тѣ времена, всякій проѣзжающій благословлялъ судьбу, когда добирался до войска Донскаго.

Въ то же время Хомутовъ устроилъ громадный садъ въ Новочеркасскѣ, расположенномъ на высокой горѣ, на припекѣ, не имѣющемъ воды и лишенномъ, абсолютно, всякой зелени. Садъ устроенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ осенью была непроходимая грязь и гдѣ, зачастую, экипажи оставались на ночлегъ. Создать садъ, въ центрѣ города, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не могло рости, при громкихъ соболѣзнованіяхъ и насмѣшкахъ мѣстныхъ жителей о безполезно будто бы затрачиваемыхъ деньгахъ,—къ такому полезному дѣлу можно было приступить только съ такою настойчивостью, какою обладалъ Михаилъ Григорьевичъ. Нынѣ садъ этотъ, не говоря уже объ его гигіеническомъ значеніи, есть услажденіе отъ нестерпимыхъ жаровъ и восточныхъ палящихъ вѣтровъ, дующихъ иногда недѣли четыре сряду.

По почину и настоянію Хомутова предпринято было, въ 1860 году, устройство желѣзной дороги отъ грушевскихъ каменно-угольныхъ копей къ рѣкѣ Дону на счетъ капитала, имъ, Хомутовымъ, скопленнаго. Тогда это была первая дорога, затѣянная на югѣ Россіи, за исключеніемъ Волго-Донской, начавшейся въ томъ же году.

Грушевская дорога была опять-таки зерномъ, брошеннымъ Хомутовымъ. Но это зерно разрослось такъ быстро, что обмануло самыя пылкія ожиданія. Сверхъ того, благодаря этому зерну, Новочеркасскъ вошелъ въ общую сѣть желѣзныхъ дорогъ, что̀, при другихъ условіяхъ, легко могло и не состояться.

Хомутовъ, все на тотъ же скопленный имъ капиталъ, предпринялъ устройство водопровода въ г. Новочеркасскѣ. Для этого потребовалось провести воду за 28 верстъ, т. е. устроить такой водопроводъ, которому нѣтъ другаго примѣра въ Россіи, да едва-ли есть и въ Европѣ. Жители Новочеркасска, пившіе прежде мутную, соленую воду, которою нельзя было даже заварить чай и которая обходилась имъ страшно дорого, пьютъ теперь даромъ отличную воду и охлаждаются фонтанами, бьющими въ тѣнистомъ «Хомутовскомъ саду». Если рыли землю и клали трубы въ то время, когда Михаилъ Григорьевичъ не былъ уже атаманомъ, то никто не можетъ приписать себѣ и одной іоты заслуги по дѣлу водопровода. Дѣло это, не смотря на многія препятствія, одолѣлъ Михаилъ Григорьевичъ еще въ свое атаманствованіе, и началось оно при немъ.

Старикъ посѣялъ много, много зеренъ, но не пришлось ему вкусить отъ всѣхъ ихъ плода. У меня сохраняются нѣкоторыя письма Михаила Григорьевича, относящіяся къ послѣднему времени его жизни, гдѣ проявляется его тихая душевная скорбь, но скорбь истинно-христіанская,

о томъ, что ему не удалось не только вкусить плодовъ имъ посѣяннаго, но даже и посмотрѣть на нихъ.

Изъ этихъ дѣйствій видно, какъ благодѣтельно для края распоряжался Хомутовъ скопляемыми имъ средствами. Надо замѣтить здѣсь, что въ то время—не знаю какъ теперь—войско Донское имѣло свой отдѣльный, независимый бюджетъ какъ по приходу, такъ и по расходу. Было бы очень желательно видѣть, чтобы вообще государственные дѣятели распоряжались бюджетами такъ исключительно полезно, разумно и экономно, какъ распоряжался своимъ бюджетомъ атаманъ Хомутовъ.

Оставляя въ сторонѣ блестящую, по своимъ воинскимъ подвигамъ, личность атамана Платова, кто изъ прочихъ, бывшихъ до Хомутова, атамановъ принесъ краю столько пользы, какъ Хомутовъ? Онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ благодѣтелемъ войска Донскаго.

Правда, былъ кружокъ, изъ числа высшаго донскаго общества, хотя и весьма ограниченный, который не относился симпатично къ Хомутову. Это вытекало изъ того, что Хомутовъ, при своемъ замѣчательномъ умѣ, при необыкновенномъ тактѣ и при продолжительномъ своемъ пребываніи на Дону, зналъ насквозь не только внѣшнія, но и внутреннія свойства каждаго члена общества.

Всякій зналъ, что Михаилъ Григорьевичъ если и не выражаетъ, то, не менѣе того, знаетъ—кто чего стоитъ. Всякій зналъ, что водить за носъ Михаила Григорьевича или затуманить его пылью, брошенною въ глаза—нельзя. Въ его глазахъ имѣли силу лишь дѣйствительныя достоинства человѣка, великія или малыя, но непремѣнно дѣйствительныя. Родовитости онъ отдавалъ принятое вообще уваженіе, но если съ родовитостью не соединялись нужныя для дѣла качества, то серьезныхъ обязанностей на такихъ лицъ онъ не возлагалъ. Фанфаронство, неестественность, безсодержательное краснобайство и кичливость никакого хода у него имѣть не могли. Понятно, что поэтому могъ составиться извѣстный кружокъ недовольныхъ. Но найдется ли среди простолюдиновъ-казаковъ его времени хотя одинъ, который не отозвался бы о Хомутовѣ, если можно такъ выразиться, съ полнымъ благоговѣніемъ,—въ этомъ можно усомниться.

Хомутовъ, хотя и не былъ происхожденія донскаго, хотя онъ не былъ атаманомъ выборнымъ, а былъ атаманомъ, правительствомъ назначеннымъ, не менѣе того, онъ, какъ никто, соотвѣтствовалъ типу историческаго значенія атамановъ, сообразно, конечно, современной эпохѣ. Онъ былъ и начальникъ, и администраторъ, и хозяинъ, и судья, словомъ сказать—былъ то, что мы разумѣемъ подъ словомъ патріархъ. Хомутовъ не тяготился входить , по просьбѣ котораго-либо изъ членовъ семейства, въ семейные вопросы, въ примиряющемъ духѣ, и опирался въ этихъ случаяхъ не на авторитетъ атамана, а на свой нравственный

авторитетъ, какъ судья, призванный для рѣшенія дѣла. Мнѣ лично случалось быть не разъ свидѣтелемъ подобныхъ разбирательствъ и рѣшеній Михаила Григорьевича, прекращавшихъ семейныя катастрофы.

Доступность Михаила Григорьевича не имѣла, я думаю, подобнаго примѣра.

Каждый день къ нему имѣли доступъ всѣ, не исключая малыхъ дѣтей, и при томъ, въ извѣстное время дня, а именно вечеромъ, послѣ его отдохновенія, и даже безъ доклада. Самое помѣщеніе, въ которомъ онъ прожилъ 23 года, соотвѣтствовало его безпримѣрной доступности. Михаилъ Григорьевичъ занималъ небольшой одноэтажный деревянный домъ, полъ котораго былъ на одномъ уровнѣ съ улицей. Такимъ образомъ, можно сказать буквально, что для вступленія въ его домъ не было порога. За передней слѣдовало зало, а затѣмъ кабинетъ, двери котораго послѣ обѣда были открыты. Приходившіе свободно входили въ зало. Услышавъ шаги, Михаилъ Григорьевичъ, сидя въ кабинетѣ, спрашивалъ: «Кто тамъ?» и звалъ въ кабинетъ, было ли то административное лицо, или то былъ казачокъ-ребенокъ. Постороннему наблюдателю нельзя было не поражаться истинно-христіанскимъ терпѣніемъ въ этихъ случаяхъ Михаила Григорьевича. Эта-то необычайная доступность и цѣнилась высоко всѣми простолюдинами-казаками. Мало того, она, въ родѣ легенды, ходила по окрестнымъ губерніямъ. Когда я еще не зналъ Михаила Григорьевича и производилъ въ 1865 и 1866 годахъ изысканія для желѣзныхъ дорогъ по Харьковской и Екатеринославской губерніямъ, я много разъ слышалъ, по крестьянскимъ хатамъ и хуторамъ, теплые разсказы объ атаманѣ Хомутовѣ. Впрочемъ, существуетъ одинъ эпизодъ, который долженъ храниться въ дѣлахъ, — это поголовное путешествіе рабочихъ съ Волго-Донской желѣзной дороги, находившихся въ Царицынѣ, Саратовской губерніи, въ Новочеркасскъ, за 450 верстъ къ атаману Хомутову, въ разсчетѣ прибѣгнуть къ его защитѣ отъ притѣснительныхъ дѣйствій подрядчика.

Несомнѣнно, что Михаилъ Григорьевичъ, при его умѣ, сознательно хотѣлъ отвѣчать типу атамана въ его историческомъ значеніи, но, не менѣе того, это являлось у него и безсознательно, вслѣдствіе подходящей къ тому его натуры. Даже съ внѣшней стороны это былъ типичный атаманъ казаковъ. Нельзя было не любоваться Михаиломъ Григорьевичемъ, когда онъ являлся въ кругъ, или когда онъ, напримѣръ, въ крещенскій морозъ, сопровождалъ, болѣе версты, крестный ходъ, съ обнаженной головой, покрытою густыми бѣлыми, какъ лунь, кудрями, и съ такими же въ кольцо завитыми длинными усами. Живописецъ, который пожелалъ бы изобразить типъ стараго казацкаго атамана древнихъ временъ, не нашелъ бы, кажется, ничего лучшаго, какъ нарисовать Михаила Григорьевича.

Безпримѣрная доступность, обаятельная простота въ обращеніи и рѣдкая сердечная мягкость—не исключали въ Михаилѣ Григорьевичѣ замѣчательной твердости воли и характера,—качествъ, столь драгоцѣнныхъ для начальника и администратора. Всѣ, и чиновный людъ, и народъ знали—чего можно достигнуть у Михаила Григорьевича и чего нельзя. Хитростнаго, обманчиваго и кляузнаго просителя онъ выслушивалъ такъ же, какъ и другихъ, но отпускалъ его съ тѣмъ же, съ чѣмъ тотъ приходилъ, добавивъ только иногда внушительное поученіе. Но человѣку, пришедшему изложить свое дѣло откровенно, по совѣсти, онъ всегда помогалъ. Никогда онъ не ограничивался однимъ платоническомъ соболѣзнованіемъ объ обстоятельствахъ такого просителя. Никогда не давалъ ему также такого отвѣта, что, «при всемъ его сочувствіи, онъ не можетъ ничего сдѣлать, по той причинѣ, что существуютъ извѣстные, установленные для дѣлъ порядки». Михаилъ Григорьевичъ не могъ мириться съ мыслію, что начальникъ края, убѣжденный въ правдѣ, могъ бы быть безсильнымъ поддержать эту правду. Да и народъ вообще, и весь русскій народъ, такого характера отношенія главнаго начальника къ дѣламъ не понимаетъ, и впредь,—чего, по истинѣ, дай Боже,—не пойметъ. У Михаила Григорьевича не было колебаній, такъ часто встрѣчающихся у начальствующихъ лицъ и администраторовъ, и такъ вредно отражающихся на всемъ.

Одаренный замѣчательно- здравымъ умомъ, освѣщаемымъ, въ добавокъ, искреннею сердечною теплотою, и прямымъ, практическимъ взглядомъ, Михаилъ Григорьевичъ не могъ, конечно, не выработать въ себѣ, къ извѣстнымъ годамъ, взглядовъ строго опредѣленныхъ, и, въ то же время, не могъ не пріобрѣсти способности быстраго пониманія людей.

Замѣчательная опредѣленность Хомутова въ его дѣйствіяхъ не вытекала, однако, вовсе изъ старческаго упрямства. Онъ былъ очень чутокъ ко всему истинно прогрессивному. Доказательствомъ тому служитъ то, что дѣйствительная цивилизація края началась съ его времени. Онъ былъ очень далекъ отъ тупаго консерватизма, quand même. Но онъ умѣлъ различать коренные элементы, не долженствующіе ни подъ какимъ видомъ подлежать измѣненію, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны измѣняться. Словомъ сказать, онъ умѣлъ различать корни дерева отъ его вѣтвей.

Нельзя не пожалѣть, что Хомутомъ покинулъ Донъ и умеръ преждевременно. Если на Дону, какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи, требовались различныя разумныя реформы, сообразныя съ духомъ времени, то никто не могъ бы, кажется, выполнить эту задачу лучше Михаила Григорьевича, вслѣдствіе его продолжительнаго пребыванія въ краѣ, знанія имъ нравственныхъ и экономическихъ условій его, знанія

тамошнихъ людей и пріобрѣтеннаго имъ громаднаго нравственнаго авторитета надъ ними.

Кромѣ поименованныхъ мною выше крупныхъ явленій дѣятельности Михаила Григорьевича, я, насколько мнѣ извѣстно, перечислю менѣе видныя заслуги его для края:

Учрежденіе капитала для бѣдныхъ, капитала церковнаго и капитала пожарнаго.

Увеличеніе вообще жалованья и уменьшеніе срока службы.

Устройство въ Новочеркасскѣ собора и церквей, Маріинскаго женскаго института, отдѣленія для восточныхъ языковъ, пріюта, женской школы, мостовой, которой прежде не существовало, спусковъ съ горы къ рѣкѣ, прекраснаго гостинаго двора, который гораздо красивѣе петербурскаго, монумента Платову, базарной площади, дома дворянскаго собранія съ клубомъ и театра. Заведена портретная галлерея государей и атамановъ, и устроенъ въ саду вокзалъ, для развитія общественной жизни, куда три раза въ недѣлю собиралось общество всѣхъ сословій, лишь бы были прилично одѣты и вели себя прилично. Тамъ танцовали на открытомъ воздухѣ, на устроенной для того платформѣ, среди зелени и освѣщенія разноцвѣтными фонарями. Эти, такъ именовавшіеся, пикники очень много способствовали сближенію общества и измѣненію обычаевъ. Еще во время моего пребыванія на Дону, въ нѣкоторыхъ домахъ женщины скрывались при моемъ тамъ появленіи.

Въ заключеніе я замѣчу, что изъ вѣка въ вѣкъ память о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ на Дону будутъ поддерживать Грушевскій антрацитъ, согрѣвающій и обогащающій Донской край, прекрасная здоровая вода, утоляющая жажду жителей г. Новочеркасска, тѣнь сада, спасающая ихъ отъ нестерпимаго зноя, Маріинскій женскій институтъ, желѣзная дорога, развитіе края и его образованіе, начавшееся, въ сущности, со времени Хомутова.

Есть, конечно, еще лучшіе памятники о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ—это памятники, сохраняющіеся въ сердцахъ многихъ отцовъ, матерей и дѣтей; памятники эти исчезнутъ со смертью тѣхъ, которые хранятъ ихъ до сихъ поръ.

Такимъ памятникамъ, какіе создалъ себѣ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, могли бы позавидовать многіе государственные люди, дѣйствовавшіе на болѣе широкомъ поприщѣ.

Въ заключеніе для характеристики Хомутова, я приведу здѣсь подлинныя письма его ко мнѣ, относящіяся къ тому времени, когда онъ ушелъ уже съ Дону и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а равно и нѣкоторыя выдержки изъ моихъ писемъ къ нему.

«Судьба людей неисповѣдима,—писалъ онъ мнѣ 6-сентября 1862 г.,—

и всякій изъ насъ покоряется волѣ Всевышняго; насъ судьба соединила, она же насъ и разлучила. Я въ такой борьбѣ чувствъ, благодарности и огорченія, что никакъ не могу придти въ себя. На Дону я такъ свыкся съ людьми, дѣлами и мѣстами и даже воздухомъ—и вдругъ одна высокая царская милость, за которую не нахожу словъ благодарности, прервала всю нить моей жизни, которую старался посвятить на счастье ввѣреннаго мнѣ края, при благополучномъ 23 лѣтнемъ управленіи и много имѣлъ сладкихъ и утѣшительныхъ минутъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ сближеніе съ вами, узнаніе вашей высокой души и вашей неутомимой дѣятельности по возложенной на васъ государственной обязанности.

«Не беру на себя васъ благодарить за все вами сдѣланное. Эта благодарность будетъ свыше; но считаю себя счастливымъ, что нашелъ въ васъ друга по душѣ, на котораго во всемъ и всегда могу положиться.

«Увѣренъ, что мое удаленіе нисколько не ослабитъ предпринятаго сооруженія, и весь вашъ трудъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

«Передайте мою искреннюю благодарность Крониду Александровичу, котораго высоко цѣню, также и Григорію Петровичу, который оказалъ такъ много услугъ; благодарю также вашихъ сотрудниковъ, усердныхъ Гана и Семичева. Горько мнѣ вамъ сказать п р о с т и. Увѣренъ, что еслибы мое прощаніе было со всѣми вами лично, то вызвало бы не одну слезу.

«Отъ полноты души желаю вамъ и вашему семейству всѣхъ благъ на свѣтѣ. Да благословитъ васъ Богъ, не забывайте меня—а вы у меня навсегда въ сердцѣ, которое тепло для васъ.

«Весь вашъ душою Мих. Хомутовъ.

«Presentez mes respects à Madame votre epouse».

Когда Хомутовъ былъ на Дону, то хотя между мной и имъ и были симпатіи, но внѣшнихъ проявленій ихъ не было, вслѣдствіе огромной разности лѣтъ и положеній.

Но, получивъ вышеозначенное письмо, переполненное сердечностью, любовью и благодарностью, я тотчасъ же отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ.

«Теперь, когда вы оставили насъ, я могу, не рискуя быть дурно понятымъ, высказать вамъ тѣ чувства, которыя накопились у меня въ душѣ, которыя просятся наружу, и которыя я долженъ и не могу удержать далѣе.

«Я полюбилъ васъ всею силою моей души, и не за расположеніе ваше ко мнѣ,—въ этомъ случаѣ, я бы не имѣлъ духу писать вамъ—я полюбилъ васъ и получилъ къ вамъ самое искреннее уваженіе и не за одинъ вашъ высокій умъ, и не за одно ваше неусыпное и постоянное содѣйствіе нашему общему дѣлу, желѣзной дорогѣ, но сильная любовь и глубокое уваженіе къ вамъ развились во мнѣ, главнымъ образомъ, за вашу широкую,

теплую, непобѣдимую любовь ко всякому ближнему, и въ особенности къ низшей братіи.

«Исчислять примѣры этой любви невозможно, этому исчисленію не было бы конца; любовь эта лилась изъ васъ ежедневно, ежеминутно, по поводу всякаго столкновенія съ людьми. Всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ былъ одинъ источникъ: любовь и любовь къ ближнему. Вы тщательно старались скрывать эту пружину, и вѣроятно потому, что знали, по опыту, что большинство людей не только не могутъ еще понять, что любовь къ ближнему можетъ быть исходнымъ пунктомъ всѣхъ дѣйствій, но что такая пружина кажется имъ даже часто смѣшною. Не разъ, конечно, вы терпѣли за эту любовь, не разъ подвергались за нее же осужденію и превратнымъ толкованіямъ, но вы остались тверды, вы не могли измѣнить себѣ—эта любовь была въ вашей натурѣ.

«Есть ли примѣръ, чтобы человѣкъ, занимающій подобное вамъ положеніе, и въ ваши годы, поставилъ себя въ такое доступное положеніе для всѣхъ безъ исключенія, въ какое вы поставили себя здѣсь. Есть ли въ цѣлой Донской землѣ одна человѣческая душа, которая усумнилась бы, хотя на минуту, что она не найдетъ доступа до васъ во всякое время. Каждый, и въ особенности бѣднякъ, зналъ, что онъ найдетъ въ васъ и защиту, и утѣшеніе, что его не только приметъ самъ атаманъ, во всякое время, но еще приметъ радушно, выслушаетъ терпѣливо, какъ бы ни была мелочна его просьба или нужда. Дѣти, и тѣ пользовались равнымъ со всѣми правомъ—лично передавать свое горе и свои нужды атаману.

«Но не одни непосредственно подчиненные вамъ казаки, а и всякій, разъ въ предѣлахъ Донской земли, сейчасъ уже узнавалъ, что атаманъ никого, и въ особенности рабочаго человѣка, въ обиду не даетъ, и что къ атаману двери всегда открыты. Это вѣдь не одни слова, а все это совершалось ежедневно передъ нашими глазами.

«Еще въ 1855 и 1856 году, когда я дѣлалъ изысканія для желѣзной дороги на Харьковъ, разъѣжая по губерніямъ Екатеринославской и Харьковской и ночуя по деревнямъ въ избахъ, я не разъ слышалъ разговоры, что Хомутовъ сущій отецъ для мужичковъ, что когда приходится бывать на Дону, то кто бы ни обидѣлъ—ступай прямо къ самому атаману.

«Объ этой доступности нельзя отзываться обыденнымъ образомъ; та мѣра доступности, которую вы осуществили на дѣлѣ, есть первѣйшая, главнѣйшая и единственная черта, могущая успокоивать совѣсть и которою должны бы отличаться всѣ люди, на чьей отвѣтственности лежитъ участь другихъ людей.

«Нравственное и матеріальное вліяніе вашей доступности имѣло громадное значеніе во всемъ краѣ. Не говорю уже о томъ, что она уничтожала даже возможность зарожденія чувства безутѣшности и отчаянія въ обиженномъ, и оставляла ему сладкія минуты успокоенія,

но эта доступность, естественнымъ образомъ, предотвращала милліоны могущихъ быть безъ него золъ. Встрѣчаются конечно изрѣдка люди, въ подобномъ вамъ положеніи, которые и желали бы быть доступными, но когда они столкнутся на практикѣ, лицомъ къ лицу, съ докучливыми просьбами, когда увидятъ, что на 100 просьбъ не наберешься и 10 справедливыхъ, тогда принципъ доступности начинаетъ имъ надоѣдать, доступность обращается уже частенько въ пустую декорацію, и въ сущности, смѣняется недоступностью; а вы въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, и до послѣдней минуты, съ поразительнымъ терпѣніемъ практиковали доступность существенную, безпримѣрную.

«Многіе ли могутъ утѣшать себя мыслью, что они исполнили такимъ чистымъ и блестящимъ образомъ свой священный долгъ начальника передъ совѣстью и людьми, какъ исполнили его вы? Вы осуществили на дѣлѣ то, что для другихъ кажется несбыточной утопіей.

«Не мнѣ исчислять тѣ результаты великихъ полезныхъ дѣяній и подготовленій, которыя видимы, осязаемы и которыя остаются живою памятью вашей искренней и неусыпной заботливости о краѣ; я хотѣлъ помянуть только тѣ дѣянія, которыя хотя и не осязаемы, но которыя приносятъ невидимо великое благо, и слѣды которыхъ остаются только въ душѣ.

«Вамъ предстоитъ теперь новое поприще. Конечно, вы не будете имѣть поля для непосредственнаго приложенія вашей любви къ ближнимъ, но за то вашъ мудрый совѣтъ, ваше практическое и близкое знаніе жизни народа и его нуждъ могутъ имѣть вліяніе несравненно обширнѣе, чѣмъ прежде. Вы отличались здѣсь тѣмъ, что всюду вносили миръ, удовлетворяя обиженнаго, не карая, но вразумляя виновнаго и пробуждая въ немъ совѣсть. Да поможетъ вамъ Богъ вносить въ вашихъ совѣтахъ то же примирительное, мудрое и истинно-христіанское начало, какое вы всюду вносили здѣсь: оно теперь болѣе нужно, нежели когда-нибудь. Да поможетъ вамъ также Богъ не быть вопіющимъ въ пустынѣ:—голосъ истины такъ силенъ, что камни растворяются въ воду, глупыхъ дѣлаетъ умными, жестокихъ—милосердными.

«Въ отношеніи себя, скажу вамъ одно, что мнѣ скучно безъ васъ. И скучно не мнѣ одному. Не услышатъ также болѣе наши рабочіе мужички вашего теплаго утѣшительнаго слова, какъ вы бывало обращались къ нимъ съ радушною рѣчью, обнаживъ вашу сѣдую голову. Какъ мнѣ бывало хотѣлось обнять, въ эту торжественную минуту, эту прекрасную голову и пролить на нее навертывающуюся слезу радости отъ того, что есть на свѣтѣ такіе люди, какъ вы.

«Я выразилъ вамъ чувства не отъ одного себя, но и отъ брата моего Кронида. Сослуживцы мои раздѣляютъ по убѣжденію одинъ со мною взглядъ. Сочту тоже своимъ долгомъ, чтобы всѣ тѣ люди, которые

будутъ знать меня, непремѣнно знали бы о Михаилѣ Григорьевичѣ и понимали бы его такъ, какъ понимаю его я.

«Позвольте мнѣ васъ обнять. На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Такъ какъ Хомутовъ очень интересовался ходомъ работъ на Грушевской дорогѣ, то я вскорѣ написалъ другое письмо, отъ 30-го сентября 1862 года:

«Вы не ошиблись, сказавши въ прошедшемъ вашемъ письмѣ, что вы нашли во мнѣ друга по душѣ. Это сущая истина. А много ли найдется на свѣтѣ стариковъ, которые бы могли побѣждать душу молодыхъ такъ, какъ побѣждали вы. Вѣрно и то, что личное прощаніе вызвало бы у всѣхъ насъ не одну самую искреннюю слезу.

«Что же касается дѣла устройства дороги, то я преслѣдую его по-прежнему, но долженъ сказать, что намъ было очень пріятно работать, видѣвши въ васъ человѣка, который судилъ не одни результаты, но который зналъ и понималъ весь предшествующій всякому результату трудъ, который зналъ, какъ достигаются результаты въ такой странѣ, какъ здѣсь—удаленной, лишенной всякихъ техническихъ и матеріальныхъ средствъ для работъ, не имѣющей предпріимчивыхъ, свѣдущихъ по подрядамъ и капитальныхъ людей. Рѣшенные вопросы и удачные соотвѣтствующіе обстоятельствамъ результаты кажутся всегда для большинства людей такими, что какъ будто и не должно было быть иначе; они не видятъ пути, которымъ надо было доходить до того или другаго результата, можетъ быть, и очень простаго, но только тогда, когда дѣло уже кончено. Вы же съ вашимъ практическимъ взглядомъ умѣли замѣчать трудности пути, и это насъ удовлетворяло. Конечно, не было бы и на сотую долю труда, какъ теперь, если бы строить дорогу не за 40.000, а за 80.000 съ версты. Но мы задали себѣ задачу построить дешево и такъ же хорошо, если еще не лучше, какъ другія дороги. Задача трудная, но, съ Божіею помощью, будемъ преслѣдовать ее... [1]).

«На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

На эти письма М. Г. Хомутовъ отвѣчалъ 22-го декабря 1862 г.:

«Всему вашему и братниному семейству, вамъ и всѣмъ вашимъ подчиненнымъ приношу мое душевное поздравленіе съ новымъ годомъ. О желаніяхъ не пишу; вы увѣрены, что они полны всего лучшаго для васъ, и да будетъ благословеніе Господне на всѣхъ вашихъ.

«Хотя я и далекъ отъ васъ, но все меня тянетъ къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ работамъ. У меня былъ Ортъ и меня обрадовалъ, что у васъ все идетъ успѣшно и хлопочете, чтобы дорогу протянуть до Каменской

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ въ письмѣ длинное изложеніе положенія работъ.

станицы; это дастъ большое значеніе дорогѣ и выручитъ проценты на капиталъ.

«По войску большія перемѣны, хоть онѣ до васъ не касаются; но все-таки интересно видѣть и слышать все происходящее. Дивны дѣла на семъ свѣтѣ: за перемѣною одного лица—все перемѣняется.

«Увѣдомьте меня, какъ вы полагаете, когда поспѣетъ ваша дорога.— Грустно мнѣ, что не придется по ней прокатиться.

«Вашъ братъ (братъ Ипполитъ) былъ у меня, и я былъ радъ съ нимъ познакомиться. У васъ теперь новый начальникъ Павелъ Петровичъ [1]). Онъ вашу часть подвинетъ и улучшитъ судоходство по Дону, и тогда уголь пойдетъ на Волгу.

«Легко можетъ быть, что зимой пріѣдете въ Питеръ, итакъ до свиданія. Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

Въ маѣ 1863 года я писалъ М. Г. Хомутову:

«Посылаю вамъ номеръ «Донскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатанъ приговоръ. Приговоръ этотъ посланъ атаманомъ въ Петербургъ, съ просьбою нарядить коммиссію. Отсылая приговоръ, атаманъ не спросилъ ни мнѣніе комитета, ни мое, и ни разу даже не говорилъ объ этомъ предметѣ ни со мною, ни съ комитетомъ. Между тѣмъ слыша, что составляется приговоръ, я предлагалъ раза три атаману проѣхаться со мною по работамъ; но онъ этого почему-то не хотѣлъ сдѣлать, а ѣздилъ одинъ или съ полицеймейстеромъ. Содержаніе приговора мы узнали только изъ газеты. Вы увидите, сколько въ немъ лжи и безсмысленности.

«Оборотная сторона медали, т. е. приговора—есть интрига противъ васъ, комитета и меня. Я смѣю надѣяться, что, по самому смыслу приговора, въ Петербургѣ поймутъ настоящее значеніе его, а если по множеству болѣе серьозныхъ занятій, чѣмъ новочеркасскія дрязги, и не вникнули бы въ него, то позволяю себѣ надѣяться, что, при случаѣ, вы поясните дѣло, кому найдете нужнымъ.

«Комитетъ нашъ полагаетъ, что ему надо отвѣчать публично, чтобы разъяснить дѣло (такъ какъ приговоръ напечатанъ), но главной причины всей неурядицы и того безобразія, которыя совершаются здѣсь, и результаты которыхъ будутъ, не сегодня, такъ завтра плачевны— этого, къ сожалѣнію, публично, разъяснить нельзя. Причина эта ограниченность, непониманіе дѣла.

«Обратите вниманіе на характеръ всего приговора. Тутъ высказывается та мысль: какъ-де смѣли расходовать капиталъ, не спросясь насъ. Вы угадываете—чья эта задняя мысль. Но ее раздѣляетъ и поддерживаетъ гласно атаманъ; и это мнѣніе до того сдѣлалось популярно,

---

[1]) Мельниковъ.

что, безпрерывно, простые казаки, встрѣчаясь съ нашими десятниками на работахъ,—упрекаютъ ихъ, что они изводятъ ихъ деньги и не пускаютъ ихъ ходить по работамъ; что теперь не то, что̀ прежде, и что они не дадутъ распоряжаться безъ нихъ. По этому поводу даже былъ скандалъ, который постарались замять. Вотъ какія понятія развиваются въ народѣ, и не сами собою, а текутъ свыше, конечно, не сознательно. Въ такой благоустроенной и свободной странѣ, какъ Англія, и тамъ сочли бы безумствомъ, что разъ утвержденный бюджетъ правительства кучка невѣждъ вздумала бы оспаривать, что оно, не спрося этой кучки, не смѣло расходовать суммы. Добро бы расходъ этотъ былъ на роскошь, а это на самое благое дѣло въ Россіи, на желѣзную дорогу.

«Теперь не имѣю времени писать болѣе; хотя многое бы надо было сообщить. О себѣ скажу, что я измученъ до крайности. Если бы передать всѣ шиканы, которые дѣлаются нашему дѣлу и отъ которыхъ,—что̀ всего важнѣе—нѣтъ защиты, то ужаснулись бы въ полномъ смыслѣ слова глупости и подлости, до которыхъ могутъ доходить люди, и такіе, для которыхъ это уже до крайности не прилично. Приговоръ—это быть можетъ одна сотая доля всѣхъ другихъ шиканъ.

«Я не хочу отклонять наряженія коммиссіи изъ Петербурга; но мнѣ казалось бы, что, прежде ея наряженія, слѣдовало бы запросить нашъ комитетъ, и если объясненіе его не найдутъ удовлетворительнымъ, тогда и нарядить коммиссію. Съ своей стороны, я радъ коммиссіи изъ Петербурга.

«Всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Хомутовъ отвѣчалъ изъ Москвы 29-го мая:

«Прочелъ статью, приговоръ черкасскихъ станицъ и знаю присланную просьбу въ Питеръ, на счетъ нашей желѣзной дороги. Удивляюсь, какъ могли такъ судить, какъ могли принимать такую просьбу, и какъ могли ее представить. Грустно слышать все, что у васъ происходитъ: смѣшеніе языковъ, что надѣлалъ одинъ ядовитый языкъ. Богъ ему судья, воображаю, какъ наша совмѣстная служба была пріятна, такъ она вамъ теперь грустна, но не принимайте всего лаю къ сердцу. Ваша репутація такъ высока, что не помрачится никакими статьями. Я видѣлъ брата, онъ мнѣ на словахъ передалъ всѣ черкасскіе возгласы противъ желѣзной дороги, и увѣренъ, что вы тоже публикуете въ защиту оной, объяснивъ слѣпцамъ весь ходъ дѣла, чисто и ясно, безъ всякихъ колкостей.

«Я слышалъ, что васъ просятъ на Волго-Донскую дорогу, и былъ бы очень радъ, если бы это совершилось. Во-первыхъ, для компаніи находка, во-вторыхъ, вы бы могли много способствовать нашей желѣзной дорогѣ. Какъ меня въ войскѣ ни частятъ, а все-таки его люблю и желаю всякаго добра.

«Вы и Кронидъ Александровичъ въ полномъ правѣ сѣтовать—это на мѣсто благодарности вамъ дѣлаютъ непріятности. Да, наконецъ, что же вашъ предсѣдатель, видѣлъ ли онъ все, говорилъ ли онъ съ вами, и какой его взглядъ. Еще повторяю, не принимайте къ сердцу всю болтовню и берегите свое здоровье, которое драгоцѣнно и для семейства и для отечества.

«Къ вамъ ѣдетъ Дельвигъ, который по своему хорошему взгляду всѣхъ успокоитъ.

«Напомните Софіи Михайловнѣ и передайте мой большой поклонъ всѣмъ вашимъ сотрудникамъ, которыхъ привыкъ уважать и которымъ отдадутъ еще справедливость. Человѣческою неблагодарностію не оскорбляйтесь, она грустна, но когда совѣсть чиста, она смѣшна; никто болѣе не испытываетъ ее, какъ я.

«Обнимаю васъ всѣхъ, мои добрые друзья, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

«Я въ Москвѣ проѣздомъ изъ имѣнія, сейчасъ ѣду въ Питеръ. Благодарю Бога, все покончилъ благополучно,—хотя много потерялъ, но счастливъ свободой милліоновъ народа».

Черезъ нѣсколько дней и именно 8-го іюня онъ писалъ мнѣ:

«Какъ мнѣ грустно васъ знать въ тревожномъ состояніи, могъ ли я ожидать, что въ замѣнъ благодарности вы подвергнетесь неудовольствіямъ. Гернгроссъ мнѣ доставилъ ваше письмо съ знаменитымъ приговоромъ. До полученія онаго, я вамъ писалъ изъ Москвы, и наши мысли совпали. Этотъ приговоръ и его гласность есть верхъ безобразія. Не понимаю, какъ (какъ говорятъ, что во главѣ стоитъ умный человѣкъ) могъ допустить такую несообразную нелѣпость. За то могу вамъ сказать, что въ Петербургѣ на все это дѣйствіе смотрятъ такъ, какъ вы, и я это вижу, и этотъ небывалый фактъ даже огорчилъ высшія лица, что̀, кажется, и дано почувствовать въ сильныхъ выраженіяхъ. Ваша и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ совѣсть такъ чиста, что можете быть покойны, хоть эта сущая справедливость, но понимаю, что безъ прискорбія мудрено объясниться. Я еще разъ вамъ повторю—берегите себя и помните, что вы нужны и семейству и государству. Что сдѣлалось съ Черкасскомъ не понимаю, какихъ-нибудь десять пустыхъ головъ, руководимыя однимъ потаеннымъ вліяніемъ, мутятъ все общество, и какъ не найдутся благоразумные люди (которые тамъ есть), которые бы не остановили такое фальшивое вредное направленіе. Несмотря на всю неблагодарность ко мнѣ, я все-таки люблю и люблю этотъ Донъ, и все ихъ дурное меня огорчаетъ до глубины сердца. Какъ я имъ желаю добра и счастья, и въ моихъ слабыхъ молитвахъ ихъ не забываю. Ради Бога, будьте покойны—это, понимаю, трудно при всемъ безобразіи. Я очень хорошо даю совѣты, а самъ часто принимаю съ прискорбіемъ всѣ

нелѣпости, распускаемыя на мой счетъ. Я ли не жертвовалъ всѣмъ для ихъ блага. Богъ имъ судія. Вотъ еще одна черная черта: два станичныхъ атамана запутались въ счетахъ и даютъ знать подъ сурдиною, что я у одного взялъ 20.000, у другаго значительную сумму. Что два негодяя распускаютъ такіе слухи въ оправданіе своего преступленія,— это понятно,—но что если люди, знающіе меня хорошо, вѣрятъ такимъ гадостямъ, это уже больно прискорбно, и объ этомъ пишу Павлу Христофоровичу (Граббе) и прошу дать формальный ходъ. Любопытно, какой будетъ отвѣтъ?

«И такъ судьбою назначено намъ двумъ нести напраслину. Какъ мы другъ друга знаемъ, утѣшимся тѣмъ, что это падаетъ (отложивъ скромность) на двухъ честныхъ людей.

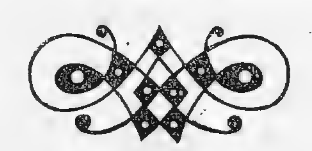
«Гернгроссъ передавалъ, какъ у васъ все идетъ хорошо. Судьба не допустила меня полюбоваться нашимъ дѣтищемъ,—придетъ время, и намъ отдадутъ справедливость, наша дорога будетъ образцовой для Россіи, по своей прочности и дешевизнѣ. Знаю, что вамъ мало времени, но не откажите мнѣ написать всѣ подробности вашихъ работъ, онѣ мнѣ близки къ сердцу. Воображаю, какъ мостъ Тузловскій хорошъ, вагоны тоже отличные.

«Прошу передать всѣмъ вашимъ добрымъ и усерднымъ товарищамъ мой дружескій поклонъ, я ихъ понимаю и цѣню.

«Напомните меня Софіи Михайловнѣ и попросите ее, чтобы она своего мужа журила за то, что онъ принимаетъ все къ сердцу.

«Обнимаю васъ всѣхъ, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Секретный приказъ князя П. И. Багратіона объ отступленіи отряда изъ Борисова.

25-го іюня 1812 года. № 387 на маршѣ въ Мирѣ.

Г. полковнику Грессеру. Узнавши, что непріятель долженъ находиться въ Минскѣ, предписываю вамъ какъ скоро онъ приблизится отъ Борисова въ 30-ти верстахъ, не ожидая другаго повелѣнія, заклепать всѣ пушки, бросить ихъ въ воду и самимъ со ввѣренною вамъ командою отступать въ Бобруйскъ, и находиться подъ командою генералъ-маіора Игнатьева.

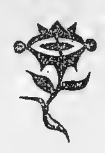
Высочайшее повелѣніе не именовать Севастополя Ахтіаромъ и Евпаторіи—Козловомъ.

Предложеніе министра юстиціи Сенату.

5-го февраля 1826 № 1947.

Г. начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: чтобы городъ Севастополь не именовать впредь Ахтіаромъ, а всегда Севастополемъ, такъ же городъ Евпаторію не именовать Козловомъ, но Евпаторіею.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ надлежащему исполненію.

Записка князя Николая Алексѣевича Орлова

объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ царствѣ Польскомъ [1]).

I.

Въ большей части европейскихъ государствъ тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены или употребляются — какъ рѣдкія исключенія. Напротивъ того, въ Россіи и Польшѣ, эти наказанія служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Въ Бозѣ почивающіе государи: Александръ и Николай Павловичи положили конецъ многимъ лютымъ истязаніямъ: рваніе ноздрей уничтожено, кнутъ — гнусный памятникъ татарскаго владычества—преданъ забвенію. Наконецъ, Уложеніемъ о наказаніяхъ значительно убавлено число даваемыхъ ударовъ. Всѣ эти мѣры смягчили, но не искоренили зла.

II.

Тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять

---

[1]) На запискѣ нѣтъ никакой даты, но содержаніе ея указываетъ, что она была написана въ 1861 году.

два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, а другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, и правосудіе Верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, т. е. равнымъ для всѣхъ.

III.

Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ, единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ. У насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить [1]). Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности. Отсюда, прежде всего, рождается скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, съ солдатомъ, и увидите—какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, безпокойно озирается, опасаясь побоевъ. Писатель, геніально постигшій духъ русскаго народа (Ив. Серг. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою, внезапно принимаетъ иной характеръ при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчаніе это не относится къ однимъ крѣпостнымъ. Это признакъ общій, выражающій— сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальныя.

IV.

Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе, болѣе чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества, и мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность.

Доселѣ у многихъ помѣщиковъ наказанія тѣлесныя вовсе не употреблялись. Теперь, по общему Положенію о крестьянахъ (ст. 25), постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію «по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей». Это постановленіе узаконяетъ произволъ земской полиціи. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ.

---

[1]) Извощики, ямщики и т. д. живое свидѣтельство нашихъ словъ.

V.

Если въ Россіи тѣлесное наказаніе должно признать зломъ, то что̀ же сказать о немъ въ царствѣ Польскомъ? Управляемая долгое время законами, вполнѣ сообразными требованіямъ человѣчества и юридической правды, Польша, мало-по-малу, подпала подъ дѣйствіе временныхъ административныхъ правилъ, въ коихъ тѣлесныя наказанія заняли довольно значительное мѣсто. Часто наказанія эти опредѣлялись вопреки всякихъ правилъ: ибо въ Польшѣ, по недостатку административнаго контроля, многое рѣшалось по произволу. Вкрались странные обычаи,—напримѣръ, въ смирительныхъ домахъ польскихъ приказано сѣчь по пятницамъ провинившихся въ теченіе недѣли. Вслѣдствіе того, окрестности исправительныхъ заведеній каждую пятницу оглашаются воплями наказываемыхъ. Это производитъ сильное и справедливое озлобленіе противъ властей, употребляющихъ подобные способы исправленія.

VI.

Защитники старой карательной системы говорятъ, что лучше подвергать преступника тѣлесному наказанію, нежели лишать его жизни. Они правы; но, кажется, въ Россіи можно обойтись и безъ плетей и безъ смертной казни. Уголовное наказаніе имѣетъ только двѣ цѣли:

1) Поставить преступника въ невозможность совершать новыя преступленія,—и

2) Страхомъ наказанія спасительно дѣйствовать на тѣхъ, которые были бы склонны къ совершенію преступленій [1]).

Ссылка на каторжную работу вполнѣ удовлетворяетъ обоимъ условіямъ. Преступникъ навсегда отлученъ отъ общества, и, конечно, Нерчинскіе рудники страшнѣе всякой гильотины. Между тѣмъ, преступникъ можетъ еще раскаяться и омыть свое преступленіе примѣрнымъ поведеніемъ. Ему не всё еще закрыто въ жизни. Тому же, кто высѣченъ плетьми и изуродованъ клеймами, не остается ничего болѣе въ семъ мірѣ. Онъ навсегда отверженецъ общества!

Вотъ почему я полагаю, что уничтоженіе плетей и наложенія клеймъ было бы мѣрою справедливою и полезною. Вспомнивъ, сколь сильно было противодѣйствіе уничтоженію кнута, можно, кажется, надѣяться,

---

[1]) Нѣкоторые полагаютъ, что уголовное наказаніе должно быть мщеніемъ общества за вредъ, наносимый членамъ его Подобной мысли нельзя допустить въ христіанскомъ государствѣ.

что человѣколюбивыя мысли возьмутъ верхъ надъ предразсудками, и скоро осуществится мысль императора Александра I объ уничтоженіи всѣхъ варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русское.

VII.

Уничтоженіе исправительныхъ наказаній розгами встрѣтитъ болѣе затрудненій, чѣмъ отмѣна плетей и наложенія клеймъ. Многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ розголюбамъ можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіею. Тамъ же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямаго вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьи, въ Сибири не было въ прежнія времена ни кнута, ни плетей, ни розогъ.

Конечно, трудно однимъ почеркомъ пера измѣнить всю исправительную систему. Мнѣ кажется, что можно бы замѣнить розги денежными пенями; но эта мысль требуетъ разработки и зрѣлаго обсужденія. Въ настоящее время стараются, изъ человѣколюбія, уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а попрежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейскурантъ проступковъ и преступленій, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу 3-хъ рублей столько-то ударовъ и т. д. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи.

VIII.

Прогнаніе преступника, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй, шпицрутенами, есть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами, постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ, идти по фронту, то его должно везти вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ. Было бы и человѣколюбивѣе и дѣльнѣе ссылать военныхъ преступниковъ на каторжную работу, чѣмъ подвергать ихъ прогнанію сквозь строй.

Въ прежнія времена въ рядахъ русской арміи служило много людей, сданныхъ въ рекруты за наказаніе. Тогда понятно было употребленіе розогъ, какъ исправительной мѣры. Нынѣ, когда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носитъ мундиръ не какъ наказаніе, а какъ честь,— можно бы отмѣнить всякія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія.

При измѣненіи системы наказаній въ войскахъ, слѣдовало бы имѣть въ виду, что арестъ, какъ онъ нынѣ употребляется, не удовлетворяетъ своему назначенію.

IX.

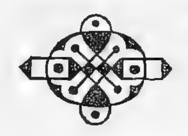
Изъ всего вышесказаннаго можно вывесть слѣдующія заключенія:

1) Тѣлесныя наказанія—суть зло.

2) Наказанія плетьми, шпицрутенами и наложеніе клеймъ могутъ быть тотчасъ отмѣнены.

3) Слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующія исправительныя тѣлесныя наказанія другими способами взысканія.

Приближается тысячелѣтіе Россіи. Крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразованіе совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ царствѣ Польскомъ.

Къ исторіи дуелей.

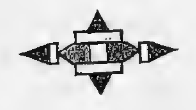
Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

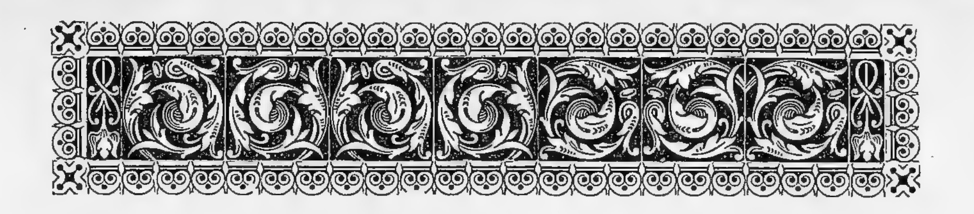
4-го марта 1827 г. № 1693.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій 1-ю арміею г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ, рапортомъ на высочайшее имя отъ 5-го минувшаго февраля, донесъ, что гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка поручикъ баронъ Энгельгардтъ по суду найденъ виновнымъ въ произведеніи съ ротмистромъ того полка Бенетомъ на пистолетахъ дуели, при которой сей послѣдній, бывъ тяжело раненъ въ правый високъ пулею, вскорѣ послѣ того умеръ; дуель же сія произошла съ поводу взысканія Бенетомъ съ него, Энгельгардта, по службѣ; и что онъ, г. главнокомандующій, конфирмовалъ его, Энгельгардта, какъ виновника въ дѣлѣ, разрушающемъ подчиненность и дисциплину, которая есть душа всякой службы, лиша всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣлить въ дальніе сибирскіе гарнизоны. Каковую конфирмацію благоугодно было государю императору утвердить во всей ея силѣ.

О таковой высочайше утвержденной конфирмаціи г. главнокомандующаго 1-ю арміею честь имѣю предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что объ оной, какъ увѣдомляетъ меня г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества, сообщено отъ него г. главнокомандующему 1-ю арміею.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

IV [1]).

Условія, обезпечивавшія успѣхъ исполненія всѣхъ мѣръ, проектированныхъ для царства Польскаго статсъ-секретаремъ Милютинымъ.—Одновременное обнародованіе и исполненіе Указа о закрытіи монастырей.—Засѣданіе 9-го ноября у намѣстника о монастырской реформѣ.—Назначеніе для сего коммиссій. — Привлеченіе въ коммиссію польскихъ чиновниковъ, занимавшихъ видное положеніе.—Подробности закрытія Варшавскаго бернардинскаго монастыря.—Ночной поѣздъ монаховъ.—Извѣстія объ удачномъ исполненіи монастырской реформы въ провинціи.—Закрытіе женскихъ монастырей.— Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей. — Закрытіе общины Феліціанокъ. — Впечатлѣніе, произведенное монастырской реформой на польское общество.

За воспослѣдованіемъ Высочайшаго указа 27-го октября (8-го ноября) 1864 г., монастырская реформа вступила въ окончательную фазу—исполнительную. Наступала минута, когда учрежденное въ царствѣ Польскомъ военно-полицейское управленіе должно было доказать свою способность къ точному, быстрому и умѣлому исполненію предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ для пересозданія общественнаго и административнаго устройства края.

Приступая къ описанію послѣдняго—исполнительнаго—періода монастырской реформы въ царствѣ Польскомъ, я считаю необходимымъ познакомить читателей съ тѣми административными пріемами, которые употреблялись Н. А. Милютинымъ и его ближайшими сотрудниками для

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1902 г.

обезпеченія проведенія въ практику и жизнь всѣхъ ихъ проектовъ и предположеній по царству Польскому.

Здѣсь по поводу собственно монастырской реформы, не мѣсто говорить о чарующей личности Н. А. Милютина и его достоинствахъ и значеніи какъ государственнаго человѣка; объ этомъ, если удастся, я скажу подробно при оцѣнкѣ всѣхъ вообще реформъ, произведенныхъ по его почину въ царствѣ Польскомъ; теперь же въ отношеніи его ограничусь лишь нѣсколькими словами.—Николай Алексѣевичъ никогда не скрывалъ своихъ мыслей и проектовъ отъ людей, съ которыми долженъ былъ работать; онъ ясно высказывалъ все, что думалъ о данномъ вопросѣ, обсуждалъ всѣ его подробности и настоятельно вызывалъ мнѣнія другихъ. Его упрекали въ томъ, что онъ любилъ составлять коммиссіи и совѣщанія по всевозможнымъ вопросамъ. Въ этомъ видѣли страсть къ бюрократизму, къ излишней канцелярщинѣ. На дѣлѣ было другое, и этими именно коммиссіями обезпечивалось точное выполненіе его намѣреній. Избравъ тѣхъ или другихъ людей для отвѣтственной работы, онъ сводилъ ихъ вмѣстѣ въ коммиссіи и по возможности самъ начиналъ работать съ ними, передавая имъ всѣ свои мысли, предположенія, сомнѣнія. Вопросъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, съ самою полною добросовѣстностью не только теоретически, но и практически. Никогда не задавались одною только мыслью провести ту или другую мѣру, желаемую въ данную минуту. Но останавливались только на томъ, можно ли по современнымъ обстоятельствамъ и условіямъ самаго дѣла постановить то-то и то-то, всегда задавали себѣ вопросъ, можно ли исполнить задуманное и къ какимъ оно поведетъ результатамъ. Такимъ образомъ всякое дѣло обсуждалось по существу въ связи съ современными обстоятельствами, съ оцѣнкою интересовъ государственныхъ и мѣстныхъ и непремѣнно совмѣстно съ условіями исполненія соображаемой мѣры съ уясненіемъ возможныхъ ея результатовъ. Къ обсужденію этихъ вопросовъ старались привлекать не только лицъ, знающихъ разбираемый вопросъ по существу, но и тѣхъ, которые, въ виду ихъ служебнаго положенія, являлись будущими исполнителями новаго закона и до изданія еще его могли указать на массу практическихъ условій, съ которыми придется считаться и которыя легко могли быть упущены изъ виду при соображеніяхъ чисто теоретическихъ. Въ случаяхъ болѣе важныхъ составлялись особыя переходныя правила отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, при чемъ подробно излагались всѣ распоряженія по введенію новаго закона. Но и этимъ не ограничивались. Издавъ законъ, всегда зорко слѣдили за порядкомъ его исполненія, знакомя всѣхъ исполнителей со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя гдѣ-либо возникали на мѣстахъ и требовали обсужденія. Для достиженія этого въ царствѣ Польскомъ при Н. А. Милютинѣ и князѣ Черкас-

скомъ были частые съѣзды губернаторовъ, а также предсѣдателей коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ; на этихъ съѣздахъ дѣло направлялось и укрѣплялось еще болѣе.

Понятно, что при такой разработкѣ новыхъ законовъ они выходили полными, цѣльными, какъ бы выкованными изъ металла. Издавая ихъ, не оставались неразъясненными, какъ для составителей, такъ и исполнителей, ни самая цѣль ихъ, ни средство и порядокъ примѣненія и исполненія. Такіе законы нельзя было положить подъ сукно; исполненіе по нимъ немыслимо было откладывать въ долгій ящикъ; искажать ихъ послѣдующими толкованіями было весьма затруднительно.

О времени утвержденія высочайшаго указа о монастыряхъ тогда же (27-го октября) сообщено было намѣстнику въ царствѣ съ поясненіемъ, что ему предоставляется означенный указъ съ дополнительными къ нему правилами обнародовать и привести въ исполненіе тѣмъ порядкомъ, который онъ предложилъ, т. е. одновременно съ повсемѣстнымъ и внезапнымъ упраздненіемъ монастырей.

По принятому правилу, порядокъ приведенія въ исполненіе монастырскаго указа былъ подробно изложенъ въ V главѣ дополнительныхъ къ указу правилъ.

Всѣ дѣйствія раздѣлялись на два рода: на распоряженія, касающіяся собственно упраздненія или закрытія монастырей и устройства монашествующихъ лицъ, распоряженія по пріему и сдачѣ въ назначенное управленіе монастырскихъ имуществъ и капиталовъ.

Первыя дѣйствія должны были быть исполнены немедленно и одновременно во всемъ царствѣ Польскомъ, а вторыя могли быть отложены до исполненія первыхъ. Собственно закрытіе и упраздненіе монастырей указомъ возлагалось на генералъ-полицеймейстера въ царствѣ Польскомъ черезъ подвѣдомственныя ему мѣстныя власти и другихъ по его избранію чиновниковъ, при содѣйствіи мѣстнаго гражданскаго начальства.

Генералъ-полицеймейстеръ генералъ-маіоръ Ѳ. Ѳ. Треповъ самымъ рѣшительнымъ образомъ желалъ, чтобы монастырская реформа прошла удачно, и весьма охотно первенствующую роль въ предварительныхъ распоряженіяхъ уступилъ князю Черкасскому, какъ вполнѣ ознакомленному съ дѣломъ. Вся письменная часть легла на меня, а распорядительная на полковника М. Н. Анненкова, при чемъ циркуляры и бумаги исходили отъ имени намѣстника по управленію генералъ-полицеймейстера.

По предоставленной ему власти, графъ Бергъ рѣшилъ обнародованіе указа 27-го октября 1864 г. и закрытіе и упраздненіе мужскихъ римско-католическихъ монастырей произвести въ ночь съ 15-го на 16-ое ноября ст. стиля одновременно и внезапно во всемъ Царствѣ. Въ

то же самое время, т. е. 16-го ноября, въ Варшавѣ и Петербургѣ рѣшено было опубликовать и самый указъ.

Здѣсь необходимо объяснить предпочтеніе, данное ночному исполненію. Кому извѣстны обычаи католическихъ странъ, тотъ знаетъ, что двери костеловъ и монастырей цѣлый день открыты. — Съ ранняго утра, едва начинаетъ разсвѣтать, богомольцы безпрерывно входятъ и выходятъ; передъ большими и малыми алтарями, одна за другою служатся обѣдни, и толпятся молящіеся, и это вплоть до сумерекъ, когда вслѣдъ за вечерней «Ave Maria» двери храмовъ запираются. Если взять въ соображеніе эти обстоятельства и съ другой стороны вспомнить, что закрытіе и упраздненіе монастырей требовало большихъ и копотливыхъ занятій въ теченіе по крайней мѣрѣ пяти, шести часовъ времени въ каждомъ монастырѣ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему именно для этихъ дѣйствій было выбрано время между верчернею, «Ave Maria» и первою утреннею обѣдней. Въ это время костелы не доступны для народа, а монахи всѣ въ сборѣ и совершенно свободны отъ исполненія общественныхъ религіозныхъ обязанностей. Прибытіе коммиссій въ монастыри для ихъ закрытія или упраздненія, именно въ это время не только не могло никому и ничему помѣшать, но и обезпечивало ненарушимость порядка богослуженія на слѣдующій день. Появленіе коммиссій днемъ вынудило бы преждевременное закрытіе церковныхъ дверей, очищеніе храмовъ отъ богомольцевъ и привлеченіе массы любопытныхъ и праздношатающихся, которые легко могли бы возбудить безпорядки и дать поводъ къ совершенно не желательнымъ манифестаціямъ. Ночное же закрытіе все это предупреждало и становилось извѣстнымъ публикѣ въ качествѣ уже совершившагося факта. Никто не хотѣлъ исполнить указъ тайно, какъ бы украдкою, и дневному его выполненію предпочли ночное, единственно изъ желанія никоимъ образомъ не нарушать общественное спокойствіе; не подавать ни малѣйшаго повода къ оскорбленію религіознаго чувства вѣрующихъ перерывомъ порядка богослуженія и обычныхъ молитвъ, отнявъ при этомъ всякую возможность у неспокойныхъ головъ произвести уличные безпорядки. Всѣ эти соображенія были вполнѣ цѣлесообразны и гуманны.

За избраніемъ времени обнародованія и исполненія указа, послѣдовало изготовленіе инструкціи для закрытія и упраздненія монастырей и особаго объяснительнаго циркуляра начальникамъ военныхъ отдѣловъ отъ 9-го ноября 1864 г. за № 58. Хотя въ дополнительныхъ правилахъ былъ подробно объясненъ порядокъ закрытія и упраздненія монастырей, но этимъ не сочли возможнымъ ограничиться. Къ дѣлу привлекалось 110 человѣкъ, которые должны были дѣйствовать совершенно одинаково и при томъ немедленно послѣ объявленія имъ распоряженія

о назначеніи ихъ для закрытія или упраздненія того или другаго монастыря. Знакомиться самому съ дѣломъ было очень трудно, сдѣлать ясные выводы изъ бѣглаго прочтенія указа и дополнительныхъ правилъ—еще труднѣе. Поэтому и составлена была особая инструкція, всего изъ 29 статей, въ которыхъ, лицомъ вполнѣ компетентнымъ, изложено было въ послѣдовательномъ порядкѣ все, что командируемый чиновникъ долженъ былъ сдѣлать отъ момента прибытія въ монастырь до окончательнаго его закрытія или упраздненія и отправленія по назначенію монашествующихъ лицъ. Къ инструкціи прилагалась печатная форма протокола о всѣхъ дѣйствіяхъ по закрытію или упраздненію монастырей. Такимъ образомъ получалась полная и несомнѣнная увѣренность, что указъ и дополнительныя къ нему правила вездѣ будутъ поняты и исполнены одинаково съ составленіемъ совершенно однообразныхъ протоколовъ. Проектъ инструкціи, циркуляра и формы протокола были всесторонне обсуждены подлежащими лицами и представлены на утвержденіе намѣстнику только тогда, когда всѣ убѣдились, что документы эти, при возможной ихъ краткости, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ все, на что должно быть обращено вниманіе исполнителей при введеніи монастырскаго указа.

Всѣмъ лицамъ, которыя привлекались къ этому важному дѣлу въ качествѣ ближайшихъ исполнителей, инструкція вмѣняла въ непремѣнную обязанность соблюденіе должнаго уваженія къ святынѣ и къ сану монашествующихъ съ указаніемъ, что требованія свои они обязаны предъявлять монахамъ съ полнѣйшею вѣжливостью. Начальникамъ военныхъ отдѣловъ предписывалось озаботиться снабженіемъ перевозимыхъ монаховъ теплою одеждою, чтобы не могло быть ни одного непріятнаго случая отъ послѣдствій суровости тогдашняго осенняго времени.

Ближайшее руководство дѣломъ закрытія монастырей въ провинціи возлагалось на помощниковъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ. Они должны были лично закрыть монастырь, находящійся въ томъ городѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ отдѣла; военно-уѣздные начальники сами закрывали наибольшій въ уѣздѣ монастырь; во всѣ остальные командировалась по два офицера — одинъ для закрытія, а другой для сопровожденія монаховъ къ мѣсту ихъ назначенія. Нѣкоторое отступленіе отъ указа допускалось въ томъ, что опись монастырскаго имущества, дабы не задержать отправленіе монаховъ, отлагалась до болѣе свободнаго времени; въ протоколѣ лишь помѣщалось о принятіи наличныхъ капиталовъ, документовъ и актовъ наиболѣе важныхъ.

Въ то время въ царствѣ Польскомъ было восемь отдѣловъ: Варшавскій (нынѣшняя губ. Варшавская и большая часть Петроковской), Калишскій, Плоцкій, Августовскій, Ломжинскій, Сѣдлецкій, Люблинскій и Радомскій (нынѣшнія губерніи Радомская и Кѣлецкая). Начальниками

округовъ состояли генералъ-лейтенанты: баронъ Корфъ, Бельгардъ 1-ый, Семека, Ганецкій, Манюкинъ (Ломжа и Сѣдлецъ), Хрущевъ и Бельгардъ 2-ой.

Всѣ эти лица были вызваны въ Варшаву по экстренному дѣлу съ предвареніемъ, что каждый изъ нихъ долженъ будетъ непремѣнно 9-го ноября въ ночь выѣхать обратно въ отдѣлъ, такъ что всѣ свои дѣла они должны были покончить утромъ 9-го ноября, а вечеромъ приглашались къ графу Бергу на совѣщаніе. Кромѣ начальниковъ военныхъ отдѣловъ на совѣщаніи этомъ присутствовали: князь Черкасскій, генералъ Треповъ и я. На меня возложено было прочтеніе указа, дополнительныхъ правилъ и распорядительныхъ бумагъ отъ имени намѣстника. Передъ чтеніемъ графъ Бергъ сдѣлалъ небольшое вступленіе, объяснивъ въ самыхъ краткихъ чертахъ необходимость и значеніе монастырской реформы.

Члены совѣщанія сидѣли за тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ обыкновенно происходили засѣданія учредительнаго комитета. Собраніе было весьма торжественное; слушатели самые внимательные. Принятіе правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ поднимало общій духъ; призваніе военныхъ властей къ самому дѣятельному участію въ такой серьезной формѣ многихъ вознаграждало за то непріятное положеніе, въ которое войска были поставлены въ Царствѣ въ печальное время 1861—1863 годовъ. При ихъ участіи разбиты и разсѣяны банды повстанцевъ, при содѣйствіи массы ихъ членовъ правительство приводило въ исполненіе свои реформы: военно-полицейскую, крестьянскую и монастырскую. Какъ извѣстно, между членами крестьянскихъ коммиссій было весьма много офицеровъ по большей части изъ войскъ, стоявшихъ въ Царствѣ и знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами.

Такъ какъ циркуляръ намѣстника и инструкція о закрытіи монастырей были составлены весьма обстоятельно и подробно, а слушатели были люди опытные, то засѣданіе 9-го ноября ограничилось преимущественно чтеніемъ документовъ. Неяснаго ничего не оказалось, и, послѣ заявленія о семъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, графъ Бергъ отпустилъ ихъ по своимъ отдѣламъ, гдѣ они должны были, въ свою очередь, созвать къ себѣ всѣхъ лицъ, которыя предназначались для исполненія монастырской реформы на мѣстахъ, объяснить ихъ обязанности и за тѣмъ, въ ночь съ 15-го на 16-е ноября, привести указъ въ исполненіе. Тутъ же, въ кабинетѣ намѣстника, каждый начальникъ отдѣла получилъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ всѣ документы, до монастырской реформы относившіеся. Утромъ 10-го ноября графу Бергу было доложено, что всѣ начальники отдѣловъ выѣхали изъ Варшавы. Прибывъ на мѣста, они телеграфировали объ этомъ намѣстнику.

Если и можно было опасаться какихъ-либо случайностей, то, разумѣется онѣ, всего скорѣе могли произойти въ Варшавѣ. Здѣсь приходи-

лось закрыть семь монастырей, по преимуществу многолюдныхъ и шедшихъ всегда во главѣ революціоннаго движенія римско-католическаго духовенства. Поэтому, оставляя генералу Корфу полную свободу по закрытію монастырей въ отдѣлѣ, собственно въ Варшавѣ дѣломъ этимъ распоряжался князь Черкасскій, но не иначе, какъ по совѣщанію съ барономъ Корфомъ, для чего всегда собирались у него на квартирѣ или даже у намѣстника.

Закрытіе монастырей было дѣломъ щекотливымъ. При малѣйшей оплошности могли гдѣ-нибудь ударить въ набатъ, обратить вниманіе населенія и раздуть дѣло подобно тому, какъ это сдѣлали въ 1861 году при очищеніи костеловъ войсками отъ массы собравшагося въ нихъ народа. Кромѣ того избранный способъ закрытія монастырей ночью требовалъ, чтобы заранѣе устранены были, по возможности, всѣ поводы къ выдумкамъ, которыя легко могли быть распускаемы недоброжелателями правительства. Могли, напримѣръ, говорить, что на монастыри было сдѣлано нападеніе; что монахи подвергались насилію, святыня оскорбленію и проч. Слѣдовало это предупредить и уничтожить всякую возможность распускать подобныя выдумки.

Все это достигалось вполнѣ назначеніемъ для закрытія монастырей въ Варшавѣ такихъ лицъ, которыя были извѣстны въ городѣ и обществѣ и имѣли безукоризненную репутацію, и въ приданіи имъ въ помощь видныхъ дѣятелей изъ польской администраціи. На этихъ собственно лицъ и должно было возложить прочтеніе монахамъ высочайшаго указа по-польски, объясненіе предоставленныхъ монашествующимъ правъ и вообще всего, что̀ вытекало изъ указа. Участіе этихъ лицъ въ самомъ фактѣ закрытія и упраздненія монастырей и участіе не пассивное, а напротивъ самое дѣятельное и рѣшительное, гарантировало намъ полное обузданіе вѣстовщиковъ. Налицо были такіе свидѣтели, которыхъ нельзя было оклеветать голословно и которые сами могли бы авторитетно опровергнуть всѣ нелѣпости. На этой мысли остановились весьма скоро и привели ее въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ.

Въ Варшавѣ слѣдовало закрыть шесть монастырей за участіе въ мятежѣ и упразднить одинъ по малому числу монаховъ (монастырь тринитаріевъ). Во всѣхъ этихъ монастыряхъ было 218 монаховъ. Изъ нихъ 48 человѣкъ оставались на мѣстахъ для продолженія обученія въ семинаріи (36 челов.) и богослуженія, а 170 человѣкъ назначались къ отправленію въ другіе провинціальные монастыри. Изъ этого послѣдняго числа 33 отправлялись въ м. Закрочимъ около Новогеоргіевска, а остальные 137 должны были слѣдовать по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ [1]).

[1]) Для закрытія этихъ монастырей назначены были слѣдующія лица:

Въ бернардинскій монастырь—я, съ директоромъ отдѣленія духовныхъ

Главнымъ распорядителемъ транспортировки монаховъ былъ назначенъ полковникъ Анненковъ, который и заботился о предоставленіи имъ всѣхъ необходимыхъ въ пути и на остановкахъ удобствъ.

Отправленіе изъ Варшавы лицъ, назначенныхъ для закрытія монастырей въ отдѣлѣ, внѣ Варшавы, было произведено утромъ 15-го или даже наканунѣ того, по распоряженію управленія отдѣла. Лица же, предназначенныя для этой дѣятельности въ самой Варшавѣ, получили приглашеніе явиться 15-го въ семь часовъ вечера на квартиру начальника варшавскаго военнаго отдѣла, жившаго въ зданіи бывшаго монетнаго двора на Бѣлянской улицѣ.

дѣлъ Крижановскимъ и чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-полицеймейстерѣ Кохановскимъ.

Въ миссіонерскій (Св. Креста на Новомъ-Свѣтѣ) флигель-адъютантъ полковникъ Анненковъ (членъ монастырской коммиссіи) совмѣстно съ директоромъ канцеляріи правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Леонтьевымъ и вице-директоромъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ Радошевскимъ.

Въ капуцинскій—генералъ-маіоръ графъ Оппερманъ (членъ монастырской коммиссіи) вмѣстѣ съ состоявшимъ при учредительномъ комитетѣ коллежскимъ совѣтникомъ Мироненко и шефомъ канцеляріи главнаго совѣта общественнаго призрѣнія—Флисомъ.

Въ августинскій—полковникъ генеральнаго штаба (членъ монастырской коммиссіи) баронъ Медемъ при участіи директора отдѣленія промышленности въ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Ненарокомова и дѣлопроизводителя отдѣленія духовныхъ дѣлъ той же коммиссіи Каменскаго.

Въ кармелитскій—полковникъ генеральнаго штаба князь Имеретинскій при участіи состоявщаго при учредительномъ комитетѣ статскаго совѣтника Драшусова и дѣлопроизводителя канцеляріи коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Жарновскаго.

Въ доминиканскій—генеральнаго штаба полковникъ Мирковичъ совмѣстно съ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ директорѣ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Андреевѣ и состоявшимъ при учредительномъ комитетѣ Каширинѣ (дѣлопроизводитель монастырской коммиссіи).

Въ тринитарскій—гвардіи полковникъ Журавлевъ съ участіемъ завѣдывавшаго уніатскими дѣлами въ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Сидорскаго и чиновника особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ царства Польскаго Людоговскаго.

Сверхъ того для закрытія бернардинскаго монастыря въ Черняковѣ (подъ самой Варшавой) назначенъ былъ членъ монастырской коммиссіи полковникъ Гацфельдъ, который долженъ былъ остаться въ Черняковѣ комендантомъ, такъ какъ это мѣсто было избрано сборнымъ пунктомъ для монаховъ, изъявившихъ желаніе отправиться за границу, и тѣхъ, которые въ составѣ партій, отправляясь изъ одного провинціальнаго монастыря въ другой, должны были проѣзжать черезъ Варшаву. Въ городъ ихъ не впускали, а оставляли въ Черняковѣ, гдѣ, случалось, находилось до сотни монаховъ одновременно и болѣе. Тамъ же устроенъ былъ и лазаретъ для заболѣвшихъ въ пути.

Баронъ П. И. Корфъ былъ особенно торжественъ въ этотъ день. Можетъ быть, мнѣ не удастся болѣе говорить о немъ, а сказать слѣдуетъ, и для сего я пользуюсь настоящимъ случаемъ. Павелъ Ивановичъ Корфъ, начальникъ 3-й гвар. дивизіи, былъ не изъ мудрыхъ, но за то важный. Высокій, сѣдой, гордо поднявъ голову, онъ величаво выступалъ медленными шагами, говорилъ мало, но торжественно и какъ-то снисходительно. Отличный фронтовикъ, онъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей той массы николаевскихъ генераловъ.

Будучи во все время мятежа 1863 — 1864 г. главнымъ военнымъ начальникомъ въ Варшавѣ, Павелъ Ивановичъ, боясь за спокойствіе и безопасность, держалъ въ ней массу войскъ, не выпуская ихъ изъ города. Отъ этого банды повстанцевъ лѣзли подъ самую Варшаву и бродили безнаказанно въ ея окрестностяхъ.

Когда указывали на это Павлу Ивановичу и требовали выслать отрядъ, онъ былъ не сговорчивъ и если соглашался, то назначалъ не болѣе роты.

— Хорошо,—говорилъ онъ,—я пошлю роту и при ней Цеймерна [1]).

Во фронтѣ П. И. командовалъ самъ, въ штабѣ и канцеляріяхъ подписывалъ то, что ему подавали, а дома состоялъ въ полномъ распоряженіи своей благовѣрной супруги; отсюда понятно, что баронъ П. И. Корфъ былъ очень доволенъ, что князь Черкасскій взялъ на себя всѣ распоряженія по монастырской реформѣ въ Варшавѣ, но въ то же время онъ сохранялъ внѣшній декорумъ и представлялъ изъ себя вершителя судебъ.

Вечеромъ, 15-го ноября 1864 г., встрѣчая у себя созванныхъ гостей, П. И. Корфъ имѣлъ особо торжественный и таинственный видъ. Молча здороваясь со всѣми, онъ подводилъ каждаго къ князю Черкасскому и сдавалъ ему на руки, представляя тѣхъ, которые не были извѣстны князю. Я пришелъ прежде другихъ, такъ какъ долженъ былъ заранѣе убѣдиться, доставлены ли П. И. Корфу всѣ необходимые документы. Баронъ долго разговаривалъ со мною и передалъ мнѣ, что имъ все сдѣлано, заготовлена масса извощичьихъ дрожекъ (колясокъ) и нѣсколько подводъ съ теплою одеждою и наряжены военныя команды. Все это по числу монастырей раздѣлено было на восемь отдѣленій и въ каждую минуту могло быть направлено куда прикажутъ. Само собою разумѣется, что никто не зналъ, для чего все это было собрано.

Созванныя лица, сойдясь у военнаго начальника отдѣла и видя совершенное разнообразіе своихъ профессій, недоумѣвали, для чего ихъ собрали, и перешептывались между собою, разбившись на двѣ кучки—военные были вмѣстѣ, статскіе держали себя отдѣльно. Кромѣ лицъ приглашенныхъ и фамиліи которыхъ были извѣстны стоявшимъ

[1]) Адъютанта графа Берга.

*

внизу швейцару и писарю, никого болѣе не приказано было впускать, а тѣхъ, которыя уже вошли—не дозволено было выпускать обратно, безъ особаго разрѣшенія и сопровожденія дежурнаго адъютанта.

Наконецъ, когда всѣ собрались, князь Черкасскій, присутствіе котораго особенно всѣхъ интриговало, ибо знали, что общаго въ дѣятельности его и барона Корфа было мало — объяснилъ, въ чемъ дѣло. Надобно было видѣть, какъ это объясненіе подѣйствовало на польскихъ чиновниковъ. Всѣ они были изъ числа наиболѣе интеллигентныхъ. Они, разумѣется, сразу поняли свою роль, и понятно, что̀ пришлось имъ перечувствовать.

Послѣ словесныхъ разъясненій князя Черкасскаго, всѣмъ розданы были экземпляры указа о монастыряхъ съ дополнительными правилами и всѣми приложеніями.

— Времени еще довольно господа,—говорилъ князь,—вы успѣете прочитать документы, если не всѣ, то главнѣйшіе, а тамъ попьемте чайку, дадимъ Варшавѣ успокоиться и примемся за дѣло.

Ознакомленіе началось. Для многихъ оно было очень горько и тѣмъ горше, что имъ самимъ предстояло читать указъ монахамъ и объяснять имъ существо дѣла. Положеніе ихъ было затруднительное, и весьма понятно, что у нѣкоторыхъ мелькнула въ головѣ мысль: не уйти ли? Задумано, сдѣлано.

— Мнѣ что-то нездоровится,—говоритъ К., схватывая себя за животъ.

— Что съ вами?—спрашиваютъ его обязательные хозяева.

— Нездоровится.

— Пожалуйте внизъ, тамъ есть докторъ и на всякій случай постель.

Развѣ при такихъ условіяхъ уйдешь? Всѣ, разумѣется, остались и знакомились съ дѣломъ. Работа была, видно, тяжелая, такъ какъ вогнала многихъ въ потъ. То направо, то налѣво, кто-нибудь вытиралъ платками вспотѣвшія лысины.

Въ 1864 г. движеніе по улицамъ Варшавы еще обязательно прекращалось въ извѣстное время, кажется, часовъ съ десяти. Городъ становился тогда пустыннымъ, и жители такъ привыкли рано кончать день, что послѣ прекращенія движенія скоро потухали въ домахъ огни, и все предавалось покою. Въ это время коммиссіи и отправились по монастырямъ.

Для ознакомленія съ тѣмъ, что произошло въ эту ночь въ монастыряхъ, я опишу порядокъ закрытія Бернардинскаго монастыря. Вездѣ, не только въ Варшавѣ, но и въ провинціи, повторились тѣ же сцены, а потому одного примѣра будетъ совершенно достаточно. На Бернардинскомъ монастырѣ я лично остановился потому, что онъ былъ самый ближайшій къ за̀мку, гдѣ я жилъ, и былъ уже мнѣ знакомъ подробно.

Знакомство это произошло вотъ почему. Въ концѣ 1864 года, когда, со вступленіемъ графа Берга въ должность намѣстника, приняты были серьезныя мѣры къ раскрытію революціонной организаціи въ краѣ,—сдѣлано было много очень важныхъ находокъ въ частныхъ домахъ, въ костелахъ и монастыряхъ. Такъ у бернардиновъ, въ саду нашли аммуницію, типографію и другія вещи. Подобныя открытія повели къ подробному осмотру монастырей и занятію ихъ войсками. Въ каждый монастырь, съ 9-го сентября 1863 года, водворена была небольшая команда съ унтеръ-офицеромъ, которая и жила тамъ, наблюдая за порядкомъ. Команды въ нѣсколькихъ сосѣднихъ между собою монастыряхъ подчинялись офицеру, осматривавшему ихъ и наблюдавшему за дисциплиной. Для большей охраны монастырей, съ улицы оставлялся только одинъ ходъ въ костелъ и одинъ же въ монастырь, всѣ остальные были заперты. Точно такъ же и внутри монастыря былъ оставленъ одинъ ходъ въ костелъ и одинъ на хоры, другіе были закрыты. Доступъ на колокольни также наблюдался особо. Впрочемъ, обыкновенно, въ католическихъ костелахъ звонятъ въ колокола черезъ особое приспособленіе прямо изъ костеловъ, не поднимаясь для этого на колокольню. Въ самомъ скоромъ времени наши солдатики подружились съ монахами и стали жить съ ними въ полномъ согласіи и большой фамильярности. Сами монахи были, въ сущности, довольны подобнымъ распоряженіемъ. Зная, что въ монастыряхъ стоятъ военныя команды, революціонеры перестали выбирать ихъ мѣстами своихъ складовъ. Когда производился осмотръ Бернардинскаго монастыря, я полюбопытствовалъ заглянуть въ огромные его подвальные этажи, входъ въ которые былъ изъ костела, чрезъ поднимающіяся плиты пола, въ которыя вдѣланы массивныя кольца. Эти подвалы были осмотрѣны въ 1831 году, когда надѣялись найти тамъ склады оружія. Оказалось, что послѣ 1831 года никто изъ монаховъ въ подземелье не входилъ, что и подтвердилось фактами. Когда половыя плиты были подняты, открылась каменная лѣстница, ведшая въ подземелье, полуосвѣщенное и крайне сухое. Изъ подземелья пахнулъ на насъ совершенно свѣжій воздухъ. Начали спускаться, взявъ съ собою фонари съ зажженными свѣчами. Уже черезъ нѣсколько ступеней движеніе впередъ сдѣлалось очень труднымъ—ноги проваливались въ какую-то разступавшуюся массу. Это было множество человѣческихъ череповъ и вообще костей, сваленныхъ въ полномъ безпорядкѣ. Монахи-проводники объяснили, что это—кости бывшаго около монастыря кладбища, очищеннаго отъ гробовъ вскорѣ послѣ французовъ. Кости изъ гробовъ и могилъ не убрали въ порядкѣ, не предали землѣ гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, а прямо свалили внизъ чрезъ поднятые люки. Кромѣ костей, подъ самымъ алтаремъ, въ переднемъ выступѣ костела къ рѣкѣ Вислѣ, оказалось нѣсколько гробовъ. Гробы

были раскрыты и даже нѣкоторые стояли поперекъ на другихъ. Намъ представилось крайне любопытное зрѣлище. Во всѣхъ пяти, шести гробахъ лежали вполнѣ сохранившіеся трупы. Первымъ былъ военный въ мундирѣ наполеоновскихъ гвардейцевъ, затѣмъ двое покойниковъ въ костюмахъ временъ Людовика XVI, въ бархатныхъ кафтанахъ, шелковыхъ камзолахъ съ кружевными жабо и въ огромныхъ парикахъ. Потомъ былъ еще женскій трупъ въ костюмѣ богатой дамы, быть можетъ, болѣе отдаленнаго времени. Шелковое тяжелое платье вполнѣ сохранилось; сохранились также кружева, но лицо дамы замѣтно расплылось, трудно было различить черты его. Между тѣмъ мужскія лица поражали своею сохранностью. Передъ нами лежали какъ бы заснувшіе люди, только слой пыли покрывалъ застывшія въ мертвенномъ покоѣ черты лица. Я никогда ничего подобнаго не видалъ, и воспоминаніе о видѣнныхъ мною трупахъ въ Бернардинскомъ монастырѣ сохраняется до сихъ поръ чрезвычайно живо. На гробахъ мы не нашли надписей, а у католиковъ обычай набивать на гробы снаружи, въ головахъ, металлическія бляхи съ надписью имени и фамиліи усопшаго. Впрочемъ, обыкновенно болѣе интересныя надписи отдираются отъ гробовъ и прибиваются къ стѣнамъ костела. Вѣроятно, такъ было и съ этими гробами [1]). Сохраненіе труповъ приписываютъ необыкновенно сухому воздуху подземелья.

Бернардинскій монастырь подлежалъ закрытію, такъ какъ онъ, между прочимъ, служилъ въ 1863 году арсеналомъ и рекрутскимъ депо для повстанцевъ. Въ саду этого монастыря найдены были: типографскій станокъ со шрифтомъ, много оружія, обмундированія и сотня отравленныхъ стрѣлокъ, надѣлавшихъ столько шуму въ Парижѣ и у насъ полемикой между газетой «Opinion national» и «Московскими Вѣдомостями». Тутъ же въ монастырѣ взяли пятерыхъ людей, совершенно снаряженныхъ для отправленія въ банды, и въ томъ числѣ бѣглаго варшавскаго полиціанта Мищука, потомъ разстрѣленнаго по приговору военнаго суда. Наконецъ, болѣе десяти ксендзовъ-бернардиновъ этого монастыря ушли въ банды.

Когда 15-го ноября 1863 года я съ Крижановскимъ подъѣзжалъ къ

---

[1]) Подобные хорошо сохранившіеся трупы находятся во многихъ мѣстахъ царства Польскаго, напр. въ г. Сандомірѣ и въ Студзяннѣ (надъ р. Пилицей въ Опоченскомъ уѣздѣ, Радомской губ.), гдѣ говорятъ—самъ я не былъ—лежитъ очень много монаховъ и свѣтскихъ людей въ прекрасно сохранившейся старо-польской одеждѣ. Въ Сандомірѣ, съ половины XVII столѣтія, лежитъ въ гробу трупъ молодой дѣвушки; на гробѣ есть и щитокъ съ надписью. Въ послѣднее время приставленный къ монастырю монахъ, желая отвадить любопытныхъ, залилъ ей лицо воскомъ. Одежда ея совершенно сохранилась; лицо (еще до воска) расплылось, и черты его были незамѣтны.

бернардинамъ, съ другой стороны показался Кохановскій, а сзади его подводы съ теплыми вещами и нѣсколько городскихъ омнибусовъ, назначенныхъ для перевозки монаховъ на станцію желѣзной дороги. У калитки монастыря мы остановились одновременно. На звонокъ въ колокольчикъ явился привратникъ изъ солдатиковъ. Его немедленно спросили, гдѣ входъ на колокольню, въ костелъ и на хоры, и тотчасъ же прежде всего обезпечили эти входы такъ, что никто черезъ нихъ не могъ уже попасть ни въ костелъ, ни на колокольню. Особенно желательно было предупредить входъ монаховъ въ костелъ; разъ попавъ туда, они могли запѣть молитвы, и удаленіе ихъ оттуда могло сдѣлаться очень затруднительнымъ и даже могло затянуться до утра, т. е. до поры появленія богомольцевъ къ ранней обѣднѣ.

Монаховъ разбудили и попросили собраться въ келью настоятеля весьма помѣстительную комнату [1]). Монахи вскорѣ явились и казались очень удивленными, увидя не только москалей, но и Крижановскаго, котораго, какъ начальника отдѣленія (департамента по нашему) духовныхъ дѣлъ, всѣ знали въ лицо.

Дрожащимъ отъ понятнаго волненія голосомъ Крижановскій объявилъ собравшимся монахамъ о предстоящемъ закрытіи монастыря, сказалъ, за что именно закрывается, и прочелъ какъ самый указъ, такъ и главнѣйшія статьи дополнительныхъ къ нему правилъ, объяснивъ имъ, что они кромѣ двухъ монаховъ, оставляемыхъ для отправленія богослуженія въ костелѣ, будутъ сегодня же по желѣзной дорогѣ отправлены въ Кутно и далѣе на почтовыхъ до Коло, гдѣ поступятъ въ Кольскій бернардинскій монастырь, остающійся штатнымъ.

Привыкшіе къ различнымъ обыскамъ и ревизіямъ, монахи собрались, не сознавая, что пробилъ послѣдній часъ ихъ монастыря. Изъ первыхъ словъ Крижановскаго они узнали правду во всемъ ея объемѣ. И что же? Я не замѣтилъ ни малѣйшаго сердечнаго потрясенія, на ихъ лицахъ не отразилось никакихъ нравственныхъ волненій. Или, быть можетъ, вѣсть эта поразила ихъ, какъ громомъ, и они оставались нѣмы подъ наплывомъ совершенно неожиданныхъ извѣстій? Или, можетъ быть, они такъ уже успѣли отречься отъ самихъ себя, отъ своихъ желаній, что безропотно готовились исполнить предъявленное имъ требованіе, которое всегда, отдѣльно, каждый изъ нихъ могъ получить и отъ своего духовнаго начальства, переводящаго монаховъ изъ одного монастыря въ другой по своему усмотрѣнію? Можетъ быть и такъ.

Крайне непріятно было видѣть, что въ толпѣ тридцати монаховъ,

---

[1]) Одного или двухъ монаховъ не было на лицо. За ними послали, и они вскорѣ вернулись навеселѣ. Это же было и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ Варшавы.

долженствовавшихъ черезъ нѣсколько часовъ покинуть мѣсто ихъ духовныхъ подвиговъ, ни на одномъ лицѣ не было видно религіозныхъ побужденій, но все за то говорило о сожалѣніи разстаться съ удобствами обезпеченной жизни въ нагрѣтомъ уголкѣ. Выслушавъ указъ и приговоръ о закрытіи монастыря, монахи начали безконечные разспросы о томъ, какъ ихъ повезутъ, не будетъ ли въ Коло тѣсно, есть ли печи тамъ, дадутъ ли средства на переѣздъ и проч. Никто не сдѣлалъ крестнаго знаменія, не прочелъ молитвы...

Я объясняю это явленіе привычкою римско-католическихъ монаховъ къ бродячей жизни, а главнымъ образомъ низкою степенью ихъ умственнаго развитія. Ничего не дѣлали здѣсь, ничего не будутъ дѣлать тамъ, не все ли равно? Подобное объясненіе мнѣ казалось вѣроятнымъ тогда, вѣроятнымъ кажется и теперь. Эта готовность повиноваться и исполнить, что отъ нихъ требуютъ, дѣйствительно бросилась въ глаза и, какъ я потомъ узналъ, проявилась во всѣхъ монастыряхъ безъ исключенія.

Только сзади меня раздавались тихія всхлипыванія. Я оглянулся. На скамьѣ у стѣны сидѣлъ глубокій старикъ монахъ, горько плакавшій, это былъ 80-ти-лѣтній старецъ, еще въ 1809 г., во время появленія французовъ въ Варшавѣ, бывшій уже монахомъ, а затѣмъ и пріоромъ этого самаго монастыря. Потомъ онъ былъ даже провинціаломъ, т. е. начальникомъ многихъ бернардинскихъ монастырей, и по старости много уже лѣтъ проживалъ здѣсь на полномъ покоѣ. Изъ всѣхъ монаховъ (ихъ было 31) онъ одинъ отвѣчалъ моимъ ожиданіямъ, и онъ одинъ привлекъ къ себѣ мое вниманіе. Я долженъ былъ оставить въ монастырѣ двухъ монаховъ для богослуженія и съ радостью назначилъ въ число ихъ этого почтеннаго старца. Сколько благодарностей съ его стороны! Какое счастье не быть потревоженнымъ на склонѣ жизни и имѣть возможность умереть тамъ, гдѣ прожилъ болѣе 60-ти лѣтъ! Съ большою радостью я успокоилъ старика, указалъ ему его будущаго помощника и уговорилъ идти отдохнуть, такъ какъ въ четыре часа утра ему предстояло уже служить обѣдню. Съ тысячью благословеній ушелъ онъ въ свою келью. Этотъ случай хотя сколько-нибудь отвѣчалъ моимъ чувствамъ и отвлекъ отъ созерцанія прочей братіи.

Такъ какъ монахамъ дозволялось взять съ собою не только всѣ принадлежавшія имъ лично вещи, но и необходимые для общей жизни предметы, принадлежавшіе всему братству, какъ-то: кухонную посуду, бѣлье и проч., то братіи было дано нѣкоторое время на собраніе всего этого.

Начались суетныя, мірскія заботы. Послышались голоса, оживленные разговоры двигавшейся по корридорамъ братіи. Но вотъ все замолкло—монахи разошлись по келіямъ. Сборы однако были не долги.

Скоро стали возвращаться монахи вновь, въ массою узелковъ и вещей и въ другомъ уже настроенiи. Почти у всѣхъ блестѣли глаза, и языкъ сталъ подвижнѣе. Оказалось, что братiя, на прощаньи, уничтожила тѣ запасы «венгжины» (венгерскаго), а можетъ быть и другихъ болѣе крѣпкихъ винъ, которыя очевидно находились у нихъ въ кельяхъ. Пока вещи монаховъ и хозяйственныя принадлежности сносили внизъ и укладывали на подводы, разговоры сдѣлались громче. Стали слышаться, подъ влiянiемъ винныхъ паровъ, неодобрительныя выраженiя. Многiе начали протестовать и заявлять о невозможности тронуться въ путь— нѣтъ у нихъ ни сапоговъ, ни теплой одежды. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и настоятель, кажется, болѣе другихъ приложившiйся къ венгжинѣ, хотя ему было на это менѣе времени потому, что онъ долженъ былъ давать нѣкоторыя объясненiя, сдать деньги (ничего въ наличности не оказалось) и подписать протоколъ.

По данному приказанiю внесены были новые высокiе сапоги и полушубки. Видятъ, что замерзнуть не дадутъ, успокоились, и скоро настоятель, мужчина огромнаго роста, явился въ очень хорошей теплой одеждѣ, которая, какъ видно, была у него въ кельѣ. Наступили окончательные сборы; попросили монаховъ спускаться къ выходу. Пошли тихо, но не прерывая своихъ мирныхъ разговоровъ. Настоятель, кажется, думалъ скрыться, его нашли гдѣ-то въ темномъ углу въ возбужденномъ отъ выпитаго вина состоянiи.

— Не пойду самъ,—говорилъ онъ,—дѣлайте, что хотите.

Въ концѣ концовъ онъ легъ на полъ. Пришлось приказать солдатамъ взять его на руки и отнести въ дилижансъ. Черезъ нѣсколько минутъ экипажи тронулись къ вокзалу Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, увозя 29 бернардиновъ, навсегда покидавшихъ свой монастырь.

Какъ и все? Да, все, рѣшительно все. Никто изъ всей братiи не выразилъ желанiя и просьбы проститься съ святыней, никто не предложилъ въ послѣднiй разъ совершить общую молитву... Для меня это было непонятно и страшно тяжело. Опустимъ на это завѣсу забвенiя.

Наши хлопоты по закрытiю монастыря нѣсколько затянулись, и бернардины прибыли на вокзалъ послѣдними. Ихъ ожидали уже съ поданнымъ поѣздомъ, въ вагонахъ котораго размѣщены были монахи прочихъ монастырей. Скоро и бернардины заняли свои мѣста; настоятеля снова пришлось нести на рукахъ и положить на полъ поперекъ вагона—онъ положительно не хотѣлъ садиться. Когда я вышелъ на галлерею вокзала къ поданному поѣзду, мнѣ представилась поразительная картина. У ярко освѣщенной платформы стоялъ поѣздъ изъ вагоновъ втораго класса, изъ оконъ которыхъ выглядывали исключительно только монашескiя фигуры. Всюду монахи и одни только монахи. Коричневыя, черныя и бѣлыя сутаны производили странное впечатлѣнiе. Всѣхъ мо-

наховъ въ поѣздѣ было 104 человѣка. Насъ, свидѣтелей отправленія необыкновеннаго поѣзда, было немного, всего нѣсколько человѣкъ. Когда монашескія вещи были уложены отдѣльными партіями по каждому монастырю, поѣздъ тронулся.

Было 5 час. 20 мин. утра 16-го ноября. Ничего подобнаго я въ жизни своей болѣе не видалъ, да едва-ли гдѣ-либо былъ когда-нибудь подобный исключительно монашескій поѣздъ, не говоря уже о томъ, что нигдѣ онъ не могъ повториться при тѣхъ же трагическихъ для отъѣзжавшихъ обстоятельствахъ.

Съ вокзала я прямо отправился въ замокъ. Графъ Бергъ лежалъ уже въ постели, но ожидалъ меня; баронъ Корфъ былъ у него. О подробностяхъ закрытія бернардинскаго монастыря графъ уже зналъ отъ адъютанта, котораго присылалъ ко мнѣ въ монастырь. Теперь я дополнилъ ему подробности, не скрывая моихъ личныхъ впечатлѣній. Его тоже поразило выказанное монахами безучастіе и холодность разставанія съ монастыремъ.

Раннія обѣдни въ Варшавѣ посѣщаются самою низшею крикливою публикой. Повара, кухарки, торговки состоятъ обыкновенно членами братства при костелахъ и, отправляясь на базаръ, всегда заходятъ «на набоженство». Эти лица зашли въ костелъ и утромъ 16-го ноября. Хотя служба въ костелахъ нигдѣ не прекратилась и обѣдни начались вездѣ въ установленное время, но вмѣсто толпы монаховъ служилъ одинъ. Истина была понята, и вслѣдъ затѣмъ раздались крики и плачъ женщинъ, но за то мужчины были вполнѣ хладнокровны и спокойны. Въ корреспонденціи моей по этому случаю, напечатанной въ «Голосѣ» (№ 326, 1864 г.), читаю, между прочимъ: «разсказываютъ, что около одного костела какой-то мужчина сталъ на колѣна и громко сказалъ: «Господи, пошли сто лѣтъ жизни тому человѣку, который выдумалъ увезти отсюда этихъ обжоръ!» Былъ ли я самъ очевидцемъ этого, или слышалъ отъ кого другаго, не помню, но могу удостовѣрить, что это не анекдотъ и не выдумка, а фактъ.

Я былъ у двухъ обѣденъ въ бернардинскомъ монастырѣ въ 7 и 11 час. утра 16-го ноября. Обѣ обѣдни прошли съ обычной церемоніей и въ порядкѣ, но съ нѣкоторымъ аккомпаниментомъ женскаго плача. То же было и во всѣхъ остальныхъ помонастырскихъ церквахъ.

Утромъ 16-го ноября я узналъ, что во всѣхъ монастыряхъ Варшавы повторились сцены, бывшія у бернардиновъ. Вполнѣ вторили имъ миссіонеры (ихъ было 68 человѣкъ, въ томъ числѣ 28 аллюмновъ или студентовъ), но они желали пробраться въ костелъ для протеста; доминиканы, кармелиты-босые и августины вели себя съ большимъ смиреніемъ и достоинствомъ. Капуцины, на Медовой улицѣ, тяжело разставались съ монастыремъ и старались выставить разные предлоги, чтобы

остаться въ немъ. Тринитаріевъ всего было два человѣка, одинъ остался для богослуженія, а другой пожелалъ выѣхать за границу.

Изъ губерній тоже, еще рано утромъ, получены были телеграммы о вполнѣ успѣшномъ закрытіи монастырей въ губернскихъ городахъ. Дѣло слѣдовало считать вполнѣ удавшимся, такъ какъ не могло быть болѣе сомнѣнія, что монастырская реформа не встрѣтила нигдѣ препятствій.

Когда 16-го ноября стали собираться утромъ къ намѣстнику различныя лица для доклада, явился, по обычаю, и П. И. Корфъ. Онъ былъ торжественно радостенъ.

— Ну что,—сказалъ онъ мнѣ,—видите, какъ мы, военные, справились съ дѣломъ. Намъ бы слѣдовало поручить и крестьянское дѣло; теперь бы мы его уже окончили, а ваши коммиссіи и коммисары все возятся съ нимъ.

Простодушный баронъ думалъ, что онъ пахалъ по преимуществу.

Едва только по окончаніи утренняго пріема у графа Берга вернулся я домой (жилъ я въ томъ же замкѣ этажемъ выше покоевъ, занимаемыхъ намѣстникомъ), ко мнѣ въ кабинетъ, совершенно неожиданно, пришелъ князь Черкасскій. Обыкновенно въ это время онъ былъ занятъ оффиціальными пріемами и докладами у себя, такъ что появленіе его не мало меня удивило.

— Что случилось?—спросилъ я.

— А то, что мы съ вами порядочно попались. Вообразите, утромъ сегодня докладываютъ мнѣ, что въ пріемной давно уже ожидаетъ суперъ-интендентъ реформатско-лютеранскаго исповѣданія и желаетъ меня видѣть. Я приказалъ просить его въ кабинетъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и нервно подалъ мнѣ печатный экземпляръ доклада монастырской коммиссіи и показалъ мнѣ на начало словъ озаглавленной: «демонстраціи, пѣніе гимновъ и проч.» (стр. 89). Я прочелъ слѣдующее: «первая значительная политическая демонстрація послѣдовала 11-го іюня 1860 г. по поводу похоронъ вдовы бывшаго генерала польскихъ войскъ Савинскаго, павшаго въ войнѣ 1831 г. Тутъ отличился своею необузданною проповѣдью ксендзъ Сплѣшинскій, монахъ реформатскаго ордена». Что же это значитъ и какое вамъ, пасторъ, дѣло до монаха?—«А то, ваше сіятельство, что никакого монаха Сплѣшинскаго нѣтъ и не было, а госпожу Савинскую, лютеранку, хоронилъ я, реформатскій пасторъ и никакихъ рѣчей, могу васъ увѣрить, не произносилъ!»

— Ну, если вы говорите правду и возмутительной рѣчи не произносили, то это ваше счастье, а иначе, не смотря на очевидную ошибку въ докладѣ, принявшемъ реформата-пастора за реформата-ксендза, вамъ было бы не особенно пріятно познакомить меня съ этой стороной вашей прошлой дѣятельности.

Ошибка была очевидна и безъ сомнѣнія произошла оттого, что выраженіе «реформатъ Сплѣшинскій» неправильно распространили въ выраженіе «монахъ реформатскаго ордена». Дѣлать было нечего; пришлось спуститься къ намѣстнику и доложить ему, въ чемъ дѣло. Графъ Бергъ посмѣялся надъ трансами суперинтендента, котораго зналъ за спокойнаго человѣка. Странно то, что докладъ неоднократно читался лицами, бывшими въ Варшавѣ во время манифестацій. Нѣкоторые изъ нихъ лично знали суперинтендента Сплѣшинскаго, но, разумѣется, существованіе его нисколько не исключало возможности существованія и монаха-реформата съ тою же фамиліей. Вскорѣ объ этой ошибкѣ появилась замѣтка въ силезской газетѣ. Замѣтку вездѣ перепечатали за границей, но другихъ ошибокъ не указывали,—доказательство, что ихъ и не было.

Всего въ ночь съ 15-го на 16-е ноября 1864 г., во всемъ царствѣ Польскомъ, согласно высочайшему указу 27-го октября (8-го ноября), закрыто и упразднено 109 римско-католическихъ монастырей [1]). Всѣхъ монаховъ въ нихъ было 1.631 человѣкъ.

Изъ этого числа:

а) остались въ упраздненныхъ и закрытыхъ монастыряхъ для совершенія богослуженія	179
б) осталось въ монастыряхъ, не подвергшихся непосредственно при исполненіи указа 27-го октября, измѣненію	269
в) перевезено въ другіе монастыри, какъ штатные, такъ и нештатные	1.140
г) изъявило желаніе отправиться за границу и туда отправлено	43 [2])
Итого	1.631 [3])

Монахи, пожелавшіе отправиться за границу, предварительно были сосредоточены въ зданіяхъ закрытаго бернардинскаго монастыря въ Черняковѣ (подъ самою Варшавою) и оттуда уже по снабженіи ихъ паспортами и денежнымъ пособіемъ направлялись за границу на казенный счетъ. Каждому такому монаху выдавалось по 143 рубля на руки. Это было единовременное пособіе на проѣздъ и пенсія по 1-е іюля

[1]) Лендскій капуцинскій монастырь около Конина, скрывавшій монаха-убійцу Макса Тарейву, закрытъ былъ ранѣе при конфирмаціи военно-суднаго дѣла о Тарейвѣ.

[2]) Въ томъ числѣ два монаха безъ пенсіи, но только съ единовременнымъ пособіемъ, потому что по своему молодому возрасту не подходили подъ условія, при которыхъ посвященіе ихъ въ монахи могло быть признано правильнымъ. Въ томъ же числѣ было три новиція, получившихъ только безплатный паспортъ на проѣздъ.

[3]) Закрытіе и упраздненіе монастырей сопровождалось и роспускомъ новиціевъ, не принявшихъ еще обѣтовъ и пожелавшихъ оставить монастырскую жизнь. Имъ выдавалось по 70 рублей каждому для покупки свѣтской одежды.

новаго стиля 1865 года. Паспорты монахамъ давались трехлѣтніе безъ права возвращенія по нимъ въ Имперію и прописывались въ Австрію, Пруссію, Германію, Францію и Италію. Монахи сперва вывозились по желѣзнымъ дорогамъ въ Австрію и Пруссію, но потомъ австрійцы перестали принимать монаховъ и всѣхъ остальныхъ отправили черезъ прусскую границу. По выѣздѣ монаховъ за границу, немедленно дѣлалось распоряженіе о невпускѣ ихъ въ предѣлы Имперіи и царство Польское. Особымъ циркуляромъ отъ 14-го декабря 1864 г. за № 236, министерство иностранныхъ дѣлъ дало нашимъ заграничнымъ миссіямъ наставленія о порядкѣ выдачи проживающимъ за границей монахамъ и монахинямъ пенсіи. Кромѣ того тѣмъ же миссіямъ высланы были самыя подробныя свѣдѣнія, объясняющія происхожденіе этихъ монаховъ, ихъ права на пенсію и другія данныя, могущія быть полезными для нашихъ посольствъ.

За упраздненіемъ и закрытіемъ въ Варшавѣ семи мужскихъ монастырей, въ ней оставались еще монастыри: піаровъ, кармелитовъ, францишкановъ, реформатовъ и камедуловъ. Хотя изъ этихъ монастырей только одинъ остался штатнымъ, а именно камедульскій, всѣ же остальные отнесены къ разряду не штатныхъ и подлежали постепенному съ уменьшеніемъ числа монаховъ упраздненію, но въ моментъ приведенія указа 27-го октября въ исполненіе, они ликовали, видя себя пощаженными и избѣжавшими бѣды. Чрезъ епархіальное начальство просили они позволенія представить намѣстнику своихъ депутатовъ для выраженія вѣрноподданническихъ своихъ чувствъ. Депутаціи эти были приняты 18-го ноября, въ половинѣ втораго по полудни, въ залахъ замка. Выслушавъ монаховъ, графъ Бергъ, въ короткихъ и энергичныхъ словахъ указалъ имъ на заботливость государя о всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и твердую рѣшимость карать всякое нарушеніе установленныхъ законовъ; совѣтовалъ имъ исполнять свой религіозный долгъ, воздерживаться отъ политики, поучать народъ религіи и помнить, что въ случаѣ нужды онъ, графъ Бергъ, съумѣетъ заставить ихъ повиноваться и возвратиться къ долгу. Послѣ того графъ сказалъ, что коммиссіи, придя въ монастыри, нашли, что нѣкоторые монахи не возвратились еще домой изъ города, хотя было уже болѣе десяти часовъ, и, замѣтивъ, что это крайне компрометтируетъ монаховъ, поручилъ настоятелямъ строго смотрѣть за выполненіемъ монастырскихъ уставовъ и руководить молодежью. Въ концѣ своего обращенія къ монахамъ графъ Бергъ сказалъ, что готовъ облегчить всѣ ихъ нужды, но проситъ обращаться непосредственно къ своему главному покровителю и ходатаю передъ нимъ князю Черкасскому. Это указаніе на тутъ же присутствовавшаго князя, кажется, не понравилось монахамъ, со стороны же графа Берга было очень ловкимъ маневромъ. И онъ дѣйствительно

никогда самъ не принималъ никакихъ просьбъ отъ монаховъ, а всегда направлялъ ихъ къ князю, не встрѣчавшему со стороны намѣстника ни малѣйшихъ препятствій къ дальнѣйшему точному примѣненію закона 27-го октября 1864 года.

Теперь необходимо въ нѣсколькихъ лишь строкахъ привести данныя о закрытіи римско-католическихъ женскихъ и мужскихъ греко-уніатскихъ монастырей, а также объ уничтоженіи общины фелиціанокъ.

О закрытіи четырехъ женскихъ монастырей послѣдовало повелѣніе намѣстника отъ 28-го ноября (10-го декабря) 1864 г. Самое закрытіе ихъ совершилось не ночью, а утромъ, такъ какъ послѣ закрытія мужскихъ монастырей никакихъ опасеній насчетъ нарушенія общественнаго спокойствія не возникало. Изъ этихъ монастырей одинъ маріавитокъ въ Ченстоховѣ закрытъ 2-го (14-го) декабря 1864 г., и монахини, числомъ 8—перевезены въ Петроковъ въ монастырь доминиканокъ; два бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ были уже закрыты въ 1818 г., а монахини бригитки, числомъ двѣ, жили въ зданіи прежняго своего монастыря, а двѣ же кармелитки проживали у сестеръ милосердія. Эти четыре монахини были оставлены на прежнихъ мѣстахъ. Что касается до монастыря норбертанокъ въ Пинчевѣ, то онъ былъ закрытъ еще въ апрѣлѣ 1864 г.; монахини переведены въ другой монастырь своего ордена, въ Имбрамовицахъ, а монастырскія зданія обращены въ казармы Волынскаго уланскаго полка.

Упраздненіе четырехъ греко-уніатскихъ монастырей, которые какъ по малому числу монашествующихъ въ нихъ лицъ, такъ и по внутреннему управленію не соотвѣтствуютъ нынѣ своему назначенію, послѣдовало по постановленію намѣстника отъ того же 28-го ноября (10-го декабря) 1864 г., при чемъ всѣ монахини были сосредоточены въ Варшавскомъ монастырѣ. Эти монастыри закрыты: въ Бѣлѣ съ 1-го на 2-е декабря, въ Холмѣ, Люблинѣ и Замостьѣ 5-го декабря 1864 г.

Наконецъ подобнымъ же постановленіемъ намѣстника отъ 4-го (16-го) декабря 1864 г. закрыто общество фелиціанокъ, которое никогда не было утверждено правительствомъ. Не представивъ къ назначенному сроку (3-го іюля 1859 г.) своего устава на утвержденіе и не указавъ источниковъ для обезпеченія своего существованія, оно однако «продолжало незаконное свое существованіе, къ сожалѣнію, не чуждое даже участія въ политическихъ проискахъ».

Община фелиціанокъ въ Варшавѣ закрыта полковникомъ М. Н. Анненковымъ, утромъ 5-го (17-го) декабря. Изъ состава этой общины 19 затворницъ переведены въ Ловичъ къ бернардинкамъ на дальнѣйшее жительство, а съ прочими сестрами, согласно инструкціи намѣст-

ника и по изъявленному ими самими желанію, было поступлено такъ: 83—какъ пожелавшія возвратиться къ свѣтской жизни, оставлены въ Варшавѣ при своихъ родныхъ; 15—отправлены за границу; 5—къ роднымъ въ Имперію и 46—получили паспорты для слѣдованія въ свои семейства въ губерніи царства Польскаго.

Изъ 36 сестеръ, находившихся въ провинціи при дѣтскихъ пріютахъ, 19 прибыли въ Варшаву къ своимъ роднымъ, а остальныя разъѣхались по другимъ мѣстамъ, возвратившись тоже къ родственникамъ. Всѣ вообще расходы по распредѣленію фелиціанокъ, согласно инструкціи графа Берга, обращены на учредителей общины фелиціанокъ, преимущественно же на то лицо, въ чьемъ домѣ, въ Варшавѣ, помѣщалось продолжавшее свое существованіе, безъ законнаго утвержденія правительства, общество фелиціанокъ [1]).

Фелиціанки, какъ особо занимавшіяся пропагандою между уніатскимъ населеніемъ, отданы были подъ строгое полицейское наблюденіе.

Впечатлѣніе, произведенное на публику закрытіемъ и упраздненіемъ 118 римско-католическихъ монастырей, было огромное, но замѣчательно, что собственно не участь монастырей и монаховъ обращала на себя вниманіе, а неожиданность реформы, энергичность ея исполненія и глубокая тайна, въ которой содержалось это дѣло. Тутъ только начали понимать, что правительство пойдетъ впередъ смѣло; рѣшительно, обдумывая заранѣе каждый свой шагъ, каждую свою мѣру и примѣняя ее, на практикѣ, во всемъ объемѣ безъ малѣйшихъ поблажекъ. Можно съ полною достовѣрностью заявить, что успѣхъ монастырской реформы въ сильной степени повліялъ на правильное теченіе крестьянскаго дѣла въ Привислинскомъ краѣ.

Послѣ монастырской реформы, я въ теченіе четырнадцати лѣтъ—(1865—1879) былъ губернаторомъ въ Радомѣ, при чемъ сходился со многими лицами изъ мѣстнаго общества и говорилъ съ ними весьма откровенно. Никогда и никто изъ нихъ не выражалъ мнѣ сожалѣній по поводу закрытія монастырей, напротивъ, всѣ, не смотря на различіе своихъ положеній и взглядовъ на дѣйствія правительства, вообще одобряли монастырскую реформу. Римско-католическіе монастыри давнымъ давно утратили свое значеніе въ краѣ, а монахи представлялись не болѣе, какъ паразитами и эксплоататорами женщинъ, не пользуясь у мужчинъ ни малѣйшими симпатіями. Скоро о нихъ совершенно забыли. Ихъ какъ бы не бывало. Слѣдуетъ замѣтить, что оставленные монастыри

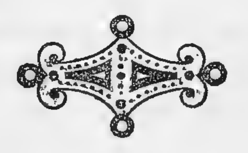
[1]) Община фелиціанокъ занимала домъ графа Пусловскаго на Даниловичевской улицѣ, примыкая задней стороной къ монастырю капуциновъ на Медовой улицѣ.

еще болѣе утратили свое значеніе и существуютъ только потому, что сдѣланы штатными и не вымеръ еще весь контингентъ монаховъ дореформеннаго времени. Насколько извѣстно, новиціатъ, кромѣ Ченстоховскаго монастыря паулиновъ, не возобновленъ ни при одномъ изъ монашескихъ орденовъ, и едва-ли въ будущемъ найдется достаточное число желающихъ поступить въ монахи. За все время съ 1864 г. былъ только одинъ примѣръ принятія новиція (послушника) въ паулинскій монастырь на Ясной горѣ въ Честоховѣ. Благодаря чудотворной иконѣ Богородицы, монастырь этотъ посѣщается огромнымъ числомъ богомольцевъ, и доходы его весьма велики, и, слѣдовательно, жизнь монаховъ въ матеріальномъ отношеніи обезпечена свыше мѣры. Понятно, что этотъ собственно монастырь всегда будетъ привлекать къ себѣ желающихъ поступить въ число его братіи, но съ другой стороны закрытіе именно этого монастыря будетъ особенно пріятно бѣлому духовенству, которое, въ такомъ случаѣ, совьетъ себѣ тамъ теплое гнѣздо. Впрочемъ, еще неизвѣстно, въ чьихъ рукахъ лучше видѣть Ясную гору—въ рукахъ монаховъ, или бѣлаго духовенства. Послѣднее, обладая большимъ сравнительно числомъ образованныхъ людей, посадило бы туда своихъ излюбленныхъ членовъ, испытанныхъ въ фанатизмѣ, тогда какъ монахи болѣе простодушны и фанатизмъ ихъ менѣе тонокъ и опасенъ.

Вообще если бы во время обсужденія монастырской реформы было извѣстно дѣйствительное настроеніе общественнаго мнѣнія насчетъ монастырей, то не слѣдовало бы останавливаться передъ совершеннымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ. Мѣра эта не встрѣтила бы серьезнаго протеста въ обществѣ. Н. А. Милютинъ послѣ реформы уже неоднократно выражалъ сожалѣніе, что мы не знали объ этомъ обстоятельствѣ, на которое можно было бы прочно опереться и проектировать общее уничтоженіе монастырей.

Д. Г. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву [1]).

13.

15-го декабря 1858 г., Вѣна.

Ваше сіятельство! Чиновникъ извѣстилъ васъ оффиціально о водвореніи его на мѣстѣ, на которое онъ призванъ своимъ августѣйшимъ повелителемъ и поспѣшилъ предложить вамъ, по этому поводу, свои услуги; какъ частный человѣкъ, онъ также чувствуетъ потребность сказать свое слово и скрѣпить своею подписью все сказанное должностнымъ лицомъ. Такимъ образомъ единомысліе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, да и могло ли быть иначе, и вы можете разсчитывать на почтительную и искреннюю преданность, какую они питаютъ къ вамъ, и на несомнѣнное ихъ желаніе быть во всѣхъ случаяхъ вамъ полезнымъ или пріятнымъ.

Когда я уѣзжалъ, Петербургъ былъ озабоченъ перемѣною министерства въ Берлинѣ, допуская въ извѣстной степени, но съ бо̀льшими ограниченіями, нежели Будбергъ, вѣроятныя послѣдствія этой перемѣны.

Относительно Франціи—самая твердая рѣшимость держаться во всѣхъ вопросахъ политики согласія и пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ закрѣпить, въ виду взаимныхъ выгодъ, узы, соединяющія обѣ имперіи.

Относительно Англіи—величайшее удивленіе, вызванное экцентрич-

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1902 г.

ностью Мальмсбюрри, и горячее одобреніе отвѣта, даннаго Брунновымъ. Не имѣя возможности улучшить наши отношенія, ибо у насъ нѣтъ почвы для соглашенія, мы не прочь быть съ нею въ хорошихъ, даже въ очень хорошихъ отношеніяхъ, если Альбіонъ этого пожелаетъ.

Относительно Австріи и Турціи—мы ожидаемъ фактовъ, которые придаютъ извѣстную цѣну словеснымъ увѣреніямъ, или тому, что на нашемъ иносказательномъ языкѣ называется добрыми обѣщаніями; мы ожидаемъ этихъ фактовъ съ тѣмъ терпѣніемъ, которое даетъ намъ убѣжденіе, что ихъ придется ждать долго. Старались также предугадать какія послѣдствія могутъ имѣть волненія, возникшія въ Италіи, что со временемъ было выяснено Moniteur'омъ.

Вообще въ Петербургѣ были настроены миролюбиво и болѣе всего озабочены внутренними дѣлами, которыя долго еще будутъ на первомъ планѣ.

Утомительный переѣздъ изъ Петербурга въ Вѣну совершился довольно быстро съ остановкою на 36 часовъ въ Варшавѣ.—Повидавшись тамъ кое съ кѣмъ, я убѣдился, что въ настроеніи общества произошла значительная перемѣна къ лучшему. Посѣщеніе императора оставило прекрасное впечатлѣніе такъ же точно, какъ и прогрессъ, коимъ отмѣчено мѣстное управленіе, а равно и лучшій подборъ лицъ, поставленныхъ во главѣ администраціи, чѣмъ обязаны князю Горчакову. Ему благодарны за его стараніе очистить Авгіевы конюшни, хотя при этомъ не вполнѣ раздѣляютъ его взгляды и убѣжденія.

Въ Вѣнѣ. Дворъ, кабинетъ и городъ оказали мнѣ самый лестный и радушный пріемъ. Начну съ кабинета и имъ же окончу свой отчетъ. Съ нами желаютъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ, и въ особенности, по моему мнѣнію, не желаютъ, чтобы эти отношенія казались дурными. Въ Константинополѣ между представителями державъ состоялось соглашеніе съ намѣреніемъ успокоить несговорчивыхъ каймакамовъ. Это служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ на этой почвѣ, до сихъ поръ раздираемой всякими раздорами. Вопросъ о Черногоріи наконецъ рѣшенъ, и остается желать, чтобы это рѣшеніе было окончательное.—Въ Сербіи, конечно, существуютъ безпокойные элементы, но они имѣли, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, скорѣе характеръ несогласій, нежели серьезныхъ смутъ. Слѣдовательно, во всей этой территоріи, которая насъ интересуетъ, обнаруживаются признаки весьма успокоительнаго свойства. Согласно ли со здравой политикой поселять раздоръ въ домѣ сосѣда? Россія пользуется на Востокѣ симпатіями, которыя она пріобрѣла по праву и которыя она желаетъ сохранить. Австрія со своей стороны можетъ преслѣдовать тамъ свои личныя цѣли, отъ которыхъ

ей было бы трудно отказаться; но это причина недостаточная, чтобы пожертвовать ради нея интересами первостепенной политической важности и консервативными интересами въ частности. Францiя точно такъ же имѣетъ, или по крайней мѣрѣ считаетъ, что у нея существуютъ интересы въ Италiи; и что же! вѣковая борьба въ этой странѣ между двумя державами за преобладанiе не погубила до сей поры ни Францiи, ни Австрiи. Наконецъ всѣ отдаютъ здѣсь полную справедливость благимъ намѣренiямъ императора Александра и слѣдятъ съ величайшимъ интересомъ за осуществленiемъ задуманныхъ имъ великихъ реформъ.

Таково вкратцѣ содержанiе разговора моего съ графомъ Буолемъ.

На первый взглядъ здѣсь не существуетъ серьезнаго повода къ тревогѣ. Не производится ни усиленнаго вооруженiя, ни призыва отпускныхъ, ни сколь-нибудь значительныхъ передвиженiй войскъ. Тѣмъ не менѣе тревога существуетъ, хотя она и ослабляется надеждами на Пруссiю и на нравственную поддержку Англiи, на которую здѣсь сильно разсчитываютъ. Но хотя всѣ находятся настороже и ко всему тревожно прислушиваются, однако опасность считается еще столь далекой, что пока не находятъ нужнымъ увеличивать составъ армiи, или измѣнять его преждевременно. Если свѣдѣнiя, полученныя мною, вѣрны, то въ настоящее время здѣсь могутъ выставить по первому требованiю до 300 тыс. человѣкъ, такъ какъ войско отлично вооружено и обмундировано. Слѣдовательно, никакая случайность, если она не потребуетъ болѣе значительныхъ кадровъ, не застигнетъ австрiйское правительство врасплохъ, а изворотливый генiй министра финансовъ, умѣющаго какъ нельзя лучше пользоваться всѣми средствами страны, съумѣетъ удовлетворить всѣ нужды на первое время.

Таково въ краткихъ словахъ положенiе дѣлъ, какъ я его понимаю: непостоянство, тревожное состоянiе въ политической атмосферѣ, заднiя мысли во всѣхъ дѣйствiяхъ кабинетовъ, сомнѣнiя и колебанiя повсюду, полное отсутствiе довѣрiя къ чему бы то ни было, а рѣшимости еще менѣе. Поэтому гораздо болѣе шансовъ, по моему мнѣнiю, въ пользу временнаго мира, нежели въ пользу сомнительной войны; но прочнаго, благодѣтельнаго мира нельзя ожидать точно такъ же, какъ и смертоубiйственной войны. Впрочемъ я не папа непогрѣшимый и гораздо болѣе разсчитываю на ваше снисхожденiе, нежели на безошибочность моихъ сужденiй.

Примите, графъ, увѣренiе въ моемъ искреннемъ почтенiи и таковой же преданности.

14.

9-го января 1859 г., Вѣна [1]).

Ваше сіятельство! Долгомъ считаю препроводить при семъ вашему сіятельству письмо, полученное мною отъ нашего генеральнаго консула въ Бухарестѣ, которое вы прочтете безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ, ибо оно служитъ доказательствомъ, что тамъ царствуетъ не одинъ только безпорядокъ и анархія, какъ иные желаютъ представить, и что труды конференціи далеко не лишены значенія. Тамошнія дѣла, точно такъ же, какъ и сербскія, пойдутъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будетъ вмѣшиваться въ нихъ Порта, чѣмъ меньше она будетъ проявлять свою верховную власть, тѣмъ дольше она сохранитъ ее, и, наконецъ, чѣмъ скорѣе она рѣшится признать совершившіеся факты, тѣмъ болѣе они послужатъ ей на пользу. Сербскій вопросъ, какъ я говорилъ съ самаго начала, можетъ быть шербетомъ или пороховой бочкой. Ежели Порта предпочитаетъ шербетъ, пусть она поторопится снять съ себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ.

Велико было здѣсь удивленіе, когда оффиціальная газета возвѣстила о посылкѣ подкрѣпленія итальянской арміи, которое, судя по слухамъ, доходитъ до 5 полковъ пѣхоты численностью въ 2.150 человѣкъ каждый (составъ мирнаго времени)—всего 11.550 человѣкъ, одного батальона егерей въ 800 человѣкъ, 2-хъ кавалерійскихъ полковъ въ 3.200 человѣкъ, 5 батарей пѣшей артиллеріи съ 40 орудіями.

Другіе говорятъ, будто послано 6 пѣхотныхъ полковъ и 6 батарей, и опредѣляютъ общую цифру въ 20 тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые полки, получивъ приказаніе выступить, ушли 24-го числа; они были двинуты съ такою быстротою и въ такомъ порядкѣ, которые свидѣтельствуютъ, что военное вѣдомство располагаетъ обширными средствами для мобилизаціи.

Во всемъ этомъ дѣлѣ я могъ только искренно пожалѣть о безтактномъ по меньшей мѣрѣ инцидентѣ съ знаменитой бригадой, предоставленной въ распоряженіе Бѣлградскаго паши. Независимо отъ вопроса о правѣ, которое мы оспариваемъ, я не вижу въ этомъ фактѣ гарантіи спокойствія, котораго никто не думалъ нарушать.

Примите, графъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

---

[1]) На поляхъ помѣта графа Киселева: „Это письмо писалось съ цѣлью быть прочитаннымъ мною графу Валевскому“.

15.

19-го (31-го) января 1859 г., Вѣна.

Ваше сіятельство! Положеніе здѣсь нисколько не измѣнилось, если не считать, что пока надежды на миръ преобладаютъ передъ ожиданіемъ войны. Судя по оффиціальнымъ сообщеніямъ, правительство получило успокоительныя извѣстія изъ Ломбардіи и радуется своей военной демонстраціи, которая во всѣхъ отношеніяхъ оправдала его ожиданія, внушивъ страхъ населенію Италіи. Ваше сіятельство найдете далѣе таблицу дислокаціи австрійскихъ силъ въ Италіи. Начинаютъ поговаривать о посылкѣ новаго подкрѣпленія въ 25 тысячъ человѣкъ, которое будетъ двинуто въ ту же сторону черезъ мѣсяцъ или два. Вотъ что говорятъ здѣсь по этому поводу: между Австріей и остальными державами существуетъ глубокое разногласіе, но въ Европѣ не существуетъ серьезныхъ причинъ къ войнѣ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что если не существуетъ причины, то поводъ къ войнѣ всегда можетъ быть найденъ. Этимъ поводомъ можетъ быть нечто иное, какъ возстаніе въ Ломбардіи. Слѣдовательно, если поводъ будетъ устраненъ, вѣтеръ тотчасъ подуетъ въ сторону мира. Возстаніе предупреждено посылкою войска; этимъ выиграно время, и теперь общественное мнѣніе и мнѣніе Германіи въ частности можетъ осмотрѣться, высказаться и въ случаѣ надобности даже протестовать, и гроза пройдетъ мимо, не разразившись надъ головою Австріи. Таковы надежды. Къ этому я прибавлю, что Австрія, сознавая причины своей слабости, которыя лежатъ въ ней самой, чувствуетъ необходимость сопротивляться до послѣдней возможности.

Большое государство, съ однороднымъ населеніемъ, можетъ уступить сегодня, если это ему выгодно, все то, что оно навѣрняка можетъ возвратить завтра. Австрія не можетъ сдѣлать этого безнаказанно, поэтому она скорѣе рискнетъ начать войну, чтобы заставить увѣровать въ ея силы, нежели обнаружитъ свою слабость, вступивъ на широкій путь уступокъ. Скажу болѣе, для нея опаснѣе всякаго сраженія быть вѣчно на чеку и въ той постоянной тревогѣ, которая стала теперь ея обычнымъ состояніемъ; для нея это положеніе безспорно самое тяжелое. Поэтому общее стѣсненіе и недовольство замѣтны повсюду, налоги достигаютъ страшныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ заемъ, который предполагали заключить для облегченія платежей казначейства, потерпѣлъ, какъ говорятъ, полнѣйшее фіаско на Лондонской биржѣ.

Я получилъ изъ Петербурга приказаніе заявить, что мы продол-

жаемъ настаивать на своемъ протестѣ по Бѣлградскому дѣлу, основываясь на доводахъ, изложенныхъ въ депешѣ графа Валевскаго къ Баневилю отъ 16-го января. Я сообщилъ объ этомъ графу Буолю. Онъ надѣется, что дѣло ограничится теоретическимъ несогласіемъ въ правовомъ вопросѣ и не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Я сдѣлалъ ему также сообщеніе по Дунайскому вопросу, которое было вызвано извѣстіемъ, полученнымъ имъ отъ Баневиля. Изъ его отвѣта слѣдуетъ, что онъ еще не можетъ сказать, къ чему приведутъ переговоры съ совладѣльцами береговъ, потому что эти переговоры еще не окончены. Онъ надѣется, что поправки, внесенныя въ актъ 7-го ноября, будутъ признаны удовлетворительными, тогда какъ, по моему мнѣнію, есть полное основаніе думать, что ихъ признаютъ недостаточными, и, наконецъ, что отвѣтъ австрійскаго правительства будетъ представленъ не на конференцію, но каждой державѣ въ отдѣльности. Однимъ словомъ, Австрія настаиваетъ на заявленіи, сдѣланномъ ея уполномоченнымъ на конференціи; разумѣется, она пойдетъ на нѣкоторыя уступки, которыя фактически уже осуществлены, напримѣръ, право каботажа въ той части Дуная, которая принадлежитъ Турціи, но я сомнѣваюсь, чтобы она допустила его на верховьяхъ Дуная, гдѣ она будетъ вѣроятно отстаивать права собственности прибрежныхъ жителей. Державы вольны, по словамъ Буоля, соединиться и воспользоваться этимъ, дѣйствуя сообща, или протестовать. Дѣло въ томъ, что послѣ возстанія въ Ломбардіи, здѣсь болѣе всего опасаются созыва конференціи, на которой такъ или иначе будетъ затронутъ вопросъ о дѣлахъ въ Италіи.

Раздраженіе противъ Франціи, которое здѣсь очень замѣтно въ нѣмецкой части мѣстнаго населенія, сообщилось Берлину и въ скоромъ времени охватитъ вѣроятно всю Германію. Всѣ настроены здѣсь не столько противъ Франціи, сколько противъ императорскаго режима. Конечно, все это признаки не особенно успокоительные для сохраненія мира, точно такъ же, какъ и для спокойствія Кавура, которому угрожаетъ, какъ говорятъ, неминуемое паденіе, если онъ не будетъ держать всѣхъ въ вѣчномъ ожиданіи войны.

Благодаря васъ, графъ, за письмо которое благодаря вашему любезному содѣйствію написалъ мнѣ Убри, пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности.

Прошу извинить меня, такъ какъ я не успѣю перечитать этого письма.

16.

4-го (16-го) марта 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Сегодня я могу сообщить вамъ весьма мало новаго, ибо свѣтъ истины исходитъ нынѣ изъ Парижа. Между прочимъ всѣ разъясненія, сдѣланныя вчера Moniteur'омъ, показались гр. Буолю весьма прозрачными.

— Насъ хотятъ локализировать, сказалъ онъ мнѣ сегодня утромъ, насъ хотятъ отдѣлить отъ Германіи и покончить съ Итальянскимъ вопросомъ прежде, чѣмъ приняться за Рейнскій,—которому также придетъ свой чередъ.

Не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ эта статья на нѣмецкія государства, однако не могу не пожалѣть о нѣкоторыхъ не совсѣмъ ловкихъ выраженіяхъ, которыя, пожалуй, ослабятъ прекрасное впечатлѣніе, какого ожидали отъ этой манифестаціи; называя воинственный энтузіазмъ нѣмцевъ дѣломъ не серьезнымъ, эта статья можетъ ихъ оскорбить.

По моему мнѣнію, Коулэй, съ самаго пріѣзда, взглянулъ на положеніе дѣлъ совершенно превратно. У него еще до пріѣзда сюда составился довольно странный взглядъ на цѣли и намѣренія Австріи. Онъ повѣрилъ въ возможность иниціативы съ ея стороны при нападеніи на Сардинію, полагалъ, что она приметъ вызывающій тонъ и готова высокомѣрно бросить вызовъ Европѣ. Ему обѣщали не нападать, увѣрили его въ миролюбіи; въ разговорѣ съ нимъ о частныхъ договорахъ стали на почву права, подписали дополнительный договоръ о Дунаѣ и т. п. Кажется, онъ принялъ все это если не за уступки, то за готовность придти къ соглашенію. Если это вѣрно, то онъ стрѣлялъ по воробьямъ изъ пушки. Дѣло въ томъ, что положеніе дѣлъ до и послѣ пріѣзда Коулэя нисколько не измѣнилось. По крайней мѣрѣ онъ имѣетъ, вѣроятно, данныя, чтобы начать серьезные переговоры, а это что-нибудь да значитъ. Гр. Буоль не касался еще въ разговорѣ со мною вопроса о конгрессѣ, слухи о которомъ начинаютъ уже проникать въ печать. Изъявитъ ли на него свое согласіе Австрія или нѣтъ, наилучшимъ разультатомъ конгресса было бы то, если бы ея положеніе стало еще болѣе изолированнымъ.

Пока здѣсь остаются такими, какъ были всегда — непреклонными по существу и по виду. Для вида это необходимо, чтобы доказать твердость Германіи, которая отреклась бы отъ Австріи при малѣйшемъ признакѣ слабости съ ея стороны; по существу австрійцы непреклонны потому, что они до сихъ поръ надѣются, что при пер-

вомъ пушечномъ выстрѣлѣ, а можетъ быть и раньше Пруссія и Германія будутъ вынуждены общественнымъ мнѣніемъ слить свои интересы съ интересами Австріи.

Ваше сіятельство найдете при семъ нѣкоторыя данныя касательно дислокаціи австрійскихъ войскъ и будете, вѣроятно, удивлены незначительнымъ количествомъ войска, оставленнымъ на сѣверѣ Имперіи; это доказываетъ, повидимому, что австрійское правительство, не смотря на всѣ тревожные симптомы, не признаетъ опасности.

Я начинаю серьезно побаиваться, что будущее лѣто будетъ еще менѣе благопріятно для вашего отдохновенія, нежели предшествовавшіе годы.

Позвольте мнѣ, графъ, выразить вамъ еще разъ пожеланія добраго здоровья; вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ почтеніи и таковой же преданности.

17.

2-го ноября 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Возвратясь въ Вѣну, я тотчасъ отправился къ гр. Рехбергу. Не входя въ подробности, онъ сообщилъ мнѣ, что надѣется вскорѣ сообщить кн. Горчакову добрыя вѣсти. Эти добрыя вѣсти должны были отправиться въ Петербургъ вчера съ австрійскимъ курьеромъ. Я не думаю, чтобы въ нихъ заключалось что-либо иное кромѣ согласія императора Франца-Іосифа на рѣшеніе, принятое въ Варшавѣ, такъ какъ Рехбергъ до сей поры только намекалъ Вертеру на предложенія, которыя онъ долженъ будетъ сдѣлать въ Берлинѣ. Министръ высказалъ также, что онъ нисколько не боится, чтобы Варшавскія свиданія могли вызвать тревогу во Франціи, такъ какъ сближеніе Россіи съ Австріей вполнѣ согласуется съ желаніями императора Наполеона. Эрцгерцогъ и бар. Вернеръ не нахвалятся пріемомъ, который имъ былъ оказанъ у насъ. Мои сотоварищи по дипломатическому корпусу такъ же, какъ и австрійская публика, чрезвычайно этому рады, хотя видятъ въ этомъ сближеніи только прекращеніе непріязненныхъ отношеній, а отнюдь не формальное соглашеніе или союзъ, въ который здѣсь никто не вѣритъ. Съ другой стороны, въ Венгріи и прочихъ мѣстностяхъ также искренно радуются и тому, что свиданіе императоровъ не состоялось, и этотъ фактъ истолковывается не во вредъ намъ. Вообще, насколько можетъ судить затворникъ (ибо я сижу безвыходно дома по причинѣ сильнаго насморка), общественное мнѣніе не ошибается въ оцѣнкѣ перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ

двухъ кабинетовъ, и придаетъ ему значеніе наиболѣе желательное для васъ и для меня—вашего ученика; оно видитъ въ немъ только удовлетворительный и умѣренный результатъ свиданія и ничего болѣе, хотя, кажется, подозрѣваетъ, что тутъ кроется что-то еще.

При иныхъ обстоятельствахъ, все это произвело бы гораздо бо̀льшее впечатлѣніе, но внутреннее состояніе императора таково, что оно поглощаетъ всеобщее вниманіе, отодвигая дѣла внѣшней политики на задній планъ. Венгрія вредитъ Ломбардіи, Кроація—Тосканѣ и т. д. Во время моего двухъ-недѣльнаго отсутствія событія шли по истинѣ съ поразительной быстротою. Уступка, которая была бы умѣстна двѣ недѣли тому назадъ, будетъ сегодня не кстати, и знаменитыя слова: «слишкомъ поздно» у всѣхъ на устахъ.

Ограничиваюсь сегодня этими немногими строками, въ намѣреніи при всякомъ удобномъ случаѣ сообщать вамъ все, что̀ можетъ васъ интересовать.

Поблагодаривъ васъ, графъ, за отпускъ, который вы были столь добры разрѣшить моему племяннику Репнину, коему я поручаю передать вамъ это письмо, прошу васъ принять увѣреніе въ неизмѣнномъ моемъ почтеніи и преданности.

18.

23-го ноября 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Не получивъ еще депешъ изъ Петербурга, я не знаю, въ какомъ положеніи находятся наши дѣла послѣ Варшавскаго свиданія. Подвинулись ли они сколько-нибудь съ тѣхъ поръ, сдѣлали ли мы какой-нибудь серьезный шагъ въ ту или другую сторону, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь; все это я узнаю вѣроятно съ ближайшей почтою.

Гр. Рехбергъ писалъ кн. Горчакову по поводу переговоровъ, начатыхъ въ Варшавѣ, и ожидаетъ отъ него отвѣта; я со своей стороны ожидаю какого-нибудь предлога, чтобы загорить съ нимъ объ этомъ. Между тѣмъ я узналъ секретнымъ путемъ, что Меттернихъ писалъ сюда, и что, заговоривъ съ Валевскимъ о предложеніяхъ, которыя онъ собирался ему сдѣлать, онъ убѣдился, что графу было извѣстно объ этомъ больше, нежели онъ ожидалъ, и это навело его на мысль, что вы упредили его, сообщивъ министру сущность дѣла, и желали этимъ показать, что мы не имѣемъ тайнъ отъ Франціи и дорожимъ болѣе всего нашими дружественными къ ней отношеніями. Что касается нашихъ отношеній къ Вѣнѣ, то они насколько возможно хороши; всѣ причины къ непріязни устранены, мы одушевлены взаимно чувствомъ доброже-

лательства, но для полнаго согласія у насъ нѣтъ почвы и недостаетъ общаго дѣла. Наша дружба чисто теоретическая; доказать ее на практикѣ до сихъ поръ не было случая. Если бы у насъ былъ общій врагъ, это облегчило бы дѣло, но гдѣ же его взять? Революція—твердятъ намъ постоянно, но это слово очень неопредѣленное и растяжимое, а когда приходится высказаться яснѣе, то всегда оказывается, что нашими руками хотятъ жаръ загребать. Но, восклицаютъ нѣмцы, ежели герцогъ Тосканскій будетъ побѣжденъ, то онъ увлечетъ въ своемъ паденіи и нашихъ принцевъ. Да что же это собственно за принцы? Надобно прибѣгнуть къ «Готскому Альманаху» и вооружиться лупою, чтобы розыскать ихъ. Не будемъ же ускорять ихъ паденія, но съ другой стороны не будемъ и заботиться о нихъ, въ особенности не будемъ добиваться чести быть подпорою обветшалаго зданія, которое готово рухнуть [1]). Я слышалъ изъ частнаго источника о томъ, что С. П. разсказываетъ по поводу нашего Варшавскаго свиданія. Онъ передаетъ, будто наши старые консерваторы, подстрекаемые Германіей, рѣшили нанести во время своего пребыванія тамъ рѣшительный ударъ нашему министру и его политикѣ и что ими съ успѣхомъ уже были пущены въ ходъ семейныя узы. Варшава разстроила этотъ планъ: единодушіе четырехъ представителей и главнымъ образомъ ваше veto сдвинули корабль съ мели, и онъ плыветъ благополучно, держась прежняго курса.

Тотъ фактъ, что его (министра) просили держаться прежней политики, считаютъ признаніемъ его дѣйствій правильными, и кн. Горчаковъ, которому хотѣли сломить шею, почерпнулъ въ этомъ новую силу.

Приглашенія на конгрессъ задержаны здѣсь вслѣдствіе того, что вопросъ о Сардинскомъ регентствѣ или, лучше сказать, о регентствѣ Бонкомпаньи [2]), еще не выясненъ окончательно. Напрасный трудъ, такъ какъ приглашенія все же придется разослать. Въ концѣ концовъ я все-таки не вижу во всемъ происходящемъ признаковъ искренняго сближенія между Австріей и Франціей [3]). Я на это не жалуюсь и покуда желаю одного: чтобы развѣялись тучи, которыя грозили одно время безъ всякой причины затмить нашу дружбу съ Франціей.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, графъ, подтвердить вамъ увѣреніе въ искренней моей преданности и таковомъ же почтеніи.

---

[1]) Помѣта на полѣ рукою гр. Киселева: „Вѣрно и прекрасно сказано".

[2]) Бонкомпаньи (Карло Buoncompagni) — итальянскій государственный дѣятель и журналистъ, род. 1804 г. † 1880 г. Въ 1857 г. былъ назначенъ посланникомъ во Флоренцію, а въ 1859 г. дѣйствовалъ тамъ въ качествѣ коммиссара Виктора-Эммануила при временномъ правительствѣ Тосканы.

[3]) Помѣта на поляхъ рукою гр. Киселева: «пока я того же мнѣнія».

19.

3-го (15-го) августа 1860 г. Вѣна [1]).

Давно, сіятельнѣйшій графъ, не имѣлъ чести вамъ писать. Одна особа, у которой другая спрашивала причину продолжительнаго молчанія,— отвѣчала: «Il y a des années où l'on se sent si paresseux». Но моя лѣнь была бы непростительна, если была бы просто лѣнь. Я писалъ съ особенной охотой въ то время, какъ въ политикѣ мы, такъ сказать, стали запрягать, и пересталъ съ той поры, какъ начали отпрягать. Надежда васъ снова увидѣть въ Варшавѣ и подчинить тамъ свои дѣйствія и мысли благосклонному вашему обсужденію и вниманію заставляетъ меня отложить подробности до того времени. Скажу только, что не безъ прискорбія вижу колебанія, недоумѣнія, требованія, по моему разумѣнію, неудовлетворимыя и, главное, стремленіе къ обветшалымъ началамъ несбыточнымъ и пагубнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вашъ отзывъ столь ясный, твердый и откровенный насчетъ обстановки начатаго нами восточнаго дѣла доказываетъ мнѣ, что я не одинъ остаюсь при своемъ воззрѣніи и что оно подтверждается почтеннымъ авторитетомъ вашей опытности и патріотической смѣтливости. Какъ писалъ и выражался я въ Варшавѣ въ прошломъ году, такъ и продолжалъ съ той поры и буду продолжать, не взирая на упорное молчаніе, коимъ отвѣчаютъ на мои замѣчанія. Допуская и съ нашей стороны нѣкоторые поводы къ неудовольствію на 4-хъ лѣтняго пріятеля, нахожу, однако, что этого недостаточно для измѣненія основанія и направленія, принятыхъ нами, очевидно, не произвольно, а истекающихъ прямымъ путемъ отъ нашихъ истинныхъ интересовъ и крайней необходимости въ содѣйствіи дѣйствительномъ и сильномъ. Когда лордъ Джонъ, негодуя на Францію за Савойское дѣло, угрожалъ ей въ парламентѣ пріискать для Англіи на Европейскомъ материкѣ новыхъ друзей, его голосъ исчезъ въ пространствѣ, какъ голосъ пророка въ пустынѣ. Новыхъ пріятелей и намъ пріискать не легко, если не довольствоваться словесными увѣреніями и желать пріятелей дѣйствительно полезныхъ. Итакъ повторяю, при всемъ томъ, что мы не достигаемъ по сіе время предположенныхъ нами цѣлей, я, съ своей стороны, все же напираю и буду напирать на продолженіе принятаго нами съ 1856 г. направленія, при искренномъ убѣжденіи, что всякое иное гибельно по послѣдствіямъ любезному нашему отечеству. Вотъ, графъ, въ краткихъ словахъ моя точка зрѣнія и общій тонъ моихъ

[1]) Письмо писано по-русски.

убѣжденій. Ваше сіятельство легко допустите, что не мало, мимо меня и через голову мою, употребляется усилій къ достиженію цѣлей діаметрально противныхъ этимъ убѣжденіямъ. Не полная благонадежность представившагося случая для отправленія настоящихъ строкъ вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ отечественному языку и довольствоваться намеками вмѣсто яснаго изложенія.

Желая вашему сіятельству отдохнуть въ Баденѣ отъ многихъ и премногихъ дрязгъ и суетъ и надѣясь имѣть счастіе вамъ скоро засвидѣтельствовать лично неизмѣнность своихъ чувствъ, прошу васъ принять изъявленія глубочайшаго моего почтенія и таковой же преданности,

20.

22-го декабря 1860 (10-го января 1861 г.) С.-Петербургъ.

Не хочу отпустить курьера, не воспользовавшись случаемъ написать вашему сіятельству нѣсколько строкъ. Начну съ пожеланія вамъ къ Новому году добраго здоровья и веселыхъ праздниковъ. Эти пожеланія исходятъ, графъ, отъ чистаго сердца, искренно вамъ преданнаго и признательнаго, которое никогда не забудетъ вашего милостиваго и благосклоннаго отношенія къ нему.

Дѣло о крестьянахъ переходитъ изъ Комитета въ Государственный Совѣтъ. Муравьевъ съ Долгорукимъ, Панинымъ и другими приготовили контръ-проекты. Полагаютъ, что большинство членовъ Совѣта выскажется противъ комитетскаго проекта, но мнѣ кажется, что онъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. На это разсчитываютъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ Милютинъ и его друзья, которые не падаютъ духомъ. Судя по тому, какъ были приняты императоромъ остальные проекты, можно думать, что его величество рѣшилъ отдать предпочтеніе проекту, выработанному въ Комитетѣ. Страна совершенно спокойна. Здѣсь ходятъ разные, по обыкновенію преувеличенные, слухи о враждебномъ настроеніи умовъ въ Польшѣ. По моему мнѣнію, мы должны будемъ въ скоромъ времени дать ей новую форму правленія, которая въ значительной степени удовлетворила бы желанія страны. Трудно будетъ поддерживать настоящій режимъ въ то время, какъ во всѣхъ окружающихъ странахъ будетъ автономный образъ правленія. Намъ слѣдовало подумать объ этомъ еще въ 1856 году.

Что касается меня лично, то я возвращусь въ Вѣну, такъ какъ императоръ отклонилъ высказанное Рехбергомъ желаніе, чтобы туда былъ назначенъ посланникъ. Такимъ образомъ, я являюсь въ Вѣну при довольно печальныхъ обстоятельствахъ, выразившихся, во-первыхъ, въ неудачномъ

Варшавскомъ свиданіи, и во-вторыхъ, въ отказѣ назначить посланника,— если считать этотъ отказъ окончательнымъ. Пуганая ворона и куста боится; я ужъ наученъ не разсчитывать болѣе на завтрашній день. Не говоря обо мнѣ, назначеніе посланника въ Вѣну было бы съ нашей стороны крупной ошибкой, какъ и всякій поступокъ, могущій служить намекомъ на сближеніе съ Австріей, ибо въ такомъ случаѣ всѣ народности тотчасъ отвернутся отъ насъ и станутъ смотрѣть въ глаза Франціи и тѣмъ еще болѣе увеличатъ ея обаяніе. Я вижу изъ вашей переписки съ княземъ, что мы придаемъ большое значеніе проискамъ польской партіи въ Парижѣ. Я считаю это преувеличеніемъ. Эти происки существовали всегда; при Луи-Филиппѣ въ Парижѣ постоянно засѣдало два комитета. Опасность, по моему мнѣнію, заключается не въ этомъ; она заключается въ той почвѣ, которую мы такъ дурно воздѣлали. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать цѣли политическія, мы прибѣгали къ полицейскимъ мѣрамъ, а когда полиція не сообразуется съ духомъ времени, то она приноситъ правительствамъ болѣе вреда, нежели пользы. Вообще, здѣсь во всемъ замѣтна тревога и безпокойство. Видя это, я задаю вопросъ: о какомъ же періодѣ нашей исторіи слѣдуетъ жалѣть, и такъ какъ никто не въ состояніи отвѣтить мнѣ на это, то я рѣшаю, что такъ какъ о прошломъ сожалѣть не приходится, то я не намѣренъ опасаться и за будущее.

Прошу васъ, графъ, по-прежнему вѣрить въ самыя искреннія мои пожеланія и принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и преданности.

21.

10-го августа 1861 г. Вѣна.

Позвольте мнѣ выразить вамъ живѣйшую благодарность за ваше любезное письмо отъ 17-го іюля и за посланіе, написанное вами наканунѣ собственноручно, которое поэтому для меня особенно драгоцѣнно.

Ваши просвѣщенные совѣты по вопросу о Княжествахъ не пропали даромъ, и я вижу изъ послѣдняго объясненія, представленнаго нами кабинетамъ, что мы настаиваемъ на законномъ содѣйствіи собраній для осуществленія предположеннаго измѣненія въ законѣ о выборахъ. Мы предлагаемъ также отложить вопросъ о созывѣ собраній, но не знаю, будетъ ли эта мысль одобрена прочими кабинетами; здѣсь же ее очень одобряютъ. Во всякомъ случаѣ пора ограничить фантазіи Кузы; судя по депешѣ Тувенеля къ Тиссо, за это взялась, кажется, Франція. Эта депеша доказываетъ, по моему мнѣнію, что тамъ держатся совершенно раціональной точки зрѣнія. Что касается Nord'а, то онъ безъ церемоніи вы-

кинулъ своихъ старыхъ друзей за бортъ и съ нахальствомъ, достойнымъ Times'а, поднялъ консервативный флагъ.

Вы уже знаете, конечно, что свиданіе между Омеромъ и кн. Черногорскимъ, которое было такъ тщательно подготовлено, не состоится; и въ этомъ случаѣ оправдалась извѣстная пословица, что у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глаза.

Изъ послѣднихъ донесеній нашихъ агентовъ по этому дѣлу я вывожу заключеніе съ одной стороны, что князя хотѣли заставить играть при этихъ обстоятельствахъ и при свиданіи съ турецкимъ генераломъ слишкомъ жалкую роль, а съ другой стороны—что и молодой князь лавировалъ, колеблясь между желаніемъ понравиться Европѣ и боязнью заслужить неодобреніе у себя дома. Я еще надѣюсь, что несостоявшееся свиданіе не послужитъ причиной или поводомъ къ кровавой развязкѣ, хотя Омеръ мастеръ на этотъ счетъ; но это показало бы, что тутъ дѣло было не безъ умысла и намъ пришлось бы быть свидѣтелями жалкой комедіи. Поэтому я нахожу, что слѣдовало бы возобновить прерванные переговоры и приступить вновь къ мирному рѣшенію вопроса о соглашеніи, начатому съ такимъ трудомъ.

Здѣсь дѣла стоятъ все на той же точкѣ. Въ скоромъ времени изъ Пешта, вѣроятно, будетъ полученъ уже, въ отвѣтъ на высочайшій рескриптъ, второй адресъ, который, настаивая на всѣхъ требованіяхъ, выраженныхъ въ первомъ адресѣ, отвѣтитъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе прислать депутатовъ въ рейхсратъ. Что сдѣлаетъ правительство? Если оно распуститъ сеймъ съ тѣмъ, чтобы прибѣгнуть къ непосредственнымъ выборамъ, то потерпитъ пораженіе; если оно рѣшитъ созвать новый сеймъ, будетъ ли оно имѣть какую-либо гарантію въ томъ, что этотъ сеймъ окажется сговорчивѣе? Положеніе крайне затруднительно: императорскіе патенты—выдумка чисто нѣмецкая; ея цѣль сохранить за этимъ элементомъ преобладающее значеніе. Что удивительнаго, если прочія національности, прежде чѣмъ засвидѣтельствовать свой австрійскій патріотизмъ, озабочены своими собственными національными интересами, ежели реальное предпочитается абстракціи, ежели венгерцы и славяне хотятъ прежде всего отвоевать себѣ автономію, особыя права и обезпечить себя противъ германизаціи, возбудившей столько ненависти и недовѣрія. Наиболѣе раціонально было бы измѣнить патенты, лишить конституцію стремленія къ централизаціи и ея исключительно нѣмецкаго характера, который дѣлаетъ ее ненавистной прочимъ національностямъ; предоставить болѣе широкое участіе національнымъ сеймамъ и созывать депутатовъ въ Вѣну единственно для обсужденія вопросовъ финансовыхъ и военныхъ. Вмѣсто того, чтобы приберечь возможность дѣйствовать отъ имени королевской власти въ болѣе важныхъ случаяхъ, патенты были торжественно утверждены самимъ королемъ.

Такимъ образомъ измѣнить ихъ въ настоящее время значило бы поставить императора въ явное противорѣчіе съ самимъ собою и тѣмъ нанести сильный ущербъ авторитету его власти; поэтому надобно полагать, что патенты будутъ сохранены, но за то борьба не прекратится; тайная или явная, она будетъ продолжаться такъ же упорно, какъ въ настоящее время. Впрочемъ, правительство, вѣроятно, уже приняло какое-нибудь рѣшеніе: оно не назначило бы на августъ созывъ въ Вѣну венгерскихъ депутатовъ, ежели бы заранѣе не было рѣшено, какъ поступить въ случаѣ отказа.

Не стану долѣе тревожить откликами нашей борьбы тѣ рѣдкія минуты отдохновенія, которыя вы себѣ разрѣшаете, ибо я полагаю, что вы еще пользуетесь отпускомъ, стараясь отыскать основную ноту гаммы, которую, по вашимъ словамъ, вы утратили подобно примадоннѣ. Скажу откровенно, это меня не особенно огорчаетъ; что-то въ этомъ родѣ случилось съ Паета и Гризи, однако, это ничуть не помѣшало имъ очаровывать Европу и увлекать своихъ слушателей. Вы выжидаете, по вашимъ словамъ, удобнаго момента, чтобы высказаться окончательно, и говорите, что это выводитъ изъ себя тѣхъ, кто ждетъ не дождется вашей отставки. Имя имъ легіонъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, но замѣтьте, что общественное мнѣніе у насъ умалчиваетъ о нихъ и до сихъ поръ не рѣшается назвать вамъ преемника. Вы приглашаете меня хоть на нѣсколько дней въ Парижъ, суля мнѣ благосклонный и дружественный пріемъ. Очень благодаренъ вамъ за приглашеніе; къ сожалѣнію, мое продолжительное, хотя и невольное, пребываніе зимою въ Петербургѣ лишаетъ меня возможности взять вторично отпускъ, что мнѣ волей неволей придется отложить до будущаго лѣта.

Пользуюсь отъѣздомъ въ Парижъ моего повара, который болѣетъ тоскою по родинѣ и семьѣ, и посылаю съ нимъ настоящее письмо. Я не отказывалъ ему, напротивъ, онъ самъ покидаетъ меня къ моему величайшему сожалѣнію, такъ какъ благодаря его выдающемуся таланту мой столъ считался первымъ въ Вѣнѣ, при томъ это человѣкъ честный. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы не отказали рекомендовать этого артиста въ своемъ родѣ.

Желаю вамъ, графъ, добраго здоровья и бодрости духа; вмѣстѣ съ симъ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ почтеніи и преданности.

22.

3-го мая 1862 г. Вѣна.

Спѣшу воспользоваться надежной оказіей, которую представляетъ мнѣ князь Бранкорано, чтобы выразить вамъ живѣйшую благодарность

за добрую память и за письмо, привезенное мнѣ отъ васъ княземъ Ипсиланти.

Я былъ несказанно радъ вновь увидѣть знакомый почеркъ, который не подвергся ни малѣйшему измѣненію и какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ полнѣйшей ясностью извѣстій, получаемыхъ мною изъ Парижа подъ видомъ телеграфной корреспонденціи, имѣющей для меня такое же значеніе, какъ компасъ для моряка. Дай Богъ, чтобы вы надолго сохранили замѣчательныя способности, дающія вамъ возможность продолжать многолѣтнюю, блестящую и полезную дѣятельность на пользу нашей родины, и сохранили бы также ясность духа и тотъ запасъ всепрощающей философіи, которые помогаютъ вамъ мириться съ жизнью.

Я не могу сообщить вамъ никакихъ животрепещущихъ новостей. Наши отношенія къ Австріи хороши въ томъ смыслѣ, что они ничтожны по существу и вѣжливы по формѣ. Мы не трактуемъ никакихъ вопросовъ, мы не споримъ, не обсуждаемъ грядущихъ событій, мы избѣгаемъ столкновеній; намъ платятъ тѣмъ же. Мы мало говоримъ о Востокѣ, который занимаетъ насъ болѣе всего, и не забываемъ, что мы являемся соучастниками. Наконецъ, я лично не могу нахвалиться своими отношеніями къ министру иностранныхъ дѣлъ, который, полагаю, также не имѣетъ повода сѣтовать на меня. Страна вполнѣ спокойна; поступленіе налоговъ за текущую четверть года превысило на 16 милліоновъ флориновъ бюджетную смѣту косвенныхъ налоговъ; фонды начинаютъ подыматься, а лажъ падаетъ къ великому неудовольствію тѣхъ, кому, подобно мнѣ, было выгодно, когда онъ былъ высокъ. Наконецъ, есть надежда, что финансовая коммиссія рейхсрата, занятая разсмотрѣніемъ финансоваго проекта, выработаннаго министерствомъ, одобритъ его за неимѣніемъ лучшаго, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя существенныя поправки относительно сдѣлокъ правительства съ банкомъ. Но вопросы, возбужденные тревожными событіями послѣднихъ лѣтъ, еще стоятъ на очереди и, хотя конституція дѣйствуетъ, ибо признаніе отвѣтственности министровъ доказываетъ, что на это было согласіе монарха, но все же, надобно сказать, что конституція эта сильно хромаетъ, такъ какъ половина имперіи все еще не соглашается принять ее. Это положеніе было бы опасно, ежели бы западныя державы были настроены воинственно, но, такъ какъ онѣ спокойны, то оно только тягостно, и будетъ таковымъ, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать римскій и венеціанскій statu quo. Черногорія причиняетъ здѣсь не мало хлопотъ: вы услышите, можетъ быть, жалобы противъ нашихъ агентовъ, но они жалуются также, со своей стороны, на своихъ сотоварищей-австрійцевъ. Это въ порядкѣ вещей. Наши также желаютъ мира, но мира почетнаго и выгоднаго для христіанскихъ національностей, тогда какъ прочіе, опасаясь высадки гарибальдійцевъ на ихъ берега, считаютъ миръ

необходимымъ средствомъ, чтобы обезпечить себѣ тылъ, и весьма мало заботятся о судьбѣ народной: одни ссорятъ Вуколовича съ княземъ Николаемъ, другіе мирятъ ихъ. Наконецъ, нельзя же требовать отъ нашихъ агентовъ, чтобы они совѣтовали народамъ, подвластнымъ Турціи, вѣрить въ обѣщанія турокъ, коль скоро ни одно изъ этихъ обѣщаній, не исключая и того, первостепенная важность котораго признана Парижскимъ конгрессомъ, не было приведено въ исполненіе ни въ одной части имперіи. Странный моментъ выбралъ Омеръ для того, чтобы предъявить ультиматумъ своему противнику. Онъ выждалъ для этого, чтобы турки троекратно потерпѣли пораженіе. Мнѣ сообщаютъ по телеграфу изъ Рагузы, что князь Николай далъ уклончивый отвѣтъ. Иначе и быть не можетъ. Желать того, чтобы князь торжественно отрекся отъ солидарности съ интересами своего народа, значитъ требовать, чтобы онъ собственноручно развѣнчалъ себя. Народъ считаетъ свое дѣло священнымъ; и князя сочли бы ренегатомъ, если бы онъ отказался отъ него.

Для насъ, по моему мнѣнію, весьма удобно, что греческое возстаніе усмирено безъ малѣйшаго вмѣшательства съ нашей стороны. Я допускаю возможность содѣйствія ради обезпеченія личной безопасности короля, но отвергаю для моей родины необходимость какой бы то ни было солидарности съ его правительственными дѣйствіями и не хотѣлъ бы раздѣлять его непопулярность. Я рѣшительно не понимаю содѣйствія, которое не было бы обставлено извѣстными условіями и коему не будетъ предшествовать окончательное рѣшеніе и приведеніе въ дѣйствіе вопроса о наслѣдствѣ. Пусть же король приступитъ къ этому сначала, а тамъ будетъ видно. Здѣсь много говорили о герцогѣ Лейхтенбергскомъ, какъ о самомъ раціональномъ исходѣ. Не присутствовавъ при зачатіи королевства, я не питалъ къ нему родительской нѣжности. Конечно, для Греціи было сдѣлано въ свое время все, что можно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, лишивъ ее Эпира и Ѳессаліи, ей отрѣзали хвостъ, а не отдавъ ей острова, лишили ее легкихъ, необходимыхъ для дыханія; вдобавокъ, ей дали конституцію, скроенную на англійскій ладъ, которая не вполнѣ удовлетворяетъ нужды государства и во главѣ которой стоитъ король, воспитанный для кардинальской шапки, а въ концѣ концовъ ее вынудили сдѣлать заемъ, отъ котораго она не попользовалась и полушкой.

Но все это, графъ, для насъ съ вами ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ великимъ дѣломъ, которое совершается въ нашемъ отечествѣ. Помните ли вы то время, когда васъ считали ультра-либераломъ? а вашему покорному слугѣ, не далѣе какъ въ Варшавѣ, дали кличку передоваго человѣка. Богъ свидѣтель, что самыя сокровенныя мои желанія были бы исполнены, ежели бы безотложныя реформы могли совершиться,

не коснувшись принципа самодержавія, который я считаю, при извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ совмѣстимымъ съ благомъ нашей страны. Ежели бы вы очутились въ Петербургѣ нынѣ, то васъ сочли бы, вѣроятно, ретроградомъ; то же сказали бы, вѣроятно, весьма неосновательно и про меня. Впрочемъ, положеніе нашего отечества представляется мнѣ далеко не въ мрачномъ свѣтѣ; оно пробуждается отъ продолжительнаго сна, оно еще не вполнѣ увидѣло свѣтъ, оно еще не собралось съ мыслями. Какъ страна равнинъ съ необозримыми горизонтами, какъ страна безъ феодальныхъ преданій, не имѣющая ни стратегическаго, ни минеральнаго матеріала для возведенія замковъ, надѣюсь, она пойдетъ впередъ быстрыми шагами, подражая величественнымъ разливамъ нашихъ рѣкъ, которыя разливаются на большія пространства, ничего не сокрушая на своемъ пути и прорывая себѣ гдѣ нужно подходящее русло.

Простите меня съ вашей обычной снисходительностью, что я злоупотребляю вашимъ драгоцѣннымъ временемъ, но я долженъ сказать еще одно слово. Было бы желательно, по моему мнѣнію, покончить съ Римомъ какимъ-нибудь договоромъ, и я возлагаю слишкомъ большія надежды на вашего брата, чтобы допустить мысль о католическомъ государствѣ въ государствѣ православномъ. Мнѣ остается, графъ, только просить васъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, которая столь же неизмѣнна, какъ и воспоминаніе о вашемъ благосклонномъ ко мнѣ вниманіи. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ я разсчитываю получить кратковременный отпускъ; это значитъ, что я поспѣшу лично засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, а пока прошу принять увѣреніе въ ономъ письменно.

23.

31-го декабря 1862 г. (12-го января 1863 г.). Вѣна.

Ваше сіятельство! Наканунѣ Новаго года я переношусь воспоминаніемъ къ тому времени, которое я провелъ вмѣстѣ съ вами; оно навсегда запечатлѣно въ моемъ сердцѣ, которое глубоко признательно вамъ за вниманіе, какимъ вы удостоили меня, за довѣріе, которое вы оказали мнѣ, и за прекрасные уроки, коими я пользовался во время безцѣнныхъ сношеній съ вами, какъ съ частнымъ человѣкомъ и слугою нашего государя и отечества. Я часто переношусь мысленно къ тому времени и съ особеннымъ удовольствіемъ припоминаю многочисленные примѣры вашей прозорливости, энергіи и умѣренной сдержанности, коихъ мнѣ такъ часто пришлось быть свидѣтелемъ. Вы знаете

людей и ихъ склонность ниспровергать все то, что хотя сколько-нибудь выдается надъ общимъ уровнемъ. Мнѣ пріятно отмѣтить, что по отношенію къ вамъ восторжествовала справедливость и правда. Позвольте мнѣ надѣяться, что единодушныя пожеланія, сопутствующія вамъ въ настоящемъ фазисѣ вашей жизни, къ которымъ и я, столь много вамъ обязанный, присоединяюсь отъ всего сердца, будутъ приняты вами какъ справедливая дань уваженія и почтенія, которая воздается за жизнь, самымъ достойнымъ и полезнымъ образомъ употребленную на пользу общества. Пожелавъ вамъ къ Новому году всякаго благополучія, прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ моей глубочайшей и неизмѣнной преданности.

24.

Письмо графа Киселева—В. П. Балабину.

11-го апрѣля 1863 г. Парижъ.

Дорогой Викторъ Петровичъ! Я получилъ ваше любезное письмо отъ 31-го декабря, и, не взирая на Страстную недѣлю, которая меня чрезвычайно утомила, не хочу долѣе откладывать удовольствіе поблагодарить васъ за все то, что вы высказываете мнѣ въ столь любезныхъ и дружескихъ выраженіяхъ. Наша совмѣстная съ вами служба часто вспоминается мною и свидѣтельствуетъ о томъ, что времена бываютъ перемѣнчивы, но, такъ какъ все дѣлается къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, то я нахожу, что мое исчезновеніе съ арены жизненной дѣятельности совершилось кстати. Я этимъ обязанъ своей счастливой звѣздѣ, внушившей мнѣ эту благополучную мысль, и все болѣе и болѣе этому радуюсь. Наконецъ-то я буду въ состояніи приготовиться къ тому дальнему пути, который предстоитъ намъ всѣмъ, и къ которому Провидѣніе, надѣюсь, дастъ мнѣ возможность подготовиться не спѣша, безъ особой торопливости.

Я получаю время отъ времени извѣстія отъ брата; онъ здоровъ и продолжаетъ быть оптимистомъ даже въ Римѣ. Надѣюсь увидѣться съ нимъ на берегахъ Рейна или въ Карлсбадѣ, куда я думаю быть къ Иванову дню и гдѣ я былъ бы радъ встрѣтить васъ; это весьма возможно, ибо у кого изъ насъ нѣтъ какихъ-либо недуговъ, а гдѣ же можно отъ нихъ лучше излѣчиться, какъ не у источника стараго Шпруделя.

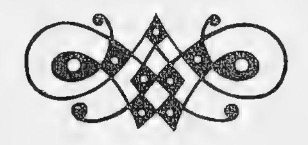
Кончаю письмо, не желая заслужить прозванія стараго болтуна,

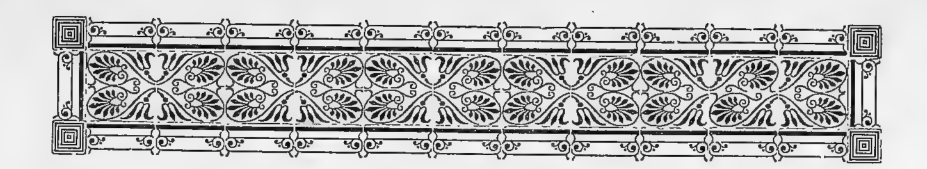
*

искренно желаю вамъ всякаго благополучія и еще разъ благодарю за добрую память.

Будьте здоровы; да хранитъ васъ Господь.

P. S. Посылаю вамъ письмо для графа Алек. Строганова, который будетъ проѣздомъ въ Вѣнѣ, гдѣ будьте добры вручить ему сіе посланіе.

Петербургское общество сто лѣтъ тому назадъ.

(Письмо къ другу въ Германію [1]).

Дорогой другъ! Вы просите сообщить вамъ какія-либо подробности о петербургскомъ обществѣ. Исполняю вашу просьбу тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что, не имѣя авторскаго самолюбія, я буду придерживаться въ своемъ изложеніи одной только правды. Тотъ, кто посѣщаетъ свѣтъ, легко можетъ подмѣтить, что высшее общество столицы распадается на двѣ, рѣзко отличныя, одна отъ другой партіи. Къ одной изъ нихъ принадлежатъ, если можно такъ выразиться, всѣ правовѣрные или приверженцы стариннаго деспотизма и фанатизма, а къ другой—еретики, поклонники заграничныхъ нравовъ и либеральныхъ идей. Эти двѣ партіи постоянно враждуютъ другъ съ другомъ; власть тьмы борется со свѣтомъ, и въ результатѣ этой борьбы является тотъ умственный и нравственный полумракъ, который окутываетъ до сихъ поръ наше дорогое отечество.

Всѣ оттѣнки и различія, которые чувствуются здѣсь въ тонѣ и обычаяхъ, соблюдаемыхъ въ различныхъ домахъ, могутъ быть подведены подъ это основное различіе.

Начнемъ съ правовѣрныхъ. Ихъ особенно много въ провинціи, гдѣ, подобно филинамъ, они издаютъ свои, наводящіе тоску, крики во мракѣ, который сгущается все болѣе и болѣе по мѣрѣ удаленія отъ столицы; здѣсь же, въ Петербургѣ, этотъ мракъ, къ счастью, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе разсѣевается, и часто случается, что въ домѣ,

---

[1]) На письмѣ нѣтъ даты, но оно должно быть отнесено къ началу XIX вѣка.

гдѣ отецъ семейства принадлежитъ къ царствованію Ивана Васильевича, дѣти принадлежатъ уже къ вѣку Александра.

Этихъ, такъ называемыхъ, патріотовъ, легко узнать по напыщенному тону и безцеремонной рѣзкости обхожденія, съ какою они говорятъ «ты» всѣмъ, кого считаютъ ниже себя. Они не говорятъ почти никогда иначе какъ по-русски, а если имъ случается иногда произнести французское слово, то это дѣлается съ извѣстнымъ умысломъ, такъ какъ надобно сознаться, что въ ихъ устахъ этотъ языкъ превращается въ самый отвратительный и самый смѣхотворный жаргонъ. Обычный, излюбленный предметъ ихъ разговора составляетъ служба, но не въ отношеніи ея общественной пользы, а въ отношеніи доставляемыхъ ею личныхъ выгодъ и преимуществъ. Чины, кресты и ордена составляютъ ихъ кумиръ, единственное мѣрило уваженія и вниманія, которое они оказываютъ людямъ; награды—главный двигатель всѣхъ ихъ дѣйствій и единственная цѣль ихъ жизни. Поэтому о достоинствѣ человѣка они судятъ по густотѣ его эполетъ или по мѣсту, занимаемому имъ въ чиновничей іерархіи; этимъ взглядомъ обусловливаются правила, соблюдаемыя у нихъ въ домѣ при пріемѣ посѣтителей.

Однимъ изъ самыхъ строгихъ исполнителей такого взгляда, былъ мой покойный родственникъ, сенаторъ К. [1]). Поступивъ въ Сенатъ въ чинѣ копіиста, владѣя въ то время крошечнымъ имѣніемъ въ 40 душъ, онъ дослужился черезъ пятьдесятъ лѣтъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сдѣлался владѣльцемъ 8.000 душъ. Я былъ ему представленъ нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Меня предупредили, что онъ, какъ и большинство людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей, очень дорожитъ титуломъ превосходительства. Я употреблялъ его на каждомъ шагу, и это обстоятельство, въ соединеніи со старинной дружбою его къ моему отцу, было причиною, что несмотря на совершенное мое ничтожество, такъ какъ я не имѣлъ никакого чина, я удостоился отъ него приглашенія къ обѣду. У К., какъ и во многихъ другихъ домахъ, былъ извѣстный день для пріема знакомыхъ; онъ избралъ воскресенье.

Я пріѣхалъ къ нему въ половинѣ третьяго и, пройдя рядъ комнатъ, стѣны которыхъ были обиты штофомъ и украшены зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, я вошелъ въ зало, гдѣ увидалъ старика, въ халатѣ сидящаго на диванѣ, окруженнымъ домочадцами. Гостей было еще немного; нѣсколько человѣкъ стояло поодаль въ почтительной позѣ и по тому, какъ небрежно относился къ нимъ хозяинъ дома, я понялъ, что это была мелкота. И дѣйствительно я узналъ впослѣдствіи, что они принадлежали къ тому классу беззастѣнчивыхъ людей, которые за хорошій

---

[1]) Фамилія обозначена только начальною буквою.

обѣдъ готовы переварить всевозможное униженіе и презрительное обращеніе. Эта, многочисленная въ Петербургѣ, категорія людей смѣнила шутовъ, которые совсѣмъ вышли изъ моды и которыхъ еще можно видѣть только въ Москвѣ. Я нахожу, что эти люди стоятъ немногимъ выше ихъ. Вскорѣ появились посѣтители, державшіе себя свободнѣе и менѣе низкопоклонно. По тѣлодвиженіямъ и жестамъ его превосходительства, за которыми я внимательно наблюдалъ, можно было составить себѣ понятіе о каждомъ изъ нихъ почти съ такою же точностью, какъ если бы удалось просмотрѣть ихъ паспорты на заставѣ. Однихъ онъ удостоивалъ кивкомъ, другихъ — наклоненіемъ головы и улыбкою. Владимірскаго кавалера старикъ спросилъ о здоровьи; увидавъ вошедшаго съ Анной на шеѣ, онъ приподнялся; а когда вошелъ старикъ, грудь котораго была украшена звѣздою Александра Невскаго, онъ всталъ во весь ростъ; Андреевскому кавалеру онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Такъ какъ послѣдняго очевидно ожидали, то дворецкій, съ салфеткою подъ мышкой, тотчасъ доложилъ, что обѣдъ поданъ. Его превосходительство самъ указалъ порядокъ шествія изъ зала въ столовую, назначивъ каждому даму, которую ему надлежало вести къ столу. Тотъ же этикетъ соблюдался и за столомъ. На верхнемъ концѣ стола возсѣдалъ его превосходительство, имѣя по правую руку свою супругу, а по лѣвую самаго сановитаго гостя. Чины уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ этого центра, такъ что разная мелюзга 12-го, 13-го и 14-го класса сидѣли на противоположномъ концѣ. Но если случалось, что этотъ порядокъ по ошибкѣ бывалъ нарушенъ, то лакеи никогда не ошибались, подавая блюда, и горе тому, кто подалъ бы титулярному совѣтнику прежде асессора или поручику прежде капитана. Иногда лакей, не зная въ точности чина какого-нибудь посѣтителя, устремлялъ на своего барина встревоженный взоръ: и одного взгляда было достаточно, чтобы наставить его на путь истинный.

При равенствѣ чина, военнымъ оказывалось предпочтеніе передъ статскими; чиновнику, украшенному орденомъ,—передъ тѣмъ, у кого былъ въ петлицѣ только знакъ, пожалованный нашимъ всемилостивѣйшимъ монархомъ русскому дворянству, за принесенныя имъ патріотическія жертвы, и, наконецъ, человѣку, пріѣхавшему въ экипажѣ,—передъ пришедшимъ пѣшкомъ.

Разговоръ, который велъ только хозяинъ дома, обращаясь исключительно къ двумъ или тремъ лицамъ, тогда какъ прочіе молчали, касался по большей части недостатковъ современнаго воспитанія, испорченности народныхъ нравовъ, вызванной обуявшей всѣхъ маніей къ путешествію и прискорбнымъ пристрастіемъ русскихъ къ французамъ, всѣ познанія коихъ ограничиваются, по его словамъ, умѣніемъ расшаркаться и говорить каламбуры. Но я замѣтилъ, что онъ не простиралъ этой ненависти къ ихъ винамъ; подлѣ него стояли двѣ или

три бутылки французскихъ винъ, и тѣ именно лица, которыя наиболѣе ругали французовъ и Францію, пили особенно усердно. Намъ, мелкотѣ, было предоставлено преимущество пить патріотическій квасъ и чистую невскую воду, правда столь превосходную, что императору, во время его пребыванія въ Москвѣ, возили ее отсюда съ эстафетой. Мы пили эту воду за неимѣніемъ лучшаго, такъ какъ насъ посадили за столъ очевидно не для того, чтобы ѣсть и пить. Лакеи подавали намъ однѣ кости, оставшіяся на блюдѣ, или совсѣмъ пустыя блюда. Всѣ, кому случалось бывать въ домахъ, подобныхъ дому сенатора К., подтвердятъ, что мои слова ничуть не преувеличены. Пусть мой горькій опытъ послужитъ предостереженіемъ всякому, скромному по положенію человѣку, который получитъ за свои прегрѣшенія подобнаго рода приглашеніе; если онъ не принадлежитъ къ особамъ первыхъ восьми классовъ, то пусть онъ утолитъ дома свой голодъ, отправляясь на такой обѣдъ. Сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно для характеристики общества, яркимъ представителемъ котораго былъ мой покойный родственникъ.

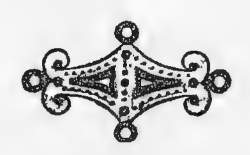
Я долженъ еще замѣтить, что во всѣхъ старо-русскихъ домахъ находится многочисленная челядь, плохо накормленная, плохо содержанная и плохо одѣтая, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда ей бываетъ приказано облачиться въ парадную ливрею. Въ этихъ домахъ придаютъ большое значеніе родству и различаютъ столько его степеней, что разобраться въ немъ могъ бы только завзятый знатокъ генеалогіи. Въ этихъ домахъ, какъ вездѣ въ Петербургѣ, дни ангела и рожденій празднуются съ особою торжественностію и пышностью. Пропустить такой день, не засвидѣтельствовавъ виновникамъ торжества своего нижайшаго почтенія, считается величайшимъ невѣжествомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго рода домовъ, живущихъ на европейскій ладъ. Достаточно сдѣлать шагъ, чтобы перенестись изъ XV въ XIX вѣкъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего поразительнѣе французскаго изящества и грубости здѣшнихъ нравовъ, соціальнаго равенства, въ которомъ оказывается преимущество только уму и обходительности и низкопоклонныхъ чиновныхъ различій, признака деспотизма и рабства.

Войдя въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, которые стряхнули съ себя иго старинныхъ предразсудковъ, можно подумать, что находишься въ Парижѣ. Вкусъ и роскошь, съ какими убрана квартира, обхожденіе хозяевъ и французскій языкъ, на которомъ они говорятъ, даютъ полную иллюзію и приводятъ въ восхищеніе, но оно исчезаетъ мало-помалу при второмъ и третьемъ посѣщеніи. Нѣкоторая холодность и вялость разговора,—ибо люди находятъ у насъ удовольствіе только въ картахъ и ѣдѣ; мужчины и дамы проводятъ время отдѣльно и затрудняются поддержать общій разговоръ,—показываютъ, что мы не во

Франціи и что копія бываетъ всегда далека отъ оригинала. Я не могу согласиться съ распространеннымъ здѣсь мнѣніемъ, будто между характеромъ русскихъ и французовъ существуетъ сходство.

Правда, мы подражаемъ французамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, и даже гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, но это подражаніе, которое никогда не идетъ далѣе извѣстнаго внѣшняго сходства, должно было бы убѣдить насъ въ томъ, какъ мало мы походимъ на нашъ образецъ. Это напоминаетъ мнѣ восковыя куклы: у нихъ одинакія черты лица, одинакій ростъ, одинаковая одежда съ тѣмъ, кого онѣ изображаютъ, но имъ недостаетъ жизни и движенія. Точно также и мы можемъ усвоить моды и внѣшній обликъ французовъ, но у насъ никогда не будетъ ихъ живости, ихъ богатой фантазіи и въ особенности той общительности, которая составляетъ ихъ отличительную черту. Въ высшей степени изобрѣтательные во всемъ, что̀ касается удовольствій, французы проявляютъ свой живой умъ во всемъ и всегда бываютъ оригинальны и изящны. Въ Парижѣ всякая женщина есть завоевательница въ области моды, и она нравится и привлекаетъ, какъ все оригинальное; а наши дамы, подражая француженкамъ, далеко уступаютъ имъ во всемъ; то, что прелестно во Франціи, бываетъ смѣшно и неумѣстно въ Петербургѣ. Все перенятое есть не болѣе, какъ маска, совершенно не соотвѣтствующая національному характеру. Не подумайте, что я восхваляю старо-русскіе нравы, которые уже не совмѣстны ни съ цивилизаціей, ни съ духомъ нашего времени, я хочу только сказать, что все то, что̀ возмущаетъ насъ въ этихъ нравахъ, зависитъ отъ варварства, невѣжества и деспотизма, а не отъ природнаго характера русскихъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы уничтожать эти черты, слѣдуетъ заботиться объ ихъ улучшеніи и заимствовать изъ чужихъ странъ только самое необходимое, тщательно сохраняя все то, что̀ составляетъ характерную особенность народа.

Изъ воспоминаній современниковъ о Дантесѣ.

Въ Петербургѣ, въ сезонъ 1835—36 гг., Дантесъ баронъ де-Геккеренъ, въ маскарадѣ, заинтересованный маской, сказалъ ей:

— Que veux tu donc que je fasse d'une femme russe? [1]).

Это не помѣшало ему въ ноябрѣ 1836 г. стать женихомъ дѣвицы Гончаровой.

— Je doute qu'il soit embarassé de savoir maintenant ce qu'il en fera... [2])—замѣчаетъ разсказчикъ.

Тому же барону Дантесу приписываютъ смѣлый отвѣтъ графу А—ну, который какъ-то сказалъ:

— D'Antès, on vous dit un homme à bonnes fortunes! [3]).

— Mariez vous, monsieur le Comte, et je vous le prouverai!... [4]).

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

---

[1]) — Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ съ русской женой?

[2]) — Я сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ теперь въ затрудненіи, что съ нею дѣлать.

[3]) — Дантесъ, про васъ говорятъ, что вы счастливый человѣкъ (человѣкъ, которому везетъ).

[4]) — Женитесь, графъ, и я вамъ это докажу!..

Пушкинъ и Мильвуа.

Вліяніе на Пушкина такихъ творцовъ, какъ Шекспиръ, Байронъ, Шенье, представляетъ собою фактъ общеизвѣстный. Но, кромѣ этихъ крупныхъ поэтовъ, на Пушкина вліяли и другіе—менѣе значительные—такъ сказать, poëtae minores. Недавно еще В. В. Сиповскій довольно удачно показалъ и прослѣдилъ вліяніе, оказанное на Пушкина Шатобріаномъ.

Мы можемъ указать въ «Евгеніи Онѣгинѣ» два мѣста, которыя носятъ на себѣ ясный отпечатокъ музы другаго французскаго поэта—Мильвуа. Ch. Millevoye (1782—1816 гг.) по характеру своей поэзіи, грустной и меланхолической, нѣсколько напоминаетъ нашего Полежаева. Впрочемъ, у него тоска носитъ ровный и спокойный характеръ чувства, совершенно подавляющаго душу, тогда какъ у Полежаева она переходитъ въ негодованіе, въ бурное отчаяніе. Мильвуа особенно знаменитъ своими элегіями. Въ Россіи его любили. Жуковскій перевелъ его «Пѣснь араба надъ могилой коня»; М. В. Милоновъ (1792—1821 гг.), В. И. Туманскій, Баратынскій перевели его элегію: «La chute des feuilles» («Паденіе листьевъ»). Пушкинъ читалъ Мильвуа, и онъ на нашего поэта особеннаго впечатлѣнія въ общемъ не произвелъ, но его элегіи весьма понравились Пушкину, какъ можно судить по одному мѣсту въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, изъ Одессы, отъ 4-го ноября 1823 года: «Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ» («Сочиненія Пушкина», изд. литературнаго фонда, т. VII, стр. 56).

Читатель, конечно, помнитъ тѣ знаменитые стихи Пушкина, столь популярные въ геніальной музыкальной интерпретаціи Чайковскаго,—тѣ стихи, которые его бѣдный герой Ленскій, по выраженію поэта, «писалъ темно и вяло»—предсмертное изліяніе молодой души, такое нѣжное и трогательное, дышущее страстной любовью и отроческой наивностью. На этихъ-то стихахъ, которые, по милому ироническому выраженію Пушкина, «полны любовной чепухи», и отразилось упомянутое выше вліяніе Мильвуа. Приводить стихи Пушкина—дѣло лишнее; они достаточно извѣстны. Въ сантиментальномъ стихотвореніи Мильвуа

выведенъ юный страдалецъ, осенней порою прощающійся, въ предчувствіи близкой кончины, съ отцвѣтающей рощей, съ молодостью, съ матерью и съ самой главной отрадой своей молодости—любимой дѣвушкой. Его прощаніе очень напоминаетъ стихи Ленскаго. Сходство это, правда, чисто-внѣшнее, но за то весьма близкое. Слова умирающаго «во цвѣтѣ радужныхъ надеждъ» поэта: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни!» совпадаютъ со словами героя элегіи Мильвуа: «Какъ призракъ легкій, улетѣли златые дни весны моей!» Ленскій обращается къ своей невѣстѣ, спрашивая, придетъ ли она «слезу пролить надъ ранней урной»; герой Мильвуа ожидаетъ, что любимая дѣвушка придетъ поплакать надъ его могилой.

Элегія Мильвуа заканчивается печальными словами:

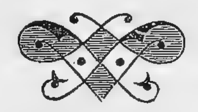
Близъ дуба юноши могила;
Но съ скорбію въ душѣ своей,
Подруга къ ней не приходила.
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечерніе зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы,
Тревожитъ шорохомъ шаговъ. (Перев. Милонова).

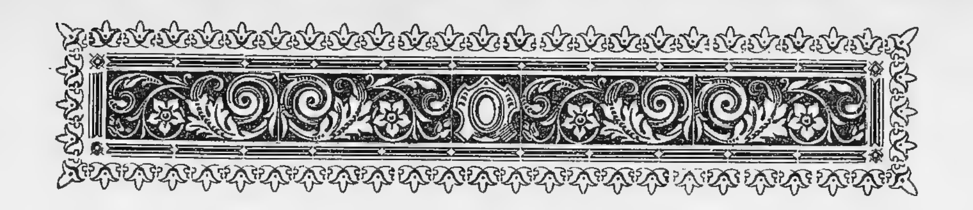
Въ VII главѣ «Евгенія Онѣгина», стр. 7, «унылый памятникъ» Ленскаго тоже

Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ по-прежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

Настроеніе въ обѣихъ элегіяхъ различное: у Мильвуа юноша ужасается грознаго призрака смерти, а у жизнерадостнаго мудреца Пушкина, спокойно бравшаго отъ судьбы все, что она ни пошлетъ, Ленскій говоритъ, что «все благо... благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ». Что касается до внѣшняго сходства, то оно несомнѣнно и свидѣтельствуетъ о непосредственномъ вліяніи французскаго поэта на Пушкина. Знаменитая элегія не могла не оставить свой слѣдъ въ отзывчивой, чуткой, впечатлительной душѣ нашего поэта.

Евгенія Клебанская.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи [1].

Въ Іерусалимѣ.

75.

12-го апрѣля.

Въ два часа и 25 минутъ дня по русскимъ часамъ, а по турецкимъ въ 8 часовъ 25 минутъ вечера Іисусъ Христосъ освятилъ святой свой живоносный гробъ росою благодатною, отъ которой, какъ молніей, освѣтился Гробъ огнемъ благодатнымъ и освѣтилась лампада на Гробѣ, для того приготовленная. Чудо веліе. Роса претворяется въ огонь, и вся церковь, весь Іерусалимъ и весь народъ, тутъ присутствующій съ пуками свѣчей, освѣщаются огнемъ священнымъ, который ниспосылается Богомъ людямъ. Ты сама возрадуешься радостію, когда узнаешь, что я удостоилась присутствовать на склонѣ лѣтъ и изнеможеніи силъ тѣлесныхъ, при торжествѣ церкви Христовой, церкви іерусалимской при той неземной радости, которую этотъ небесный огонь обильно изливаетъ на всѣхъ въ храмѣ присутствующихъ. Дикіе туземцы своими движеніями и неистовыми звуками выражаютъ внутреннюю радость души, въ то время, когда люди, научно не просвѣщенные, но сильно вѣрующіе въ благодать Святаго Духа, выражаютъ внутреннюю радость несомнѣнно вѣрою о силѣ благодатнаго огня, заявляя оную молитвою и слезами.

Въ четвергъ 10-го числа погода была отличная, лучи солнца во всемъ блескѣ сіяли, стая ласточекъ кружилась надъ площадью Св. Гроба, всѣ крыши, окна, колокольни, карнизы и башня мина-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г. ноябрь.

ретская съ мечетью были по всѣмъ этажамъ покрыты народомъ въ фескахъ, въ чалмахъ бѣлыхъ, въ бѣлыхъ чадрахъ. Садъ подворья геѳсиманскаго, выдающійся на площадь, также самая площадь была усѣяна народомъ до Лобнаго мѣста, гдѣ судился Іисусъ Христосъ. Мѣсто это нынѣ занимается христіанскимъ храмомъ Воскресенія Христова, Авраамієвскимъ подворьемъ, подворьемъ Геѳсиманскимъ и церковью св. апостола Іоанна брата Божія, перваго патріарха Іерусалимскаго. По стѣнамъ площади вокругъ пестрѣются народы разныхъ племенъ, въ томъ числѣ и масса россійскихъ паломниковъ, которыхъ отдѣляли турецкія войска, охраняющія жителей европейскихъ державъ. Войска было 3.700 человѣкъ, много офицеровъ и оба паши. Арабы черные, получерные, бѣлые абиссинцы, сиріане, копты, турки разнаго слоя общества, латыши и европейцы, даже американцы, все это сплотилось другъ къ другу, оставался только проходъ между войскомъ для крестнаго хода до возвышенія, на которомъ обмывали ноги послѣдователямъ апостоловъ, все прочее была сплошная масса народа. Оригинально, любопытно было смотрѣть съ высоты на эту живописную картину. Архіерей Деміанъ въ золотомъ облаченіи, прочіе архіереи въ ризахъ малиновыхъ съ бѣлыми разводами. Архимандритъ Рафаилъ безъ митры въ камилавкѣ съ наметкой изображалъ апостола Петра, другой архіерей—Іоанна Богослова, послѣдній былъ Іуда изъ арабскаго духовенства. Они лежали спящими на ступеняхъ лѣстницы, ведущей на эстраду, у входа на которую была вкопана маслина. Служащій епископъ снялъ облаченіе и пошелъ ихъ будить; затѣмъ продолжался обрядъ омовенія. Во все время богослуженія я себѣ воображала тѣ ужасные часы, когда на томъ самомъ Лобномъ мѣстѣ стоялъ Спаситель міра, съ терновымъ вѣнкомъ, оплеванный, окровавленный. Въ 10 часовъ утра, когда все кончилось, я ушла домой. Въ 7 часовъ вечера пошла къ слушанію 12 евангелій. Служба началась въ 10 часовъ вечера и кончилась въ часъ ночи. Въ пятницу утромъ пошла я опять на Голгофу. Сѣдалище, на которомъ былъ посаженъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, было открыто для поклоненія паломникамъ. Напившись чаю, я въ 6 ч. опять пошла на ночь въ храмъ. Въ 10 часовъ пришла турецкая стража; храмъ Воскресенскій и Кувуклія сіяли разноцвѣтными лампадами въ числѣ до 3.000 лампадъ; богатство освѣщенія дивное. Солдаты заняли свои мѣста для охраны шествія русскаго крестнаго хода, который обошелъ три раза Кувуклію. Плащаницу несли низко не такъ, какъ у насъ, а какъ простыню, но угломъ; несли ее на Камень мѵропомазанія, на тотъ самый камень, на которомъ умершій Спаситель былъ обвитъ пеленами и покрытъ ароматами съ благовонными мастями, и тѣмъ погребеніе кончилось. Я вернулась домой въ 10 часовъ, пошла въ храмъ Воскресенія. Ровно въ 2 часа начался благовѣстъ, а черезъ 10 минутъ

изъ Воскресенскаго храма пошелъ крестный ходъ къ Св. Гробу. Все въ ночи было въ храмѣ и на Св. Гробѣ темно, всѣ лампады погашены; во всю ночь не было огня, какъ во всѣхъ отдѣленіяхъ храма и Голгофы, такъ равно и во всѣхъ зданіяхъ православныхъ въ Іерусалимѣ, также и по всѣмъ монастырямъ. Всѣ были въ ожиданіи благодатнаго огня. Никакихъ безобразій, подобныхъ тому, что̀ было прежде, я не видала, все было тихо. Митрополитъ Никифоръ, 80 лѣтній старецъ, сопровождаемый патріархомъ армянскимъ и пашой, поклонился Св. Гробу, какъ колоколъ возвѣстилъ всѣмъ предстоящимъ, что благодатный огонь посланъ Богомъ. Первыя лампады зажгли подъ куполомъ св. Кувукліи, радость была мнѣ невыразимая, я плакала отъ радости. Теперь все торжество Пасхальное кончено. Отецъ Григорій передъ пасхальной утреней освятилъ мнѣ куличъ, пасху и яица по-русски. Пасхальную обѣдню пѣли русскіе поклонники. Торжество великое. Къ вечернѣ пришли тоже крестнымъ ходомъ 7 архіереевъ и множество священниковъ и діаконовъ, Евангеліе читали на 12 языкахъ. Послѣ вечерни намѣстникъ и всѣ архіереи христосовались съ братіей и всѣми богомольцами.

Въ пятницу передъ погребеніемъ Христа, умеръ въ 10 ч. вечера многоуважаемый архіерей Поликарпъ послѣ четырехдневной болѣзни; въ субботу въ 6 час. утра его отпѣвали въ патріаршей церкви, а въ 10 часовъ, заупокойный колокольный звонъ возвѣстилъ Іерусалиму, что онъ уже житель Сіона. Онъ былъ очень добръ и всѣми уважаемъ.

76.

1-го іюня.

Въ 2 часа мы всѣ пошли на Сіонъ, въ 4 часа пришелъ архіерей со всѣмъ клиромъ и служилъ вечерню на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сошествіе Св. Духа. Все кладбище было усѣяно народомъ, большинство арабокъ и арабовъ. Я была на могилѣ патріарха Герасима, поклонилась и праху іерарха Поликарпа, лежащему тутъ же. Послѣ окончанія богослуженія пошли поклониться общей могилѣ. Могилы безъ крестовъ суть подобіе разрытаго поля; ихъ разрываютъ черезъ три года, мѣста не сравниваютъ, бугоръ на бугрѣ, камень на камнѣ, ни зелени, ни цвѣтовъ, ни образовъ, а о лампадахъ и помину нѣтъ. Вотъ картина настоящаго Сіона, горы святой, жилища царя и псалмопѣвца Давида.

77.

10-го іюня.

Въ четыре часа пошли мы въ католическую патріархію. Мѣста въ костелѣ дали намъ прекрасныя близъ алтаря. Церковь необыкновенно

хороша, архитектура древнихъ временъ, оконъ нѣтъ, полусвѣтъ отъ оконъ надъ алтаремъ, въ которыхъ на стеклѣ написаны иконы; малыя окна въ верхнихъ амбразурахъ очень эффектны, своды всѣ расписаны херувимами и серафимами, а главныя мѣста сводовъ назначены для иконъ св. апостоловъ, которыхъ 12. Освѣщеніе великолѣпное, освѣщается храмъ свѣчами, паникадилъ 12, всѣ хрустальныя. Крестный ходъ въ этотъ день особенный, участвуютъ всѣ учебныя заведенія, каждое заведеніе имѣетъ свою хоругвь, великолѣпно вышитую, дѣвочки отъ 7 лѣтъ до 15 всѣ одѣты въ бѣлыя платья съ бѣлыми вуалями, у однѣхъ вѣнки бѣлые, и каждая несетъ маленькія хоругви; за ними монахини, далѣе дѣвочки имѣютъ въ рукахъ вѣтки бѣлыхъ лилій, за ними другаго ордена монахини, послѣ нихъ еще идутъ дѣвочки, несутъ корзины розъ и леандровъ и посыпаютъ оными весь путь шествія; затѣмъ отдѣлъ малолѣтнихъ мальчиковъ, также съ корзинами розъ, всѣхъ такихъ отдѣловъ, считая по хоругвямъ, 16. Дѣти въ отроческомъ возрастѣ поютъ гимны стройно и благоговѣйно, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ пунцовыми пелеринами. Фонари, числомъ 24, несутъ также мальчики высшаго возраста, затѣмъ идетъ хоръ монаховъ, потомъ священники, кардиналы, епископы и подъ балдахиномъ идетъ патріархъ съ ковчегомъ, который содержитъ св. тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Ходъ шелъ внутри двора и сада патріархіи и когда возвратился въ церковь, то главный алтарь былъ освѣщенъ. Патріархъ подъ балдахиномъ несъ обратно Св. Дары, тутъ было всеобщее поклоненіе тѣлу Христову.

78.

26-го іюня.

Сегодня въ Москвѣ празднуется 25-лѣтіе открытія учрежденной мною общины Покровской. Достойные дѣятели получаютъ должныя награды земныя, а я, изгнанная, удостоилась быть въ этотъ знаменательный для меня день у св. Гроба Господня, на св. Голгофѣ, стоять торжественную обѣдню на русской постройкѣ, присутствовать при торжественномъ постриженіи въ мантію русскаго монаха. Вспоминаю все былое торжество, когда князь Долгорукій (генер.-губ. московскій) и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода гр. Д. А. Толстой говорили мнѣ торжественныя рѣчи, когда бакалавръ академіи Скороходовъ высказывалъ о благотворной цѣли общества и пр. пр., весьма лестное для меня. Но я скажу откровенно, эти оваціи точно стрѣлы поражали мое не любящее похвалы сердце, я вѣрила только священнику Скороходову, зная, что онъ самъ имѣлъ любовь ко всѣмъ и къ лести былъ не причастенъ; всѣ прочія оваціи я принимала какъ лесть придворныхъ сановниковъ. Въ настоящіе часы вѣроятно посланы изъ Москвы поздравительныя те-

леграммы ея величеству, и дай Богъ, чтобы императрица утѣшила мать игуменью Зинаиду и тружениць сестеръ и дѣтей.

79.

27-го іюня.

Сейчасъ до слезъ обрадовалась полученіемъ телеграммы изъ Москвы отъ матери Зинаиды, которая поздравляетъ меня какъ учредительницу отъ лица Покровской общины съ 25-лѣтіемъ и увѣдомляетъ, что всѣ сестры милосердія горячо молились за меня. Телеграмма послана въ $11^1/_2$ ч., т. е. сейчасъ послѣ обѣдни. Слава Богу, дожила до этого радостнаго дня, меня вспомнили, эта награда выше всѣхъ наградъ.

80.

10-го іюля.

Пробилъ часъ воли Божіей, Іерусалимская церковь выбрала себѣ патріарха въ лицѣ епископа Деміана. Миръ водворенъ между синодалами. Принуждены были смириться чрезъ уполномоченнаго турецкаго министра, пріѣхавшаго изъ Константинополя отъ имени султана, чтобы принудить подданныхъ грековъ оставить свои долгія интриги и водворить въ синодѣ порядокъ и должное благочиніе. Пріѣхалъ онъ 8-го, въ день Казанской Божіей Матери, съ экстреннымъ поѣздомъ, остановился въ гостиницѣ и не принялъ предложенія переѣхать въ патріархію. Пріѣздъ его былъ внезапный. Всѣ іерархи явились къ нему, и онъ заявилъ, что дѣло избранія, длившееся 5 мѣсяцевъ, должно быть кончено 10-го, что 11-го онъ ѣдетъ обратно въ Константинополь. Приказалъ, чтобы 9-го назначить утромъ синодальное засѣданіе и что онъ, по приказанію султана, долженъ при ономъ присутствовать и чтобы его ждали 9-го въ 10 часовъ утра. Засѣданіе началось. Министръ имъ сказалъ, что султанъ ихъ волю не стѣсняетъ, пусть избираютъ кого хотятъ, но что султанъ по соглашенію съ русскимъ императоромъ желаетъ, чтобы былъ избранъ въ патріархи намѣстникъ епископа Деміанъ.

Начались распри; три часа спорили при соглядатаѣ турецкомъ. Засѣданіе ничѣмъ не кончилось. Синодъ вечерній былъ назначенъ въ 7 часовъ. Министръ съ нимъ простился до утра. Синодальное засѣданіе продолжалось ночью. 16 человѣкъ синодаловъ спорили всю ночь, наконецъ заявлено было всему Іерусалиму, что избраніе будетъ въ 10 ч. Я, напившись чаю въ 8 ч. утра, пошла въ храмъ Воскресенія. Народъ сталъ собираться; вокругъ меня установились мои спутницы и другія жительницы Іерусалима; нижняя же часть лѣстницы была установлена служащими магнатами, французскими властями желѣзной дороги, на

хорахъ въ алтарѣ отведены были мѣста консулу русскому со всѣмъ штатомъ, также и чиновникамъ Палестинскаго общества, въ алтарѣ помѣщались монахи, архимандриты, въ томъ числѣ и нашъ русскій архимандритъ Рафаилъ съ своимъ штатомъ. Пробило 12 часовъ, по-турецки 6 час. вечера, царскія врата открылись, взошелъ первымъ намѣстникъ Деміанъ, а за нимъ 6 архіереевъ, 8 архимандритовъ. Прежде всего Деміанъ надѣлъ эпитрахиль и малый омофоръ безъ мантіи, окадилъ св. престолъ, затѣмъ начался краткій молебенъ, по окончаніи котораго арх. Ѳотій вышелъ къ народу и читалъ фирманъ султана объ избраніи новаго патріарха церкви арабской, всей Палестины и св. града Іерусалима взамѣнъ усопшаго патріарха Герасима. Когда онъ кончилъ, то вернулся въ алтарь и съ сосудомъ сталъ подходить ко всѣмъ синодаламъ, и въ этотъ сосудъ они вложили запечатанные конверты съ именами избираемаго. Каждый пакетъ распечатывалъ самъ епископъ Деміанъ и давалъ прочитывать при немъ стоявшему епископу назаретскому. Сосудъ стоялъ на престолѣ, тишина была крайняя, всѣ уши направлены, чтобы слышать имена избираемыхъ. Епископъ, прочитавши, передавалъ записку архидіакону, который громогласно повторялъ имя. Когда прокричалъ «Деміаносъ» восемь разъ, народъ сталъ отъ радости кричать: «Деміаносъ, Деміаносъ» и рукоплескать. Послѣ того стали вынимать остальныя записки, и Деміану вышло 12 голосовъ; тогда всѣ монахи и народъ стали рукоплескать и кричать: «Деміаносъ, Деміаносъ». Все кончилось. Актъ избранія подписалъ на престолѣ новоизбранный патріархъ и затѣмъ всѣ синодалы. Когда актъ избранія былъ подписанъ, Ѳотій прочелъ его народу по-гречески и по-арабски. Тутъ всѣ, іерархи и архимандриты стали подходить къ новому патріарху съ поздравленіями; послѣ чего всѣ вышли изъ церкви и зазвонили въ колокола. Турецкій министръ, осмотрѣвши всѣ святыни, въ 8 часовъ утра ѣдетъ въ Яффу; съ нимъ ѣдетъ уполномоченный изъ патріархіи съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ избраніи и просьбою выслать и султанскій фирманъ. Тогда будетъ торжественная встрѣча и введеніе намѣстника на патріаршій тронъ.

81.

12-го іюля.

Вчера день прошелъ спокойно. Паша уѣхалъ утромъ въ Константинополь. Іерархи послали визирю телеграмму объ избраніи епископа Деміана въ патріархи; завтра ждутъ отвѣтъ.

Утромъ въ 7 часовъ я пошла съ своими спутницами въ мечеть Омара, сопровождалъ меня кавасъ Али отъ патріархіи и драгоманъ изъ арабовъ. При входѣ на площадь храма Соломонова по слабости

моей я у бассейна усѣлась отдохнуть. Турецкій солдатъ распорядился открыть обѣ мечети, которыя отлично содержатся. Христіанскихъ поклонниковъ впускаютъ только изъ Красныхъ воротъ; на площадь не пускаютъ ни собакъ, ни лошадей и никакихъ звѣрей, вокругъ оной древняя ограда Соломонова храма. Зодчество неимовѣрно хорошо, стѣны изъ чистаго бѣлаго мрамора. Мечеть Давида рядомъ на мраморныхъ колоннахъ, зодчество великолѣпно, но она маленькая. Входя въ мечеть Омара (бывшее мѣсто Святая Святыхъ), мы сняли галоши, по обычаю турокъ. Мулла, насъ встрѣтившій у порога, сказалъ намъ, что на этой скалѣ стоялъ храмъ Соломона, Кивотъ Завѣта, въ которомъ сохранились двѣ скрижали съ начертанными на нихъ десятью заповѣдями. Отдохнувши, мы пошли въ мечеть Ель-Акса, гдѣ былъ сооруженъ прежде императоромъ Юстиніаномъ храмъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. На мѣстѣ христіанскаго алтаря за мусульманскою каѳедрою имѣются двѣ ниши, полъ въ которыхъ есть камень съ отпечатанными двумя малыми стопами, по преданію Матери Божіей. Тутъ Симеонъ Богопріимецъ принялъ на свои старческія руки Богочеловѣка. И это святилище нынѣ попрано враждебнымъ христіанству исламомъ. Золотыя врата, чрезъ которыя Царь небесный вступилъ въ Іерусалимъ за 6 дней до своей смерти, заложены на-глухо еще при Омарѣ, въ силу преданія между магометанами, что въ оныя войдетъ нѣкогда побѣдитель христіанскій. Выходя изъ этой мечети, турченокъ ножемъ вынималъ мнѣ камушки изъ стѣны; я тамъ пріобрѣла нѣсколько мозаичныхъ зеленыхъ камушковъ, и это за 20 коп.

82.

2-го августа.

Сегодня день памятный для меня. Въ 1852 году меня мать-игуменья Паисія Алексѣевскаго монастыря одѣла въ послушническую ряску, дала мнѣ бѣлыя, какъ снѣгъ, коралловыя четки и повезла меня сама къ митрополиту Филарету. Святитель возрадовался, видя меня облеченную въ рясу и шапочку, благословилъ меня сердоликовыми четками съ золотымъ крестикомъ—даръ отъ графини Орловой-Чесменской, сказавъ, что молитва, какъ свѣтлое облако, достигаетъ до небесъ, чтобы я непремѣнно молилась и въ церкви и въ келіи, лежа и сидя, бывши въ трудахъ и исполняя послушаніе, не сомнѣваясь, что молитва тайная выше явной. Вотъ слова незабвеннаго моего учителя и наставника, съ юныхъ дней взявшаго меня подъ свое покровительство. И вотъ, минуло 45 лѣтъ, а эти слова, какъ бы вчера сказанныя, звучатъ въ моихъ ушахъ и день и ночь.

*

83.

10-го августа.

Сегодня 6 мѣсяцевъ послѣ кончины патріарха Герасима. Пріемникъ его не получилъ еще фирмана отъ султана, и цѣлый мѣсяцъ избранный патріархъ не введенъ еще въ патріаршее мѣсто и не имѣетъ по этой причинѣ права идти и молиться въ Воскресенскій храмъ, т. е. и ко Св. Гробу. Чудеса тутъ творятся. Любопытное мое здѣсь пребываніе настолько разнообразно, что, признаюсь, желательно было бы все это подробно изложить на бумагѣ, дабы передать русскимъ, что здѣсь по истинѣ творится.

84.

27-го августа, 2 ч. по полудни.

Ровно въ 12 час. заблаговѣстили въ большой патріаршій колоколъ у Св. Гроба. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ; противъ моихъ оконъ долженъ былъ слѣдовать патріархъ въ Сераль. Чрезъ четверть часа шествіе было противъ насъ. Шли впереди пять кавасовъ съ булавами, въ шитыхъ золотыхъ курткахъ, за ними монахи патріархіи на каждой сторонѣ улицы по одному, посрединѣ церемоніймейстеръ монахъ. Въ концѣ шествія патріаршій посохъ несъ монахъ изъ діаконовъ, за нимъ бѣлый серебряный подносъ, покрытый зеленымъ атласомъ въ родѣ подушки, на которомъ лежалъ фирманъ, завернутый въ атласъ; за фирманомъ шелъ епитропъ, а рядомъ съ нимъ патріархъ Деміаносъ въ регаліяхъ, за нимъ шли 5 архіереевъ. Благовѣстъ продолжался до того времени, когда шествіе дошло до Сераля. Чрезъ полъчаса опять начался благовѣстъ, народъ взадъ и впередъ засуетился. Вижу шествіе идетъ тѣмъ же порядкомъ, но за патріархомъ ведутъ турецкую бѣлой масти великолѣпную лошадь съ малиновымъ шитымъ золотомъ чепракомъ, уздечка золотая, стремена и поводья также. Вели ее два турецкіе офицера; рядомъ съ патріархомъ шелъ паша и всѣ сопровождавшіе его архіереи и стража турецкая. Тогда я накинула рясу и пошла ко Гробу Господню.

Патріархъ былъ уже тамъ, приложившись къ Св. Гробу, взошелъ въ Воскресенскую церковь; облачился, тутъ стали ему читать фирманъ султана, затѣмъ стали пѣть славословіе, по окончаніи коего было многолѣтіе султану. Въ патріархію шествіе началось въ томъ же порядкѣ. Благовѣстъ продолжался не менѣе получаса, но это не нашъ россійскій стройный благовѣстъ, а гремѣніе колоколовъ въ полномъ диссонансѣ.

85.

11-го сентября.

Грусть давитъ сердце. 8-го утромъ Филарета прибѣжала мнѣ сказать, что отецъ Веніаминъ умираетъ. Все оставила и поспѣшила къ старцу, дабы принять его послѣднее благословеніе. Сестра милосердія при умирающемъ спросила его: можно ли мнѣ къ нему взойти; онъ обрадовался и сказалъ: «пусть взойдетъ». Лежалъ онъ, точно сіяющій; трудно было его понять, такъ тихо говорилъ. Я подошла, онъ меня благословилъ и руку положилъ на голову. Вечеромъ преосвященный Епифаній, его духовникъ, соборовалъ его при участіи братіи миссіи. Ночь прошла тихо, ему прочли отходную, послѣ которой ему стало лучше. Но болящій ослабѣлъ до крайности, и въ 6 часовъ вечера онъ мирно предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. Всѣ въ Іерусалимѣ оплакиваютъ его, даже католики говорятъ, что подобнаго милосерднаго брата и у нихъ не осталось. Онъ былъ для всѣхъ добръ. Сынъ дворянина Полтавской губерніи, уроженецъ Бессарабской губ., служилъ долго въ Кишиневѣ у предводителя дворянства и 26-ти лѣтъ ушелъ въ монастырь; въ Іерусалимѣ служилъ 54 года. Патріархъ Деміаносъ его отпѣвалъ, всѣ сбѣжались на его похороны, чтобы отдать ему послѣдній долгъ любви, провожали его до Сіона.

86.

1-го декабря.

Вчера 30-го ноября, въ день праздника церкви Авраамієвскаго монастыря (т. е. подворья), патріархъ Деміаносъ посѣтилъ мою келію, сопровождаемый начальникомъ гроба, архимандритомъ Евфиміемъ, казначеемъ патріарха и еще 5-ю архимандритами, 2-мя діаконами и 3-мя профессорами семинаріи. Патріархъ и всѣ его сопровождавшіе обрадовали меня грѣшную полнымъ искреннимъ заявленіемъ, что Ново-Голгофа (написанная Митрофаніею) есть достойный памятникъ Іерусалимской Голгофы и всей Палестины. Всѣ одинъ за другимъ, взирая на распятаго Господа, говорили громко, и нѣсколько разъ Орео, т. е. выраженіе высшей похвалы; патріархъ осмотрѣлъ мѣсто, приготовленное для креста съ животворящимъ древомъ, нашелъ все устройство достойнымъ великой святыни. Благодарю Бога, что зиму осталась здѣсь, все устраивается не спѣша. Море сильно волнуется, пароходы многіе не пристаютъ, нѣтъ возможности пристать къ Яффской пристани. Одессу потопило, бѣдствій много, Севастополь также потерпитъ отъ наводненія.

87.

6-го декабря.

Сегодня было событие изъ ряда обыкновенныхъ, торжество веліе въ церкви Іерусалимской, а именно къ торжеству именинъ нашего императора присоединено было торжество хиротоніи архимандрита Ѳотія въ архіереи филадельфійскіе. Въ 1882 году или 1883—не помню, онъ былъ выбранъ въ патріархи церковью и паствою іерусалимскою и всей Палестины; но по интригамъ нѣкоторыхъ старшихъ, кому онъ довѣрился, султанъ ему фирманъ не прислалъ, и за молодостью лѣтъ ему было отказано, послѣ трехъ мѣсячной патріаршей дѣятельности. Назначенъ былъ тогда архимандритъ Никодимъ, бывшій настоятелемъ много лѣтъ въ Москвѣ на Іерусалимскомъ подворьѣ. Пріѣхавшій изъ Москвы, вновь назначенный патріархъ требовалъ отъ Ѳотія актъ его избранія, но Ѳотій ему отказалъ. Этотъ отказъ привелъ къ тому, что Никодимъ сослалъ его на Синай въ заточеніе, гдѣ въ изгнаніи находился 7 лѣтъ. Послѣ Никодима патріархомъ былъ нареченъ Герасимъ, человѣкъ святой жизни. Ѳотій рѣшился возвратиться въ Іерусалимъ тайно до прибытія Герасима, бывшаго въ то время патріархомъ въ Дамаскѣ. Намѣстникъ, преосвященный Никифоръ, его принялъ и по прибытіи патріарха Герасима, оцѣнившаго его необычайный умъ и знаніе, былъ сдѣланъ его епитропомъ. Ѳотій трудился усердно, помогалъ патріарху во всѣхъ дѣлахъ, получилъ званіе члена синода и секретаря его блаженства. Братъ Ѳотія женился на сестрѣ патріарха, и такимъ образомъ состоялось родство. Патріархія, т. е. старшіе іерархи, возненавидѣли Ѳотія, а патріархъ безъ Ѳотія ничего не рѣшалъ. Наконецъ патріархъ умеръ; назначенъ былъ намѣстникъ преосвященный Деміанъ. Такъ какъ Ѳотій былъ хорошъ съ Деміаномъ, то всѣми силами старшіе члены синода не желали утверждать Деміана въ патріархи, говоря, что Ѳотій будетъ править за него всею церковью Палестины, требовали, чтобы Ѳотій былъ удаленъ изъ синода, гласно требовали, чтобы его сослали на Синай, говоря, что онъ богатѣетъ, опустошая всѣ доходы патріархіи. Однажды хотѣли выгнать его изъ синода, но онъ устоялъ и просилъ доказать его вину. Наконецъ намѣстникъ сталъ патріархомъ, а Ѳотій, вмѣсто изгнанія на Синай, возведенъ при самомъ торжественномъ богослуженіи въ архіереи филадельфійскіе, но жить будетъ въ патріархіи, какъ жилъ, и помогать блаженнѣйшему.

88.

14-го декабря.

Погода холодная, дожди, сегодня пасмурно, поднимается вѣтеръ, страсть какъ море бушуетъ, было нѣсколько несчастій. Благодарю Бога,

что я не рискнула ѣхать; у меня нынѣшній годъ сыро, прошу Бога поддержать мое здоровье до выѣзда въ Россію. Поклонниковъ мало, съ прошлымъ пароходомъ пріѣхали только 17 русскихъ; всѣхъ теперь въ Палестинѣ и въ греческихъ монастыряхъ не болѣе 150 человѣкъ.

89.

2-го февраля 1898 г.

Грустно мнѣ, что не была въ церкви, по случаю снѣга, дождя и морозовъ. Зима нынѣшній годъ въ Іерусалимѣ жестокая и дома холоднѣй, чѣмъ на воздухѣ; нѣтъ ни печей, ни двойныхъ оконныхъ рамъ, всѣ мерзнутъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и я страдаю. Бывало, у меня отъ 7 до 10 град.; я было ожила, но сегодня до 8 только градусовъ, вездѣ сыро, на террасѣ вода, вода пробивается въ стѣны. Дверь, на которой были повѣшены платья, была даже мокрая, одежду просушили, а дверь вытерли. Признаюсь, что, при моихъ долголѣтнихъ ревматизмахъ, это чудо, что я еще не слегла. Господь меня хранитъ, и помощью Его только я переношу Іерусалимскую зиму 1897 и 98 года, а прошлый 1896—97 г. было настолько тепло, что мы наслаждались, не видя ни холода, ни сырости. Слава Богу, цистерны наполняются водою, а то всѣ унывали, что не будетъ воды и будутъ лѣтомъ умирать отъ жажды; въ февралѣ ждутъ перемѣны погоды на лѣто. Теперь здѣсь говорятъ о будущемъ пріѣздѣ императора германскаго. Султанъ назначилъ для встрѣчи его здѣсь въ Іерусалимѣ 18.000 солдатъ изъ Константинополя, изъ нихъ 3.000 гвардейцевъ, ждутъ его къ Пасхѣ, богомольцевъ прибываетъ теперь съ каждымъ пароходомъ, не смотря на холодную и бурную морскую погоду.

90.

3-го февраля.

Встала въ 6 час. Зима настоящая, морозъ, всѣ крыши и земля покрыты снѣгомъ на четверть аршина. Филарета и Матрена крехтятъ, хотя одѣты по-россійски, я также вся въ ватошникахъ. Въ комнатѣ 8 гр. теп., на дворѣ 2 град. мороза, снѣгъ клочьями летитъ, покрывая весь Іерусалимъ; всю ночь шелъ дождь.

91.

11-го февраля.

Вотъ уже и масленица. Время идетъ, дни текутъ и приближаемся мы также къ жизни загробной. Пока не было поклонниковъ изъ Россіи, было въ Іерусалимѣ тихо; притихли сплетни, а теперь всякій па-

роходъ привозитъ нѣсколько сотъ человѣкъ, и жалобы поклонниковъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

92.

12-го февраля.

Сегодня была сильная гроза; молнія и раскаты грома величественны въ Іерусалимѣ. Стало тепло въ воздухѣ, было 22 градуса на солнцѣ; я открыла окошко и наслаждалась возвращеніемъ лѣта.

Гроза была сильная, градъ, дождь; поклонники пріѣхали вчера на послѣднемъ пароходѣ, пріѣхалъ во время сильной бури и принцъ Кобургскій, сынъ Маріи Александровны, юноша 18 лѣтъ, католическаго вѣроисповѣданія. Стоялъ онъ у обѣдни въ церкви Маріи Магдалины, былъ на Елеонѣ въ русской церкви, вчера поѣхалъ съ архимандритомъ Рафаиломъ на Іерихонъ и на Іорданъ, потому что у католиковъ нѣтъ убѣжища на Іорданѣ; былъ у Св. Гроба и на Голгофѣ, и по всѣмъ святымъ мѣстамъ Воскресенскаго храма его водили.

93.

17-го февраля.

Въ Троицынъ день была я у его блаженства патріарха, онъ настолько внимателенъ, что даже принесъ мнѣ золотой крестикъ съ вопросомъ, хорошъ ли онъ будетъ для помѣщенія на Голгофѣ, если я пожелаю, чтобы онъ былъ побольше, то онъ закажетъ другой; я ему отвѣтила: «Ваше блаженство, Покровскому Балашовскому монастырю благословеніе ваше будетъ одинаково дорого, въ маломъ или большомъ видѣ, лишь бы только въ немъ были бы положены частицы животворящаго древа и камень Св. Гроба и Голгофы» и просила его мнѣ дать этотъ приготовленный крестъ до вложенія въ оный святыни, дабы устроить надлежащій ковчегъ, если приготовленный будетъ малъ. Онъ этому обрадовался и передалъ его мнѣ.

94.

5-го марта.

Господь привелъ меня быть въ Іерусалимѣ во второй разъ въ великомъ посту. Наплывъ народа въ настоящемъ году небывалый, не смотря на постоянныя морскія бури и холода; все вздорожало. У Св. Гроба толпа и день и ночь, всякій пароходъ привозитъ нѣсколько сотъ поклонниковъ, всѣ спѣшатъ къ Пасхѣ, квартиръ нѣтъ. Католики останавливаются въ гостиницахъ, принадлежащихъ францисканамъ; иностран-

цевъ сюда наѣхало до 2.000. Наши русскіе въ Палестинѣ бѣдствуютъ, ихъ теперь до 3.000, ждутъ еще 2.000, а помѣщенія нѣтъ.

95.

17-го марта.

День сегодня теплый, мы посидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена Спасителя лежали разслабленные и больные, напились свѣжей воды, и я повела моихъ спутниковъ отца Алексѣя и діакона отца Андрея, обѣдавшихъ у меня въ этотъ день во французскій сиротскій пріютъ, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Преторіи повели Христа на судъ, гдѣ онъ стоялъ обагренный кровью. Прошли черезъ ту самую арку, черезъ которую Спаситель міра шелъ на вольную смерть. Тутъ неистовали іудеи, крича: «Распни, распни Его»; тутъ Его заставили нести крестъ. Въ память того и сдѣланъ тутъ таковой же крестъ, поставленный на пьедесталѣ. Отецъ Алексѣй плакалъ отъ радости, что ему пришлось пройти крестнымъ путемъ и самымъ тѣмъ мѣстомъ, не всѣмъ доступнымъ, потому что ни греки, ни палестинскіе кавасы туда не заходятъ. Знаніе французскаго языка дало мнѣ возможность быть тамъ и узнать то, что греки скрываютъ.

Было уже поздно, когда мы подошли къ мѣсту, огражденному турками,—это казармы. На этомъ мѣстѣ стоялъ Іисусъ Христосъ передъ Пилатомъ, такъ какъ казармы устроены въ его домѣ. Чѣмъ болѣе здѣсь живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ хитрости грековъ, турки честнѣй и любвеобильнѣй къ русскимъ; греки любятъ только наши деньги. Трудно съ ними жить русскому безъ денегъ. Въ настоящее время наплывъ паломниковъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій очень великъ.

96.

18-го апрѣля.

Теперь дѣло рѣшено, если погода будетъ благопріятствовать, то выѣду 29-го числа сего мѣсяца; одно только можетъ остановить меня на одну недѣлю, это возвращеніе поклонниковъ изъ Назарета. Однимъ словомъ въ концѣ мая надѣюсь быть въ Балашовѣ.

97.

18-го апрѣля.

Слава Богу, время приближается къ выѣзду на родину. Жаль разставаться съ Св. Гробомъ и со всѣми святынями Палестины. Добрѣйшій Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ тоже спѣшитъ ѣхать обратно въ

Москву 22-го, т. е. черезъ три дня, а я рѣшилась ѣхать 5-го мая, потому что мнѣ сказали, что 29-го на пароходъ сядутъ не менѣе 800 русскихъ паломниковъ, а, можетъ, наберется и цѣлая тысяча, а 5-го числа будетъ много свободнѣе. Самое лучшее и безопасное плаваніе въ маѣ мѣсяцѣ. Итакъ, если доживу, то выѣду изъ Іерусалима 2-го мая, а 5-го поѣду прямымъ путемъ на Александрію.

98.

31-го мая.

Вотъ я и въ Яффѣ. Остановилась у францисканов въ ихъ пріютѣ для пріѣзжающихъ, имѣю два хорошіе номера, кавасу третій. Гостиница на берегу моря, рядомъ съ таможней. Сегодня день великолѣпный, море, какъ стекло, тихое. Слава Богу, дождалась «Россіи», на ней я поѣду обратно.

99.

4-го іюня.

Слава Богу, мы доѣхали до Александріи благополучно, вчера морскія свиньи возвѣстили намъ своей игрой наступленіе морской зыби, т. е. самой мучительной качки для слабонервныхъ особъ. Въ 4 часа мы выѣхали изъ Портъ-Саида, всю ночь качало сильно до самой остановки парохода, который присталъ къ Александріи въ $7^1/_2$ ч. утра. Ночь прошла, всѣ перешли на пароходъ «Чихачевъ», я одна осталась на «Россіи». Жара страшная, но въ моей каютѣ два окна, воздухъ чистый, всѣ служащіе ко мнѣ благоволятъ, начиная съ капитана, помнящаго меня съ 1896 года, когда я ѣхала въ Іерусалимъ.

100.

7-го іюня.

Четвертый день мы стоимъ въ Александріи въ бухтѣ Средиземнаго моря. На пароходѣ народа нѣтъ, одни служащіе, море тихое, синеголубое, тишина, солнце сіяетъ, набережная великолѣпная, городъ европейскій. Всѣ дни не была въ силахъ осмотрѣть городъ и поклониться мѣсту мученій великомученицы Екатерины; но сегодня воскресеніе, пойду въ патріархію къ обѣднѣ и помолюсь великомученицѣ. Въ два часа придетъ пароходъ «Царь» изъ Одессы, наѣдутъ изъ Россіи паломники, и тишина трехдневная замѣнится обычной суетой.

101.

11-го іюня.

Сегодня день тихій, по милости Божіей миновалась трехдневная буря, начавшаяся въ Александріи съ вечера. Въ Портъ-Саидѣ мы были

днемъ, пароходъ былъ на якорѣ, но когда вышелъ, былъ сильный вѣтеръ; тронулись въ 4 часа дня, въ 6 часовъ на палубѣ стали служить молебенъ, матросы предвѣщали сильную бурю. Въ 5 ч. мы остановились передъ Яффскимъ берегомъ, пароходъ качался, я съ трудомъ дошла до палубы, уставши отъ сильной качки. На Яффскомъ берегу бушевало море, мертвенная зыбь обѣщала опять мучительную качку. До 7-го часа никто изъ Яффы не рѣшался доѣхать до парохода, наконецъ явились кавасы съ пассажирами, море стало успокаиваться, но въ 4 часа вѣтеръ опять поднялся.

102.

12-го іюня.

Море немного бушуетъ, пароходъ началъ опять плыть скорымъ ходомъ, но зыби нѣтъ, мало качаетъ, я въ своей каютѣ, но мысленно переношусь въ Балашовъ.

103.

15-го іюня.

Два съ половиною дня мы шли безъостановочно посреди Средиземнаго моря. Въ началѣ 3-хъ часовъ мы вступили въ Архипелагъ, прошли мимо острововъ Родоса, Патмоса и Хіоса. Самый лучшій Родосъ по мѣстоположенію, по постройкамъ и его берегамъ, народонаселеніе греческое во всѣхъ трехъ островахъ. Невѣріе и нерадѣніе грековъ видится всюду; ни одной выдающей церкви или колокольни, нигдѣ креста не увидишь; даже на островѣ Патмосѣ, гдѣ существуетъ пещера, въ которой св. Іоаннъ Богословъ писалъ Св. Евангеліе, ничѣмъ не ограждена, нѣтъ даже на томъ мѣстѣ и часовни. Тому часъ, какъ мы остановились въ Смирнѣ, эта набережная представляетъ адъ кромѣшный: шумъ, крикъ, пароходы снуютъ взадъ и впередъ, набережная великолѣпная, лучше Константинопольской.

104.

18-го іюня.

Слава Богу, мы съ утра въ Константинополѣ. Смирна оставила во мнѣ самое тяжелое впечатлѣніе; выѣхавъ изъ Смирны, мы плыли безостановочно около двухъ сутокъ, погода хорошая, качки не было; завтра вечеромъ поѣдемъ въ Одессу и 21-го утромъ будемъ на сушѣ. Пароходная жизнь становится въ тягость. Сегодня Господь насъ спасъ, а въ Константинопольской бухтѣ, сегодня же утромъ пароходъ «Царица», нагруженный товаромъ въ Петербургъ, былъ пробитъ въ 4-хъ мѣстахъ пароходомъ австрійскимъ. Теперь этотъ пароходъ поставленъ на мель,

товары въ агентство выгружаютъ, горе тамъ бывшимъ, всѣ разошлись по константинопольскимъ гостиницамъ.

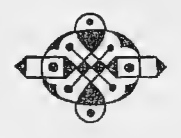
105.

21-го іюня.

Я въ дорогой Россіи!

Въ десять часовъ утра 11-го августа 1898 года мать Митрофанія скончалась въ Москвѣ, въ квартирѣ своей родной сестры. На похороны съѣхались всѣ родные, и во время панихидъ собиралось множество народа, которые прибыли проститься съ нею въ послѣдній разъ. Панихиды шли почти безпрерывно. Пріѣзжали настоятели монастырей и подворій со своими пѣвчими. Пріѣзжала изъ Серпухова цѣлая депутація, что же касается до Московской Петровской общины, то она была въ полномъ составѣ. У гроба покойной дежурили попеременно монахини только Серпуховскаго и Алексѣевскаго монастырей, да сестры Покровской общины. Погребеніе по желанію сестры покойной послѣдовало въ Покровской общинѣ напротивъ алтаря. Шествіе погребальное, когда вышло на Петровку, то растянулось во всю длину—такая была масса провожающихъ.

Сообщилъ **князь А. Дадіанъ.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія.—Историчеjкіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Приложенія.

Библіографическій листокъ.

---

10 (22)—17 (29). Путешествіе и возвращеніе въ Лондонъ.

18 (30) мая, четвергъ. Визиты. Къ Вяземской, которая уже уѣхала; къ Бунзену, котораго нѣтъ въ городѣ; къ Бруму, котораго наконецъ засталъ. Зала, гдѣ бюсты Фокса [1]), Питта, Нютона и его матери. Картина Веронеза, принадлежащая Іосифу Бонапарте. Группа Меркурій. Фидіасовъ Аполлонъ, принад(лежавшій) также І(осифу) Бонапарте. Знакомство съ Lady Brocham [2]). Кабинетъ: маски Невтона, Мирабо и Кромвеля. Снидер(с)овы [3]) картины. Къ Lady Pembroke. Къ сиръ Роберту Пиль: трудность объясняться, отъ чего и пробылъ недолго. Разговоръ съ Орловымъ. Великій к(нязь) читалъ письмо Веймарскаго герцога и изъ Дармштадта. Обѣдъ у Поццо съ Пемброкъ, Завадовской, Шуазель, Воронцовой. Подлѣ меня за столомъ Завадовская. Вечеръ укладка [4]).

27 мая (8 іюня), суббота [5]). Съ директоромъ Städ(elsche) Institut въ atelier(s). Teichs—Richard Coeur de Lion. Rustige [6])—Цыганы. Reifenstein—ландшафты. Veit [7])—портретъ. Лазинскій [8]). У инспектора Вендельштеда [9]). Картины J. Bellini, Рафаеля, Фьезоле. Скульпторъ Цвейгеръ [10]). Съ в(еликимъ) к(няземъ) на выставкѣ. Обѣдалъ у гр(афини) Вьельгорской [11]). Вечеръ съ Тургеневымъ [12]) и Радовицемъ. Пруссія. Сила ея въ мелкой аристократіи; въ арміи бѣдность офицеровъ и корпусный духъ ограда дисциплины. Мистики Среднихъ вѣковъ. Гегелисты. Идея Бога.

28 мая (9 іюня), воскресенье. Утромъ у Радовица; у Вьельгорской. Пріѣздъ Рейтерна. Madame Gille [13]). Поѣздка въ Дармштадтъ. Оста-

---

[1]) См. выше, стр. 490, прим. 9-е.

[2]) Т. е. Brougham.

[3]) Frans Snyders (†1657 г.), фламандскій живописецъ.

[4]) Далѣе въ дневникѣ замѣчено: „Путешествіе въ корпчн(евой) рисов(альной) книгѣ Англіи“. Альбомъ этотъ, въ которомъ записаны путевыя замѣтки съ 19 по 26 мая, принадлежитъ сыну поэта П. В. Жуковскому.

[5]) Пребываніе во Франкфуртѣ.

[6]) Heinrich v. Rustige (р. 1810), историческій живописецъ.

[7]) См. выше, стр. 292, прим. 4-е.

[8]) См. выше, стр. 231, прим. 7-е.

[9]) Фамилія написана въ дневникѣ невѣрно; слѣдуетъ читать: Вендельштадтъ. Карлъ-Фридрихъ Wendelstadt (р. 1785†1840), живописецъ, былъ инспекторомъ Städelsche Institut.

[10]) Фамилія въ дневникѣ написана ошибочно; слѣдуетъ читать: Цвергеръ (Johann-Nepomuk Zwerger, р. 1796†1868).

[11]) У графини Луизы Карловны Віельгорской.

[12]) Александромъ Ивановичемъ.

[13]) Вѣроятно, жена преподавателя наслѣдника Флоріана Антоновича Жилля.

новились во дворцѣ. При великомъ князѣ генералъ—[1]) и камергеръ—[1]). Балъ въ оранжереѣ. Принцесса наслѣдная — [2]), принцесса Елизавета [3]); принцъ Эмиль [4]). Витгенштейнъ [5]). Принцесса Марія [6]). Ловкость и достоинство. За ужиномъ подлѣ M-e Falk, сентиментальная вдова.

29 мая (10 іюня), понедѣльникъ. Дармштадтъ. Обѣдъ въ Schloss'ѣ. Театръ Norma [7]). M-lle Hasselt. Завтракъ въ саду. Игры.

30 мая (11 іюня), вторникъ. Дармштадтъ. Въ библіотеку. Feder [8]). Поѣздка въ Alsburg. За столомъ подлѣ княгини Витгенштейнъ [9]). Разговоръ съ Орловымъ. Рисованье. Вечеръ у принца Карла [10]).

31 мая (12 іюня), середа. Утромъ съ Моллеромъ архитекторомъ [11]) у Шильбаха, у Фельзинга [12]) и у Лукаса. Поѣздка въ Оппенгеймъ. Дорога по равнинѣ. Старое ложе Неккара. Gelbe Haus. Церковь полуразрушенная (сооружена въ войну на время). На порталѣ Благовѣщеніе. Богъ дуетъ, и Христосъ съ крестомъ вслѣдъ за Св. Духомъ влетаетъ въ ухо Богоматери. Прекрасный готическій стиль. Памятникъ 1-го Далберга, женившаго(ся) на послѣдней Бонебургъ, и ихъ дочери. Видъ съ балкона. Чудный вечеръ и захожденіе солнца. Видъ на Таунусъ и Оденвальдъ, которые подымаются надъ Рейномъ. Яркость всѣхъ пунктовъ. Запахъ.

1 (13) іюня, четвергъ. Поѣздка въ Оденвальдъ съ Шильбахомъ. Письмо отъ Вьельг(орскаго).

2 (14) іюня, пятница. Къ артистамъ. Осмотръ картинной галлереи. Фамильный обѣдъ. Письмо отъ Кривцова [13]). Вечеръ въ шлоссѣ.

---

[1]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

[2]) Наслѣдный принцъ Гессенскій Лудвигъ былъ женатъ на принцессѣ Матильдѣ Баварской.

[3]) Супруга принца Карла Гессенскаго, дочь принца Прусскаго Вильгельма (брата короля Фридриха-Вильгельма III).

[4]) Братъ великаго герцога Гессенскаго, фельдмаршалъ-лейтенантъ австрійской службы.

[5]) Князь Августъ Витгенштейнъ, генералъ-адъютантъ великаго герцога Гессенскаго.

[6]) Дочь великаго герцога, невѣста наслѣдника, будущая императрица Марія Александровна.

[7]) Опера Беллини.

[8]) Карлъ-Августъ-Лудвигъ Федеръ (Feder, р. 1799 † 1856), директоръ Дармштадтской придворной библіотеки.

[9]) Жена князя Августа Витгенштейна (см. выше, прим. 5-е).

[10]) Сынъ великаго герцога Гессенскаго Лудвига II.

[11]) Извѣстный дармштадтскій архитекторъ Георгъ Моллеръ (р. 1784 †1852).

[12]) Граверъ Jakob Felsing (р. 1802†1883).

[13]) См. выше, стр. 286, прим. 2-е.

3 (15) іюня, суббота. Охота. Князь Барятинскій. Обѣдъ въ шлоссѣ, я подлѣ Витгенштейна. La muette de Portici [1]). Ужинъ въ шлоссѣ. Прощаніе съ принц(ессою) Маріею. За ужиномъ подлѣ M-elle Grancy [2]).

4 (16) іюня, воскресенье. Выѣздъ изъ Дармштадта. Во Франкфуртѣ кн(ягиня) Вяземская [3]). Встрѣча съ Кокомъ [4]). У меня Рейтернъ. Разговоръ о нашемъ дармштатскомъ дѣлѣ [5]). Съ Рейтерномъ къ Убрилю [6]), оттуда съ M-e Panhuys [7]), потомъ къ Радовицу, у котораго обѣдалъ. Радовицъ разсказывалъ о офицерскихъ проказахъ въ Берлинѣ и о прогулкѣ конницы: Кнобельсдорфъ совсѣмъ голый.—Вечеръ у Радовица и у Убриля.

5 (17) іюня, понедѣльникъ. Пребываніе во Франкфуртѣ. Поутру у Панхюсъ. У меня Фейтъ [8]). Разсматр(иванье) рисунковъ. Визиты Мещерскимъ. Обѣдъ у ве(ликаго) князя. Бреханье на Кавелина. Вечеръ у Радовица. M-e Günderode [9]).

6 (18) іюня, вторникъ. Выѣздъ изъ Франкфурта. Радовицъ. Покупка коляски. Ночевали въ Альфельдѣ. Старинный городъ. Я въ той горницѣ, гдѣ ночевалъ Лютеръ на пути въ Вормсъ.

7 (19) іюня, середа. Пріѣздъ утромъ въ Виллин(гс)гаузенъ. Обѣдъ подъ старыми деревьями. Ввечеру музыка. Чудный вечеръ.

8 (20) іюня, четвергъ. Рисованье. Елизавета [10]). Завтракъ подъ деревомъ. Обѣдъ на старомъ мѣстѣ. Музыка. Vergiss mein nicht; Родева [11]) фантазія, Беетговенъ и Мендельзонъ. Мысль о Вьельгорскомъ. Поѣздка въ лѣсокъ. Knillgebirge. Охотничья жизнь. Вечеръ опять музыка. Don Juan. Наканунѣ. Les deux journées. (Саша [12]) и Вьельгорскій) [13]).

23 іюня, пятница. Пріѣздъ въ Петергофъ. Встрѣча съ госуда-

---

[1]) Опера Обера.

[2]) Воспитательница принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадтской.

[3]) Жена князя П. А. Вяземскаго, княгиня Вѣра Ѳедоровна.

[4]) См. выше, стр. 475, прим. 1-е.

[5]) Т. е., что принцесса Марія Гессенъ-Дармштадтская сдѣлалась невѣстою наслѣдника.

[6]) См. выше, стр. 400, прим. 4-е.

[7]) См. выше, стр. 401, прим. 1-е.

[8]) См. выше, стр. 292, прим. 4-е.

[9]) Госпожа von Günderode, франкфуртская хорошая знакомая семейства Рейтерна (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild", стр. 128).

[10]) Дочь Гергардта Рейтерна, будущая жена Жуковскаго.

[11]) Pierre Rode (р. 1774†1830), віолончелистъ и композиторъ.

[12]) Александра Андреевна Воейкова, племянница Жуковскаго.

[13]) Затѣмъ въ дневникѣ замѣчено: „Пятница, 9 (21) до 24 іюня въ рисовальной книгѣ". Эти путевыя замѣтки съ 9 (21) по 23 іюня находятся въ одномъ изъ альбомовъ съ рисунками Жуковскаго, принадлежащихъ сыну поэта, П. В. Жуковскому.

*

ремъ и съ царскимъ семействомъ. Прежде явленіе генералъ-адмирала [1]). Потомъ государя, который пріѣхалъ къ нашему пароходу на катерѣ со всѣми. Прелестная, трогательная минута. Въ Александріи свиданіе съ великою княгинею [2]). Обѣдъ за маршалскимъ столомъ. Поѣздка въ Петербургъ.

24 іюня, суббота. Утро. У Вьельгорскаго, Козлова [3]), Орлова [4]), Вяземскаго. Выставка. Посѣщеніе Зимняго дворца. Возвращеніе въ Петергофъ. Балъ въ Большомъ дворцѣ.

25 іюня, воскресенье. Поздравленіе императрицы [5]). Свиданіе съ Смирновою [6]), съ Блудовымъ. Всѣ наши пожалованы. А мнѣ не знаю, оплеуха, или нѣтъ. Обѣдъ за маршалскимъ столомъ. Я подлѣ Смирновой. Балъ въ Монплезирѣ.

26, понедѣльникъ. Парадъ кадетовъ. Великій князь во фрунтѣ. Чтеніе моего письма великому князю. Обѣдъ за маршальскимъ столомъ. Подлѣ меня Кленце [7]). Послѣ обѣда въ Александріи. Чай у Марьи Николаевны [8]); потомъ къ Ушакову [9]); потомъ вечеръ у Шамбо [10]). Киль [11]). Старикъ Врангель [12]).

27, вторникъ. У меня Жиль [13]), Розенъ [14]) и живописецъ Дицъ [15]). Поѣздка на пароходѣ въ Петербургъ. Разсматриваніе моего альбома. Приданое М(аріи) Н(иколаевны). Дворецъ, чудно воздвигнутый [16]) снова въ одинъ годъ: совершенный образецъ Россіи; огромно, безъ точности, безъ общей связи, выраженіе од(ной) общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражаетъ тотъ характеръ, который

---

[1]) Великаго князя Константина Николаевича.

[2]) Великою княгинею Еленою Павловною.

[3]) Поэта Ивана Ивановича.

[4]) Графа Алексѣя Ѳедоровича.

[5]) По случаю дня рожденія государя.

[6]) Съ извѣстною Александрою Осиповною Смирновою, рожд. Россетъ.

[7]) См. выше, стр. 413, прим. 3-е.

[8]) Великой княжны.

[9]) Вѣроятно, къ генералъ-адъютанту Павлу Петровичу Ушакову, состоявшему при наслѣдникѣ.

[10]) См. выше, стр. 55, прим. 7-е.

[11]) См. выше, стр. 207, прим. 3-е.

[12]) Отецъ профессора барона Е. В. Врангеля (преподававшаго наслѣднику законовѣдѣніе), девяностолѣтній баронъ Бернгардъ-Вильгельмъ Врангель (р. 1748†1845). Ср. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 469.

[13]) См. выше, стр. 206, прим. 2-е.

[14]) Баронъ Егоръ Ѳедоровичъ Розенъ (р. 1800 † 1860), писатель, бывшій въ 1835—1840 гг. секретаремъ наслѣдника.

[15]) Вѣроятно, нѣмецкій историческій и батальный живописецъ Feodor Dietz (р. 1813†1870).

[16]) Зимній дворецъ послѣ пожара 17-го декабря 1837 года.

далъ Россіи Петръ Великій: Скорѣй во что бы то ни стало. Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ ли, назадъ ли, все равно.—Прекрасный жаркій день и прелестный видъ моря. Грустное чувство на порогѣ разставанія. Поздняя прогулка и разговоръ съ добрымъ и умнымъ Баженовымъ [1]).

2 (іюля). День свадебный [2]). 2 Владиміръ и табакерка [3]). Милая императрица, идя изъ церкви, подала мнѣ руку. Прибытіе эрцгерцога Альберта [4]), сына эрцгерцога Карла. Съ нимъ Лихтенштейнъ, Кралль, Вернгардъ. Капитанъ Браулицъ.

11. Иллюминація. Бѣдствіе, которому не дай Богъ быть пророчествомъ. У меня Рейтернъ съ женою и дочерьми и маленьк(ій) Бравура.

Съ 14 по 18 въ Петербургѣ. Осмотръ вмѣстѣ съ Рейтерномъ Брюловой рабочей. Осмотръ Эрмитажа. У Клод(т)а [5]), у ла Дюрнера [6]). Съ Кленце и Муравьевымъ [7]) въ Исакіевской церкви.—Эленшлегеровъ сынъ [8]).

18, вторникъ. Въ Петергофѣ. Поутру у маленькихъ великихъ князей. Писаніе, чтеніе, географія. Pas assez de tranquillité [9]). У Юліи Ѳедоровны [10]). У Кавелиной [11]) и потомъ у Кавелина, разговоръ о Китаевѣ [12]). Пріѣздъ графа де Браге, съ братомъ [13]) и съ нашимъ бывшимъ капитаномъ на пароходѣ Gulf [14]). За маршальскимъ столомъ близъ него. Вечеръ въ Знаменскомъ. Игры. Благодареніе государя. За столомъ съ Браулицемъ и Краллемъ.

19, середа. Въ Петергофѣ. Поутру у в(еликихъ) княженъ. Показы-

---

[1]) Съ законоучителемъ великихъ княженъ, протоіереемъ Василіемъ Борисовичемъ Бажановымъ (р. 1800 † 1883).

[2]) 2-го іюля 1839 года состоялось бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскомъ.

[3]) Т. е. Жуковскій получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени и табакерку.

[4]) Эрцгерцога Австрійскаго.

[5]) Скульпторъ баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ фонъ Юргенсбургъ (р. 1805†1867).

[6]) Профессоръ батальной живописи Адольфъ Игнатьевичъ Ладюрнеръ.

[7]) Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ (см. выше, стр. 344, прим. 1-е).

[8]) Быть можетъ, сынъ датскаго поэта Эленшлегера (Adam-Gottlob Oehlenschläger, р. 1779 † 1850), съ которымъ Жуковскій познакомился въ 1838 г. въ Копенгагенѣ (см. выше, стр. 392).

[9]) Т. е. Недостаточно спокойствія.

[10]) Барановой, воспитательницы великихъ княженъ.

[11]) У жены А. А. Кавелина, Марьи Павловны, рожд. Чихачевой.

[12]) См. выше, стр. 318.

[13]) Шведскіе оберъ-гофмаршалъ и оберъ-шталмейстеръ.

[14]) См. выше, стр. 387.

валъ рисунки Ольгѣ Николаевнѣ. Видѣлъ государыню и государя. О картинахъ Рейтерна. Встрѣча съ Толстымъ[1]) и великимъ княземъ. Обѣдъ за маршалскимъ столомъ близъ Головкина[2]). Пріѣздъ Нидерландскаго принца. Съ нимъ. Послѣ обѣда ѣздилъ къ Одоевскому[3]), живущему на дачѣ Бека. У меня Лобановъ[4]).

20, четвергъ. Все утро дома. У Барановой. Обѣд(алъ) за маршальскимъ столомъ en tête à tête съ к(няземъ) Долгорукимъ[5]). Послѣ обѣда у графини Разумовской[6]). Разговоръ съ M-elle Gisella. Къ Лобанову. Поѣздка за Маркусомъ[7]) для больнаго Рауха и разговоръ съ Маркусомъ.

21, пятница. У меня сумасшедшій Боргъ (Miss Casalet). Утро дома. Обѣдалъ у кн(язя) Одоевскаго. Вечеръ у графини Разумовской: графиня Росси[8]) и Пожжіо. Дуэтъ изъ Лучіи[9]). Французскій романсъ. Хоръ изъ Somnambule[10]). Grâce.

22, суббота. Именины М(аріи) Николаевны. Въ Александріи; милое поздравленіе. У обѣдни. Обѣдалъ у Барановой съ Адлербергомъ и Пашковыми. Ввечеру балъ въ Знаменскомъ. Разговоръ съ графинею Воронцовою.

23, воскресенье. Поутру кончилъ Грееву элегію[11]).

Отъ 23 до 31 не записано.

30, воскресенье. Въ Петербургѣ. Ввечеру у Бравуры. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда у Дашкова[12]).

31, понедѣльникъ. Обѣдалъ у Дашкова.

1 августа, вторникъ. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Чудесная музыка Серве и Вьетана[13]). Былъ у Вяземскаго.

---

[1]) Иваномъ Матвѣевичемъ (см. выше, стр. 487, прим. 2-е), съ 29 іюня 1839 г. назначеннымъ въ должность шталмейстера двора наслѣдника.

[2]) Оберъ-камергеръ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ († 1846).

[3]) Князю Владиміру Өедоровичу.

[4]) Вѣроятно, генералъ-адъютантъ князь Алексѣй Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій.

[5]) Съ оберъ-гофмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ.

[6]) У графини Марьи Григорьевны Разумовской, рожд. княжны Вяземской (р. 1772 † 1865), вдовы гр. Льва Кирилловича Разумовскаго.

[7]) См. выше, стр. 346, прим. 7-е.

[8]) Жена сардинскаго посланника въ Петербургѣ.

[9]) См. выше, стр. 494, прим. 8-е.

[10]) Опера Беллини.

[11]) Т. е. новый переводъ элегіи Грея „Сельское кладбище". Этотъ переводъ „Сельскаго кладбища", исполненный гекзаметрами, былъ, какъ извѣстно, сдѣланъ Жуковскимъ въ маѣ 1839 г. во время пребыванія его въ Виндзорѣ.

[12]) У Дмитрія Васильевича Дашкова.

[13]) Adrien-François Servais (р. 1808 † 1866), извѣстный віолончелистъ, а Henri Vieuxtemps (р. 1820†1881), знаменитый скрипачъ.

2, середа. Обѣдалъ дома съ Тепляковымъ[1]. Вечеръ у Козловскаго[2]. Потомъ у Бравуры съ Робертсомъ.

3, четвергъ. Разные визиты. Обѣдалъ съ Вяземскимъ у Дюме[3]. Возвращеніе въ Петергофъ.

4, пятница. Былъ у великаго князя; холодность непонятная. Потомъ къ К(онстантину) Николаевичу. Маленькій экзаменъ. Обѣдалъ у в(еликой) княгини Е(лены) П(авловны) съ Опочининымъ[4], Матусевичемъ[5] и Воронцовымъ[6]. Смѣшные анекдоты: Толстой[7], что̀ у пр(инца) Ольденбургскаго, прозванъ le faisan du prince[8], потому что на билетахъ своихъ подписываетъ: faisant fonction(s) du maréchal de S. A. I. le prince d'Oldenbourg. Все послѣ-обѣда спалъ.

5, суббота. Написалъ всѣ письма. Къ Бенкендорфу. Къ Рауху. Къ Кавелину. Къ великому князю. Къ императрицѣ: прелестное созданіе, всегда одинаково добра. Разговоръ о Вильдерметъ и о себѣ. Къ Константину Николаевичу. Обѣдалъ у графини Разумовской. Вечеръ у императрицы. Былъ только одинъ императоръ, двѣ великія княжны и M-e Friedrichs[9]. Показывалъ свои рисунки и выпросился въ отпускъ до половины октября.

6, воскресенье. Обѣдня въ Александріи. Послѣ обѣдня у меня Бобринскій[10], и потомъ я у него обѣдалъ. Вечеръ дома.

7, понедѣльникъ. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Гроза.

8, вторникъ. Обѣдалъ у Конст(антина) Николаевича. Выходъ кадетовъ. Вечеръ въ Крейтѣ.

9, середа. Обѣдалъ у графини Разумовской. Балъ у Орлова. Раз-

---

[1]) Съ поэтомъ Викторомъ Григорьевичемъ Тепляковымъ (р. 1804†1842).

[2]) У князя Петра Борисовича Козловскаго (р. 1783 † 1840), бывшаго посланника въ Штутгартѣ и Туринѣ, состоявшаго въ то время въ распоряженіи намѣстника Царства Польскаго князя И. Ѳ. Паскевича.

[3]) Ресторанъ.

[4]) Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ (р. 1778 † 1852), оберъ-гофмейстеръ, а впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.

[5]) Графъ Адамъ Ѳаддеевичъ Матушевичъ (р. 1791†1842), дипломатъ, вскорѣ назначенный посланникомъ въ Стокгольмъ.

[6]) Графомъ Михаиломъ Семеновичемъ.

[7]) Камергеръ графъ Павелъ Дмитріевичъ Толстой († 1875) управлялъ гофмейстерскою частью двора принца П. Г. Ольденбургскаго.

[8]) Т. е. фазанъ принца. Тутъ игра словъ: faisan и faisant.

[9]) Баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, жена бывшаго адъютанта великаго князя Николая Павловича барона П. А. Фредерикса (см. выше, стр. 67, прим. 3-е).

[10]) Вѣроятно, графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій (р. 1800†1868), женатый на гр. С. А. Самойловой. Въ то время онъ былъ въ должности шталмейстера, состоящаго при великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ.

говоръ съ эрцгерцогомъ. Поутру у маленькихъ великихъ князей. Рисовать въ Крейтѣ.

10, четвергъ. Въ Петербургѣ. Пріѣздъ Мойера. Ввечеру у Бравуры.

11, пятница. Обѣдалъ у Дюме съ Мойеромъ и Рейтерномъ. Пріѣздъ Тургенева. Ввечеру возвращеніе въ Петергофъ.

12, суббота. Въ Петергофѣ.

До 17 въ Петербургѣ.

17. Въ Царскомъ Селѣ. Отъѣздъ въ Москву.

20. Пріѣздъ въ Москву.

25. Пріѣздъ въ Бородино.

26. Бородинскій праздникъ.

27. Возвращеніе въ Москву.

28. Кончилъ пѣсню[1]). Печатаніе.

29. Отправленіе пѣсни въ Бородино[2]).

30. Отъѣздъ Анны Петровны[3]). Въ Анг(лійскомъ) клу(бѣ).

31. Отвѣтъ изъ Бородина. Визиты. Обѣдалъ у Боде[4]). Вечеръ у Авд(отьи) Петровны[5]).

1 сентября, пятница. У меня поутру Токаревъ и Самаринъ[6]). Къ Самарину. Въ Кунцово. Къ Орлову[7]). Четвертинская и Ладомірская[8]). Князь Дундуковъ-Корсаковъ[9]). К(нязь) Гагаринъ. Александръ Раевскій съ женою[10]). Вечеръ у Елагиныхъ. Свербѣевъ[11]). Споръ о молитвѣ вмѣстѣ съ еретиками.

3, воскресенье. Пріѣздъ государя. Ввечеру у в(еликаго) князя.

4, понедѣльникъ. У в(еликаго) князя.

5, вторникъ. У Елагиныхъ обѣдалъ.

---

[1]) „Бородинская годовщина“.

[2]) При письмѣ къ наслѣднику, напечатанномъ въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 401—405.

[3]) Анны Петровны Зонтагъ (см. выше, стр. 353, прим. 2-е).

[4]) См. выше, стр. 344, прим. 4-е.

[5]) Елагиной.

[6]) Вѣроятно, Θедоръ Васильевичъ (р. 1784 † 1853), отецъ извѣстнаго славянофила, женатый на Софьѣ Юрьевнѣ Нелединской-Мелецкой.

[7]) Михаилу Θедоровичу (см. выше, стр. 345, прим. 12-е).

[8]) Сестры жены кн. Петра Андреевича Вяземскаго, княгини Вѣры Θедоровны: княгиня Надежда Θедоровна Святополкъ-Четвертинская и Софья Θедоровна Ладомирская.

[9]) Князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа (р. 1794†1869).

[10]) Александръ Николаевичъ Раевскій (сынъ генерала Н. И. Раевскаго) былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Киндяковой.

[11]) См. выше, стр. 217, прим. 3-е.

6, среда. Боленъ. Балъ у Голицына [1]).

8, пятница. У княгини Голицыной [2]).

9, суббота. Балъ у князя Голицына.

10, воскресенье. Заложеніе храма [3]). Обѣдалъ у Боде. Вечеръ у Елагиныхъ.

11, понедѣльникъ. У Четвертинскаго [4]). У Давыдова [5]). У Тончи [6]) съ княземъ Гагаринымъ. Обѣдалъ у Зубовыхъ. Послѣ обѣда свадьба Петерсона [7]).

12, вторникъ. Утромъ у меня Пратасовъ и Галатри. Разговоръ о Г. [8]). Сенъ-Жермень. Щербининъ, кн(язь) Кочубей. Карета въ 1837 г. 1 мая. Разсказы о государѣ. Поѣздка въ Ревель. Письма къ Бравурѣ. Слухи обо мнѣ.—Невозможность развода. Лучше жить вмѣстѣ. Искать мѣста.

14, четвергъ. Отъѣздъ государя. Вечеръ у Апраксина.

15, пятница. У меня Галатри. Письмо къ Бр. [9]). Къ Облеуховой. Къ Рахмановой [10]). Къ Тургеневу. Обѣдалъ у Елагиныхъ. Вечеръ. Шарады.

16, суббота. Выѣздъ. Пріѣздъ ночью.

17, воскресенье. Въ Калугѣ свиданіе съ Проташинскимъ [11]). Почтмейстеръ. Пріѣздъ въ два часа ночи къ Вельсу.

18, понедѣльникъ. Пріѣздъ въ 8 часовъ вечера въ Чернь.

19, вторникъ. Пріѣздъ въ Брягино. Засталъ за обѣдомъ. Испугъ Екатер(ины) Аѳан(асьевны) [12]).

20, середа. Съ Мойеромъ [13]) о Мейерсгофѣ. Бабарыкинъ.

---

[1]) Московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына.

[2]) Жены князя Д. В. Голицына, княгини Татьяны Васильевны (см. выше, стр. 406, прим. 6-е).

[3]) Храма Христа Спасителя.

[4]) У князя Бориса Антоновича Святополкъ-Четвертинскаго (р. 1781 † 1865), мужа кн. Н. Ѳ. Святополкъ-Четвертинской (см. выше, стр. 344, прим. 7-е).

[5]) Быть можетъ, у профессора Московскаго университета Ивана Ивановича Давыдова (р. 1795†1863).

[6]) Извѣстный живописецъ и поэтъ Николай Ивановичъ (Сальваторъ) Тончи (р. 1756†1844).

[7]) См. выше, стр. 323, прим. 1-е.

[8]) Такъ стоитъ въ рукописи дневника.

[9]) Такъ сокращенно написано въ дневникѣ.

[10]) См. выше, стр. 340, прим. 6-е.

[11]) См. выше, стр. 40, прим. 13-е.

[12]) Протасовой, сестры Жуковскаго.

[13]) Разговоръ съ Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ (который былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго Марьѣ Андреевнѣ Протасовой) относительно имѣнія Мейерсгофъ (около Дерпта), которое хотѣлъ купить Жуковскій.

21, четвергъ. У насъ Плещеевы Петръ и Григорій. Бурнашевъ. Шарады. Мои рисунки. Планъ дома.

22, пятница. Утромъ планъ. У насъ обѣдалъ Деревицкій.

23, суббота. Планъ. Рисованье портрета. Ввечеру пріѣздъ М. В. Плещеев(ой).

24, воскресенье. Поѣздка въ Муратово.

25, понедѣльникъ. У насъ орловскій священникъ. Аксинья Козминична — бѣлевскій Эдипъ. Прогулка въ Жидерскую рощу. Сраженіе съ свиньями.

26, вторникъ. Рисованье портрета Саши [1]). Послѣ обѣда прибытіе Золотарева и семейства Бабарыкиныхъ. Шахматы.

27, середа. Поутру рисованье портрета Кати [2]). У насъ Плещеевы.

29, пятница. Визитъ къ Деревицкому и Бабарыкину.

30, суббота. У насъ Бабарыкинъ съ меньшою дочерью, очень милою. Ввечеру сказки.

1 октября, воскресенье. У насъ Вельевъ, Плещеевъ Петръ съ женою, невѣсткою и двумя дочками, Варвара Алекс(ѣевна) и Григорій. Зиновьевъ съ милою женою.

3, вторникъ. Отъѣздъ изъ Муратова. Обѣдъ у Плещеевыхъ. Зиновьевы, Масловы, Подымовы, Володимеровы, Апухтины. Филиппъ Степановичъ Горинъ.

4, середа. Переѣздъ изъ Черни въ Игнатьево. Наталья Алексѣевна Левицкая.

5, четвергъ. Отъѣздъ. Часъ въ Мишенскомъ. Бѣлевъ. Коленіусъ [3]) и Максимово семейство [4]). Ночевали въ Калугѣ.

6, пятница. Пріѣздъ въ Москву въ 11-ть часовъ вечера.

7, суббота. У насъ Тургеневъ, бар(онъ) Черкасовъ, Павловъ. Обѣдалъ Гоголь. Шарады изъ Гоголя. Шереметева [5]).

8, воскресенье. Разсматривали портфели съ Черкасовымъ. Вечеръ у Шереметевой и Кирѣевскаго. Шарады.

9, понедѣльникъ. У Тургенева. Обѣдъ у Муравьевой [6]). Ввечеру чтеніе Гоголя.

10, вторникъ. Поутру рисовалъ портреты. У Боде, у Олсуфьева [7]). Послѣ обѣда въ пять часовъ выѣздъ. Ночевалъ въ Подсолнечной горѣ.

---

[1]) Покойной племянницы Жуковскаго, Александры Андреевны Воейковой.

[2]) Дочери Марьи Андреевны Мойеръ, рожд. Протасовой.

[3]) См. выше, стр. 341, прим. 1-е.

[4]) См. выше, стр. 341, прим. 4-е.

[5]) Надежда Николаевна (см. выше, стр. 345, прим. 6-е).

[6]) Екатерины Өедоровны (см. выше, стр. 344, прим. 10-е).

[7]) Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (о которомъ см. выше, стр. 96, примѣч. 5-е) былъ въ это время московскимъ губернаторомъ.

11, середа. Встрѣча инкогнито съ Долгорукимъ. Разъѣхался ночью съ середы на четвергъ съ Перовскимъ. Ужиналъ въ Торжкѣ.

12, четвергъ. Обѣдалъ скверно въ Крестцахъ и ужиналъ также скверно въ Новѣгородѣ.

13, пятница. Завтракъ въ Помераніи. Встрѣча съ Юсуповымъ[1]). Пріѣздъ въ 3 часа въ Ц(арское) Село. Представленіе всѣмъ. Государь невыразимо жалокъ. Обѣдъ у Карамзиныхъ. Вечеръ у императрицы. Опять у Карамзиныхъ.

14, суббота. Визиты. У гр(афини) Толстой. У Карамзиныхъ. Поѣздка въ Петербургъ. Обѣдъ у Валуевой[2]). Вечеръ у Одоевскаго. Масловъ[3]), о. Іакинфъ[4]), Плетневъ, Норовъ[5]), Коновницынъ, Тургеневъ.

15, воскресенье. На выставку. Къ Бравурѣ. Встрѣча съ Норовымъ. Къ Вьельгорскому обѣдать. Къ Рейтерну. Къ Дашкову. Къ Блудову. Къ Вяземскому: Полуехтова[6]); Гончарова; графъ Пушкинъ.

16, понедѣльникъ—17, вторникъ. Въ Петербургѣ.

18, среда. Пріѣздъ Вьельгорскихъ.

19, четвергъ. У в(еликаго) князя. Свиданіе съ графинею Вьельгорскою. Обѣдъ у нихъ. Отъѣздъ въ Царское Село.

20, пятница. Видѣлъ государя. Былъ на лекціяхъ великихъ князей. Обѣдалъ у Константина Николаевича. Ввечеру у Толстыхъ.

21, суббота. Поутру у Барановой. Завтракалъ у Алекс(андры) Никол(аевны) съ М(аріею) Н(иколаевною) и императрицею. Портреты Робертсона[7]) и Дица[8]). Баталія въ горницѣ император(ской). Липмана[9]) планъ. У Чевкиныхъ. На лекціи младшихъ. Разговоръ съ Гельмерсеномъ[10]). У Лонгинова[11]). Обѣдалъ у младшихъ. Весь вечеръ писалъ письма.

---

[1]) Княземъ Борисомъ Николаевичемъ (р. 1794 † 1849), церемоніймейстеромъ, потомъ гофмейстеромъ.

[2]) Быть можетъ, у камеръ-фрейлины Екатерины Петровны Валуевой.

[3]) Вѣроятно, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ (р. 1796 † 1879), писатель и дѣятель по сельскому хозяйству.

[4]) Извѣстный синологъ о. Іакинѳъ Бичуринъ (р. 1777 † 1853).

[5]) Авраамъ Сергѣевичъ (р. 1795†1869), впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія и членъ Государственнаго Совѣта.

[6]) См. выше, стр. 60, прим. 1-е.

[7]) Быть можетъ, англійскаго миніатюриста Andrew Robertson'a (р. 1777 † 1845).

[8]) См. выше, стр. 500, прим. 15-е.

[9]) См. выше, стр. 376, прим. 1-е.

[10]) Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ (р. 1801 † 1894) былъ профессоромъ Александровскаго лицея и Училища правовѣдѣнія и главнымъ руководителемъ при воспитаніи великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.

[11]) Статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ (см. выше, стр. 66, прим. 3-е).

22, воскресенье. Писалъ письма. У меня Баженовъ [1]). Передъ обѣдомъ у Толстыхъ съ портфелемъ. Обѣдалъ у Чевкиныхъ [2]). Вечеръ дома.

23, понедѣльникъ. Утро съ Вьельгорскимъ. Обѣдалъ у Константина Николаевича. Вечеръ у императрицы: оба Вьельгорскіе [3]), Раухъ, M-e Friederichs [4]), Тизенгаузенъ [5]).

24, вторникъ. Поѣздка въ Петербургъ съ Вьельгорскимъ по желѣзной дорогѣ. Дорогою чтеніе «Демона» [6]). У Дашкова. У графини Вьельгорской: замѣчательный разговоръ. У Зейдлица [7]). У Бравуры. Обѣдъ у Карамзиныхъ. Въ театрѣ. Echelle. Maurice. Вечеръ у Карамзиныхъ

25, середа. Возвращеніе въ Царское Село. Лекція Шульгина [8]). Вечеръ дома.

26, четвергъ. Утромъ у меня Розенъ [9]). Экзаменъ великаго князя Гриммомъ [10]). Обѣдъ у К(онстантина) Нико(лаевича). Ввечеру у Барановой и Тизенгаузенъ. Возвращеніе Калиновской [11]). Пріѣздъ в(еликаго) князя. Свиданіе съ Кавелинымъ. Толстой возметъ свое: человѣкъ безъ ума, знанія и характера; а имѣетъ искусство и махнетъ далеко. Государь уже поручаетъ ему в(еликаго) к(нязя) и видитъ въ немъ что-то необыкновенное. Разговоръ съ Барятинскимъ [12]). У К. А. Н. [13]).

27, пятница. Поутру у великаго князя; разговоръ съ Енохинымъ [14])

---

[1]) Т. е. Бажановъ (см. выше, стр. 501, прим. 1-е).

[2]) Вѣроятно, у генерала Константина Владиміровича Чевкина (р. 1802 † 1875), впослѣдствіи генералъ-адъютанта, главноуправляющаго путями сообщенія и члена Государственнаго Совѣта.

[3]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ (о которомъ см. выше, стр. 206, прим. 3-е) и графъ Матвѣй Юрьевичъ (р. 1794 † 1866).

[4]) См. выше, стр. 503, прим. 9-е.

[5]) Камеръ-фрейлина графиня Екатерина Өедоровна Тизенгаузенъ.

[6]) Поэма Лермонтова.

[7]) У друга Жуковскаго и его біографа, доктора Карла Карловича Зейдлица.

[8]) Иванъ Петровичъ Шульгинъ (р. 1795 † 1874), профессоръ всеобщей исторіи Петербургскаго университета, читалъ лекціи великимъ князьямъ.

[9]) См. выше, стр. 500, прим. 14-е.

[10]) Преподаватель великаго князя Константина Николаевича Августъ Өедоровичъ Гриммъ (р. 1805 † 1868), авторъ біографическаго очерка императрицы Александры Өеодоровны.

[11]) Фрейлина, состоявшая при великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, Ольга Осиповна Калиновская.

[12]) Адъютантомъ наслѣдника, княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ (впослѣдствіи фельдмаршаломъ и намѣстникомъ кавказскимъ, р. 1815 † 1879).

[13]) Вѣроятно, у князя Александра Николаевича Голицына.

[14]) См. выше, стр. 391, прим. 6-е.

и Рейнгольдомъ[1]). Нельзя безъ негодованія думать о вѣтренности, съ коею жертвуютъ жизнью в(еликаго) к(нязя), и чему же? Царской игрушкѣ, которая неприлична царю, Россіи вредна и убиваетъ всѣ способности государственныя. В(еликаго) к(нязя) съ самаго его возвращенія съ утра до вечера заставляютъ командовать: здѣсь играемъ въ войну и любуемся парадами, а внутри государства рѣжутъ и жгутъ, и некого послать, чтобы унять разбойниковъ. «Вамъ бы только драться», говорилъ Константинъ Павловичъ. Обѣдалъ у К(онстантина) Ник(олаевича). Коллинсовъ[2]) экзаменъ. Вечеръ у Толстыхъ.

28, суббота. Утро дома. Обѣдалъ за маршалскимъ столомъ. У Шувалова[3]). Исторія Леопольда. Вечеръ у Толстыхъ. Самаринъ.

29, воскресенье. У обѣдни. Съ М. Вьельгорскимъ къ великому князю. Обѣдъ за маршалскимъ столомъ. Пилъ чай у в(еликаго) к(нязя) съ Толстымъ и Адлербергомъ[4]). Все persiflage[5]). Остатокъ вечера дома.

30, понедѣльникъ. Утромъ у великаго князя К(онстантина) Н(иколаевича). Чай у наслѣдника съ Барятинскимъ. Остатокъ вечера дома.

31, вторникъ. Поѣздка великаго князя съ государемъ въ городъ. Я у К(онстантина) Н(иколаевича). Экзаменъ Коллинса. Обѣдъ за маршалскимъ столомъ. Рауховы усы. Чай у наслѣдника съ Барятинскимъ. Фюриховы[6]) рисунки. Часть вечера у Александры Николаевны. Потомъ дома.

1 ноября, середа. У меня Гоголь. У Константина Николаевича. Курнандъ и метафизическія задачи. Прогулка. У Зауервейда[7]). Экзаменъ Шульгина[8]). Обѣдалъ у Александры Николаевны съ Ю(ліею) Ѳ(едоровною)[9]). Чай у наслѣдника съ Зауервейдомъ. Стрѣльба. У Шевичъ[10]). Прекрасный ея сынокъ, мой крестникъ. Остатокъ вечера дома.

---

[1]) Лейбъ-медикъ Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ.

[2]) См. выше, стр. 251, прим. 1-е.

[3]) Вѣроятно, у графа Андрея Петровича Шувалова, въ то время гофмаршала, впослѣдствіи оберъ-гофмаршала.

[4]) Александромъ Владиміровичемъ (р. 1818 † 1888), адъютантомъ наслѣдника, впослѣдствіи графомъ и министромъ императорскаго двора.

[5]) Т. е. все насмѣшничаютъ.

[6]) См. выше, стр. 472, прим. 5-е.

[7]) Александръ Ивановичъ Зауервейдъ (р. 1783†1844), профессоръ батальной живописи, преподавалъ наслѣднику рисованіе.

[8]) См. выше, стр. 508, прим. 8-е.

[9]) Барановою.

[10]) Дочь Д. Н. Блудова, Лидія Дмитріевна, бывшая замужемъ за Егоромъ Ивановичемъ Шевичемъ.

2, четвергъ. Поутру писалъ письмо къ в(еликому) к(нязю). У меня Эртель [1]). Къ Константину Николаевичу. Къ Маріи Николаевнѣ. Показывалъ портфель и у нея обѣдалъ. Вечеръ дома. У меня Гриммъ. Письмо къ в(еликому) к(нязю).

3, пятница. Писалъ къ в(еликому) князю. У Констант(ина) Николаевича. У великаго князя. О Липманѣ [2]) и себѣ. Все та же разсѣянность. Обѣдалъ на Пулковой горѣ у Штруве [3]) съ Коллинсомъ. Вечеръ у Толстыхъ. Письмо къ в(еликому) князю.

4, суббота. Переѣхалъ въ городъ. Вечеръ у Одоевскаго. Палмширна [4]). Разговоръ о цензурѣ.

5, воскресенье. Обѣдалъ у Смирновой [5]). Поутру у Дашкова. Вечеръ у Карамзиныхъ. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтовъ [6]).

6, понедѣльникъ. Утро дома. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Послѣ обѣда у Дашкова. Вечеръ у Вяземскаго. Löwe-Weimar [7]).

7, вторникъ. У Бравуры. Пріѣздъ государя. Грустное чувство при входѣ во дворецъ. Обѣдъ у К(онстантина) Николаевича. Послѣ обѣда у Дашкова и Козлова.

8, середа. У в(еликаго) князя. У обѣдни. Обѣдъ у Вьельгорскаго. У Дашкова съ Васильчиковымъ [8]). Дома разбирался.

9, четвергъ. Утро дома приводилъ въ порядокъ альбомы. Обѣдалъ у маленькихъ в(еликихъ) к(нязей). Чай у в(еликаго) князя. У Дашкова съ Блудовымъ, Киселевымъ [9]) и Васильчиковымъ. У Пушкиныхъ и Местровъ [10]).

---

[1]) Василій Андреевичъ Эртель, преподававшій наслѣднику нѣмецкій языкъ.

[2]) См. выше, стр. 376, прим. 1-е. Жуковскій хлопоталъ, чтобы Ѳ. И. Липманъ былъ назначенъ лекторомъ у наслѣдника и представлялъ ему разъ въ недѣлю отчетъ о томъ, что дѣлается въ мірѣ литературы, науки и вообще цивилизаціи (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 407).

[3]) Директоръ Пулковской обсерваторіи, академикъ Фридрихъ-Вильгельмъ Струве (р. 1793†1865), ранѣе бывшій профессоромъ въ Дерптѣ.

[4]) Шведскій посланникъ въ Россіи баронъ Palmstierna.

[5]) См. выше, стр. 500, прим. 6-е.

[6]) Михаилъ Юрьевичъ.

[7]) Французскій литераторъ Loewe-Weimars, знакомый князя П. А. Вяземскаго и Пушкина, который перевелъ для него на французскій языкъ нѣсколько народныхъ нашихъ пѣсенъ (см. „Русскій Архивъ“ 1885 г., книга первая, стр. 451—460, и 1896 г., книга первая, стр. 140).

[8]) Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

[9]) Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (р. 1788 † 1872), министръ государственныхъ имуществъ.

[10]) У Xavier de Maistre (см. выше, стр. 276, прим. 1-е), вернувшагося въ 1839 году изъ Италіи въ Петербургъ.

10, пятница. У меня Пошманъ[1]), Гриммъ[2]) и Глинка[3]). Вечеръ у государыни. Потомъ къ Карамзинымъ.

11, суббота. Обѣдалъ у Канкриныхъ[4]). У Дашкова. У Вьельгорскаго бильярдъ. У Одоевскаго.

12, воскресенье. Все утро писалъ. Визиты: къ Строгонову[5]), къ Бобринскимъ, къ Багрѣеву[6]), къ Дур(н)овой, къ Ферзену[7]). Обѣдалъ у Карамзиныхъ. Вечеръ дома на постели.

13, понедѣльникъ. Утро дома писалъ. Съ Вьельгорскимъ къ Барятинскому. Обѣдалъ у Паррота[8]). Послѣ обѣда дома. Потомъ къ Вяземскому.

14, вторникъ. Поутру читалъ Вяземскому и Тургеневу письма. У великаго князя. Для чего же нѣтъ. Обѣдалъ у Конст(антина) Николаевича. Къ Дашкову. Къ Вьельгорскому. Къ Смирновой.

15, середа. Утро визиты. У Соболевскаго[9]). Обѣдалъ у Вьельгорскаго съ Гоголемъ. Рожденіе Анны Михайловны[10]). Вечеръ у Вяземскаго. Споръ. Гоголь дикарь.

16, четвергъ. Утро у великаго князя. Весьма милое свиданіе. У Ольги Николаевны. У Прянишникова[11]). Обѣдалъ у Карамзиныхъ. Рожденіе Е(катерины) Андреевны[12]). У Дашкова. Вечеръ дома.

17, пятница. Утро дома. Разбирался. Обѣдъ у графа Завадовскаго[13]). Праздникъ его дочки. Вечеръ у Теплякова[14]). Жаркій споръ. Юрій Никитичь Бартеневъ[15]).

18, суббота. Обѣдалъ у Горчаковыхъ съ Блудовымъ. У Дашкова.

---

[1]) Директоръ Училища правовѣдѣнія Семенъ Антоновичъ Пошманъ.

[2]) См. выше, стр. 508, прим. 10-е.

[3]) Вѣроятно, композиторъ Михаилъ Ивановичъ Глинка.

[4]) У министра финансовъ графа Егора Францовича Канкрина.

[5]) Вѣроятно, къ графу Александру Григорьевичу Строганову (р. 1795 † 1891), въ то время управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

[6]) Александръ Алексѣевичъ Фроловъ-Багрѣевъ (р. 1785 † 1845), женатый на дочери М. М. Сперанскаго, Елизаветѣ Михайловнѣ.

[7]) Графъ Павелъ Карловичъ Ферзенъ (р. 1800†1884), церемоніймейстеръ впослѣдствіи оберъ-егермейстеръ.

[8]) См. выше, стр. 313, прим. 13-е.

[9]) См. выше, стр. 437, прим. 2-е.

[10]) Віельгорской, дочери гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго.

[11]) См. выше, стр. 437, прим. 6-е.

[12]) Карамзиной, вдовы исторіографа.

[13]) Вѣроятно у церемоніймейстера графа Василія Петровича Завадовскаго.

[14]) См. выше, стр. 503, прим. 1-е.

[15]) Ю. Н. Бартеневъ (р. 1792†1866), авторъ Воспоминаній, служилъ въ то время въ Почтовомъ департаментѣ и былъ близкимъ человѣкомъ къ князю А. Н. Голицыну.

19, воскресенье. Къ обѣднѣ. У Карамзиныхъ. Лекція. У Дашкова. Не видалъ. Вечеръ у Карамзиныхъ.

20, понедѣльникъ. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. У Дашкова. Опять у Вьельгорскаго.

21, вторникъ. На погребеньѣ. Весь день дома. У меня Гельмерсенъ [1]) и Философовъ [2]).

22, середа. Обѣдалъ у Лаваль [3]). Заплатилъ в(еликому) к(нязю) 10.000. Просилъ о Карамзинѣ [4]). Визиты. Вообще день удачный. О Гоголѣ съ императрицею. О Кюхельбекерѣ съ Бенкендорфомъ [5]). Обѣдалъ у Лаваль. Съ Тургеневымъ къ Вяземскому. Вечеръ у Карамзиныхъ.

23, четвергъ. Окончаніе уборки. У меня Горчаковъ, Липманъ и Эмме.

24, пятница. Ѣздилъ по Екатеринамъ. Обѣдалъ у Карамзиныхъ. Вечеръ у Дашкова и потомъ у Карамзиныхъ опять. Пріѣздъ Кривцова[6]).

25, суббота. Поутру и ввечеру у Дашкова.

26, воскресенье. Въ 4 часа разбужденъ извѣстіемъ о смерти Дашкова. Въ пять часовъ ко вдовѣ [7]). Странная твердость или экзальтація. Портретъ. Панихида. Обѣдалъ одинъ. Вечеръ у Вьельгорскаго.

27, понедѣльникъ. Утро у Дашковой. Маска. Обѣдалъ у Дурновой. Вечеръ у Вяземскаго.

28, вторникъ. Утро у Дашковой. У меня Отрѣшковъ[8]) съ книгопродавцами. Обѣдалъ у к(нязя) Волхонскаго [9]). Вечеръ дома. Письма.

---

[1]) См. выше, стр. 507, прим. 10-е.

[2]) См. выше, стр. 381, прим. 7-е.

[3]) У гофмейстера графа Ивана Степановича Лаваль († 1846) и его жены, графини Александры Григорьевны, рожд. Козицкой († 1850).

[4]) О сынѣ исторіографа Андреѣ Николаевичѣ Карамзинѣ (р. 1814†1854). Жуковскій просилъ объ опредѣленіи молодого Карамзина въ число лицъ, состоящихъ при наслѣдникѣ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 412—413).

[5]) В. К. Кюхельбекеръ просилъ Жуковскаго выхлопотать ему разрѣшеніе печатать свои сочиненія, хотя бы безъ подписи своего имени. Вслѣдствіе просьбы Жуковскаго шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ входилъ о томъ (18-го января 1840 г.) съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, но высочайшаго соизволенія на просьбу Кюхельбекера не послѣдовало (см. статью Н. Ѳ. Дубровина „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“ въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., апрѣль, стр. 106—107).

[6]) Или Павла Ивановича, изъ Рима (см. выше, стр. 286, прим. 2-е), или Николая Ивановича (см. выше, стр. 178, прим. 5-е).

[7]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Пашковой.

[8]) Наркизъ Ивановичъ Тарасенко-Отрѣшковъ, одинъ изъ опекуновъ надъ вдовою и дѣтьми А. С. Пушкина.

[9]) Вѣроятно, у министра императорскаго двора князя Петра Михайловича Волконскаго.

29, середа. Погребеніе Дашкова. Сидѣлъ у вдовы. Обѣдалъ у Тимирязева [1]) послѣ визита больно(му) Бравурѣ. Вечеръ дома.

30, четвергъ. Обѣдалъ у Кривцова. Вечеръ дома.

1 декабря, пятница. Обѣдалъ у великихъ князей. Вечеръ у Ольги Николаевны, послѣ визита Бравурѣ. Потомъ съ Гоголемъ у Смирновой.

2, суббота. Обѣдалъ у Бутурли(на)[2]) съ Вьельгорскимъ и Вяземскимъ. Вечеръ у Вяземскаго.

3, воскресенье. Обѣдалъ у Уварова [3]). Вечеръ у Карамзиныхъ [4]).

1840.

1 генваря, понедѣльникъ. Поздравленіе государя. Нѣкоторые визиты. У Канкриной [5]). У князя Голицына [6]). У Козлова. Обѣдалъ у Вьельгорскихъ. У Дашковой. (Эпитафія). У Блудова. У Бартен(ева). Richost, ex-préfet, болтунъ-путешественникъ. Портретъ Кура [7]).

2, вторникъ. У великаго князя по его назначенію—не засталъ. У меня Гельмерсенъ. Къ Константину Николаевичу. Экзаменъ историческій. У Бравуры. Обѣдалъ у великой княгини. Раутъ графини Разумовской. Вечеръ у Вяземскаго.

3, середа. Утромъ у меня Кривцовъ. Съ Гельмерсеномъ къ великимъ князьямъ. Дома. У Константина Николаевича. Шульгинъ [8]). Таблица русской исторіи. Обѣдалъ у графини Лаваль. Вечеръ у императрицы съ Свистуновою [9]).

4, четвергъ. Обѣдалъ у Смирновой. Вечеръ у Вяземскаго.

5, пятница. Обѣдалъ у Вьельгорскихъ. Рисунки. Вечеръ у Карамзиныхъ. Тургеневъ. Блудовъ. Головинъ [10]).

---

[1]) См. выше, стр. 178, прим. 11-е.

[2]) Вѣроятно, у Дмитрія Петровича Бутурлина (р. 1790 † 1849), члена Государственнаго Совѣта и (съ 1842 г.) директора Императорской Публичной Библіотеки.

[3]) Сергѣя Семеновича.

[4]) Далѣе замѣчено: „До 28 не записано“.

[5]) Жены министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина, графини Екатерины Захаровны, рожд. Муравьевой.

[6]) Вѣроятно, у князя А. Н. Голицына.

[7]) Французскій живописецъ Joseph-Désiré Court (р. 1798†1865).

[8]) См. выше, стр. 508, прим. 8-е.

[9]) Быть можетъ, вдова Николая Петровича Свистунова, Марья Алексѣевна, рожд. Ржевская (р. 1778†1866), мать декабриста.

[10]) См. выше, стр. 381, прим. 10-е.

6, суббота, Крещенье. Выходъ и церемонія во дворцѣ. Обѣдалъ у Чевкина [1]) съ докторомъ Энохомъ и Раухомъ [2]). У Вяземскаго. Вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ Одоевскому, улегся спать.

7, воскресенье. Нездоровъ. Обѣдалъ дома. Вечеръ у в(еликой) княгини [3]), потомъ у Карамзиныхъ.

8, понедѣльникъ. Поутру у Потемкиной [4]). У князя Голицына. Балъ у Уварова. Опять наводненіе.

9, вторникъ. Обѣдалъ у Свистунова [5]). Вечеръ у Вьельгорскаго. Музыка. Бильярдъ.

10, середа. Завтракъ у М(аріи) Н(иколаевны) съ Барановою и Хилковою [6]). Обѣдалъ у велик(ой) княгини. Вечеръ у Блудова и Дашковой.

11, четвергъ. У Крузенштерна [7]).

12, пятница. У Потемкина. У Козлова. У Лаваль.

13, суббота. Отказъ. Письмо къ государю [8]). У Вяземск(аго).

14, воскресенье. У обѣдни. Досада. У Карамзиныхъ обѣдалъ. Чтеніе Одоевскаго. Вечеръ дома.

15, понедѣльникъ. У Вяземскаго. Вечеръ дома.

16, вторникъ. Обѣдалъ у Дашковой. Утро у императрицы. Милый разговоръ. Сердитое письмо къ в(еликому) князю [9]). Въ театрѣ Marie ou l'Épave. У Вьельгорскаго.

17, середа. Экзаменъ. Обѣдалъ у Лан(с)кова. У Бравуры. Балъ у Юсупова. Разговоръ съ государемъ.

18, четвергъ. Обѣдалъ у Пушкина. Осиповы три граціи. Вечеръ у Местера [10]), потомъ у Лазаревыхъ [11]) на балѣ.

19, пятница. У Константина Николаевича. Обѣдалъ у Бека [12]) съ

---

[1]) См. выше, стр. 508, прим. 2-е.

[2]) Быть можетъ, лейбъ-медикъ, Георгій Ивановичъ Раухъ.

[3]) Великой княгини Елены Павловны.

[4]) Вѣроятно, у извѣстной Татьяны Борисовны Потемкиной.

[5]) Вѣроятно, у Алексѣя Николаевича Свистунова (р. 1808 † 1872), впослѣдствіи дѣйствит. тайнаго совѣтника, брата декабриста. А. Н. Свистуновъ былъ женатъ на графинѣ Надеждѣ Львовнѣ Сологубъ.

[6]) Въ это время были двѣ фрейлины княжны Хилковы: княжна Марья Дмитріевна и княжна Надежда Дмитріевна.

[7]) См. выше, стр. 66, прим. 8-е.

[8]) Относительно назначенія бывшимъ преподавателямъ наслѣдника барону Врангелю, Гессу и Ласковскому обѣщанныхъ пенсій. Это письмо напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 408—410.

[9]) По тому же дѣлу. См. это письмо тамъ же, стр. 410—411. Дневникъ Жуковскаго даетъ возможность точно установить дату этого письма.

[10]) См. выше, стр. 276, прим. 1-е.

[11]) Вѣроятно, у Христофора Іоакимовича Лазарева (основателя Лазаревскаго института въ Москвѣ).

[12]) См. выше, стр. 196, прим. 4-е.

Подчаскимъ [1]). Вечеръ у Козлова съ графинею Лаваль и Муравьевымъ [2]). Потомъ у Карамзиныхъ.

20, суббота. Обѣдалъ у Скобелева [3]). Въ театръ. M-elle de Belleisle [4]). Домой.

21, воскресенье. Обѣдалъ дома. Танцы у императрицы. Особенная ласка государя. Вечеръ у Карамзиныхъ.

22, понедѣльникъ. У Давыдовой. Обѣдалъ у Паррота. Вечеръ у Смирновой.

23, вторникъ. Обѣдалъ у Вьельгорскаго. Вечеръ у Мойера [5]). Къ Карамзинымъ.

24, середа. Болѣзнь Козлова [6]). Обѣдалъ дома.

25, четвергъ. Болѣзнь Козлова. Обѣдалъ у Вьельгорскаго.

26, пятница. Болѣзнь Козлова. Обѣдалъ дома. Поутру и послѣ обѣда у Козлова. Вечеръ у Вяземскаго съ Гагаринымъ и многими прочими.

[Мартъ]. Выѣхали [7]) въ 11 часовъ вечера, 5-го числа, во вторникъ). Ѣхали всю ночь. Переѣздъ до Острова, куда пріѣхали въ часъ на 7, четвергъ. Обѣдъ въ Городцѣ.

7, четвергъ. Переѣздъ въ Дюнабургъ. Пріѣхали въ 11 часовъ вечера. Почтовая станція. Уже тонкій снѣгъ и трудно ѣхать. Встрѣча съ помѣщиками. Погруженье въ снѣгъ дормеза и гнѣвъ Кавелина.

8, пятница. Переѣздъ изъ Дюнабурга въ Ковно. Переправа черезъ Вилію. Гнѣвъ Кавелина. Въ $^1/_2$ 1-го въ Ковно. Ужинъ. Князь Долгорукой [8]). Другой князь Долгорукой.

9, суббота. Переѣз(д)ъ изъ Ковно въ Щучинъ. Все снѣгъ, и все продолжаетъ итти. Щучинъ. Ночлегъ долженъ быть избранъ по высочайшему назначенію.

10, воскресенье. Переѣздъ изъ Щучина въ Новогеоргіевскъ. Кофе въ Ломзѣ, богатой фруктовыми садами. Остроленка, классическое мѣсто

---

[1]) Ипполитъ Ивановичъ Подчаскій (р. 1792†1879), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ юстиціи, впослѣдствіи сенаторъ.

[2]) Вѣроятно, съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ.

[3]) Генерала Ивана Никитича Скобелева.

[4]) Драма Александра Дюма.

[5]) Въ дневникѣ описка: Мейера.

[6]) Предсмертная болѣзнь поэта И. И. Козлова († 30 января 1840).

[7]) Жуковскій былъ назначенъ сопровождать наслѣдника въ его поѣздкѣ въ Дармштадтъ и затѣмъ долженъ былъ остаться тамъ нѣкоторое время для ознакомленія съ русскимъ языкомъ невѣсты наслѣдника, принцессы Маріи Гессенской.

[8]) Вѣроятно, виленскій, гродненскій, бѣлостокскій и минскій генералъ-губернаторъ князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ.

*

войны послѣдней. Замѣчательное вино 1807 г. Обѣдъ въ— [1]). Пріѣздъ въ 1/2 10 въ Новогеоргіевскъ. Чудовище-крѣпость, которая какъ будто летитъ на Польшу, впив(ается) въ нее когтями и жретъ ее.

11, понедѣльникъ. Осмотръ Модлина и переѣздъ въ Варшаву. Комендантъ г(енералъ)-м(аіоръ) Ренне. Плацъ-адъютантъ Крыжановскій. Невскій морской полкъ. Генералъ - л(ейтенантъ) Денъ [2]), строитель крѣпости. Подполковникъ Ганзенъ подъ нимъ. Подполковникъ Забуцкій, плацъ - майоръ, историкъ крѣпости. Панихида. Осмотръ крѣпости съ Крыжановскимъ и Кауфманомъ [3]). Башня Дена. Парижскій фасъ. Ивановская башня. Горницы императора. Обѣдъ съ Горчаковымъ [4]), Деномъ, ген(ераломъ) Тимофеевымъ, Капелемъ, Безакомъ [5]) и Катенинымъ [6]). Переѣздъ въ Варшаву. На мосту Прагско(мъ) Шиповъ [7]) и гр(афъ) Потоцкій, губернаторъ варшавскій [8]). Викулинъ [9]). Нѣсколько чернаго народа и жидовъ представители варшавскаго народа. Пустота улицъ до Бельведера. Бесѣда съ Викулинымъ, к(няземъ) Горчаковымъ и Бергомъ [10]). Главное препятствіе соединенію вліяніе католицкаго духовенства. Сведи Христа, говоритъ Горчаковъ, и Тотъ ничего не сдѣлаетъ. Строгость и справедливость— вотъ мѣры. Страхъ и безнадежныя воспоминанья. Дѣйствіе на воспитаніе. Время. Поѣздка съ Викулинымъ къ Козловскому [11]). Иллюминація. У фр(анцузскаго) консула балконъ. У глухонѣмыхъ А.

---

[1]) Для названія оставленъ пробѣлъ.

[2]) Иванъ Ивановичъ (р. 1786 † 1859), впослѣдствіи инженеръ-генералъ и членъ Государственнаго Совѣта.

[3]) Не Константинъ ли Петровичъ Кауфманъ (1818 † 1882), впослѣдствіи виленскій, а затѣмъ туркестанскій генералъ-губернаторъ?

[4]) Генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ (р. 1790 † 1861), начальникъ главнаго штаба дѣйствующей арміи, впослѣдствіи намѣстникъ Царства Польскаго и генералъ-фельдмаршалъ.

[5]) Александръ Павловичъ Безакъ (р. 1801 † 1868), начальникъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и кіевскій генералъ-губернаторъ.

[6]) Флигель-адъютантъ Александръ Александровичъ Катенинъ (р. 1803 † 1860), бывшій впослѣдствіи оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

[7]) Генералъ-адъютантъ Сергѣй Павловичъ Шиповъ (р. 1790 † 1876) былъ въ то время главнымъ директоромъ и предсѣдателемъ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ.

[8]) Камергеръ графъ Францъ Потоцкій.

[9]) См. выше, стр. 192, прим. 1-е.

[10]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ (р. 1794 † 1874), генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, впослѣдствіи графъ, генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго.

[11]) См. выше, стр. 503, прим. 2-е.

У прусскаго консула, у Красинскаго[1]). Вездѣ свѣчи. Глубокая пустота и тишина. У Козловскаго. Онъ похудѣлъ, и слѣдъ болѣзни. У него Потоцкій, Лубенскій, Старинкевичъ [2]), и еще графъ—[3]). Разговоръ о княгинѣ Ливенъ [4]), ея замужествѣ и о Гизо [5]). О Геккернѣ [6]): Кнобе(ль)сдорфъ. Геккернъ его родня. — Честолюбивые планы свергнуть Нессельрода. Письмо Коленкура [7]) о Александрѣ: на краю бездны великій человѣкъ; за 5.000 можно купить въ русскомъ судѣ, но за 500.000 не купишь преданности отечеству. Письмо Мезона [8]) къ королю на радость послѣдняго.

12, вторникъ. Пребываніе въ Варшавѣ. Представленіе въ 10 часовъ. Къ Павлищеву [9]), засталъ только жену. Къ Ожаровскому [10]). Къ Бергу. Къ Старинкевичу. Къ Нессельроду[11]). Къ княгинѣ Варшавской[12]). Къ Козловскому. Къ Шипову и его женѣ [13]). Обѣдъ въ три часа у великаго князя. Съ военными. За столомъ между Нессельрода и Горчакова. Вечеръ у княгини [14]). Картины. Водевиль. Послѣ къ Козловскому, у котораго послѣ былъ Орловъ [15]). Потомъ пришла княгиня Варшавская.—Снѣгъ.

13, середа. Пребываніе въ Варшавѣ. Утро у в(еликаго) к(нязя). Разсказы Берга о варшавскомъ приступѣ. У меня: Бергъ, Горчаковъ,

---

[1]) См. выше, стр. 207, прим. 14-е.

[2]) См. выше, стр. 209, прим. 10-е.

[3]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

[4]) Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, рожденная Бенкендорфъ (р. 1785†1857), вдова князя Х. А. Ливена (см. выше, стр. 381, прим. 9-е, и стр. 458, прим. 6-е), занимавшая видное положеніе въ европейскомъ политическомъ мірѣ.

[5]) Знаменитый французскій историкъ и государственный дѣятель (р. 1787 † 1875).

[6]) Убійцѣ Пушкина.

[7]) Французскій посланникъ въ Россіи въ 1807—1811 годахъ.

[8]) Генерала (впослѣдствіи маршала) Мезона (см. выше, стр. 443, прим. 9-е) Онъ былъ французскимъ посланникомъ въ Россіи въ 1833—1834 гг.

[9]) Николай Ивановичъ Павлищевъ (р. 1801 † 1879), въ то время помощникъ секретаря Правительственнаго совѣта Царства Польскаго, впослѣдствіи сенаторъ варшавскаго департамента сената, былъ женатъ на сестрѣ А. С. Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ.

[10]) Генералъ-адъютантъ графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій (р. 1776 † 1855), членъ Правительственнаго совѣта Царства Польскаго.

[11]) См. выше, стр. 209, прим. 11-е.

[12]) Супругѣ намѣстника Царства Польскаго княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Паскевичъ, рожд. Грибоѣдовой.

[13]) С. П. Шиповъ (см. выше, стр. 516, прим. 7-е) былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Евграфовнѣ Комаровской.

[14]) Паскевичъ.

[15]) Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ, сопровождавшій наслѣдника.

Шиповъ, Павлищевъ, Викулинъ, Старинкевичъ.—Визиты. Къ Косаковскому [1]; къ епископу Антонію [2]. Обѣдъ въ Лазенкахъ съ почетными варшавянами. Въ театръ. Водевиль одна минута. Балетъ. Гвоздоская и Раутенштраухъ [3]. У Козловскаго: англійскій и французскій консулы. Лушеская, пріятельница Волхонск(ой). Потомъ княгиня Варшавская. Послѣ Старинкевичъ и Горчаковъ. Разсужденія о неизмѣняемости мнѣній. Импровизація Козловскаго о Чатамѣ и Питтѣ [4]. Разсказъ о погребеніи Пушкина. Снѣгъ.

14, четвергъ. Пребываніе въ Варшавѣ. Утро. На выставкѣ. (Прекрасные обои). Въ институтѣ. M-e Grote. (Ширкова). Методъ обученія музыкѣ. Къ Шипову. Осмотръ кабинета фельдмаршалова [5], палатка, постель. Обѣдъ у в(еликаго) к(нязя) съ домашними. У Берга: біографія Мейндорфа [6]. Вечеръ и музыка у княгини [7]. Жена прусскаго консула сестра жены Глинки [8], v(an) Huysen. Кн(ягиня) Горчакова. Тимофеева. Лушеская. Графиня Потоцкая пѣвица. Гроте. Павлищевъ. Яблоновская. Реннекамфъ [9]. Послѣ у Козловскаго съ Косаковскимъ, Викулинымъ и Орловымъ. Снѣгъ.

15, пятница. Переѣздъ въ Калишъ. Проѣхали 32 мили и пріѣхали въ 4 часа ночи. Снѣгъ клоками. Издѣлья Калишской провинціи. Хорошія сукна, въ особенности серебряныя и столярныя работы. Ковры въ 800 рублей.

16, суббота. Переѣздъ изъ Калиша въ Бреславль. 17 миль. Пріѣхалъ въ $9\frac{1}{2}$ и тотчасъ легъ спать. Трактиръ Goldene Gans.

17, воскресенье. Переѣздъ изъ Бреславля въ Герлицъ. 24 мили. Утромъ въ 7 часовъ къ гр(афу) Стошъ, Director der Rentcasse. Свид(анье) послѣ десяти лѣтъ [10]. Горюетъ о деревнѣ и о скорой разлукѣ съ дѣтьми. Замѣчательныя слова мужа о вліяніи наградъ на дѣтей. Старшая дочь Ванда. (Собака Козловой).—Дорогой читалъ глупый ро-

---

[1]) Вѣроятно, графъ Станиславъ Корвинъ-Косаковскій, членъ Правительственнаго совѣта Царства Польскаго.

[2]) Епископомъ варшавскимъ былъ Антоній Рафальскій (р. 1789 † 1848), впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

[3]) Генералъ-адъютантъ Осипъ Ивановичъ Раутенштраухъ былъ членомъ Правительственнаго совѣта Царства Польскаго.

[4]) См. выше, стр. 490, прим. 9-е, и стр. 490, прим. 6-е.

[5]) Князя Ивана Ѳедоровича Паскевича.

[6]) Вѣроятно, посланника въ Берлинѣ барона Петра Казимировича Мейендорфа (р. 1796†1863), впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта.

[7]) Паскевичъ.

[8]) Дмитрія Григорьевича (см. выше, стр. 382, прим. 2-е).

[9]) Вѣроятно, свиты его величества генералъ-маіоръ баронъ Павелъ Яковлевичъ Ренненкампфъ, состоящій при дѣйствующей арміи.

[10]) Въ 1829 году (см. выше, стр. 212).

манъ П(оль) де Кока Le j(eune) homme charmant. Въ Бунцлау обѣдалъ. Потомъ сонный до Герлица. Въ $^{1}/_{2}$ 1 часа.

18, понедѣльникъ. Изъ Герлица въ Дрезденъ. Пріѣхали въ 4 часа. Обѣдалъ у Шрёдера[1]). У Люцероде (Stadt Wien). У в(еликаго) князя. Толки о дѣятеляхъ и пр. Игра въ écarté.

19, вторникъ. Пребываніе въ Дрезденѣ. Письма къ Орлову и в(еликому) князю и отвѣтъ на нихъ, какого можно было ожидать. Представленіе русскихъ. Штофрегенъ[2]), Загряжскій, нѣсколько офицеровъ. Смотръ. На балконѣ у графа Harrach. Его жена. Камергеръ Будбергъ. Съ Фогелемъ[3]) въ его atelier: Лазарь. Богоматерь. Портретъ Тика[4]) и Гогенталь[5]). Благовѣщеніе. Четыре искусства для залы въ Пильницѣ. Къ Далю[6]): старикъ деревянный. Лунная ночь. Бергенъ. Къ Фридриху[7]): грустная развалина. Онъ плакалъ какъ дитя.—Къ Гибнеру[8]). Seht die Lilien. Картоны Бендемана[9]). 1. Міръ дѣятельный. Около трона образы царей и законодателей. Надъ дверьми 4 состоянія и 4 большихъ фреска изъ саксонс(кой) исторіи, характеризующіе 4 состоя(нія). Фризъ: случаи жизни.—2. Міръ идеальный.—3. Міръ горній.

Къ Тику[10]). Не засталъ. Къ графинѣ Гогенталь. Къ княгинѣ Ливенъ[11]). Обѣдъ у короля[12]). За столомъ противъ него близъ посланницы[13]). Горница, обитая стариннымъ гобеленомъ. Старое серебро на столѣ. Въ театръ: Гугеноты[14]). Удивительный оркестръ. Шрёдеръ-Девріенъ[15]) великая актриса.

20, середа. Пребываніе въ Дрезденѣ. Выборъ рисунковъ Фридриха для вел(икаго) князя[16]). Письмо къ М-е Weihrauch, которой дано 300 та-

---

[1]) Нашего посланника въ Дрезденѣ (см. выше, стр. 408, прим. 5-е).

[2]) Одинъ Штофрегенъ, Кондратій Кондратьевичъ, былъ лейбъ-медикомъ при Александрѣ I.

[3]) Живописецъ Карлъ-Христіанъ Фогель фонъ Фогельштейнъ (Vogel von Vogelstein, р. 1788†1868).

[4]) Извѣстнаго писателя Лудвига Тика (р. 1773†1853).

[5]) Графиня Гогенталь. См. выше, стр. 222, прим. 11-е.

[6]) Іоганнъ-Христіанъ-Клаусенъ Даль (Dahl, р. 1788 † 1857), норвежскій пэйзажистъ, жившій въ Дрезденѣ.

[7]) См. выше, стр. 74, прим. 3-е.

[8]) Живописецъ Julius Hübner (р. 1806†1882).

[9]) Живописецъ Эдуардъ-Юлій-Фридрихъ Бендеманъ (р. 1811), съ 1838 г. бывшій профессоромъ Академіи художествъ въ Дрезденѣ.

[10]) Къ Лудвигу Тику.

[11]) См. выше, стр. 517, прим. 4-е.

[12]) Короля Саксонскаго Фридриха-Августа (р. 1787 † 1854).

[13]) Жены нашего посланника Шрёдера.

[14]) Опера Мейербера.

[15]) Извѣстная пѣвица Вильгельмина Шрёдеръ-Девріенъ (р. 1804†1860).

[16]) См. письмо Жуковскаго къ наслѣднику по этому предмету въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 400—401.

леровъ. Къ в(еликому) князю. Разговоръ съ Орловымъ. У меня Люцероде. Вмѣстѣ съ нимъ въ камеры. Въ верхней разсужденіе о продажѣ дровъ; въ нижней—о мельницахъ. Въ галлерею: чудесно. Въ Historische Museum. Чудное собраніе оружія. Къ Карусъ [1]): черепъ Шиллера, Наполеона и Фіески. Къ генералу Лензеру: Тикъ [2]), Аммонъ [3]), Раумеръ [4]). Къ Тидге [5]): старикъ около 90 лѣтъ на рукахъ у двухъ старухъ.— Обѣдъ у короля. Ввечеру концертъ довольно дурной: графиня Гогенталь, гр(афъ) Лоссъ [6]). За столомъ близъ принца Іоанна [7]).

21, четвергъ. Переѣздъ изъ Дрездена въ Берлинъ. Обѣдъ въ Юттербокѣ [8]). Чай въ Потсдамѣ. Пріѣхали поздно. Мнѣ горница на верху. Я предпочелъ трактиръ и сдѣлалъ глупость.

22, пятница. Пребываніе въ Берлинѣ. Къ в(еликому) к(нязю). Мейндорфъ [9]). Манцуровъ [10]). Къ кронпринцу. Гумбольдъ [11]). Графиня Реде. Встрѣча съ принцессою Вильгельмъ [12]). Къ принцамъ. Къ Радзивиллъ [13]). Къ Клейсту [14]). Къ Витгенштейну [15]). Къ Гумбольду. Къ Ольферсу [16]). Обѣдъ у короля. Подлѣ меня Мейндорфъ. Картины въ salon: Fischer Knabe, Лебеди Гопфгартена [17]), копія Кельнской Мадонны. Парадъ Крюгера [18]). Послѣ обѣда у принцессы Вильгельмъ. Ея дочь

---

[1]) Врачъ, писатель и живописецъ Карлъ-Густавъ Карусъ (Carus, р. 1789 † 1869)

[2]) Лудвигъ Тикъ.

[3]) Богословъ и придворный проповѣдникъ въ Дрезденѣ Христофоръ-Фридрихъ фонъ Аммонъ (Ammon, р. 1766†1850).

[4]) Быть можетъ, историкъ Фридрихъ-Лудвигъ-Георгъ фонъ Раумеръ (р. 1781†1873).

[5]) Поэтъ Христофоръ-Августъ Тидге (Tiedge, р. 1752†1841), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Дрезденѣ еще въ 1826 году (см. выше, стр. 192, и „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 13).

[6]) Саксонскій гофмаршалъ графъ Loss.

[7]) См. выше, стр. 222, прим. 6-е.

[8]) Т. е. Jüterbog.

[9]) Нашъ посланникъ въ Берлинѣ баронъ Петръ Казимировичъ Мейендорфъ (см. выше, стр. 518, прим. 6-е).

[10]) Генералъ-адъютантъ Александръ Павловичъ Мансуровъ (см. выше, стр. 372, прим. 5-е).

[11]) См. выше, стр. 372, прим. 7-е.

[12]) См. выше, стр. 76, прим. 4-е.

[13]) См. выше, стр. 373, прим. 2-е и 3-е.

[14]) См. выше, стр. 373.

[15]) См. выше, стр. 75, прим. 8-е.

[16]) См. выше, стр. 212, прим. 8-е. Съ середины 1839 г. Ольферсъ былъ директоромъ королевскихъ музеевъ.

[17]) Живописецъ Августъ Hopfgarten (р. 1807).

[18]) См. выше, стр. 312, прим. 2-е.

Марія. Въ театрѣ: Elixir d'amour [1]) и смѣшной глупый балетъ. У граф(ини) Потоцкой. Fräulein Obstfelder gouvernante.

23, суббота. Пребываніе въ Берлинѣ. Утро визиты. У Гумбольда. У Тюмена [2]). У Шлиффена [3]). У Радзивила. У Раупаха [4]). У Рауха [5]): Нимфа съ кувшиномъ. Памятникъ Фридриху. У меня поутру Клейстъ.— Обѣдъ у короля. Видѣлъ короля: худъ, но не боленъ. Другой обѣдъ у Радзивилъ: Вильгельмъ съ женой [6]), Богуславъ съ женой [7]), Вильденбрухъ съ женой, Ольферсъ съ женой, Клейстъ. Къ живописцу Keберу: Бахусъ. Вечеръ у Клейста до 12 часовъ.

24, воскресенье. Переѣздъ изъ Берлина въ Виттенбергъ. Поутру обѣдалъ. Съ Ольферсомъ въ музеумъ: Амуръ. Психея Ште(й)нбрюка [8]). Два ландшафта Калама [9]). Картина Іордана [10]). Разбойникъ.—Группа Кисса [11]) Амазонки, приготовленная къ литью изъ бронзы. — Къ Вагнеру [12]); ничего новаго, но старое прекрасно.—Ночевали въ Виттенбергѣ.

25, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Виттенберга во Веймаръ. Осматривали ратушу и монументъ Лютеровъ. Портреты Лютера и Меланхтона Кранаховы. Мечь Густава-Адольфа и его портретъ Кенига. Мѣдная доска Лютерова портрета Johannes Kellerdaler 1549.—X заповѣдей Кранаха. Вездѣ чортъ на затылкѣ. Glaubensbekenntniss des heiligen Athanasius als Portrait von Luther [13]). Четки Лютера. Крышка съ его деревяннаго стакана. Кувшинъ съ надписями: Hält man so Haus, so wird bald aus. Wein erfreut des Menschen Herz. Man mus(s) den Bären nicht unbunden lassen [14]) 1685. Штофъ Лукаса Кранаха съ крестомъ, змѣемъ, Маріею и Магдалиною.

Надписи на памятникѣ:

На Библіи: Sondern Du hast mich unwürdigen durch Deine grosse

---

[1]) Опера Доницетти.
[2]) См. выше, стр. 102, прим. 2-е.
[3]) См. выше, стр. 112, прим. 3-е.
[4]) См. выше, стр. 374, прим. 12-е.
[5]) См. выше, стр. 77, прим. 6-е.
[6]) См. выше, стр. 373, прим. 2-е.
[7]) См. выше, стр. 373, прим. 3-е.
[8]) Художникъ Эдуардъ Steinbrück (р. 1803†1882).
[9]) Былъ швейцарскій жанристъ Александръ Calame (р. 1810†1864).
[10]) См. выше, стр. 404, прим. 5-е.
[11]) Скульпторъ Августъ Kiss (р. 1802 † 1865).
[12]) См. выше, стр. 377.
[13]) Т. е. Исповѣданіе вѣры св. Аѳанасія, какъ портретъ Лютера.
[14]) Т. е. Если такъ ведутъ хозяйство, то вскорѣ ничего не остается. Вино веселитъ сердце человѣка. Нельзя оставлять медвѣдя не на привязи.

Güte. Den(n) Dich lobet alles ewiglich. Amen [1]).—Der Bücher des A(lten(T(estaments) Ende, Das N(eue) T(estament) verdeutscht von Doctor Martin Luther [2]).

1. Glaubet an das Evangelium. Mar. 1. v. 15. — 2. Eine feste Burg ist unser Gott.—3. Ist's Gottes Werk, so wird bestehen; ist's Men(s)chen Werk, wird's untergeh(en) [3]).—4. Von dem Mansfeldschen Verein für Luthers Denkmal durch gesammelte Beiträge begründet und dem König Friedrich Wilhelm III errichtet [4]).

Обѣдали въ Вейсенфельсѣ. Пріѣхали въ Веймаръ въ полночь. Гористо. Шоссе хуже. Дни съ самаго Дрездена весенніе съ прохладою.

26, вторникъ. Пребываніе въ Веймарѣ. Утромъ представленіе в(еликой) княгинѣ [5]). Я попалъ нечаянно на ея завтракъ, она дала мнѣ руку, ... [6]). — Съ Миллеромъ [7]) къ графинѣ Фричь [8]). Потомъ у в(еликой) княгини. Визиты у Санти [9]), у Фредро [10]): старшій сынъ живописецъ, меньшой поэтъ и комикъ съ дарованіемъ, но имъ слишкомъ восхищаются дамы. Худыя вѣсти о Унгернѣ [11]). У Бьельке [12]), Шрёдера [13]), Фрича [14]), Шпигеля [15]), гр(афини) Генкель [16]). — Къ Миллеру. Къ его невѣсткѣ, у которой я крестилъ. Милая женщина. Къ Шорну [17]), который только что избавился отъ болѣзни. Обѣдъ въ три часа. Я между Миллеромъ и графи(нею) Фричь. Генералъ Бёльвицъ, адъютантъ гросгерцога.—Послѣ обѣда съ Кавелинымъ и Миллеромъ

---

[1]) Т. е. Ты меня недостойнаго (спасъ?) по Твоей великой благости, ибо Тебя все хвалитъ во вѣки; аминь.

[2]) Т. е. Окончаніе книгъ Ветхаго Завѣта и Новый Завѣтъ переведены на нѣмецкій языкъ докторомъ Мартиномъ Лютеромъ.

[3]) Эти же надписи были списаны Жуковскимъ въ его дневникъ 1827 г. (см. выше, стр. 205; тамъ же см., въ прим. 7-мъ, ихъ переводъ).

[4]) Заложенъ на средства, собранныя Маннсфельдскимъ союзомъ для сооруженія памятника Лютеру, и воздвигнутъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III.

[5]) Великой герцогинѣ Саксенъ-Веймарской Маріи Павловнѣ.

[6]) Одна фраза при печати выпущена.

[7]) См. выше, стр. 203, прим. 9-е.

[8]) См. выше, стр. 408, прим. 8-е.

[9]) См. выше, стр. 408, прим. 4-е.

[10]) См. выше, стр. 207, прим. 1-е.

[11]) См. выше, стр. 408, прим. 12-е.

[12]) См. выше, стр. 310, прим. 5-е.

[13]) См. выше, стр. 408, прим. 5-е.

[14]) См. выше, стр. 408, прим. 8-е.

[15]) Саксенъ-веймарскій оберъ-гофмаршалъ баронъ Spiegel von Pickelsheim.

[16]) См. выше, стр. 408, прим. 7-е.

[17]) См. выше, стр. 409, прим. 4-е.

осмотръ горницъ. Кавелинъ по обыкновенію медвѣжничалъ. Вечеръ у Шорна съ Миллеромъ и Унгерномъ.

27, середа. Пребываніе въ Веймарѣ. Утромъ у меня Штернбер(г)ъ [1]) (портретъ), Шорнъ и Миллеръ. Въ музеумъ: рисунки Карстенса [2]). Осматривалъ горницы Шиллера, Виланда, Гердера и Гёте. Арабески къ Оберону. Сказочно неясно, но много воображенія. Къ Нееру [3]): картоны Шиллера лучше фресковъ (500 черв.). Къ Преллеру [4]). Эскизы острова Рюгена. Маски Шиллера, Гёте, Наполеона, Карла XII, Кромвеля, герц(ога) Веймарскаго, Фридриха II, Іосифа II, Гуммеля [5]). Голова Мадонны. Въ Гётевъ домъ. Къ Санти. Къ Фредро: эскизы молодого Фредро. Будетъ живописецъ, если будетъ учиться. Обѣдъ у в(еликаго) князя. Я между Кавелинымъ и графинею Фричь. Послѣ обѣда обращеніе жука въ сокола; представленіе в(еликой) княгинѣ и герцогу, который тронулъ меня своимъ простодушіемъ. Къ Миллеру сыну на чай. Въ театръ: Jungfrau von Orlean(s). Большой ensemble. Излишняя живость Дюнуа. Это лирическая поэма, а не драма. Іоанна въ живыхъ мѣстахъ прекрасна. Дюнуа—Genast [6]), Raul—Дюранъ [7]). Изабо. Агнеса. Іоанна отлично.

28, четвергъ. Переѣздъ изъ Веймара въ Фульду.—Обѣдъ въ Эйзенахѣ.

29, пятница. Переѣздъ изъ Фульды во Франкфуртъ. Остановился въ Ганау. Обѣдалъ съ Рейтерномъ. Мельгуновъ [8]). Кенигъ [9]). Рейцъ [10]). Ввечеру мушка. Записка къ Радовицу.

30, суббота. Пребываніе во Франкфуртѣ. Писалъ письмо. Визитъ къ Убрилю [11]). Гульяновъ [12]). Къ Радовицу. Онъ безъ ноги; жена [13])

---

[1]) Т. е. Унгернъ-Штернбергъ (см. выше, стр. 408, прим. 12-е).

[2]) Живописецъ Asmus-Jakob Carstens (р. 1754†1798).

[3]) Живописецъ Бернгардъ von Neher (р. 1806 † 1886) расписывалъ въ 1836—40 гг. великогерцогскій дворецъ въ Веймарѣ.

[4]) См. выше, стр. 409, прим. 5-е.

[5]) Композиторъ Іоганнъ-Непомукъ Гуммель (р. 1778†1837).

[6]) См. выше, стр. 410, прим. 1-е.

[7]) См. выше, стр. 410, прим. 6-е.

[8]) Литераторъ Николай Александровичъ Мельгуновъ (см. выше, стр. 120, прим. 3-е).

[9]) Вѣроятно, нѣмецкій литераторъ и поэтъ Генрихъ-Іосифъ Кёнигъ (р. 1790†1869), издавшій въ 1837 году книгу „Litterarische Bilder aus Russland“, въ которой онъ, какъ извѣстно, воспользовался устными свѣдѣніями и мыслями, сообщенными ему Н. А. Мельгуновымъ.

[10]) Быть можетъ, дерптскій профессоръ (см. выше, стр. 314, прим. 2-е).

[11]) Нашему посланнику во Франкфуртѣ Петру Яковлевичу Убри (Oubril), о которомъ см. выше, стр. 400, прим. 4-е.

[12]) Извѣстный египтологъ Иванъ Александровичъ Гульяновъ (р. 1789 † 1841).

[13]) Радовицъ былъ женатъ на дочери прусскаго посланника въ Неаполѣ, графинѣ Маріи фонъ Фоссъ (Voss).

больна.—Къ Шлерберу. Пріѣздъ Рейтерна. Вмѣстѣ съ нимъ къ М-е Panhüss [1]).—Въ Штедельскій институтъ. Къ Радовицу, у котораго обѣдалъ. Передъ обѣдомъ разсматривалъ рисунки. Картинки милаго Дармштата. Французское вліяніе. Самобытная политика. Германская политика. Du Thil [2]). Lange [3]). Moller [4]). Felsing [5]). Двѣ партіи. Голландцы и швейцарцы.—Съ нами обѣдалъ Лауницъ [6]). Послѣ обѣда у меня Рейтернъ, Коппъ [7]) и Елизавета [8]). Вечеръ у Убриля. 4 картины. Статуя. Игра въ шахматы. Rococo. Мадонна. Вангенгеймъ [9]) и жена его. Schtralenheim [10]). Sydow [11]) и жена его. М-е Launitz, М-е Koch. Дармштат(скій) министръ. Веймарскій министръ. Пименовъ [12]).

31, воскресенье. Переѣздъ изъ Франкфурта въ Дармштатъ.

---

17 (29) мая. Переѣздъ изъ Франкфурта въ Майнцъ. Обѣдалъ у Убри подлѣ его милой дочери. Былъ у Гульянова; у жены Радовица.—Мельгуновъ. Читалъ мнѣ прекрасные стихи Языкова. Въ Майнцъ въ полночь. Забылъ паспортъ.

1 іюня [13]). Пилъ [14]). Съ Рейтерномъ къ Штейнбрюку [15]). Альфы. Картонъ.—Бланкъ [16]). Фавны; двѣ головы.—Плаховъ. Фальшивый путь.—Камбергъ антикварій (авторъ).—Буддеусъ.—Обѣдъ. Ф(онъ) Нордгеймъ [17]). Послѣ обѣда Бреслауэръ [18]).

2 іюня. Пилъ въ саду Р(ейтерна).—Рейтернъ ут(ромъ). Норденге(й)мъ въ Финляндіи. Secretär des Finländ(ischen) Senats in Helsing-

---

[1]) См. выше, стр. 401, прим. 1-е.

[2]) Быть можетъ, гессенъ-дармштадтскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ du Thil.

[3]) Пейзажистъ Julius Lange (р. 1817†1878).

[4]) См. выше, стр. 477, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 498, прим. 12-е.

[6]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[7]) См. выше, стр. 231, прим. 1-е.

[8]) Дочь Рейтерна, будущая жена Жуковскаго.

[9]) См. выше, стр. 396, прим. 10-е.

[10]) Ганноверскій посланникъ во Франкфуртѣ баронъ Strahlenheim (см. выше, стр. 401, прим. 5-е).

[11]) Прусскій резидентъ во Франкфуртѣ von Sydow.

[12]) См. выше, стр. 449, прим. 8-е.

[13]) Новаго стиля, какъ и въ дальнѣйшихъ записяхъ.

[14]) Крейцнахскую воду.

[15]) См. выше, стр. 521, прим. 8-е.

[16]) Лудвигъ Бланкъ (Blanc), художникъ изъ Берлина.

[17]) Скульпторъ Августъ фонъ Нордгеймъ, хорошій знакомый Рейтерна (см. „Gerhardt von Reutern“, стр. 112).

[18]) См. выше, стр. 404, прим. 7-е.

fors. Въ Академіи у Гильдебранда[1]): Портретъ. Начатая картина Wolsey[2]). Въ классъ Гильдебранда: Шнейдеръ — портретъ старика; Бенцонъ[3])—Freyherr von D. . . . .[4]); Монахъ и умирающій. Изъ Шиллерова Эбергарда. — Тидеманъ[5]) — Густавъ Ваза; Korneck[6]) — Рахиль.

3, середа. Холодъ и дождь. Въ ат(ельè) Köhler[7]). 3 марины. Портретъ. Давидъ. Бетзабе[8]).—Zimmermann[9]). Положеніе во гробъ. (Дверь). Св. семейство у колодца. Картонъ Овербека[10]). Рейтернъ о Италіи. (Анекдотъ о самоубійцѣ....).—У Стильке[11]). Картонъ Дѣвы. Послѣдніе крестоносцы.

4, четвергъ. 4 бут(ылка) Кр(ейцнаха). — Въ Академіи. Беккеръ[12]): Грозовой ударъ.—Микке[13]): Корон(ованіе) Барбароссы; Барбаросса въ Миланѣ. Сонъ Хримхильды. Св. Елизавета и нищій.—Зонъ[14]): Пѣвицы. Портретъ. Бендемановъ[15]) картонъ. Лененовъ[16]) эскизъ. Плюдеманъ[17]): Смерть Колумба. Тріумфъ Колумба. Смерть Барбароссы. Картонъ Лессинга[18]): Проповѣдь Гусситовъ.—Начало моего бюста. Послѣ обѣда у Рейтерна. Чтеніе Нибелунговъ.

5, пятница. Въ Академіи. У Ленена: Плоды и стаканъ. У Іордана[19]): Спасенное дитя. Ландшафтъ Дильмана[20]). У Кампена: Коровы. Риттеръ[21]): Корчма. У Эберса[22]): Кораблекрушеніе. Норманъ[23]): Альпійскій видъ. У Ленена: Барбаросса. I. Гуссъ передъ судилищемъ. Рисунокъ

---

[1]) См. выше, стр. 377, прим. 1-е.
[2]) См. выше, стр. 404, прим. 4-е.
[3]) Датскій живописецъ баронъ Benson.
[4]) Фамилія осталась неразобранною.
[5]) Норвежскій жанристъ Adolf Tiedemand (р. 1814†1876).
[6]) Живописецъ Albert Korneck.
[7]) Christian Köhler (р. 1809†1861).
[8]) Т. е. Вирсавія.
[9]) Живописецъ Adolph Zimmermann (р. 1799).
[10]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.
[11]) См. выше, стр. 405, прим. 4-е.
[12]) Живописецъ Hermann Becker.
[13]) Живописецъ Генрихъ Mücke (р. 1806).
[14]) См. выше, стр. 405, прим. 5-е.
[15]) См. выше, стр. 519, прим. 9-е.
[16]) Живописецъ Jacob Lehnen.
[17]) См. выше, стр. 405, прим. 10-е.
[18]) См. выше, стр. 311, прим. 6-е.
[19]) См. выше, стр. 404, прим. 5-е.
[20]) Живописецъ Jacob Dielmann (р. 1810).
[21]) Американскій жанристъ Henry Ritter (р. 1816 † 1853).
[22]) Жанристъ Emil Ebers (р. 1807).
[23]) Живописецъ Rudolf von Normann, изъ Штетина.

для великаго князя. Рисунки Шеперса[1]). Ввечеру у Прицелвица: собраніе картинъ. Дегерова[2]) Мадонна. Траутшолда[3]) эскизы, портретъ мальчика. Ахенбаховы[4]) эскизы.—Вечеръ у Грёбена[5]). Графиня Шуленбургъ[6]).

6, суббота. У Ахенбаха и Бреслауера. Чрезвычайная скорость творенія въ первомъ. Его путешествіе въ Норвегію. Бреслауеръ замѣчательный пейзажистъ. Лессинговъ портфель. Суровость и значитель(ность). Оттѣнокъ Фридриха[7]) съ большимъ искусствомъ составленія. Плюддеманъ[8]) въ историческомъ точнѣе. Шнорръ[9]) болѣе поэзіи. Шеперсовы[10]) рисунки въ альбумѣ гр(афини) Шуленбургъ, по моему мнѣнію, безъ всякаго достоинства.—Прогулка въ саду. Чтеніе Гёте и Kunstblatt.

7, воскресенье. Троиц(ынъ) день. Пріѣздъ в(еликой) княгини[11]). У Рейтерна. Ридезель. Въ 7-мь часовъ в(еликая) княгиня. Худыя извѣстія о королѣ[12]). Ужиналъ у Рейтерна.

8, понедѣльникъ. Съ великимъ княземъ въ Академію. Поѣздка послѣ обѣда въ Герресгеймъ.

11, четвергъ. У Якоби[13]). У Штильке[14]).

12, пятница. Въ домѣ Шадова[15]). Вечеръ у насъ Штильке.

13, суббота. Утро у Якоби. Обѣдъ у Грёбена.

14, воскресенье. Письмо къ кронпринцу=королю[16]).

---

[1]) Жанристъ Scheppers, изъ Антверпена.

[2]) Историческій живописецъ Ernst Deger (р. 1809†1885).

[3]) Жанристъ Вильгельмъ Trautschold, изъ Берлина.

[4]) Живописецъ Андрей Achenbach (р. 1815).

[5]) У графа Карла Грёбена (см. выше, стр. 86, прим. 7-е), который въ это время былъ дивизіоннымъ генераломъ (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 105).

[6]) Жена президента Рейнской провинціи графа Антона Штольбергъ-Вернигероде (Stollberg-Wernigerode) (см. тамъ же, стр. 105).

[7]) См. выше, стр. 74, прим. 3-е.

[8]) См. выше, стр. 405, прим. 10-е.

[9]) См. выше, стр. 414, прим. 7-е.

[10]) См. выше, прим. 1-е.

[11]) Великой герцогини Саксенъ-Веймарской Маріи Павловны.

[12]) О королѣ Прусскомъ Фридрихѣ Вильгельмѣ III, который вскорѣ и скончался († 26-го мая [7-го іюня] 1840 г.).

[13]) Дюссельдорфскій живописецъ.

[14]) См. выше, стр. 405, прим. 4-е.

[15]) См. выше, стр. 378, прим. 5-е.

[16]) Къ королю Прусскому Фридриху-Вильгельму IV.

1842.

11 ноября. Въ 11$^1/_4$ часовъ родилась Александра [1]). Накануне поутру въ 11-ть часовъ начало первыхъ мукъ. Жена, несмотря на нихъ, еще въ постели работала; она дошила муфту своей сестры. Въ шесть часовъ началось сильнѣе и чаще....; я былъ одинъ съ женою въ темнотѣ. Молчаніе. Устройство горницы для родинъ. Сильныя муки..... Измѣненіе лица. Мое положеніе. Послѣдніе полчаса были страшны и для бабушки. Ребенокъ родился синій и безъ голосу: ровность бабушки. Цѣлый день тревожный...; волненіе. Ввечеру Грёбенъ [2]) и Пиландъ [3]). Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ къ роднымъ. Ночь спалъ покойно. Жена, кажется, совсѣмъ здорова, сколько можно въ ея положеніи, послѣ такого сильнаго боренія всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, продолжавшагося почти 10 часовъ непрерывно. Богъ показалъ гибель вблизи и милосердно удалилъ ее. Что было бы съ нею, если бъ младенецъ умеръ въ минуту рожденія?

12 ноября, суббота. Чувствъ отца угадать нельзя. Что-то подобное теперешнему чувствовалъ я въ ту минуту, когда клалъ въ землю безыменную частицу самого себя « » октября 1841. Теперь хотя и не нахожу въ себѣ живого, пламеннаго чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ, но чувствую, что нѣчто прибавилось къ существу моему и дало ему большее значеніе; привязанность къ милой моей женѣ стала сильнѣе, нѣжнѣе, для меня самого трогательнѣе. А на дочь не могу смотрѣть безъ особеннаго движенія, мнѣ доселѣ неизвѣстнаго: какъ будто душа подымается отъ радости. Въ ребенкѣ для отца и матери выражаются на дѣлѣ слова апостола Павла: И будета два въ плоть едину. Нѣтъ собственности столь милой, столь рѣшительно принадлежащей намъ и въ то же время столь съ нами тѣсно соединенной и насъ какъ будто самихъ увеличивающей, какъ наше дитя: чувствуешь всю сладость и силу слова мое, которое выше и значительнѣе нежели *я*. Я не посмотрѣлъ на нее тотчасъ послѣ ея рожденія, кинулъ только боковой взглядъ, увидѣлъ синяго, неподвижнаго, молчащаго ребенка; я занялся женою, у которой вдругъ изъ страждущаго лица сдѣлалось живое, сіяющее радостію. Какіе мучительные 9 часовъ; какое замираніе, переходящее въ безнадежность послѣ каждаго сильнаго порыва мукъ, въ началѣ котораго на-

---

[1]) Александра Васильевна Жуковская († 1899) впослѣдствіи была замужемъ за барономъ Вёрманомъ.

[2]) См. выше, стр. 526, прим. 5-е.

[3]) Докторъ.

дежда, въ концѣ котораго, послѣ собственнаго страданія вмѣстѣ съ родильницею, чувство глубокаго унынія, страха, нетерпѣнія и какое-то физическое чувство разслабленія всѣхъ силъ душевныхъ. Въ такія минуты коротко знакомишься съ самимъ собою. По окончаніи всего главное чувство мое не было счастіе: я слишкомъ близко видѣлъ страшное, и оно оставило въ душѣ надолго отзывъ своего голоса, который долго не давалъ мѣста никакому другому чувству: чувство матери совсѣмъ другое. Хорошо ли мое чувство? Конечно, нѣтъ! Жена была терпѣлива и обнаружила въ рѣшительную минуту тотъ высокій характеръ, который я нахожу въ ней; подъ конецъ страданіе пересилило ея силу; она стонала, кричала, много разъ говорила: «Hilf Gott! O Gott hilf bald!» [1]). Но при всемъ этомъ не потеряла присутствія духа, была совершенно послушна тому, чего отъ нея требовали, и не была нисколько нетерпѣлива. Богъ помогъ! и помогъ въ ту минуту, когда помощь была необходима. Еще нѣсколько минутъ, и младенцу бы не жить!—Жена осуждена теперь на совершенную неподвижность, и она покорилась своему опредѣленію. Вчера, когда я съ нею прощался, она мнѣ сказала: «Я не смѣю долго молиться, ибо это слишкомъ меня трогаетъ! Поблагодари ты за меня Бога». Какая прелесть несказанная въ этихъ словахъ! А я? Какъ далекъ отъ нея! Я знаю, что нѣтъ ничего выше вѣры и молитвы, знаю, что это высшее сокровище души человѣческой, за которое должно отдать всякое другое,—знаю, и во мнѣ нѣтъ того, что я считаю лучшимъ, желаннѣйшимъ, святѣйшимъ. Но будетъ ли когда? Въ святилищѣ семейной жизни стоитъ сосудъ причащенія жизни вѣчной. Дѣти мои и жена его мнѣ подадутъ, и да позволитъ мнѣ Богъ ихъ жизнь устроить по волѣ Его.

Моя дочка прекрасный ребенокъ; она, кажется, выждала полный срокъ своей жизни подъ сердцемъ матери прежде, нежели начать собственную жизнь: голова, покрытая густыми черными волосами; глаза, говорятъ, голубые (я еще не разглядѣлъ ихъ), à fleur de tête [2]); носъ и губы довольно одутлые, теперь похожи на мои; двѣ полныя щеки, падающія на подбородокъ, такъ что нижняя часть лица шире верхней; лобъ ровной и прекрасной; грудь полная; всѣ остальные члены, руки и ноги, хорошо сложенные; нѣтъ ниче(го) такого, что такъ необразовано въ другихъ дѣтяхъ, вялыхъ и тощихъ, похожихъ на гибкой скелетъ, обтянутый слегка кожею. Дай Богъ ей продолженія той жизни, которую Онъ ей сохранилъ при ея вступленіи въ свѣтъ. Что теперь съ нею происходитъ? Въ утробѣ матери, не имѣя бытія отдѣльнаго, ребенокъ имѣетъ только одно общее, темное, ничѣмъ еще не опредѣ-

---

[1]) Господи, помоги! О Боже, помоги скорѣе!

[2]) Т. е. на выкатѣ.

ленное чувство бытія. Понятіе и чувство слиты въ одно. При рожденіи это сложное раздѣляется; чувство становится понятіемъ, но понятіемъ еще не яснымъ; слово *я* еще не произнесено душею; но уже чувство *я* въ ней пробудилось. То, что ребенокъ видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ, еще тѣсно соединено съ нимъ самимъ и, приходя извнѣ, кажется ему происходящимъ внутри его самого. Но онъ уже дѣйствуетъ, то-есть чувствуетъ нужду, желаетъ и удовлетворяетъ желаніе: ибо чувствуетъ голодъ, кричитъ, и умолкаетъ, насытившись. Уже въ этомъ отношеніи замѣтно, что онъ пріобрѣлъ нѣсколько опытовъ, и въ головѣ его составилось сцѣпленіе если не понятій, то ощущеній. Вчера я это замѣтилъ. Моя дочка голодная (а она ѣстъ очень много) кричала. Позвали кормилицу (которая уже нѣсколько разъ исполняла свою должность); прежде нежели поднести грудь къ маленькимъ губкамъ, она, какъ то дѣлала прежде, положила на грудь и на подбородокъ малютки полотенце. Крошка, почувствовавъ его, тотчасъ замолчала, ибо уже поняла, что вотъ за этимъ будетъ ему молоко. Какая прелесть въ этихъ первыхъ дѣйствіяхъ природы: видишь пробуждающуюся душу и въ то же время видишь заботливость самой природы, которая все предуготовила такъ, что младенецъ, еще не имѣющій собственной воли, безъ знанія и непроизвольно, дѣлаетъ то, что послѣ будетъ творить своею волею. Прекрасный урокъ для воспитанія.

13 ноября. Все идетъ благополучно. Благодареніе спасшему Богу. Жена проспала всю ночь безъ просыпа. Сашка моя ѣстъ и спитъ и тиха. Ее надобно было только разъ кормить ночью. Въ другой разъ ее надобно было разбудить для корму, ибо у кормилицы льетъ черезъ край молоко... Пиландъ весьма доволенъ.

18 ноября. Нынче въ часъ по полудни крещена моя милая дочка. Священникъ Пѣвницкій совершалъ крещеніе. Были воспріемниками на лице тесть, Грёбенъ, графиня Грёбенъ, гр(афиня) Шуленбургъ; заочно Е. А. Протасова и Радовицъ; А. П. Елагина и Мойеръ. Моя дѣвчонка не подала голоса во время крещенія; ее не погружали, а обливали. На крестинахъ были всѣ здѣшніе родные, кромѣ малютокъ. Обѣдали одинъ тесть съ Пѣвницкимъ. Послѣ обѣда былъ данъ обѣдъ людямъ нашимъ и Рейтерна. Поваръ нашъ не хотѣлъ вмѣстѣ съ другими праздновать: единственное печальное обстоятельство въ этотъ радостный день.

24 ноября. Третьяго дня, 22-го, во вторникъ, въ $8^1/_2$ вечера, пріѣхалъ къ намъ Радовицъ изъ Карлсру, нарочно для свиданія съ своею новорожденною крестницею.

26 ноября, суббота. Нынче въ половинѣ 11-го Радовицъ насъ покинулъ. Онъ пріѣхалъ во вторникъ ввечеру. Я увидѣлъ его на другой день въ 11 часовъ утра. Онъ обѣдалъ у насъ, побывавъ вмѣстѣ со

мною у Грёбена и Шадова. Рейтернъ не могъ быть съ нами за болѣзнію. Вечеръ провели втроемъ у Рейтерна. Разговоръ о манифестѣ. Чтеніе разныхъ отрывковъ. Wollen und Wissen.—Въ четвергъ Радовицъ поутру былъ у насъ. Я хотѣлъ, чтобы вечеръ провели у насъ Грёбенъ съ женою, графиня Шуленбургъ и Шадовъ; но должно было отказать за болѣзнію Рейтерна. Вечеръ провели у Рейтерна съ Шадовымъ. Въ пятницу съ Радовицемъ въ Академіи. Разговоръ съ Шадовымъ о королѣ. Обѣдали у Рейтерна. Послѣ обѣда Грёбенъ, потомъ остались одни. Разговоръ о цензурѣ. Въ субботу отъѣздъ. Разсчеты.

1843.

1 генваря. Обѣдали у родныхъ. Я поутру дѣлалъ визиты съ зубною болью. Жена въ первый разъ пѣшкомъ. Чтеніе Таулера [1]) и разговоръ о прочитанномъ съ примѣненіемъ къ себѣ.—Ввечеру чтеніе Фенелона.

2 генв(аря). Снѣгъ и солнце. Наша малютка гуляла. Мы весь день дома. Ввечеру у насъ Овенъ. Разговоръ о письмѣ къ королю Гервега [2]). Ввечеру чтеніе Кальдерона.

Весь этотъ годъ, благодаря лѣни моей, не записанъ. Вспомню, что

---

[1]) Извѣстный мистикъ XIV вѣка Іоганнъ Таулеръ (р. 1290†1361).

[2]) Нѣмецкій лирикъ и революціонеръ Георгъ Herwegh (р. 1817 † 1875). Его „Gedichte eines Lebendigen", вышедшія въ 1841 году, выдержали въ два года семь изданій. Въ 1842 г. король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV принялъ Гервега въ аудіенціи. Но прусское министерство воспретило студентамъ Кёнигсбергскаго университета принимать участіе въ публичномъ чествованіи Гервега, а также запретило продажу повременнаго изданія „Deutscher Bote aus der Schweiz", редакторомъ котораго былъ Гервегъ. 19-го декабря 1842 г. Гервегъ написалъ королю Фридриху-Вильгельму IV письмо, въ которомъ порицалъ дѣйствія прусскаго министерства, указывалъ всю тщету его мѣропріятій и заявлялъ о непоколебимости своихъ республиканскихъ убѣжденій. Это письмо было напечатано 24-го декабря въ Лейпцигской „Allgemeine Zeitung". Послѣ этого Гервегъ былъ высланъ изъ Пруссіи. Въ 1848 г. Гервегъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи въ Баденѣ.—Именно по поводу этого Гервега Жуковскій писалъ 1-го января 1843 г. наслѣднику Александру Николаевичу слѣдующее: „Я живу въ мірѣ Гомера и, прислушиваясь къ его сладкому пѣнію, не слышу визговъ сумасшедшаго Гервега и К°, которому рукоплескаетъ еще не образумѣвшаяся молодежь, посреди которой встрѣчаются и молокососы съ просѣдью" (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 449).

могу. Начало года тревожное. Болѣзнь жены, нервическіе припадки, головныя боли, сильная боль въ боку, совершенный недостатокъ аппетита, худоба, тошнота. — Такъ до мая.—26 мая мы отправились изъ Дюссельдорфа. Свиданіе въ Боннѣ съ семействомъ Келлеръ (страшная болѣзнь жены въ самомъ началѣ года послѣ родинъ, кончившаяся благополучно). Дорогою свиданіе съ Радовицемъ.—Съ 29 мая по 9 іюня въ Wilhelm(s)bad. Лѣкарство Коппа [1]) помогло женѣ нѣсколько. У насъ былъ Радовицъ. Пеллисье [2]). Выѣздъ 8 іюня изъ W(ilhelms)bad. Встрѣча во Франкфуртѣ съ Нарышкиною, съ Гоголемъ.—Затѣмъ въ Соденъ. Радовицъ съ нами до Эмса, гдѣ онъ познакомилъ насъ съ Луизою Фоссъ и Савекингомъ.—Въ Эмсѣ русскіе: Хитрово [3]) съ семействомъ, Нарышкина [4]), Убрилево [5]) семейство, Ростовцевъ [6]) съ женою и сыномъ, Сиверцева съ дочерью, Ивановъ съ женою, княгиня Мурузи, княгиня Трубецкая, Бекъ [7]) съ дочерью, Балашова съ мужемъ, Васильчиковъ [8]) съ семействомъ, Есиповъ съ женою, Озеровъ съ женою, Клейнъ съ дочерью, Штиглицъ, Гельф(рейхъ), Дюгамель.—Явленіе Штруве и Фусса, Грота. Другіе: Prinz Neuwied, гр. Ревентло, M-e Duthil, M-e Dalwigk. Докторъ Дерингъ.

15 іюля въ Швальбахъ. Пребываніе въ Швальбахѣ. 3 недѣли въ домѣ почты. Докторъ Миллеръ. Встрѣча съ Spring-Rice [9]). Маршаль. Гельфрейхъ. M-e Guartin. Витгенштейнъ. Эксъ-курфирстъ. Принцъ Эмиль [10]). У насъ Викулинъ [11]). Проѣздъ Васильчиковыхъ.

5 августа переѣздъ изъ Швальбаха въ Минстеръ. На другой день въ Дюссельдорфъ. Письмо отъ Перовскаго.

15 августа моя поѣздка въ Канштадъ. Свиданье съ Коппомъ и Блудов(ы)мъ во Франкфуртѣ. 18-го въ Карлсру вечеръ у Маріи Радовицъ [12]). 19, 20, 21 въ Канштадѣ. 22 переѣздъ въ Баденъ. Смирнова [13]),

---

[1]) См. выше, стр. 231, прим. 1-е.

[2]) Вѣроятно, французскій маршалъ (р. 1794 † 1864).

[3]) Государственный контролеръ Алексѣй Захаровичъ Хитрово († 1854) (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 455).

[4]) Марья Яковлевна Нарышкина (см. тамъ же, стр. 455, и выше, стр. 441, прим. 2-е).

[5]) Семейство нашего посланника во Франкфуртѣ П. Я. Убри (Oubril).

[6]) Извѣстный генералъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

[7]) См. выше, стр. 196, прим. 4-е.

[8]) Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 455).

[9]) Англійскій министръ лордъ Thomas Spring Rice (р. 1790†1866).

[10]) См. выше, стр. 498, прим. 4-е.

[11]) См. выше, стр. 192, прим. 1-е.

[12]) Единственная дочь Іосифа фонъ Радовица, умершая въ 1846 году.

[13]) См. выше, стр. 500, прим. 6-е.

*

в(еликій) князь и великая княгиня, Сологубъ [1]), к(нягиня) Мещерская съ сестрою, Нарышкина, Воронцовъ [2]). Профессоръ Вольфъ. Графъ Толстой. Горчаковъ. Съ великимъ княземъ Толстой, Огаревъ [3]), Теттенборнъ; съ великою княгинею Гринвальдъ, к. Львова, Мамонова. Мольтке [4]). Долгорукій. Голицына. Обрѣзковъ. Гоголь. Левенштейнъ.—27-го августа въ Карлсру. Обѣдъ у Маріи Радовицъ. Самъ Радовицъ въ Швейцаріи. Левенштейнъ. Осмотръ музеума.—28-го возвращеніе въ Дюссельдорфъ.

5—23 сентября. Поѣздка въ Берлинъ черезъ Падерборнъ, Брауншвейгъ, Магдебургъ.—Желѣзная дорога. — Гановерскій графъ. — Въ Берлинѣ въ Britisch Hôtel съ русскими и Грёбеномъ (Бергъ [5]), Афросимовъ [6]), Ланской, Плаутинъ [7]), Барановъ [8]), Кушелевъ [9]). Съ государемъ [10]) Орловъ [11]), Адлербергъ [12]), Меншиковъ [13]) и его сынъ.—Короткое свиданье съ государемъ. Роковое: «Не заживайся».

Проѣздъ вел(икаго) князя Мих(аила) Павловича черезъ Дюссельдорфъ. Пребываніе Гоголя. Барятинскій.

Моя поѣздка въ Дармштатъ съ Рейтерномъ. Пребываніе въ Дармштатѣ [14]) съ 7 по 22 декабря. Олсуфьевъ [15]), Граве, Головинъ [16]), Ено-

---

[1]) Вѣроятно, писатель графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ.

[2]) Вѣроятно, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

[3]) Николай Александровичъ Огаревъ (р. 1812 † 1867), впослѣдствіи генералъ-адъютантъ.

[4]) Быть можетъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Карлсруэ, камергеръ баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Мольтке.

[5]) См. выше, стр. 516, прим. 10-е.

[6]) Быть можетъ Михаилъ Александровичъ Офросимовъ (р. 1797 † 1868), впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ.

[7]) Вѣроятно, Николай Ѳедоровичъ Плаутинъ (р. 1794 † 1866), впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта.

[8]) Быть можетъ, графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ (р. 1811 † 1884), тогда флигель-адъютантъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта.

[9]) Вѣроятно, флигель-адъютантъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) Сергѣй Егоровичъ Кушелевъ.

[10]) Императоръ Николай ѣздилъ за границу.

[11]) Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

[12]) Владиміръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи графъ.

[13]) Генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ и его сынъ, флигель-адъютантъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) князь Владиміръ Александровичъ Меншиковъ.

[14]) Въ это время въ Дармштадтѣ находились наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и его супруга.

[15]) См. выше, стр. 96, прим. 5-е. В. Д. Олсуфьевъ былъ въ это время гофмаршаломъ двора наслѣдника.

[16]) Адъютанты наслѣдника Владиславъ Христіановичъ Граве и Павелъ Евгеніевичъ Головинъ.

хинъ [1]), к(нягин)я Салтыкова [2]), Дашкова [3]), Самсоновъ, Морицъ [4]). Простуда по пріѣздѣ.

Послѣдній день 1843 ознаменованъ тѣмъ, что Александру Васильевну Жуковскую въ первый разъ высѣкли, что было ей весьма полезно.

Новое знакомство въ семъ году съ Брорстагелемъ.

Пріобрѣтеній хорошихъ мало; но подвинулся впередъ тѣмъ, что болѣе узналъ свою бѣдность и понялъ то, что составляетъ прямое богатство человѣка.

Написалъ Маттео Фальконе, Боппа и перевелъ двѣ съ лишнимъ пѣсни изъ Гомера. Вся сія работа продолжалась съ возвращенія изъ Берлина 23 сент(ября) до поѣздки въ Дармштадъ 5 декабря. Пребываніе Гоголя было мнѣ полезно.

1844 и 1845.

Въ 1844 мы переселились во Франкфуртъ. Намъ достали прекрасный домъ на берегу Майна съ садомъ, весьма помѣстительный; никогда бы его не покинуть, по крайней мѣрѣ, въ первое младенчество дѣтей моихъ; но русскій человѣкъ своей воли не имѣетъ. — Въ этомъ году я довольно успѣшно трудился. Перевелъ девять пѣсенъ Одиссеи; написалъ нѣсколько сказокъ: Тюльпанное дерево, Котъ въ сапогахъ; перевелъ весь Новый Завѣтъ [5]). Но въ концѣ года занемогъ и прохворалъ почти весь слѣдующій, въ которомъ ничего не могъ работать. Этотъ годъ замѣченъ печальными событіями. Катя Воейкова [6]) умерла. Вел(икая) княгиня Алекс(андра) Николаевна [7]) и герцогиня Нассавская [8]) опочили. На возвратномъ пути изъ Киссингена жилъ у меня Тургеневъ [9]). Прежде Гоголь.

---

[1]) См. выше, стр. 391, прим. 6-е.

[2]) Гофмейстерина цесаревны, статсъ-дама княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова.

[3]) Фрейлина цесаревны Софья Андреевна Дашкова.

[4]) Служившій въ конторѣ двора наслѣдника, Петръ Александровичъ Морицъ, бывшій впослѣдствіи секретаремъ императрицы Маріи Александровны и почетнымъ опекуномъ.

[5]) Этотъ переводъ напечатанъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

[6]) Старшая дочь племянницы Жуковскаго Александры Андреевны Воейковой, Екатерина Александровна (р. 1815 † 28 января 1844 г., въ Москвѣ).

[7]) Великая княгиня Александра Николаевна, принцесса Гессенъ-Кассельская, скончалась 29 іюля 1844 г.

[8]) Великая княгиня Елисавета Михаиловна, принцесса Нассауская, скончалась 16 января 1845 г.

[9]) Александръ Ивановичъ.

1845.

Въ самый новый годъ родился у меня сынъ [1]). Жена долго хворала. Пребываніе у насъ и отъѣздъ Гоголя. Тургеневъ хотѣлъ пожить съ нами до отъѣзда своего въ Карлсбадъ. Это было наше послѣднее свиданіе на семъ свѣтѣ. 3 (15) декабря онъ умеръ въ Москвѣ.—Наше путешествіе въ Нирнбергъ (послѣ моего пребыванія въ Швальбахѣ и празднованія « » августа [2]) серебряной свадьбы) для свиданія съ императрицею [3]). Три прекрасныхъ дня въ Нирнбергѣ. Моя болѣзнь по возвращеніи, которая перешла и на слѣдующій годъ. 1845 заключенъ печально, вѣстью о смерти Тургенева.—Моя переписка съ Бриггеномъ [4]). Письмо о Лифляндіи.

1846.

Генварь. Начало года замѣчательно тѣмъ, что имъ совершился первый годъ моего сына. Потомъ все печально. Моя болѣзнь. Болѣзнь и смерть Маріи Радовицъ [5]). Смерть Овена. 11 (23) генваря должна была совершиться свадьба Кати Мойеръ [6]), но отъ нихъ ни отъ кого нѣтъ извѣстія.—Продолженіе моей болѣзни и исцѣленіе. Ослабленіе глазъ. Надобно заранѣе готовиться къ слѣпотѣ; помоги Богъ переносить ее: это заживо смерть.

Февраль. Еще не принимался за свои работы.—Сдѣлалъ условіе съ Даніиломъ, который посягаетъ на женитьбу. — 23 февраля отъѣздъ

---

[1]) Павелъ Васильевичъ, нынѣ шталмейстеръ Высочайшаго двора.

[2]) Для числа оставленъ пробѣлъ. Слѣдуетъ читать: 20 августа; въ этотъ день праздновалась серебреная свадьба тестя Жуковскаго, Гергардта Рейтерна (см. „Gerhardt von Reutern", стр. 130).

[3]) Императрица Александра Өеодоровна проѣзжала черезъ Нюрнбергъ, отправляясь, для поправленія здоровья, въ Италію.

[4]) Съ декабристомъ Александромъ Өедоровичемъ фонъ-деръ Бриггеномъ относительно напечатанія сдѣланнаго имъ перевода Записокъ Юлія Цезаря, который онъ хотѣлъ посвятить Жуковскому (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 614 — 618, и статью Н. Ө. Дубровина „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ" въ „Русской Старинѣ" 1902 г., апрѣль, стр. 114—119).

[5]) См. выше, стр. 531, прим. 12-е.

[6]) Дочь И. Ф. Мойера и племянницы Жуковскаго Маріи Андреевны Мойеръ (рожд. Протасовой) Е. И. Мойеръ вышла замужъ за Василія Александровича Елагина, сына Авдотьи Петровны Елагиной.

Радовица изъ Карлсру въ Швейцарію. — Помолвка великой княжны Ольги Никол(аевны) [1].—Писалъ къ в(еликому) князю о Рейтернѣ [2]).

Мартъ. Благодареніе Тебѣ, Господи, за прошедшую ночь и за сохраненіе жизни моей и моего семейства. Благоволи продлить еще эту жизнь, чтобы я, теперь болѣе зная свое недостоинство передъ Тобою и болѣе зная волю Твою, научился соглашать съ нею свою жизнь столь бѣдную, столь донынѣ ничтожную. Сохрани меня для моего семейства, если въ томъ можетъ быть для него добро и если на то есть Твоя воля. Сохрани мое семейство.

Когда смотрю на свое прошедшее, ничего утѣшительнаго не представляется моему сердцу. Одно только въ немъ вижу, Твою спасительную руку, которая отвела меня отъ бѣдствій земныхъ и провела меня до настоящей минуты, предохранивъ меня отъ бѣдствій внѣшнихъ. Но что я сдѣлалъ самъ? На дорогѣ жизни я не собралъ истиннаго сокровища для неба: душа моя безъ вѣры, безъ любви и безъ надежды; и при этомъ бѣдствіи нѣтъ въ ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее къ покаянію. Окаменѣлость и разсѣяніе мною владѣютъ. Воля моя безсильна. Вмѣсто вѣры одно только знаніе, что вѣра есть благо верховное и что я не имѣю сего блага. Молитва моя одно мертвое, разсѣянное слово. Умъ безъ мысли. Сердце безъ любви. Одна рука Твоя, Господь-Спаситель, примиривши насъ съ Самимъ Собою, она отечески, дѣйствіемъ Твоего Святаго Духа, можетъ извлечь меня изъ сей бездны: простри ко мнѣ Твою руку, посѣти мою душу Твоимъ Святымъ Духомъ.

Мое настоящее подобно моему прошедшему.

15 іюня. У насъ Боде[3]) съ женою. Разговоръ, приводящій въ трепетъ, о состояніи бѣдной Россіи. И помощи никакой. Одна вѣрная, небесная. Но, можетъ быть, намъ за наше всеобщее развращеніе посылается наказаніе.—Нѣтъ другой подпоры, какъ въ словѣ: да будетъ Твоя воля.

4 (16) іюня. Поѣздка въ Соденъ. Грустный видъ матери, смиренной, покорной, близъ сына, осужденнаго на смерть неизлѣчимою болѣзнью. У меня утромъ Марченко.

5 (17) іюня. У насъ Мельгуновъ[4]) съ женою. Привезъ портретъ Тургенева мертваго, трогательно сходный.

Іюль. Съ « » числа въ Швальбахѣ.

---

[1]) За наслѣднаго принца (впослѣдствіи короля Виртембергскаго) Карла.

[2]) Письмо это, отъ 15 (27) февраля 1846 года, см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 509—514.

[3]) См. выше, стр. 344, прим. 4-е. Баронъ Л. К. Боде былъ женатъ на Наталіи Ѳедоровнѣ Колычовой.

[4]) См. выше, стр. 120, прим. 3-е.

ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
84	14 снизу	9-мъ (21-мъ)	10-мъ (22-мъ)
141	19 сверху	Графъ Villedieu	Графъ Villevielle
161	21 „	Петръ Христофоровичъ	Константинъ Христофоровичъ
167	17 „	Фридрихомъ-Лудвигомъ	Вильгельмомъ
218	11 снизу	95	96
238	13 сверху	Gross. Rügen	Gross-Rügen
269	8 снизу	бастiоновъ	бастидъ
272	14 „	Бальбы	Бальби
278	3 „	Якопо	Джакопо
283	7 „	Гаврiилъ Константиновичъ	Гаврiилъ Антоновичъ
287	3 сверху	Scala Germanici	Scalae Gemoniae
324	17 „	изъ умляцкой	изъ Чумляцкой
371	9 снизу	Branderburger	Brandenburger
375	7 сверху	слоловая	столовая
375	20 „	142	112
413	13 снизу	Турнъ	Туръ
419	3 „	Wurzcach	Wurzbach
425	13 „	Eerrari	Ferrari
426	10 „	1749	1839
482	1 „	9	11
485	3 „	Живописцецъ	Живописецъ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 109, 110, 111 и 112 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1902 года.

А.

Б.

*

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Указатель составилъ **В. В. Тимощукъ**.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Больш. Подъяческая, 39.

